

Шон Бурн

Гендерная психология

Оглавление

Об авторе.....	4
Предисловие к русскому изданию.....	4
Предисловие редактора.....	5
Предисловие.....	7
Введение.....	9
Социальная психология гендера.....	9
Проблемы однообразия.....	10
Критические размышления о гендере.....	11
Пол versus гендер.....	12
Как устроена эта книга.....	12
Глава 1. Гендерные различия и социализация.....	13
Социальные нормы и гендерные различия.....	14
Роль нормативного давления.....	14
Гомосексуальность как нарушение гендерных норм.....	16
Роль информационного давления.....	18
Конформность — экономия мысли.....	18
Подчинение гендерным нормам: уступчивость, одобрение или идентификация?.....	19
Дифференциальная социализация.....	21
Дифференциальное усиление и дифференциальное подражание.....	22
Внесемейные источники гендерно-ролевой социализации.....	24
Андрогиния.....	33
Польза.....	33
Поло-ролевой опросник Сандры Бем.....	34
Споры по поводу опросника Сандры Бем и концепции андрогинии.....	35
Заключительные замечания.....	36
Резюме.....	39
Глава 2. Исследования гендерных различий.....	40
Два не таких уж противоположных пола.....	40
Метаанализ.....	42
Гендерные различия в математических способностях.....	44
Находки исследователей.....	44
Почему в высшем учебном заведении успеваемость мужчин и женщин начинает различаться.....	46

Эмпатия и экспрессивность.	50
Эмпатия.....	51
Теория социальных ролей.....	52
Эмоциональность.....	54
Исследования некоторых других гендерных различий.	55
Агрессия.....	55
Конформность и подверженность влиянию.	57
Альтруизм.	59
Заключительные замечания.	60
Резюме.....	62
Глава 3. Ограничения, накладываемые традиционной женской ролью.....	63
Хранительница домашнего очага.	64
Работающая женщина.....	67
Домашний труд и работающая женщина.....	67
Различия в оплате труда мужчин и женщин.....	67
Низкий статус женщин в организациях и отсутствие у них власти.....	75
Влияние женщин в организациях: «стеклянный потолок».	75
Объяснения явления «стеклянного потолка».	76
Заключительные замечания.	85
Резюме.....	86
Глава 4. Ограничения, накладываемые традиционной мужской ролью. ...	88
Почему необходимо изучать мужскую роль.....	88
Мужская гендерная роль и входящие в нее нормы.....	90
Норма успешности/статуса.....	90
Норма твердости.	94
Норма антиженственности.	99
Напряжение, стресс и конфликт мужской гендерной роли.....	101
Заключительные замечания.	103
Резюме.....	107
Глава 5. Гендер как социальная категория.....	108
Гендерные различия и ошибки мышления.	108
Социальное познание.....	109
Социальное познание гендера.	111
Гендерные стереотипы как схемы, управляющие процессом обработки информации.....	111
Происхождение гендерных схем.....	114
Запоминаемость информации, соответствующей гендерной схеме.....	116
Как гендерные схемы способствуют появлению иллюзорной корреляции.	118
Гендерные стереотипы и самореализующиеся пророчества.....	119
Гендерная категоризация: пристрастное отношение к своей и чужим группам.	121
Источники пристрастного отношения к своей гендерной группе.....	122
Потребность в самоуважении.....	124

Парадокс социальной идентичности.	127
Заключительные замечания.	130
Резюме.....	132
Глава 6. Гендер в разных культурах.....	133
Панкультурные гендерные сходства.	134
Разделение труда, обусловленное полом.....	134
Гендерное стереотипизирование.....	136
Дифференциальная гендерная социализация.	139
Более низкий статус и меньшая власть женщин.	142
Кросс-культурные гендерно-ролевые идеологии.	145
Заключительные замечания.	146
Резюме.....	150
Глава 7. Изменение гендерных ролей.	150
Изменение установок.	151
Изменения на производстве.	152
Повышение совместимости работы и семьи.....	152
Производственная политика поддержки семьи.	152
Увеличение гендерного многообразия в организациях.....	154
Перемены в доме.....	159
Почему должно измениться распределение домашних обязанностей.....	159
Домашние обязанности как случай несоответствия между установками и поведением.....	161
Справедливость и дифференциация домашних обязанностей.	164
Изменение поведения родителей и педагогов.	166
Изменение ложных представлений о гендере.....	167
Ложные представления о гендере.	168
Как можно изменить эти ложные представления?	172
Заключительные замечания.	173
Резюме.....	173
Библиография.....	174

Данная книга посвящена исследованиям психологии пола (гендера). Психолог, социолог, педагог, специалист по общественным наукам найдут в этой книге уникальный исследовательский материал об источниках гендерной социализации, о формировании гендерных норм, социальных и гендерных ролей, познакомится с такими понятиями, как нормативное и информационное давление, агрессия, конформность, гендерные стереотипы, норма успешности, норма антиженственности и др.

Читатель, интересующийся современной научной психологией, получит ответы на такие вопросы: «Почему должно измениться распределение семейных обязанностей?», «Кто и в чем способней: женщины или мужчины?», «Каковы ограничения, накладываемые традиционными ролями женщины и мужчины?», «Почему женщине платят, как правило, меньше?» и т.д.

Об авторе.

Шон Меган Бурн (Shawn Meghan Burn) — адъюнкт-профессор психологии Калифорнийского политехнического института, где она преподает социальную психологию, психологию окружающей среды, исследовательскую методологию и групповую динамику. В 1988 году в Клермонской школе последипломного образования ей была присвоена докторская степень в области социальной психологии. Она является специалистом в сфере прикладной социальной психологии, занимаясь вопросами социально-психологических принципов разрешения социальных проблем, частных проблем окружающей среды, межгрупповых конфликтов. В настоящее время ее исследовательская работа посвящена факторам, способствующим сохранению традиционных гендерных норм, а также динамике социальной идентификации в борьбе за равноправие и той отрицательной реакции, которую эта борьба нередко вызывает в обществе.

Предисловие к русскому изданию.

Эта книга (*Social Psychology of Gender*) затрагивает весьма актуальные вопросы, касающиеся гендерной социализации. Дело в том, что, как свидетельствуют исследования в различных научных областях и направлениях, понимание жизни человеческого общества невозможно без признания существования стереотипов мужественности и женственности, отражающих различия в предназначении и психике мужчин и женщин. В психологии при изучении проблем развития и становления личности фактор полового диморфизма, по мнению Б.Г. Ананьева, следует относить к постоянным характеристикам онтогенетической эволюции человека. Гендерный подход в социальной психологии делает акцент на изучении именно социальных (а не биологических) аспектов пола и ролевой дифференциации по половому признаку, имеющей место в различных социокультурных общественных системах.

В настоящее время гендерные исследования достаточно широко проводятся во всем мире, в том числе (с 1990-х гг) и в России. В определенном смысле внимание к вопросам гендерной социализации является порождением интенсивно распространяющихся во всем мире феминистских идей. Результаты исследований в области гендерной социализации с очевидностью приводят к выводу, что особенности мужской и женской поло-ролевой идентификации специфически отражаются на положении человека в обществе, его личной и профессиональной судьбе. В этом смысле они очень важны в отражении процессов, происходящих в современном мире, основным направлением развития которого является все большая гуманизация и повышение актуальности духовного становления личности.

Книга Шон Бурн посвящена рассмотрению гендера с позиций социальной психологии и представляет несомненный интерес именно в силу актуальности рассматриваемых вопросов, тем более, что в нашей стране изучение данной проблемы еще только начинается.

Книга интересна тем, что содержит значительное количество фактических данных, полученных в результате исследований, проведенных в США.

Некоторые выводы автора спорны, но, несмотря на это, российским специалистам эта работа безусловно будет полезной для сравнительного и более широкого анализа гендерных особенностей в связи с культуральными и общественными различиями.

Хочется верить, что наука и практика нашей жизни, благодаря взаимному обмену подобным опытом, значительно обогатится и будет служить интеграции на-

ших усилий по совершенствованию мира, в котором мы живем, и достижению процветания и благополучия.

Книга может быть интересна не только специалистам, но и всем тем, кто заинтересован в улучшении качества своей собственной и общественной жизни.

Книга написана доступным языком, а потому может служить популярным пособием для широкого круга читателей, интересующихся проблемами гендерной психологии.

*Е.П. Кораблина,
зав. кафедрой психологической помощи психолого-педагогического факультета
РГПУ им. А.И. Герцена*

Предисловие редактора.

Очень часто человек создает себе образы других людей, основываясь не на том, что они в действительности из себя представляют и что делают, а на предположениях о том, какими эти люди должны быть и что должны делать, или на собственных пожеланиях видеть этого человека таким, каким его хочется увидеть. В последнее время в социальной психологии значительно возрос интерес к опасностям такого рода стереотипизации. Общество осознало, что подобный социальный стереотип крайне условен и выявляет свою ущербность. Поэтому игнорировать существование феномена гендерных различий по меньшей мере нелогично, а проведение исследований по данной проблеме следует считать оправданным и крайне необходимым.

Некоторые из моих студентов разрабатывают инструментарий по созданию целостного многостороннего образа личности в противовес широко распространенным методикам, которые пытаются видеть в человеке лишь отдельные индивидуальные черты и особенности.

Но действительно ли мы способны освободиться от общепринятых правил, культурных программ, привитых нам той общественной средой, в которой мы живем? И в частности, насколько мы свободны или зависимы от того, женщина мы или мужчина, а значит — от психологии гендера, от тех социально-психологических особенностей своего пола, которые в нем доминируют?

Как один из возможных ответов я предложу вам результаты проведенного мной недавно эксперимента.

В нем принимали участие студенты, изучающие психологию, отличающиеся достаточно высоким интеллектом и уравновешенностью в суждениях.

Эксперимент состоял в следующем. Испытуемых попросили представить себя родителями ребенка, которого они «держат» на руках. Половине студентов было предложено выбрать ребенку имя из списка, содержащего три женских имени, а другой половине — выбрать имя из трех мужских. (Студенты в каждой группе находились в неведении относительно того, какой выбор был предложен их товарищам из другой группы.) Неожиданно в аудитории, где находились испытуемые, появился бородатый незнакомец с очень яркой и красивой музыкальной коробочкой, содержащей внутри забавного клоуна, который внезапно оттуда выпрыгивал. Ребенок на руках у студентов внимательно «наблюдал», как дядя заводит игрушку, и «слушал» ее успокаивающую мелодию. Но вот наступил момент, когда музыка резко прекратилась и клоун выпрыгнул из коробки.

После случившегося каждому «родителю» был задан следующий вопрос: «Какова была реакция вашего ребенка на происходящее?»

Из предложенного им списка вариантов ответов большинство выбрали «потрясен(а)», независимо от пола их ребенка. Но самое интересное произошло, когда эти «студенты-родители» указали последующую реакцию своего малыша. На порядок большее число девушек по сравнению с юношами отметили реакцию своего ребенка как «страх», тогда как больше юношей, чем девушек, увидели в глазах своего малыша «любопытство»!

В чем психологический и поведенческий смысл этих различных эмоциональных реакций? Страх ведет к страданию, отрицанию, прикреплению к безопасным объектам, бегству, отказу от конфронтации. А любопытство? Оно проявляет себя в возбуждении, стремлении к чему-то новому и неизведанному и сопровождается зачастую невольным движением вперед.

Так как фактически реакция, и та и другая, была придумана, можно сделать вывод, что некоторые личностные представления испытуемых, которыми они руководствовались в ходе эксперимента, классифицируются на основе их половых (гендерных) различий, что, в свою очередь, непременно влияет на всю их жизнь в целом. Таким образом, новоявленные «родители», по-разному определив эмоциональные реакции своих «детей», доказали тем самым, что разделяют фундаментальные предрассудки того самого гендерного стереотипизирования, о котором шла речь чуть выше и которое до сих пор еще составляет сущность пола, будь он женским или же мужским.

Подобные веками складывающиеся стереотипы подкрепляются литературными произведениями из жанра «Помоги себе сам». Чего стоит в этом смысле недавний бестселлер «Мужчины с Марса, женщины с Венеры», завоевавший популярность у десятков миллионов читателей (именно миллионами измеряется его тираж) и провозглашающий, что мужчины и женщины — это существа с разных планет, говорящие на разных языках! И все, что нам надо сделать, чтобы жить в мире и согласии, это осознать и принять данный «факт» и освоить предлагаемую книгой систему взаимоотношений!

Телевидение также нещадно эксплуатирует тему различий мужчин и женщин, производя множество телешоу на эту тему.

Авторы такого рода программ предпочитают сознательно не замечать огромного количества подтвержденных научными исследованиями фактов, говорящих нам о том, что у мужчин и женщин все-таки больше сходств, чем отличий. Видимо, общество и средства массовой информации заинтересованы в том, чтобы увековечить миф о существовании в мире созданий, непохожих внешне и имеющих сущностные различия. Так возникают и поддерживаются все новые и новые аргументы для политических, экономических, религиозных и социальных делений, в которых мужчина выступает в роли властелина и покровителя, а женщина вынуждена занимать позицию терпеливой мученицы.

Необходимо систематическое, объективное исследование, которое прояснило бы эту проблему. Шон Бурн написала именно такую книгу, которая существенно обогатила понимание роли и значения социально-психологических различий мужчины и женщины. Книга написана предельно доступным, увлекательным языком. Основываясь в своих исследованиях на неоспоримых фактах, автор книги с большим профессионализмом концентрирует внимание читателя на силе социальных норм и культурных традиций, оказывающих свое непрестанное давление на сознание человека и формирующих его взгляды, мнения, поведение, а порой и стиль жизни.

Шон Бурн пытается найти путь, который поможет человеку избавиться от тех ограничений, которые традиционный стереотип мышления накладывает на поведение и психологию мужчины и женщины и которые представляют собой по сути лишь условную принадлежность к тому или иному полу. Свобода от подобных

предрассудков даст человеку возможность обрести душевное и физическое здоровье и способность наслаждаться всей полнотой жизни.

Наконец, позвольте мне остановиться еще на одном моменте, касающемся особенностей психологии мужчины и женщины. Общая психология долгое время игнорировала пол как базовый аспект человеческой природы, не только не исследуя его, но даже не упоминая в качестве дискуссионного вопроса. Социальная психология, в свою очередь, долгое время отказывалась признавать гендер как составляющую основу одного из самых сильных диалектических противоречий, определяющих взаимодействия людей в социуме.

Шон Бурн берет на себя сложную задачу — восполнить отсутствие серьезного социально-психологического анализа в современной науке. Ее книгу бесспорно можно отнести к ряду других выдающихся исследований по социальной психологии.

В момент написания предисловия 14 февраля 1995 года мне пришло в голову, что это День Святого Валентина, День Влюбленных.

И может быть, это действительно настоящее испытание для «Всепобеждающей Любви», ибо истинная Любовь, будь она направлена на ребенка, или же на человека противоположного пола, или же на своих родителей, не знает никаких ограничений и условностей, присущих человеческому сознанию «там», в том мире социума, который отстоит далеко от Истинного, живущего по законам Сердца и Любви. Почему бы человеку не освободиться навсегда от всяческих предрассудков и не жить, руководствуясь лишь этими добрыми и мудрыми законами?

*Фил Зимбардо,
научный редактор*

Предисловие.

Изучение психологии мужчины и женщины и их отличий друг от друга имеет непосредственное отношение не только к человеку как таковому, но также ко всему обществу в целом.

Сколько должна зарабатывать женщина и сколько — мужчина? Кто должен нянчить детей, а кто — продвигаться по служебной лестнице? Как следует разделить домашние обязанности? И не является ли постановка подобных вопросов свидетельством неразрешимости данных проблем прежде всего для тех людей, которые ими обеспокоены?

Вопросы, связанные с особенностями пола человека и его психологическими различиями, в последнее время входят в число наиболее активно обсуждаемых в обществе. Ведь согласитесь, роль мужчины и женщины в общественной среде сегодня претерпевает значительные изменения. Но насколько глобальными должны быть эти перемены?

Данная проблема волнует умы многих современных социальных психологов, которые предвидят переоценку «гендерных» ценностей. Диспуты, споры, полемика разгораются среди ученых в самых разных направлениях гендерной психологии.

Насколько значимы, закономерны и оправданны различия мнений, суждений, действий «мужских» и «женских» групп на социально-психологическом уровне? Являются ли эти различия в большинстве своем следствием фундаментальной биологической разницы между мужчиной и женщиной или же они обусловлены в большей степени культурой, господствующей в обществе, определяющей его взгляды и диктующей соответственно свои законы и правила?

В этой книге я попытаюсь ответить на подобные вопросы, опираясь на детальное изучение экспериментальных данных.

Мы поговорим о существовании политических, экономических, религиозных и социальных разделений между мужчиной и женщиной, основанных на традиционной антитезе: мужчина — господин, женщина — терпеливая мученица. Кроме того, мы рассмотрим вопрос о том, какую же роль играют социальные нормы в создании и утверждении всевозможных обоснований для существования этих гендерных различий.

Авторы многочисленных популярных изданий преподносят нам свои взгляды на проблему различий психологии мужчины и женщины, однако подавляющее большинство этих книг базируется в основном только на личных впечатлениях автора и ни на чем более. Данная книга опирается на тщательный анализ многочисленных научных исследований. Более того, ее можно рассматривать как путеводитель по сложной и запутанной «местности» многочисленных гендерных экспериментов, гипотез и теорий. Эта книга вполне может стать хорошим источником тем для исследований или же послужить библиографическим справочником для профессорско-преподавательского состава вузов.

Замечу также, что данная книга, кроме того, адресована изучающим профессионально социальную психологию. В ней подробно разобраны многие вопросы современной социальной психологии, касающиеся особенностей мужского и женского полов в контексте проблематики гендера.

Несмотря на то что книга содержит довольно большое количество исследовательского материала, я старалась создать доступный для восприятия читателя текст, который бы способствовал самоанализу и развивал критическое мышление. Поэтому эту книгу, надеюсь, с удовольствием прочтает и обычный человек, просто интересующийся проблемой отличия мужской психологии от женской.

Неоценимой помощью в работе над книгой была поддержка, которую оказал мне мой сын Кейн. Кроме того, я благодарна за беседы своим друзьям Кэрол Стэнтон, Теду Огольцу, Элисон Конрад, Лоис Скрайвен, Норме Фиттон, Боббет Биллер, Дэвиду Карру и студентам Калифорнийского государственного политехнического университета в Сан-Луис-Обиспо (San Luis Obispo), которые помогли мне обнаружить материалы некоторых исследований. Выражаю также благодарность своей маме, Джейн Бурн.

Особую благодарность я хочу выразить Кимберли Вейч, Джастине Проберт, Дженет Бойтон, Кейти О'Нил, Акиле Майксону, Роджеру Билцу и Брайену Носеку.

Также я благодарна всем исследователям, имена которых встречаются на страницах данного издания, — их выдающиеся труды сделали мой путь в работе над книгой менее трудным.

Бодрости своего духа я во многом обязана редакторам Майклу Гамильтону (Mykol Hamilton), Дэвиду Майерсу (David Myers), Энн Вебер (Ann Weber) и Филипу Зимбардо (Philip Zimbardo).

Не хочу скрывать, что некоторые интересные идеи я получила от анонимных редакторов.

И наконец, мне хотелось бы поблагодарить представителя издательства *McGraw-Hill* Эндрю Поя, однажды невинно спросившего меня, не думала ли я когда-нибудь написать книгу.

Введение.

Социальная психология гендера. Проблемы однообразия. Критические размышления о гендере. Пол versus гендер. Как устроена эта книга.

Гендер (*Gender*). В психологии — социально-биологическая характеристика, с помощью которой люди дают определение понятиям «мужчина» и «женщина». Поскольку пол (*sex*) является биологической категорией, социальные психологи часто ссылаются на те гендерные различия, которые обоснованы биологически, как на «половые».

Однажды художница Николь Холландер нарисовала такой маленький комикс: два персонажа с красными от мороза ушами стоят на улице в самый холодный день года. Один говорит: «Зачем мне шапка, мне холод ничем». Второй: «Я не ношу шапки, она портит мне всю прическу». Кто из них мальчик, а кто — девочка? Вот уж не думаю, что вы, читатель, затруднитесь с ответом. Ведь каждая из приведенных фраз отражает общепринятый *гендерный стереотип*. В этой книге исследуется социально-психологическая природа гендерных ролей и стереотипов. А ведь от них зависят и наша самооценка, и восприятие окружающих, и выбор профессии, а в конечном счете, и все наше поведение.

Социальная психология гендера.

Социальная психология — это наука, изучающая, как общество влияет на мысли, чувства и поведение отдельного человека. А ее подраздел — социальная психология гендера — занимается исследованием социальных норм, обуславливающих то, как реагируют на половые различия отдельный человек, группа или целое культурное сообщество. Пожалуй, что ни в одной области социальной психологии не найдется столь ярких примеров парализующей силы конформности, невозможности отойти от навязанных обществом ролей и присущих человеческому сознанию принципов обработки информации.

Конформность (*Conformity*). Тенденция изменять свое поведение или убеждения в результате реального или воображаемого давления группы.

Предрассудок (*Prejudice*). Неоправданно негативная установка по отношению к определенной группе и отдельным ее членам.

Дискриминация (*Discrimination*). Неоправданно негативное поведение по отношению к определенной группе и отдельным ее членам.

Самоуважение (*Self-esteem*). Всеобъемлющая оценка человеком самого себя, или чувство собственного достоинства.

Гендерная роль (*Gender role*). Набор ожидаемых образцов поведения (норм) для мужчин и женщин.

Стереотип (*Stereotype*). Мнение о личностных качествах группы людей. Стереотипы могут быть чрезмерно обобщенными, неточными и резистентными к новой информации.

Социальная психология гендера — это широчайшее поле для изучения установок, предрассудков, дискриминации, социального восприятия (*social perception*) и самовосприятия (*self-perception*), самоуважения, возникновения социальных ролей и норм.

Сегодня ситуация сложилась так, что практически любое социально-психологическое исследование гендера очень политизировано, роль науки скорее состоит здесь не в изучении мира, а в продвижении принципа равноправия полов. Впрочем, это закономерно, ведь социальная психология гендера во многом сов-

падает с целями феминистского движения, хотя последнее занимается скорее политическим, экономическим и социальным равноправием мужчин и женщин (Hyde, 1991).

Лотт отметил, что социальная психология в любом случае пересекается с гендерными исследованиями, поскольку «изучать условия, которые формируют и поддерживают социальное поведение, означает изучать то, как культура выстраивает гендер» (Lott, 1991, p. 506).

Однако, изучая стереотипы, предрассудки и дискриминацию, социальная психология вплоть до конца 60—70-х годов практически игнорировала гендерные отношения и даже не рассматривала женщин как дискриминируемую социальную группу.

Гендерные исследования сдвинулись с мертвой точки лишь когда в науку пришло новое поколение — целая плеяда вдохновленных феминистским движением женщин, которые работали в научных программах по социальной психологии для выпускников вузов. Они на собственном опыте прочувствовали, что значит находиться на правах меньшинства: даже просто получить возможность участия в этих программах и то стоило огромного труда — ведь они не были мужчинами.

Есть несколько подходов к описанию социальной психологии гендера. В этой книге, чтобы создать связную социально-психологическую картину гендера, я использовала концепции как социальной психологии, так и других областей науки, например психологии развития (*developmental psychology*).

Проблемы однообразия.

Экспериментальный метод (*Experimental method*). Стратегия исследования, в ходе которой экспериментатор манипулирует одной или большим количеством независимых переменных под тщательным контролем, а также наблюдает за тем, как эти манипуляции воздействуют на другую (зависимую) переменную.

Независимая переменная (*Independent variable*). Экспериментальный фактор, которым манипулирует исследователь.

Зависимая переменная (*Dependant variable*). Изменяемая переменная, получившая свое название благодаря тому, что она может зависеть от манипуляций независимой переменной.

До 1970-х гг. большинство экспериментов, проводимых социальными психологами, были объединены тем, что в роли испытуемых выступали только студенты старших курсов, белые мужчины. Конечно, они численно преобладали в колледжах и, соответственно, были более доступны для исследования. Кроме того, изучать поведение белых мужчин было важно, поскольку именно из них формировалась общественная элита. Белые мужчины составляли в то время и большинство социальных психологов, и, возможно, те просто подбирали для исследований людей, с которыми наиболее комфортно себя чувствовали, таких же, как они сами.

В экспериментальном методе, который использовали социальные психологи, чрезвычайно важную роль играл контроль (*experimental control*): все факторы, кроме интересующего в данном исследовании (независимой переменной), должны были иметь постоянную величину.

Когда группы, отличавшиеся друг от друга только по независимой переменной, обнаруживали различие в каком-либо типе социального поведения (зависимая переменная), экспериментатор делал вывод, что это следствие изменения независимой переменной. Гендер и этническая принадлежность рассматривались как побочные или «зашумляющие» переменные (*nuisance variables*). Чтобы их влия-

ние не искажало результаты, во всех экспериментальных группах использовались только белые мужчины (McHugh, Koeske & Frieze, 1986). Сегодня контроль такого типа все еще применяется достаточно широко, но в качестве испытуемых берут и мужчин, и женщин, а гендер обычно анализируют как *дополнительную независимую переменную*.

К сожалению, основную массу испытуемых продолжают составлять студенты и учащиеся колледжей, которые мало отличаются друг от друга по возрасту, культуре, социальному статусу, этнической принадлежности.

Это ограничение области исследований остается нерешенной проблемой для социальной психологии, и в частности, для социальной психологии гендера.

Несмотря на то что в последние несколько лет психологами был опубликован целый ряд работ, посвященных пересечению культур, ни одна из них, насколько я помню, не содержит раздела, посвященного кросс-культурной гендерной психологии. Я посвятила одну главу кросс-культурным аспектам гендера, а также включила в книгу небольшое исследование по психологии гендера в различных американских субкультурах.

Критические размышления о гендере.

Данные социальной психологии всегда более надежны, чем обывательские представления о человеческом обществе, которые основаны на одном лишь здравом смысле и нередко искажены нашими ожиданиями и существующими убеждениями. Утверждения, которые вы найдете в этой книге, основаны на результатах многочисленных исследований человеческого поведения, а подавляющее большинство фактического материала ранее опубликовано в специальной литературе. Полные данные об источниках приводятся в библиографии. Я настоятельно рекомендую вам подробно ознакомиться с теми из них, в которых говорятся вещи, противоречащие вашим представлениям о мужчинах и женщинах.

Опыт показывает, что мы склонны неправильно интерпретировать статистические данные (Nisbett & Ross, 1980). Надо помнить: несмотря на то, что у большинства «правил», касающихся человеческого поведения, есть исключения, в целом эти правила остаются верными. Когда психологи говорят, что, по результатам исследования, женщины делают почти всю работу по дому, даже если заняты на службе полный рабочий день, надо отдавать себе отчет, что есть исключения. Но если вы даже знаете что-то, противоречащее выводу, сделанному в исследовании, это еще не означает, что *в целом* вывод неверен. Важно также понимать, что когда психологи говорят о *значимо различающихся* группах, то для определения этого они используют статистические методы, а не просто приходят к такому выводу, внимательно рассмотрев каждую группу.

Десять лет назад, когда мое знакомство с психологией гендера только начиналось, я не слишком много размышляла об этих вопросах.

С тех пор я изучила сотни отчетов о гендерных исследованиях. Теперь, на основе всего этого, я убеждена, что гендерные различия создаются в рамках социума, традиционные гендерные роли ограничивают и мужчин, и женщин, а из-за присущих нам стратегий обработки информации мы воспринимаем гендерные различия куда более обширными, чем они есть на самом деле. Но остерегайтесь верить мне на слово, как, впрочем, и немедленно отвергать мои слова, если вы считаете, что я не права. Прочтите эту книгу и, перед тем как отбросить мои аргументы, серьезно обдумайте собственную позицию. Попробуйте представить ваши возражения в виде четких аргументов, а лучше всего — найдите хорошее экспериментальное подтверждение своего мнения. Даже если вы не встанете на мою

точку зрения, дойдя до конца книги, я искренне надеюсь, что она заставит вас осмыслить вопросы гендера критически.

Пол versus гендер.

Когда вы будете читать эту книгу, то, конечно, заметите, что я постоянно использую слово «гендер» вместо слова «пол». Психологи предпочитают употреблять термин «гендер», подчеркивая тем самым, что многие различия между мужчинами и женщинами создаются культурой, тогда как слово «пол» подразумевает, что все различия являются прямым следствием биологического пола (Gentile, 1993; Unger & Crawford, 1993). Кроме того, слово «гендер» позволяет в некоторых случаях добиться большей ясности; например, если бы я назвала эту книгу «Социальная психология пола» (*The Social Psychology of Sex*), у читателя могло сложиться неверное представление о ее содержании. Однако бывают случаи, когда более подходящим оказывается слово «пол».

До (Deaux, 1985, 1993) указывала, что слово «пол» следует использовать для описания демографических категорий (например, в опросном листе приемлем пункт: «Ваш пол?»). Однако когда делаются умозаключения о природе мужественности или женственности, она рекомендует применять слово «гендер».

Унгер (Unger, 1988) отметила, что определение пола обычно включает в себя черты, непосредственно обусловленные биологическим полом, тогда как гендер подразумевает те аспекты мужского и женского, причины возникновения которых еще не известны. Проблема в том, говорит она, что причинно-следственная связь не всегда очевидна и может быть вызвана как биологическими, так и социальными факторами. Вопрос терминологии еще не разрешен учеными, поэтому у авторов принято с самого начала определять свой выбор. В этой книге я следую рекомендациям До и использую понятие «пол» только как демографическую категорию, основанную на биологическом поле. В остальных случаях я применяла термин «гендер», отражающий социально обусловленную природу мужского и женского.

Если мы включаем в понятие биологического пола хромосомный набор, гормоны и строение гениталий, то на самом деле существует больше двух полов (Унгер, 1988).

Как устроена эта книга.

Первая глава рассказывает о том, что многие гендерные отличия, которые мы привыкли считать биологическими, на самом деле вызваны социальными нормами. Здесь же обсуждаются процессы, при помощи которых мы учимся «правильному» гендерно-ролевому поведению, и мотивы, заставляющие нас придерживаться этого поведения.

Во второй главе речь пойдет об изучении гендерных отличий в проявлении математических способностей, эмоций и т. д. Эти отличия, традиционно изучаемые социальными психологами, далеко не так всеобъемлющи, как хотелось бы нас уверить общественное мнение, и из года в год продолжают сокращаться. А если детально рассмотреть общественные нормы и социализирующие действия, то станет понятна и значительная часть оставшихся различий.

В третьей главе рассматриваются ограничения, накладываемые традиционными гендерными ролями на женщин, а в четвертой — ограничения, накладываемые на мужчин. Я обнаружила, что размышления над этими ограничениями и приро-

дой гендерных ролей побуждают людей обратить внимание на то, как гендерные роли влияют на их собственную жизнь, и попробовать изменить ее к лучшему.

В пятой главе гендер описывается как социальная категория. Будут рассмотрены некоторые психологические механизмы, являющиеся базой для создания гендерных стереотипов, и то, каким образом они мешают обществу изменяться.

Шестая глава посвящена восприятию гендера в различных культурах. Подавляющее большинство исследований по проблеме гендера психологи проводили на евроамериканцах из США, тогда как кросс-культурный анализ дает возможность изучить роль культуры в создании гендерных различий.

В седьмой, заключительной, главе обсуждаются изменения гендерных ролей, области, в которых такие перемены уже произошли, препятствия, стоящие на пути перемен, и способы, которыми можно вызвать необходимые перемены.

Культура (Culture). Понятия, установки, обычаи и особенности поведения, общие для большой группы людей и передающиеся от поколения к поколению.

Глава 1. Гендерные различия и социализация.

Почему женщины не рождены ходить по магазинам, а в мужчинах биологически не заложена вера в фею из прачечной

Социальные нормы и гендерные различия. Роль нормативного давления. Гомосексуальность как нарушение гендерных норм. Роль информационного давления. Конформность — экономия мысли. Подчинение гендерным нормам: уступчивость, одобрение или идентификация? Дифференциальная социализация. Дифференциальное усиление и дифференциальное подражание. Внесемейные источники гендерно-ролевой социализации. Андрогиния. Польза. Поло-ролевой опросник Сандры Бем. Споры по поводу опросника Сандры Бем и концепции андрогинии. Заключительные замечания. Резюме

Юмористические эстрадные монологи часто строятся на различиях между мужчинами и женщинами. Например, Элайн Бузлер однажды сказала: «Я знаю, как можно поднять женщин в атаку. Просто сообщите им, что парни на той стороне говорят, будто они в своей униформе выглядят толстыми». Другой юморист, Дэйв Барри, заметил: «Современный мужчина знает, что должен быть для женщины чутким и заботливым партнером, поэтому радикально меняет стиль жизни. Например, не забывает вынимать из карманов грязные носовые платки, перед тем как оставить свои брюки на полу — для феи из прачечной» (Barry, 1991). Если мы задумаем поменять пол действующих лиц в этих шутках, они вообще потеряют смысл: шутки работают, потому что отражают общепринятые в нашей культуре представления о различиях между мужчинами и женщинами.

Большинство людей считают, что гендерные различия в поведении и социальных ролях вызваны биологическими отличиями между полами.

Для среднего человека гендерные различия представляются результатом работы природных сил, а не воспитания. Социальные психологи допускают существование ряда биологических отличий между мужчинами и женщинами, но уверены в том, что ими нельзя объяснять гендерные различия, и в том, что биологические отличия полов довольно слабо влияют на поведение. Цель этой главы — показать, что многими гендерными отличиями мы обязаны скорее культуре и социализации, чем врожденным различиям между мужчинами и женщинами.

Возьмем для начала моего сына Кена. У него короткая челка, а сзади — длинный «хвост», который достаёт мальчику до середины спины. По поводу причёски Кен непреклонен и порой говорит: «Без моего хвоста я бы на себя не был похож». Между тем хвост Кена создал ему целый букет социальных проблем. Все время,

пока он ходил в детский сад, потом в первый и второй класс (во время написания этих строк он уже во втором), Кен время от времени возвращался домой расстроенный и сообщал: «Тот-то и тот-то говорит, что я похож на девчонку». Вдобавок Кен играет с девчонками-сорванцами, и многие мальчики критикуют его за то, что он «слишком хорошо относится к девчонкам». Из того, как эти вещи говорились, ему стало ясно, что и его прическа, и поведение в отношении девочек неприемлемы для большинства других детей. Такого социального неодобрения часто бывает достаточно, чтобы заставить ребенка изменить свое поведение так, чтобы оно удовлетворяло социальным ожиданиям для его пола.

Когда Кен в первый раз столкнулся с этим в детском саду, он спросил меня, почему мальчики и девочки должны носить разную одежду и играть в разные игры. Представьте себе, что Кен спрашивает об этом вас. Возможно, вы ответите: «Ну, так уж заведено, и если ты не хочешь, чтобы над тобой смеялись или считали тебя странным, то, наверное, придется делать как все». Другими словами, вы сообщите Кену, что действительно для женщин и мужчин существуют разные нормы и, чтобы получить одобрение общества, человеку лучше им следовать.

Социальные нормы и гендерные различия.

Социальные нормы — это основные правила, которые определяют поведение человека в обществе. По мнению социальных психологов, объяснение многих гендерных различий следует искать не в гормонах и хромосомах, а в социальных нормах, приписывающих нам различные типы поведения, аттитюды* и интересы в соответствии с биологическим полом. Наборы норм, содержащие обобщенную информацию о качествах, свойственных каждому из полов, называются *половыми* или *гендерными ролями*. Часть этих социальных норм внедряется в сознание через телевидение и популярную литературу, ряд других мы получаем непосредственно, например испытывая неодобрение со стороны общества, когда отклоняемся от ожидаемого гендерно-ролевого поведения.

Представление о том, что значительная часть нашего поведения напрямую зависит от социальных норм и социального контекста, давно принято наукой. Я даже думаю, что это величайшее достижение социальной психологии.

Игли (Eagly, 1987) выдвинула предположение, что гендерные стереотипы, в сущности, являются социальными нормами. Это означает, что у всех нас есть представления о том, что мужчинам и женщинам свойственны определенные наборы конкретных качеств и моделей поведения, что подавляющее большинство людей придерживается этой же точки зрения и что обычно мы отдаем себе отчет, какое именно поведение считается правильным для представителей того или иного пола. Социальные психологи считают, что две основные причины, из-за которых мы стараемся соответствовать гендерным ожиданиям,— это *нормативное* и *информационное давление*.

Роль нормативного давления.

Термин «нормативное давление» (*normative pressure*) описывает механизм того, как человек вынужден подстраиваться под общественные или групповые ожидания (социальные нормы), чтобы общество его не отвергло. Нормативное давление очень важно в нашей приверженности гендерным ролям.

* От *англ. attitude* — отношение (к чему-либо).

* Эти термины ввели Дойч и Жерар (Deutsch и Gerard) в 1955 г.

Ряд исследований показали, что несоответствующее гендерной роли поведение особенно сильно вредит популярности среди мальчиков (Berndt & Heller, 1986; Huston, 1983; Martin, 1990) и что родители негативно реагируют на игры своих детей, характерные для противоположного пола (Fagot, 1978; Langlois & Downs, 1980).

К сожалению, роль нормативного давления в желании соответствовать гендерным ролям пока мало изучена у взрослых людей. В одном исследовании (O'Leary & Donoghue, 1978) было обнаружено, что учащиеся колледжа находят допустимым, когда человек ведет себя как лицо противоположного пола, но результаты двух других исследований показали, что несоответствующее гендерным ролям поведение приводило к снижению популярности (Berndt & Heller, 1986; Tilby & Kalin, 1980).

Размышляя о роли нормативного давления в стремлении людей соответствовать гендерным ролям, я неизменно вспоминаю своего знакомого по имени Клифф. Учась в колледже, я подрабатывала официанткой, и мы с Клиффом оказались в одной смене. В то время он с головой погрузился в изучение гендерных ролей и решил в качестве эксперимента нарушить одну-две гендерных нормы. Начал пользоваться розовым лаком для ногтей и губной помадой, а впоследствии иногда обслуживал клиентов, надев юбку. Мы отслеживали, как отражался его внешний вид на чаевых. Как только Клифф нарушал гендерные нормы в отношении одежды, то тут же получал в наказание меньше чаевых. Порой даже вмешивалась администрация, которая требовала, чтобы он носил брюки и использовал меньше косметики.

Верите ли вы, что за отклонение от гендерной роли вам грозят социальные наказания? Случались ли у вас трудности при попытке нарушить свою гендерную роль? Многие женщины опасаются, что их могут посчитать слишком агрессивными (и назвать «стервой»), а мужчины боятся, что если они будут слишком внимательны к своей партнерше, то друзья начнут считать их «слюнтяями». Вспомните, сколько существует пренебрежительных слов, которые используются применительно к одному из гендеров и отражают разницу в нормах для мужчин и женщин.

Наказание за отказ следовать гендерным ролям может быть жестоким. Аятолла Хомейни, правитель Ирана с 1979 до середины 1980-х гг., отменил все законы, дающие женщинам хоть какие-то права, и приговорил к смертной казни в общей сложности 20 тысяч женщин, которые не соблюдали четкие правила, регламентирующие их одежду и поведение (French, 1992). В рамках ультраортодоксального иудаизма (который не исповедуют большинство евреев) с женщинами, которые отказывают в сексе своим мужьям или пренебрегают исполнением работы по дому, можно развестись без их согласия и лишиться их всех прав на детей. Хасидские мужчины напали на группу паломниц во главе с женщиной-раввином, несущей Тору, которые хотели совершить поклонение перед Стеной Плача в Иерусалиме,— хасиды полагают, что женщинам не дозволено надевать шали, предназначенные для религиозных церемоний, и даже прикасаться к Торе. Более чем у 20 миллионов женщин во всем мире половые органы изувечены в результате клитородэктомии* и других операций, направленных на то, чтобы навсегда уничтожить возможность оргазма или сохранить девственность**.

Несмотря на жуткую боль и длительные физиологические проблемы, сопровождающие подобные манипуляции, эта практика продолжает существовать, потому что мужчина не возьмет в жены не изувеченную девушку, а девушка, чтобы вы-

* Хирургическая операция, состоящая в удалении клитора и малых половых губ.

** Чтобы гарантировать отсутствие добрых сексуальных связей, малые половые губы сшиваются еще в детском возрасте, а вырезаются непосредственно перед свадебным обрядом.

жить, должна выйти замуж (French, 1992). Если женщина хочет получить поддержку в своем обществе, то должна пройти этот уродующий обряд. В таких религиозных общинах на территории Соединенных Штатов, как Римско-Католическая церковь и Церковь Святых Последнего Дня, женщин принуждают следовать традиционным гендерным ролям под угрозой отлучения. А в некоторых протестантских общинах женщин, усомнившихся в необходимости слепого подчинения мужчинам, навещает категорично настроенный пастор, который разубеждает их, показывая в Библии отрывки, подтверждающие подчиненное положение женщины.

Гомосексуальность как нарушение гендерных норм.

Важность гендерных норм в современном американском обществе и последствия неподчинения им хорошо иллюстрируются присущей множеству людей реакцией на проявления гомосексуальности. Например, организаторы традиционного парада в честь Дня св. Патрика в Бостоне в 1994 г. предпочли совсем отменить парад, нежели подчиниться решению суда, по которому геи могли принимать в нем участие. С самого раннего возраста социум учит, что мы должны вступить в брак с представителем противоположного пола, иметь с ним детей и усвоить ролевые взаимоотношения особого рода, касающиеся другого гендера. Люди, которые не заводят детей, не вступают в брак, равно как и те, кто имеет романтические и/или сексуальные отношения с человеком своего гендера, часто рассматриваются как нарушители гендерных ролей и подвергаются серьезному социальному принуждению.

Для многих гомосексуальность представляется максимально возможным нарушением гендерных норм. Кайт и До (Kite & Deaux, 1987), а также Тэйлор (Taylor, 1983) обнаружили, что стереотипы гетеросексуалов в отношении гомосексуалов отражают «теорию сексуальной инверсии», которая допускает, что гомосексуалы подобны гетеросексуалам противоположного пола.

Теория сексуальной инверсии (Inversion theory of sexuality). Предположение, согласно которому гомосексуал подобен гетеросексуалу противоположного пола. Склонность к поведению, соответствующему противоположной гендерной роли, рассматривается в рамках этой теории как признак гомосексуализма.

Однако исследования показывают, что такие взгляды далеки от реального положения дел (Peplau & Gordon, 1983; Taylor, 1983; Viss & Burn, 1992). Например, один из общепринятых стереотипов, касающихся гомосексуальных взаимоотношений, состоит в том, что один партнер исполняет традиционную мужскую роль, а другой — женскую. Но результаты исследований указывают на то, что в большинстве пар геев и лесбиянок оба партнера и зарабатывают деньги и равноценно распределяют между собой домашние дела (Blumstein & Schwartz, 1983; Kurdek, 1993; Peplau & Gordon, 1983). Люди с традиционными поло-ролевыми аттитюдами, как правило, хуже относятся к гомосексуалам (Black & Stevenson, 1984; Dew, 1985; Herek, 1984; Holtzen & Agresti, 1990; Krulevitz & Nash, 1980). Предположительно, те, кто высоко ценит традиционные гендерные роли, плохо относятся к гомосексуалам, оттого что видят в них людей, уклоняющихся от соответствующей биологической полу роли (Taylor, 1983).

За нарушение социальных норм приходится дорого платить. Для гомосексуалов это может принимать форму физического насилия, дискриминации при приеме на работу, разрыва личных отношений, унижительных прозвищ и насмешек. На протяжении почти всей истории США гомосексуальное поведение было законодательно наказуемо, и в рамках закона до сих пор нет равноправия между гомо- и гетеросексуалами. Так, в решении по процессу «Бауэре против Хардвика» (1986) Верховный суд постановил, что фундаментальное право на неприкосновенность

частной жизни не распространяется на такую область частной жизни, как гомосексуальное поведение по обоюдному согласию. Леонард (Leonard, 1991) описывает множество судебных процессов, на которых гомосексуальность рассматривалась как преступление.

Американская психиатрическая ассоциация исключила гомосексуальность из списка психических расстройств лишь в 1974 г. Теперь психологи считают, что если у гомосексуалов возникают проблемы с душевным здоровьем, то нередко причиной этого следует считать скрытное существование, которое они вынуждены вести из-за неодобрительного отношения общества (Cain, 1991). (Это не означает, что у гомосексуалов хуже обстоят дела с душевным здоровьем, чем у остальной части населения,— результаты исследований не дают повода для подобного заключения; речь идет только об утверждении, что некоторая часть проблем, с которыми сталкиваются гомосексуалы, коренится в неодобрении общества.)

Исследователи отмечают, что когда человек, осознающий себя геем, понимает, в каком конфликте он оказался с идеалами общества, то это приводит к серьезной фрустрации (Hellwege et al., 1988; Thompson, 1992). Знание о том, что гомосексуальность неприемлема, ставит такого человека перед очень тяжелым выбором: признаваться перед людьми в своей инакости или скрывать ее. Признание может повлечь за собой стрессы, напряженность в отношениях с близкими, разрыв с ними, потерю работы (Cain, 1991), расставание с детьми.

Утаивание собственной гомосексуальности связано с не меньшими усилиями и стрессом. Обстановка секретности вызывает ощущение, что ты бесчестен, а то, что скрывается важная часть собственной идентичности, не дает возможности налаживать с людьми доверительные личные отношения (Cain, 1991).

Потенциальная опасность общественной травли — важнейшее условие того, «выйдет» ли гей к остальным людям или будет жить тайной жизнью. В нескольких исследованиях обнаружилось, что озабоченность возможным отторжением со стороны общества — это основной фактор, побуждающий скрываться (Franke & Leary, 1991). Быть гомосексуалом в радикально ориентированном на гетеросексуальность обществе настолько трудно, что в ответ на заявление, что гомосексуальность — это их собственный выбор, некоторые геи возражают, что они ни за что не стали бы гомосексуалами, если бы действительно имели возможность выбирать: это слишком сложно в обществе, которое их не поддерживает (Fairchild & Hayward, 1989).

Отклонения от гендерной роли часто рассматриваются людьми как доказательство гомосексуальности. А ведь мальчики в Соединенных Штатах уже в четвертом классе используют слова вроде «педик» и «гомик», когда хотят оскорбить сверстников с низким статусом (Thorne & Luria, 1986). В ряде исследований (Deaux & Lewis, 1984; Storms et al., 1981) выяснилось, что люди склонны с большей вероятностью воспринимать тех, кто обладает чертами противоположного гендера, как гомосексуалов. Желание избежать этого позорного ярлыка частично объясняет пассивное подчинение гендерным ролям.

Исследователи доказали, что устойчивая ассоциация между неповиновением гендерным нормам и гомосексуальностью стала серьезным препятствием на пути каких-либо перемен в отношении общества к гендерным ролям (Phelan, 1993; Silber, 1990). Особенно негативно могут быть настроены к геям гетеросексуальные мужчины, потому что они глубже впитали традиционные роли и отклонение от мужской роли для них скорее ассоциируется с гомосексуальностью, чем отклонение от женской роли (Morin & Garfinkle, 1978; Whitely, 1990).

Конечно, геям стоит «выходить из подполья», просто для того чтобы уменьшить в обществе количество стереотипов, касающихся гомосексуалов (Viss & Burn, 1992). Но бесспорно, таким людям следует тщательно выбирать, признаваться ли

вообще в своей гомосексуальности и если признаваться, то кому. Наше общество все еще изобилует значимыми антигомосексуальными предрассудками, и геи очень часто испытывают на себе негативные социальные последствия отклонения от своих гендерных ролей.

Роль информационного давления.

Информационное давление (*informational pressure*) вызвано тем, что, расширяя наши знания о себе и о мире, стремясь понять, какой позиции следует придерживаться в тех или иных социальных вопросах, мы в большой степени опираемся не на собственный опыт, а на информацию, предоставляемую окружающими (Smith, 1982). Другими словами, иногда мы подчиняемся не просто из-за того, что боимся осуждения общества, а потому, что без направляющего воздействия других мы действительно не знаем, что думать, чувствовать и делать. При этом мы обращаемся за подсказкой к окружающим и следуем их примеру. Мы живем в цивилизации, которая создана людьми и без них не поддается пониманию. Исходя из этого, можно сказать, что полагаться на окружающих, чтобы расширить наши познания в социальных вопросах и о мире, в котором мы существуем, в целом способствует адаптации. Чалдини (Cialdini, 1993) отметил следующую особенность: чтобы определить, что именно является правильным, мы стараемся разузнать, что считают правильным другие, а свое поведение мы считаем правильным только до тех пор, пока наблюдаем его у окружающих (он назвал это *социальной проверкой*).

Социальная проверка (*Social proof*). *Человек оценивает свое поведение как правильное, пока наблюдает такое же поведение у членов референтной группы.*

Те же самые механизмы действуют применительно к гендерным ролям: когда мы смотрим вокруг и видим, как мужчины и женщины делают разные вещи, и слышим, как окружающие нас люди и средства массовой информации подчеркивают, насколько велика пропасть между мужчинами и женщинами, мы приходим к выводу, что так и есть на самом деле, и соответствуем этим ожиданиям. Мысль о том, что гендеры должны обладать и обладают массой отличий, настолько повсеместно укрепилась в нашей культуре, что неудивительно, если мы считаем ее верной. Далее в этой главе мы обсудим многочисленные каналы, по которым эта информация поступает.

Информационное давление в сочетании с нормативным принуждением частично объясняет силу влияния гендерных норм на наше поведение.

Аронсон (Aronson, 1992) предположил, что подчинение нормативному давлению вызвано нашим желанием нравиться окружающим, а подчинение информационному давлению — желанием быть правыми.

Конформность — экономия мысли.

Человеческой психике свойственно экономить время и силы. Так и тенденция подчиняться социальным нормам фактически экономит мышление: все, что от нас требуется в определенной социальной ситуации,— это бездумно демонстрировать социально ожидаемое поведение. Роберт Чалдини в своей книге «Влияние» (Robert Cialdini, 1993) увлекательно аргументирует мысль о том, как велика роль социальных норм в упрощении нашей жизни и сокращении объема необходимых мыслительных операций. Подобная тенденция, отметил он, обычно работает в нашу пользу. Возможно, в раннем возрасте мы обнаруживаем, насколько проще жить, следуя социальным нормам, и научаемся делать это, практически не задумываясь. Часто так происходит и с гендерными нормами. Большинство людей принимают их бессознательно, даже не ставя под сомнение.

Подчинение гендерным нормам: уступчивость, одобрение или идентификация?

Хотя в подавляющем большинстве случаев нашей реакцией будет почти автоматическое подчинение социальным нормам, бесспорно, существуют ситуации, когда мы этого не желаем. Социальные психологи признают, что, если люди подчиняются, это совсем необязательно означает, что они согласны с социальным договором. Иногда мы изменяем свое поведение, чтобы привести его в соответствие с социальными нормами, даже если в действительности их не приемлем. Этот тип подчинения получил название *уступчивость* (желание избежать социального наказания и завоевать социальное одобрение), а основу его составляет нормативное давление.

Уступчивость (Compliance). Тип подчинения социальным нормам, когда человек не приемлет их, но приводит свое поведение в соответствие с ними, чтобы избежать наказания и получить социальное одобрение.

Одобрение, интернализация (Acceptance). Тип подчинения социальным нормам, когда человек с ними полностью согласен.

Идентификация (Identification). Тип подчинения социальным нормам, при котором человек повторяет действия ролевой модели.

Когда Диана посещает свою бабушку, то сталкивается с некоторыми неудобствами. Например, в этом доме принято, что женщины во время обеда подают мужчинам блюда, уносят их грязную посуду, занимаются уборкой. Диана не считает это правильным, но в доме своей бабушки делает, — ведь если она откажется, то обидит родственников. За столом Диана обслуживает своего мужа, который соответственно ей подыгрывает. Обычно муж Дианы не ждет, пока женщины обслужат его, но дома у бабушки подчиняется норме, оставаясь сидеть, вместо того чтобы помочь. Этот пример иллюстрирует важный признак уступчивости: если угроза наказания за неподчинение отсутствует, то поведение становится другим.

Нередко бывает, что внутренне мы полностью соглашаемся с нормами, которым подчиняемся. Такой тип подчинения называется *одобрением* или *интернализацией*. Когда я была еще совсем ребенком, мать практически полностью обслуживала моего отца и выполняла все его приказы, говоря, что так и должно быть, потому что «мужчины главнее женщин». При этом она не просто внешне подчинялась этой норме, но и внутренне принимала ее. Часто именно влиянию информации мы обязаны тем, что принимаем социальные нормы и модели поведения, не поддающиеся трансформации из-за того, что человек в них безоговорочно верит. Однако когда ситуация социального контекста меняется (например, если женщина начинает зарабатывать деньги), то человек тоже может измениться. Моя мать тоже изменилась и с тех пор больше не верит, что «мужчины главнее женщин» и что женщины должны делать всю работу по дому.

Третий тип подчинения, называемый *идентификацией*, имеет место, когда мы повторяем действия ролевых моделей просто потому, что хотим быть похожими на них. В качестве примера можно привести мальчика, который восхищается своим традиционно мужественным отцом и постепенно впитывает большую часть его взглядов. Одна из моих студенток описала, как в детстве идентифицировалась с героиней телевизионного сериала «Маленький дом в прерии», которую звали Мэри:

"До того как я начала смотреть «Маленький дом в прерии», меня, без сомнения, можно было назвать сорванцом. Положение дел изменилось, как только я начала смотреть «Маленький дом». Я стала все менять, лишь бы быть похожей на Мэри. Я никогда не видела Мэри в шортах или штанах, она всегда носила чистое платье.

Тогда я тоже начала носить платья и стремилась быть аккуратной, чтобы не запачкаться.

Мэри старательно училась в школе, учитель любил ее, и, глядя на нее, я тоже стала усердно заниматься. Я с большей заинтересованностью начала относиться к работе по дому. Я видела, как Мэри помогает матери, и под влиянием Мэри тоже начала готовить и накрывать на стол, даже когда меня об этом не просили. Я помогала маме сортировать белье и взяла за привычку заправлять постель, поскольку заметила, что у Мэри постель всегда была аккуратно заправлена."

Как отметил Аронсон (Aronson, 1992), представления, связанные с идентификацией, могут измениться, если новая идентификация сменит предыдущую (например, вы можете начать идентифицироваться с группой сверстников больше, чем с отцом). Кстати, девушка, которая в детстве настолько идентифицировалась с персонажем «Маленького дома в прерии», некоторое время спустя стала идентифицироваться со своей матерью, деловой женщиной.

Ученые еще не знают, какой из процессов чаще заставляет людей подчиняться гендерным ролям: уступчивость, одобрение или идентификация. К сожалению, эта тема пока мало разработана, но, по данным нескольких исследований, и мужчины и женщины сильнее выражают свою приверженность гендерным стереотипам на публике, чем среди близких людей (Eagly & Crawley, 1986; Eagly et al., 1981; Eisenberg & Lennon, 1983). Это скорее указывает на уступчивость, чем на одобрение или идентификацию. Исследование мужской роли, в котором выяснилось, что традиционная мужественность находит слабое одобрение и поддержку (Burn & Laver, 1994; Thompson & Pleck, 1986), также указывает на важнейшую роль уступчивости в подчинении гендерной роли.

Нормативное и информационное давление отнюдь не исключают друг друга. Как утверждают Плеки соавторы (Pleck et al., 1993 b), именно те, кто одобряет и принимает традиционные гендерные роли (чаще в результате воздействия информационного давления), с большей вероятностью подвергаются социальному порицанию за их нарушение (нормативному давлению). И наоборот, со всех сторон обрушивающаяся на человека информация о том, как хорошо подчиниться гендерной роли, может повлечь за собой это подчинение даже при отсутствии одобрения. Прежде всего человек хочет, чтобы общество его принимало.

Люди в разной степени привержены традиционным половым ролям. Каган (Kagan, 1964) и Колберг (Kohlberg, 1966) отметили, что некоторые люди в высшей степени соответствуют физиологическим нормам для соответствующего пола — *полотипизированы (sex-typed)* (например, предельно женственные женщины и крайне мужественные мужчины). У них особенно сильна мотивация выдерживать все свое поведение в рамках гендерно-ролевых стандартов. Они подавляют в себе любое поведение, которое может быть расценено окружающими как несвойственное гендеру. Фрейбл (Frable, 1989) обнаружил, что такие люди с большей готовностью воспринимали гендерные правила, диктующие надлежащее поведение мужчинам и женщинам в данной культуре. Разные подгруппы в структуре общества, так же как отдельные люди, могут различаться по степени приверженности традиционным гендерным ролям. В некоторых религиозных общинах подчинение традиционным гендерным ролям щедро поощряется, тогда как в других предоставляется больше свободы. Джонс и Макнамара (Jones & McNamara, 1991) обнаружили, что у искренне верующих людей (в отличие от тех, для кого религия в первую очередь представляла собой источник комфорта) были более традиционные ценности в отношении женщин. Личностные отличия и разные способности не меньше влияют на приверженность к традиционным гендерным ролям. Так, математически одаренная женщина может продолжить свое обучение в области точных наук, хотя это и не приветствуется обществом, а маленький, тонкокостный

мужчина вряд ли станет заниматься таким типично мужским видом спорта, как футбол.

Наконец, некоторые люди побывали в ситуациях, когда их отклонение от гендерных ролей вызвало сильный стресс — либо из-за того, что последовавшее наказание было действительно суровым, либо из-за того, что оно показалось таким, потому что произошло в период личностного дискомфорта. Люди с такими *критическими переживаниями гендерной социализации* могут хотеть подчиниться традиционным гендерным ролям, поскольку негативные переживания особенно ярко запечатлелись в их памяти. (Пока это не более чем гипотеза; я не встречала ни одного исследования, которое проверяло бы ее.) Например, одна из моих студенток рассказывала, что ее отцу при рождении дали имя Мишель, а дядю называли Николь. Когда они выросли, это вылилось в забавную ситуацию. По ее словам, это два самых больших мачо из всех, кого она видела в жизни (между прочим, они сменили имена на «Майкл» и «Ник»). Не исключено, что такая приверженность традиционной мужской роли частично была реакцией на насмешки, которым они подвергались в детстве. Некоторые из моих студенток описали, как, сделав себе короткую стрижку, они через некоторое время прикладывали все усилия, чтобы соответствовать женской роли. Вот рассказ одной из них:

"Мне было восемь лет. В школе намечался карнавал, я одновременно и очень хотела пойти, и волновалась, а мама сказала, что отпустит меня, только если я сделаю прическу. Отец не пожалел денег и отвел меня к своему собственному парикмахеру сделать модную стрижку. Но когда я пришла на карнавал и встретила там маму, она бросилась в слезы и страшно накричала на отца за то, что тот «позволил парикмахеру обкорнать ребенка». И еще четыре недели меня как минимум раз в день принимали на улице за мальчишку. Именно тогда я и решила, что никогда больше не буду похожей на мальчишку, отрастила длинные волосы и стала носить только платья. Меня потрясло, когда в выпускном классе все сошлись во мнении, что у меня «скорее всего, будет десять детей»."

Дифференциальная социализация.

С точки зрения социальной психологии, гендер находится под сильным влиянием как культурных норм, устанавливающих, что должны делать мужчины, а что — женщины, так и социальной информации, внушающей людям, насколько велика разница между мужчинами и женщинами. Теория нормативного и информационного давления частично объясняет, каким образом мы учимся этим нормам и что заставляет нас придерживаться их. В этой главе будет обсуждаться *гендерно-ролевая социализация*, процесс, в ходе которого мы научаемся тому, что социально приемлемо для мужчин и для женщин. Несмотря на то что многие из представленных здесь идей присущи скорее психологии развития, чем социальной психологии, они с полным правом заняли свое место в социальной психологии гендера.

Специалисты, занимающиеся психологией развития, обозначают термином *дифференциальная социализация* процесс, в ходе которого мы учим мужчин и женщин, что есть вещи, которые свойственны одним и несвойственны другим, в зависимости от пола обучаемого.

Социализация (*Socialization*). Процесс, посредством которого человек обучается соответствующим моделям поведения в обществе, ценностям и т. д.

С позиций сформулированной Колбергом (Kohlberg, 1966) теории когнитивного развития (*cognitive-developmental theory*) гендера, вся информация, касающаяся гендерного поведения, отражается у нас в сознании в виде *гендерных схем*

(*gender schemas*). В них содержится все, что данный человек знает о гендере. Акцентируя наше внимание на отдельных вещах, гендерные схемы влияют на переработку информации и, кроме того, оказывают воздействие на память, так как легче запоминается та информация, которая вписывается в рамки уже имеющихся представлений. Психология развития рассматривает гендерные схемы у детей, тогда как сферу интересов социальных психологов составляют гендерные схемы и их роль в создании гендерных стереотипов у взрослых. Когнитивные аспекты гендера будут достаточно широко рассмотрены в главе 5. В 6-й главе мы узнаем, что дифференциальная социализация — явление панкультурное: девочек и мальчиков во всех культурах социализируют по-разному.

Зачатки дифференциальной социализации можно увидеть еще до рождения ребенка. Как вы думаете, почему будущие родители хотят знать, кто у них будет — мальчик или девочка? Почему окружающие тоже хотят быть в курсе? (Отчего беременную женщину все постоянно спрашивают, кто у нее будет и кого она хочет — мальчика или девочку?) Эти пытливые умы интересуются полом ребенка только потому, что, в зависимости от гендера, представляют себе детей по-разному. Родители хотят знать пол ребенка, поскольку от этого будет зависеть, как они его назовут, какую одежду, игрушки и украшения будут покупать, чем будут с ним заниматься. Исследование (Shakin et al., 1985), проведенное в пригородных университетах, показало, что одежда 90% детей была типична для их пола по стилю или цвету. В Мексике родители прокалывают уши и вешают серьги своим маленьким дочерям, чтобы окружающие не ошибались относительно пола ребенка. В американской культуре наших дней для новорожденных девочек очень популярны эластичные ленты с бантами. Как станет ясно по ходу чтения этой книги, гендер — это чрезвычайно важная социальная переменная. И родителям очень не хочется, чтобы окружающие допускали ошибку в отношении пола их детей.

Дифференциальное усиление и дифференциальное подражание.

Два основных механизма, осуществляющие дифференциальную социализацию, — это дифференциальное усиление и дифференциальное подражание (Mischel, 1970). О *дифференциальном усилении* (*differential reinforcement*) мы говорим, когда приемлемое гендерно-ролевое поведение вознаграждается, а неприемлемое — наказывается, при условии, что поощрение или наказание человека за определенные модели поведения, интересы и т.д. зависит от его биологического пола.

Вознаграждение часто выступает в форме общественного одобрения. И наоборот, всякое отклонение от модели поведения, которая в нашей культуре считается соответствующей гендерной роли, в большинстве случаев наказывается социальным неодобрением. Например, в ряде исследований было показано, что мальчики, которые, вопреки нормам, играют не только с детьми одного с собой пола, больше подвергаются насмешкам со стороны сверстников и менее популярны в их среде, чем те, кто подчиняется поло-ролевым стереотипам (Berndt & Heller, 1986; Steriker & Kurdek, 1982). Перри и его коллеги (Perry et al., 1989), наблюдая за школьниками с 4-го по 7-й класс, обнаружили, что мальчики ожидают меньшего порицания от родителей за агрессивное поведение, чем девочки. Литтон и Ромни (Lytton & Romney, 1991) сопоставили при помощи статистических методов результаты исследований родительской дифференциальной социализации, проведенных с 1966 по 1986 г., и пришли к выводу, что родители поощряют у своих детей типичные для гендера занятия.

Дифференциальное усиление (*Differential reinforcement*). Процесс социализации, в ходе которого приемлемое для данного общества поведение поощряется, а неприемлемое наказывается социальным неодобрением.

Уже в 3 года дети с уверенностью относят себя к мужскому или женскому полу (это называется *гендерной идентификацией (gender identification)*). В это время дети начинают замечать, что мужчины и женщины стараются по-разному выглядеть, заниматься разной деятельностью и интересоваться разными вещами. Часто взрослые непреднамеренно стимулируют гендерную идентификацию, регулярно упоминая гендер ребенка («какой(ая) хороший(ая) мальчик/девочка») или говоря детям: «мальчик/девочка так делать не должен(а)». К 7 годам, а часто даже в 3—4 года, дети достигают *гендерной константности (gender constancy)* — понимания, что гендер постоянен и изменить его невозможно (Bem, 1989; Emmerich et al., 1977; Martin & Halverson, 1983 b). Еще до того, как пойти в начальную школу, дети проявляют достаточно серьезные знания о гендерных различиях в игрушках, одежде, действиях, объектах и занятиях (Serbin et al., 1993).

Как только завершается гендерная идентификация и ребенок начинает замечать различия, существующие между мужчинами и женщинами, у него обычно проявляется повышенное внимание к ролевым моделям, обладающим тем же полом, что и он сам, обусловленное желанием быть самым лучшим мальчиком или девочкой. В ходе этого процесса, который Колберг в 1966 г. обозначил термином *социализация Я (self-socialization)*, мальчики обычно подражают поведению мужчин, а девочки — поведению женщин. Описанное явление называется *дифференциальным подражанием (differential modeling)*, и оно согласуется с теорией социального научения (*social learning theory*) (Bandura, 1977), которая постулирует, что мы можем научиться различным типам поведения путем наблюдения за людьми и за тем, наказываются или поощряются их действия. Большинство мальчиков в возрасте от двух до трех лет пробуют надевать мамины туфли, играть с ее косметическими принадлежностями, красить ногти лаком. Однако когда завершается процесс гендерной идентификации и мальчики достигают константности, то понимают, что все эти занятия предназначены для девочек, и начинают подражать поведению мужчин.

Дифференциальным подражанием объясняется, почему женщинам, как правило, нравится ходить по магазинам и заниматься подготовкой к праздникам, а мужчины этого избегают. Пока ребенок растет, он видит, что именно женщина занимается такими делами, и если ребенок — девочка, то это будет интересовать ее гораздо больше, чем если бы на ее месте был мальчик. То же самое относится и к остальной работе по дому, например к стирке. При помощи дифференциального подражания можно объяснить и тот факт, что мужчины чаще женщин смотрят по телевизору спортивные передачи.

Дифференциальное подражание (Differential modeling). Процесс социализации, в ходе которого человек выбирает ролевые модели в соответствующей ему с точки зрения общепринятых норм группе и начинает подражать их поведению.

Согласно Сметане и Летурно (Smetana & Letourneau, 1984), есть все основания предполагать, что гендерная константность побуждает детей искать социальные контакты, чтобы почерпнуть информацию о поведении, соответствующем их полу. Басси и Бандура (Bussey & Bandura, 1992) обнаружили, что поло-ролевое поведение маленьких детей контролируется извне, социальным давлением, но затем ребенок выстраивает свою собственную систему стандартов поведения. После того как это произошло, ребенок начинает контролировать поведение, используя санкции, которые он применяет к самому себе. Такая схема поведения описывается социально-когнитивной теорией гендерной саморегуляции (*social cognitive theory of gender self-regulation*).

Несмотря на то что дети получают информацию от представителей обоих гендеров (Maccoby & Jacklin, 1974), исследование показало, что они склонны воспро-

изводить в поведении именно те модели, которые соответствуют их гендеру (Martin & Halverson, 1981, 1983 а). Перри и Басси (Perry & Bussey, 1979) обнаружили, что дети наблюдают, насколько часто в поведении мужчин и женщин встречаются те или иные виды деятельности, а затем используют полученные знания для того, чтобы выстроить собственное поведение. Было выявлено, что ребенок вероятнее станет имитировать поведение взрослого, если считает, что эта модель точно отражает правильное гендерно-ролевое поведение. Именно поэтому дети тех, кто демонстрирует выходящее за рамки гендерно-ролевых стереотипов поведение, могут все же воспринять модели поведения, типичные для их гендерных ролей; наблюдая за другими взрослыми, они заключают, что поведение их родителей нестандартно, поэтому не имитируют его.

Многие рассказывали мне о людях, которые мечтали вырастить своего ребенка свободным от гендерных стереотипов, но в результате получали полную противоположность. По всей видимости, дело в том, заключали они, что биологические гендерные отличия оказались сильнее попыток родительской социализации. Однако необходимо помнить, что родители — это не единственные для ребенка социализирующие фигуры и не единственные его ролевые модели. Нельзя забывать и то, что гендерно-ролевая социализация — это процесс, продолжающийся в течение всей человеческой жизни, он отражает меняющиеся обстоятельства и новый опыт. На протяжении жизненного пути материалом для построения гендера служит вся система того, что в данной культуре связывается с мужественностью и женственностью (Lott & Maluso, 1993).

Наша культура мириадами способов доносит до каждого человека утверждение, гласящее, что мужчины и женщины — разные существа и должны таковыми оставаться. А ведь без помощи социальной информации предельно сложно разобратся в окружающем нас запутанном мире и существовать в нем. Иногда упомянутая информация поступает к нам непосредственно от окружающих, но в культуре есть для этой цели и специальные средства.

Представления о психологическом типе мужчин и женщин впитались в мифы и религию, сказания и письменную литературу. Герои и героини, реальные или вымышленные, несут в себе целый набор стереотипов, что делает их потенциальными поставщиками характеристик, присущих мужскому или женскому полу (Williams & Best, 1990 а, р. 240).

Внесемейные источники гендерно-ролевой социализации.

Детская литература

Учителя, другие дети, родители других детей, книги, родственники, игрушки и телевидение — из всех этих источников ребенок узнает о поведении, которое расценивается обществом как соответствующее тому или другому гендеру. В большинстве исследований, касающихся сексизма в детской литературе, основное внимание уделялось анализу содержания текстов, а о его влиянии на поведение умалчивалось. Однако эксперименты показывают, что чтение книг, в содержании которых прослеживается половая стереотипизация, приводит к увеличению доли поло-типичного поведения в детских играх (Ashton, 1983).

Сексизм (Sexism). *Индивидуальные предвзятые установки и дискриминирующее поведение по отношению к представителям того или иного пола; институциональная практика (даже если она не мотивирована предрассудком), выражающаяся в том, что представителям того или иного пола навязывается подчиненное положение.*

Хотя недавние исследования (см., например, Purcell & Stewart, 1990) показали, что описания гендера в книгах, изданных после 1980 г., в достаточной степени изменились, но библиотеки все еще полны книгами, созданными до этого периода.

А в них обычно преобладают персонажи мужского пола и женщины изображаются исключительно в роли хранительниц домашнего очага, тогда как мужчинам предоставлены все возможности (McDonald, 1989). Эти истории могут внушить детям, что мир, за исключением воспитания детей, принадлежит мужчинам, а женщины играют в нем подчиненную роль.

Крабб и Билавски (Crabb & Bielawski, 1994) провели анализ иллюстраций в детских книгах серии *Caldecott Medal and honors*, опубликованных в период с 1937 по 1989 г., с целью выявить изменения в *гендерном маркировании* предметов. Эти издания в большом количестве стоят и на полках книжных магазинов, и в библиотеках, поэтому авторы сочли, что они достаточно полно отражают литературу, которую в настоящее время читают американские дети. Гендерное маркирование того или иного объекта дает нам представление о том, кто его чаще использует — мужчины или женщины. Важность гендерного маркирования объясняется тем, что дети наблюдают, с какой частотой определенные действия производятся мужчинами и женщинами, и с большей вероятностью будут имитировать то поведение, которое сочтут присущим людям одного с ними гендера.

По результатам исследования, среди персонажей женского пола значительный количественный перевес был на стороне тех, кого изобразили с предметами, относящимися к домашнему хозяйству (кухонная утварь, метлы и т. п.), и это соотношение не менялось на протяжении 53 лет. Мужчин чаще предпочитали рисовать с орудиями труда (т. е. предметами, используемыми для работы вне дома). И в то же время доля мужчин, нарисованных с предметами домашней утвари в руках, заметно возросла. Результаты этого исследования недвусмысленно дают понять, что, за исключением возросшего числа мальчиков, нарисованных с предметами домашней утвари в руках, изображение в детских книгах различных видов труда, соотнесенных с тем или иным гендером, претерпело минимальные изменения.

Телевидение

Гербнер и Гросс (Gerbner & Gross, 1976) приписывали телевидению уникальную способность изменять фундаментальные представления о природе социальной реальности. Оно обладает этим даром благодаря тому, что не только отражает *status quo*, но и многократно преувеличивает существующие тенденции, телевизионные образы кажутся реальными, а людям доступно широкое использование телевидения и возможность выбора. Альберт Бандура (Bandura, 1969) высказал идею, что телевидение вполне способно соперничать с родителями и учителями в качестве источника ролевых моделей для подражания. Исследования показали, что средства массовой информации очень важны в гендерно-ролевой социализации, а анализ информации, поступающей к нам по телевизионным каналам, продемонстрировал, что телевидение создает стереотипные, традиционные образы мужчин и женщин. Одна из моих студенток написала о том, какое влияние оказал телевизионный сериал «Брэди и их друзья» (*The Brady Bunch*) на ее гендерно-ролевую социализацию. В первый раз этот сериал демонстрировался на телеканале ABC с 1969 по 1974 г., и время от времени его повторяют на других каналах.

"Когда я была ребенком, моим любимым занятием было раз за разом смотреть повторы мыльной оперы «Брэди». В то время я точно знала, что моя цель в жизни — стать совершенной женой, как Кэрол Брэди, иметь шесть или семь детей и позволить мужу обо мне заботиться. Когда я начала учиться в колледже, это все еще было моей целью. Собственно, только в прошлом году я всерьез задумалась о карьере и сменила специализацию с домоводства на психологию."

Синьорелли (Signorielli, 1989) провел анализ недельных выборок телевизионных программ, которые занимали в эфире лучшее время в период с 1969 по 1985 г., и обнаружил, что 71% появлявшихся на экранах людей и 69% главных героев

— были мужчинами. Анализ тенденций выявил лишь незначительные изменения в этих пропорциях за 16-летний период. Женщины на телевидении были в среднем моложе, чем мужчины; обладали более привлекательной внешностью и мягким характером; их показывали в контексте романтических интересов, дома, семьи; они же чаще оказывались в роли жертвы. Из 10 замужних героинь только три имели какую-либо работу за пределами дома (в реальной жизни работают более половины замужних женщин), и даже если женщины работали, то им, как правило, отводились традиционные женские занятия. Мужчины же не только значительно чаще появлялись на экране, но и имели уважаемую в обществе профессию (адвокат, врач) либо подвизались в специфически мужской области деятельности, например полицейскими. Аткин и его коллеги исчерпывающим образом проанализировали и описали 555 телевизионных персонажей. По поводу женских ролей в их отчете говорится следующее: «Подавляющее большинство отражает мужские фантазии о полуодетой глупышке, которую необходимо спасти» (Atkin et al., 1991, p. 679).

Вандеберг и Штрекфусс (VandeBerg & Streckfuss, 1992) провели анализ 116 телевизионных программ, которые за две недели транслировались в лучшее эфирное время по одному из трех крупнейших американских телеканалов. По их подсчетам, ни в одной из этих программ соотношение мужских и женских ролей не превысило 2:1 (т. е. 65% мужчин и 35% женщин). При этом работающих женщин стараются значительно реже изображать принимающими решения, утверждающими рыночную политику корпорации, выполняющими социально и экономически результативную работу. Более того, исследователи отметили, что телевизионные героини, занимающие руководящие посты высокого уровня, как правило, унаследовали их от своих мужей или родственников. Несмотря на то что мужчины гораздо чаще появляются на телеэкранах и при этом их показывают более сильными личностями по сравнению с женщинами, образы мужчин также оставляют желать лучшего. Вандеберг и Штрекфусс заметили, что мужчин часто изображают жесткими, эгоцентричными, настроенными на агрессию и соперничество. Наконец, отрицательными персонажами предпочитают делать мужчин, тогда как женщин стремятся показать чуткими и добросердечными.

Дэвис (Davis, 1991) провел анализ всех телевизионных программ, вышедших в эфир весной 1987 г. Он насчитал значительно больше мужских персонажей, чем женских (65% против 35%). Кроме того, он обнаружил, что взрослые женщины в целом значительно моложе, чем взрослые мужчины (примерно на 10 лет), что женщина имеет в четыре раза больше шансов оказаться блондинкой, чем мужчина — блондином, и наконец, женщины в четыре раза чаще оказываются провокационно одетыми, чем персонажи мужского пола.

Согласно Таврис (Tavris, 1992), анализ телепередач, проведенный Бреттом Силверстейном (Silverstein) в конце 80-х гг., показал, что худых женщин на телевидении 69%, тогда как мужчин — всего 17,5%. Дэвис (Davis, 1991) высказал мнение, что из всего этого складывается портрет молодой, сексуально привлекательной женщины, которая во многих программах служит скорее украшением, чем действующим лицом. Дэвис приходит к выводу, что такой телевизионный образ внушает нам, что женщина ценится, пока она молода и удовлетворяет принятым в данной культуре понятиям о красоте и женственности. Спросите знакомых женщин, что они думают по этому поводу.

Стоит также остановиться на том, как изображают мужчин и женщин спортивные программы. Анализируя результаты исследования мужского образа в спортивных программах, Сабо и Янсен (Sabo & Jansen, 1992) пришли к выводу, что в спорте мужчины показаны доминантными, мужественными, значимыми, тогда как женщин показывают управляемыми, женственными и обесцениваемыми. В част-

ности, они сообщают, что спортивные СМИ нередко низводят женщину до уровня сексуального объекта (ярким примером может быть печально известный выпуск *Sports Illustrated* о купальниках) и что от 85 до 95% времени, которое СМИ уделяют спорту, занимает информация о мужском спорте. Из видов спорта, в которых участвуют женщины, полнее освещаются в СМИ те, что более женственны, как, например, фигурное катание. Если анализировать содержание репортажей, то результаты весьма показательны. В репортажах о мужских видах спорта преобладают описания физической силы и доминирования. Когда речь идет о женском спорте, описание часто разворачивается вокруг внешнего вида, привлекательности, грации, а о силе практически не упоминается (Sabo & Jansen, 1992).

Контент-анализ (*Content analysis*). Метод систематизированной фиксации и квантификации единиц содержания в исследуемом материале, в частности, выявляющий случайные и неслучайные элементы (Бурлачук Л.Ф., Морозов С. М. *Словарь-справочник по психодиагностике*. СПб.: Питер, 1999).

Контент-анализ рекламных роликов на телевидении показал, что их создатели, изображая мужчин и женщин, также широко используют половые стереотипы. В исследованиях подобного рода (Bretl & Cantor, 1988; Lovdal, 1989) обнаружилось, что властный голос в рекламе всегда принадлежит мужчине, подавляющее большинство роликов с участием женщин рекламируют товары для дома, а диапазон занятий для мужчин в рекламных роликах в три раза шире, чем для женщин. Бретл и Кантор подсчитали, что средний американец в неделю успеваеет просмотреть примерно 714 рекламных роликов. Стрейт (Strate, 1992), проведя всеобъемлющий анализ рекламы пива, пришел к выводу, что подобные ролики эксплуатируют традиционный образ мужественности, указывая, что именно надо делать (в том числе и пить пиво), чтобы стать настоящим мужчиной.

Что говорят исследования об изменениях, которые претерпело изображение гендеров на телевидении? Аткин и его коллеги (Atkin et al., 1991) выявили, что за 80-е гг. среди телевизионных ведущих возросло количество женщин. Более того, они указали на тот факт, что продюсерами большинства программ, где участвовали женщины, отклоняющиеся от стереотипов, были также женщины. Мур (Moore, 1992) провел анализ того, каким образом показывалась семья в программах, занимающих в эфирной сетке лучшее время. По его данным, в 1950 г. из всех показываемых матерей семейств было лишь 3% работающих; к 1980 г. эта цифра возросла до 30%. Проведя анализ семейных телешоу с 1950 по 1990 г., Мур пришел к выводу, что реальные изменения мужской роли сильно преувеличены телевидением, которое в большом количестве показывает отцов-одиночек и мужчин, ставящих семейные обязанности выше работы.

Действительно ли телевидение влияет на людей? Принимая во внимание, в каких объемах американцы его поглощают, этого, бесспорно, следует ожидать. В расчете на одну семью время, ежедневно проводимое перед экраном телевизора, достигает более 7 часов, а студенты, к тому времени как их обучение подходит к концу, проводят перед телевизором больше времени, чем на лекциях (Davis, 1991).

По данным Кимбалл (Kimball, 1986), у детей, которые смотрят телевизор, проявляется гораздо больше аттитюдов, типичных для гендерных норм, чем у их сверстников, которые не смотрят телевизор. В ряде других исследований (см., например, Cobb et al., 1982; McGhee & Frueh, 1980; Sleeves, 1987) обнаружилась положительная корреляция между тем, что человек подвергается воздействию средств массовой информации, насквозь пронизанных гендерными стереотипами, и появлением у него стереотипного восприятия, аттитюдов и моделей поведения. Речь, естественно, идет только о наличии взаимосвязи между двумя явлениями, и

не исключено, что следствие в данном случае является причиной*. Другими словами, люди со стереотипными аттитюдами могут отдавать предпочтение программам, пропагандирующим те же гендерные стереотипы. Возможно, впрочем, что дети, которым родители позволяют смотреть подобные передачи, оказываются во власти гендерных стереотипов более, чем те, чьи родители запрещают просмотр, отнюдь не из-за влияния телевидения, а вследствие отношения родителей (исследователи называют это *проблемой третьей переменной*).

Аттитюд (*Attitude*). Специфический образ действий, который человек реализует или хочет реализовать в конкретной ситуации. Аттитюд включает в себя стимул или ситуацию, интерес (интенсивное желание), реакцию и объект.

Экспериментальные исследования (где «третьи» переменные и проблема направленности были под контролем) показали, что телевизионные модели могут влиять на восприятие ребенком гендера. В эксперименте Рабл и коллег (Ruble et al., 1981) ребенок меньше играл с нейтральной игрушкой после просмотра телевизионного ролика, где с ней играл ребенок противоположного пола. Ниже в этой главе будет обсуждаться похожее исследование, проведенное Кобб и другими учеными.

В экспериментах Гейс и коллег (Geis et al., 1984), Дженнингс и соавт. (Jennings et al., 1980) обнаружилось, что просмотр рекламных роликов с выраженными гендерными стереотипами оказывает определенное влияние на стремление участниц эксперимента к карьерному росту, их отношение к существующему порядку вещей и уверенность в себе. В частности, Дженнингс и его коллеги начали свой эксперимент с того, что случайным образом отобрали две группы женщин. Роль независимой переменной играл просмотр записанных на видеопленку четырех телевизионных рекламных роликов. Первая группа увидела эти ролики в первоначальном виде, в котором они демонстрировались по телевидению, т. е. изображающими женщин по отношению к мужчинам в традиционных ролях (домохозяйки или сексуального объекта). Например, одним из показанных в эксперименте роликов была реклама замороженных обедов *Hungry Man*, где многократно уменьшенная женщина подает на стол своему гигантскому мужу не менее огромное блюдо. В другой группе демонстрировались те же самые рекламные ролики, только все роли в них исполняли актеры противоположного пола.

В качестве исходной гипотезы исследователи предположили, что женщины, просмотревшие традиционные ролики, проявят меньшую независимость в суждениях и меньшую уверенность в себе (зависимые переменные), чем женщины, которые видели ролики с переменной ролей. Чтобы измерить уровень независимости суждений, исследователи предложили половине испытуемых принять участие в фиктивном эксперименте, в котором якобы изучалось, какие мультфильмы люди считают смешными. Участницы должны были оценить «веселость» 16 мультфильмов. Объясняя условия, экспериментатор попутно указывал на большую доску с начерченной на ней таблицей, которая якобы отражала оценки предыдущих испытуемых, и говорил каждой участнице, что ее ответы тоже будут внесены в соответствующую колонку. Женщины, просмотревшие традиционные ролики, оказались под гораздо более сильным влиянием этих фальшивых оценок.

Другая половина испытуемых приняла участие в исследовании мнений относительно СМИ (тоже, естественно, фиктивном), которое было предпринято с целью измерить воздействие просмотренных рекламных роликов на уровень уверенности в себе. Участницам предлагалось произнести 4-минутную импровизированную речь на одну из двух тем (по выбору): «опасная и вводящая в заблуждение телевизионная реклама» или «демонстрация насилия в телевизионных программах».

* Исследователи называют это *проблемой направленности (directionality problem)*.

Экспериментатор, ничего не зная о том, какие ролики смотрел испытуемый, определял уровень уверенности говорящего, оценивая семь невербальных показателей в поведении (движения глаз, нервозность и т. д.). Те из женщин, кто смотрел традиционные ролики, были значительно менее уверены в себе, чем остальные участницы эксперимента.

Фэйсизм

Целый ряд исследований показывает, что мужчины и женщины изображаются в разных социальных ролях и занятыми разной деятельностью, но вместе с тем существуют еще более искусные способы, при помощи которых культура усиливает различия в восприятии полов. Арчер и его коллеги (Archer et al., 1983) обнаружили, что в изображениях мужчин и женщин лицо выделяется в разной степени, и назвали это явление *фэйсизм (face-ism)*. В частности, они указали на тот факт, что фотографии в прессе подчеркивают у мужчины лицо, а у женщины — тело, так как мужчины на них обычно изображаются от шеи и выше, а женщины — во весь рост. Во всех двадцати странах, где было проведено исследование, дело в печатных изданиях обстояло именно так. Нигро и его коллеги (Nigro et al., 1988) также подсчитали, что в 70—80-х гг. в журналах *Time*, *Newsweek*, *Good Housekeeping* и *Ms* лицо больше подчеркивалось у мужчин, чем у женщин.

Фэйсизм (Face-ism). Тенденция в разной степени выделять в изображениях мужчин и женщин лицо и тело. Фотографии в прессе обычно подчеркивают у мужчины лицо, а у женщины — тело, так как мужчины на них обычно изображаются от шеи и выше, а женщины — во весь рост.

На первый взгляд может показаться, что этот факт не имеет большого значения. Однако, как справедливо замечает Арчер, голова и лицо являются «центром душевной жизни — там локализуется интеллект, личность, идентичность и характер» (Archer et al., 1983, p. 726), и, таким образом, становится ясно, что средства массовой информации ассоциируют эти понятия скорее с мужчинами, чем с женщинами. Более того, эксперименты показали, что акцентирование лица индивида приводит к тому, что испытуемые более высоко оценивают его ум, амбиции и внешность.

Язык

Язык, на котором мы говорим, также может внести свой вклад в стереотипное восприятие мужчин и женщин. Хенли (Henley, 1989) указывает, что в английском языке есть обширный диапазон средств, которые позволяют по-разному описывать мужчин и женщин, а если точнее, изображать женщин мелкими, заурядными или вовсе их игнорировать. Отчего, к примеру, для замужней женщины существует специальное название (миссис), а для женатого мужчины аналогичного названия нет? О чем это говорит? Уж не о том ли, что семейное положение женщины, в отличие от мужчины, влияет на то, какой нам следует ее воспринимать и как с ней общаться? Хенли также упоминает об исследовании, показавшем, что слов, описывающих женщин с плохой стороны, в 6—10 раз больше, чем слов, при помощи которых можно сказать плохо о мужчине (вспомните, сколько существует способов, чтобы сказать о женщине, что она распутна). В этих словах содержится информация о том соответствующем гендеру поведении, которое принято в нашей культуре.

Игрушки

Есть все основания полагать, что в процессе дифференциальной социализации очень велика роль детских игрушек. Согласно проведенным исследованиям, игрушки и игры помогают девочкам практиковаться в тех видах деятельности, которые касаются подготовки к материнству и ведению домашнего хозяйства, развивают умение общаться и навыки сотрудничества. Совсем иначе дело обстоит у

мальчиков: игрушки и игры побуждают их к изобретательству, преобразованию окружающего мира, помогают развить навыки, которые позже лягут в основу пространственных и математических способностей, поощряют независимое, соревновательное и лидерское поведение (Block, 1979; Connor et al., 1978; Emmot, 1985; Miller, 1987; Peretti & Sydney, 1985; Pitcher & Schultz, 1983).

Пойдите в магазин и посмотрите, какие игрушки там продаются. Вы сразу же увидите, что большинство из них конкретно предназначено либо для мальчиков, либо для девочек. Игрушки для девочек видны сразу. Их упаковка выполнена обычно в розовых или пастельных тонах, на коробке — изображение девочки, а по смыслу они связаны либо с уходом за собой (например, игрушечная косметика), либо с заботой о ребенке (куклы-малышки), либо с домашними делами (игрушечные пылесосы, маленькие кухонные плиты, посуда и т. п.). Игрушки для мальчиков находятся в ярко раскрашенных коробках с изображением играющего мальчика, бывают часто связаны со строительством (различные конструкторы, кубики) или активной деятельностью (спортивный инвентарь, оружие и т. п.). Миллер (Miller, 1987) показала, что детские игрушки все еще разделяются по гендерному признаку: из 50 игрушек, использованных в ее исследовании, 41 были определены участниками как предназначенные исключительно для мальчиков или для девочек. Игрушки, которые испытуемые стереотипно классифицировали как девчоночьи, характеризовались тем, что они относились к дому, как например чайные приборы, куклы и мягкие игрушки. В то же время в число мальчишечьих игрушек испытуемые включили транспортные средства, мячи, оружие и строительные игры.

Гендерную принадлежность игрушки часто содержит в себе ее название или упаковка. Достаточно вспомнить о карманной электронной игре, которая приобрела популярность под названием *Game-Boy*.^{*} Когда моему сыну было пять лет, он заинтересовался названием: «Девочкам ведь можно в нее играть, правда?» — «Конечно», — ответила я. «Ну, тогда надо было назвать ее *Game-Child*»,^{**} чтобы девочки знали, что им тоже можно играть», — сказал он. Проблема не только в том, что в процессе игры с гендерно-соответствующими игрушками ребенок впитывает традиционные половые роли, но еще и в том, как это влияет на навыки, которые приобретают девочки и мальчики (Eccles, 1990). Например, по данным Спрафкин (Sprafkin et al., 1983), такие игрушки, как кубики и паззлы, которым традиционно отдают предпочтение мальчики, хорошо развивают визуально-пространственные навыки ребенка. Этоу и Лисс (Etaugh & Liss, 1992) обнаружили, что дети, получившие в подарок «мужскую» игрушку, отказывались от традиционно женских занятий, а те, кому подарили «женскую» игрушку, не хотели заниматься мужскими делами. Макклэрг и Чейл (McClurg & Chaille, 1987) обнаружили, что мальчики и девочки в пятом, седьмом и девятом классах показывали значительные успехи в пространственных навыках, поиграв в компьютерные игры пространственного типа. Кроме того, Линн (Linn, 1985) приходит к выводу, что мальчики охотнее, чем девочки, играют в компьютерные игры.

По статистике, взрослые покупают маленьким детям больше игрушек, типичных для пола ребенка (Pomerleau et al., 1990; Thompson et al., 1988). Например, Брэдбард (Bradbard, 1985) обнаружил, что среди детей в возрасте 9—16 месяцев большая часть мальчиков получала в подарок на Рождество машинки и пространственные игры, тогда как девочки — предметы домашнего обихода. Совершенно естественно с вашей стороны будет предположить, что это является следствием того, что мальчики и девочки предпочитают различные игрушки и поэтому просят подарить именно их. Действительно, исследование Этоу и Лисс показало, что де-

^{*} Одной из смысловых частей названия является слово «мальчик», можно перевести как «Игра для мальчиков».

^{**} Сын исследовательницы заменил в названии игры слово «мальчик» на слово «ребенок».

вочки хотят и просят «женские» игрушки, а мальчики — «мужские». К примеру, мой сын Кен признается, что очень не любит кукол Барби, а вот его подружка Саманта их просто обожает. Кен никогда не просил купить ему Барби, тогда как Саманта при каждой удобной возможности выпрашивает Барби или аксессуары для нее. Другими словами, мальчики и девочки, по всей видимости, действительно предпочитают разные игрушки. Но является ли это предпочтение «естественным» или создается социальным окружением?

Целый ряд исследований (Bell & Carver, 1980; Culp et al., 1983; Seavey et al., 1975; Sidorovicz & Lunney, 1980) показали, что детские предпочтения в области игрушек начинают формироваться взрослыми. Например, в исследовании Сидорович и Ланни (1980) испытуемые общались с 10-месячным ребенком. Участников случайным образом поделили на три группы. Одной группе сказали, что ребенок — девочка, другой группе — что мальчик, а третьей вообще ничего не сказали о гендере ребенка. Общаясь с ребенком, взрослый имел в распоряжении три игрушки: резиновый мяч, куклу и кольцо для жевания. Если бы мы давали мальчикам и девочкам разные игрушки, исходя из разницы в их поведении, то следовало бы ожидать, что испытуемые будут выбирать игрушки, опираясь на реальное предпочтение младенца, а не на гендерную метку, которой их снабдили. Однако этого не произошло. В результате реальный пол ребенка практически не влиял на выбор испытуемых, чего нельзя сказать о гендерной метке. Из той группы, которая считала, что перед ними мальчик, 50% мужчин и 80% женщин выбрали футбольный мяч (20% из всех, кто так считал, выбрали для «мальчика» жевательное кольцо). В группе, которой ребенок был представлен как девочка, 72% женщин и 89% мужчин выбрали куклу. Лишь 28% женщин из этой группы предложили «девочке» мяч, а из мужчин этого не сделал никто.

Случалось ли вам испытывать негативную реакцию со стороны своих родителей, когда вы играли в игры, считающиеся присущими другому гендеру? Когда я была маленькой, брат моей подруги однажды решил поиграть с нами и предложил наряжаться в разные костюмы. Реакция его родителей была такая, будто бы мы совершили тяжкое преступление. И действительно, по данным исследователей, родители обычно более позитивно реагируют, когда их дети, особенно мальчики, играют в игрушки, соответствующие их полу (Fagot, 1978; Fagot & Leinbach, 1989; Langlois & Downs, 1980; Martin, 1990). Даже в дошкольный период дети, которые не играют в игрушки, соответствующие их полу, чаще подвергаются игнорированию или критике со стороны других детей (Carter & McCloskey, 1984; Fagot, 1978). Этоу и Лисс (1992) обнаружили, что девочки и мальчики обычно получали в подарок те гендерно-традиционные игрушки, которые хотели, но если просили гендерно-нетрадиционную игрушку, то не получали ее. Исследования японских психологов также показали, что родители выбирают игрушки, основываясь на гендере ребенка, и что на выбор, который делает сам ребенок, возможно влиять, манипулируя гендерной меткой игрушки (подробное описание исследования см. Shirakawa et al., 1992).

Даже если родители и родственники не предлагают мальчикам и девочкам различные игрушки умышленно, предпочтения у детей могут сформироваться в процессе социализации Я и без их участия. Посмотрите как-нибудь вечером или воскресным утром детские программы по телевидению, и вы обнаружите, что почти все игрушки подаются в рекламе как игрушки для мальчиков или игрушки для девочек (средний американский ребенок смотрит телевизор 4 часа в день). Не забывайте, что, как только ребенок окончательно относит себя к мужскому или женскому полу и замечает, что мужчины и женщины отдают предпочтение разным вещам и занятиям, он начинает подражать моделям одного с ним гендера. Мой сын достаточно рано заметил, что мальчики не играют в куклы, хотя мы созна-

тельно не говорили ему этого. Однажды, смотря телевизор, он даже сказал мне: «Я бы хотел себе такую игрушку, но раз с ней в рекламе играют только девочки, значит, она только для девочек». Он сразу же осознал, что никто не может запретить ему купить ее, но сказал, что ему будет «не по себе», так как игрушка считается предназначенной только для девочек.

Очень умело проведенное исследование (Cobb et al, 1982) предоставило доказательства в поддержку гипотезы о том, что телевизионные модели могут оказывать влияние на предпочтение маленькими детьми тех или иных игрушек. В нем участвовали дети от 4 до 6 лет, каждому из которых показывали одну из трех видеозаписей, где героями были куклы из мультсериала «Улица Сезам», выбранную случайным образом. Все три фильма начинались с фрагмента, где демонстрировался набор игрушек, с которым играли на телеэкране и мальчики и девочки. Далее по сюжету кукла-мальчик и кукла-девочка обсуждали, какому же полу больше подходят эти игрушки. В первой версии фильма куклы приводили доказательства того, что эти игрушки — «для мальчиков», во второй версии куклы сходились во мнении, что игрушки больше подходят девочкам, а в третьей — что они могут принадлежать и мальчикам и девочкам в равной степени. После просмотра 20-минутного фильма ребенка оставляли в комнате, где находились два набора игрушек: один — фигурировавший в фильме, другой — менее популярный у детей, чем первый, и оцененный в другом исследовании как гендерно-нейтральный. Как мальчики, так и девочки большую часть времени играли с тестовыми игрушками, а не с проверочными, в том случае, если в фильме они были определены как соответствующие их полу. И наоборот, если тестовые игрушки были представлены в фильме как соответствующие другому полу, дети проводили большую часть времени, играя с проверочными игрушками, хотя они были, как мы помним, менее популярны. В двух словах, полученные данные говорят о том, что предпочтения игрушек, основанные на гендере, могут создаваться телевизионными моделями, указывающими на принадлежность игрушки тому или иному гендеру. Так как исследователи пользовались только наборами игрушек, гендерная нейтральность которых была заранее доказана экспериментальным путем, и употребляли одни и те же игрушки во всех трех случаях, у нас есть основания верить, что появившиеся вслед за просмотром видеофильма предпочтения являются целиком заслугой телевизионных моделей.

Производители игрушек демонстрируют все большую осведомленность в этом вопросе. «Говорящая Барби» фирмы Mattel произносит: «Компьютеры — это весело», а еще раньше она умела говорить: «Урок математики — это сложно», но Ассоциация женщин американских университетов (*American Association of University Women*) убедила фирму Mattel, что девочкам дают неправильную установку. Существуют игрушки, считающиеся подходящими и для мальчиков и для девочек, с изображениями мальчика и девочки на упаковке. Совсем недавно я видела рекламу, в которой мальчик и девочка увлеченно играли с игрушечной стиральной машиной и сушилкой. Есть даже специальные кубики для девочек — отличающиеся тем, что они розовые или бледно-лиловые, а на коробке изображены маленькие девочки, занимающиеся строительством гостиных и кухонь.

Скарр и Маккартни (Scarr & McCartney, 1983) предположили, что мальчики и девочки изначально обладают различной врожденной предрасположенностью, благодаря чему и начинают со временем отдавать предпочтение различным игрушкам, а действия взрослых, которые мы относим к дифференциальной социализации, являются не более чем реакцией на эти «естественные» различия. Они назвали этот тезис *вызывающий генотип* -> *реакция среды* (*evocative genotype -> environment effect*). Есть несколько исследований, результаты которых на первый взгляд подтверждают данную гипотезу. Так, Сноу и его коллеги (Snow et al., 1983)

обнаружили, что отцы менее охотно дарят кукол своим годовалым сыновьям, чем дочерям того же возраста, но даже если мальчик и получает от отца куклу, то играет с ней меньше, чем девочки. В другом исследовании дети проявляли большую заинтересованность в игре с типичными для их гендера игрушками, хотя со стороны родителей и не наблюдалось открытых попыток приобщить их к таким играм (Caldera et al., 1989). К сожалению, мы не можем исключить возможности, что дифференциальная социализация в какой-то мере уже произошла раньше и что ее результаты повлияли на предпочтения ребенка. Целый ряд исследований показывает, что процесс дифференциальной социализации начинается в самом раннем детстве (Bell & Carver, 1980; Culp et al., 1983; Shakin et al., 1975; Sidorowicz & Lunney, 1980). Другая, не менее правдоподобная гипотеза состоит в том, что физиология создает индивидуальные различия в предпочтениях, и если последние соответствуют половой роли ребенка, то они получают поддержку, а если не соответствуют, то поддержки не получают (особенно это касается мальчиков). Например, в одном исследовании выяснилось, что мальчики, которые по своему темпераменту были предрасположены к играм, менее типичным для их пола, чаще подвергались наказаниям и осуждению (Berndt & Heller, 1986; Fagot, 1978; Fagot & Leinbach, 1989; Langlois & Downs, 1980; Martin, 1990; Steriker & Kurdek, 1982). Большой процент сорванцов (*tomboys*) среди девочек нашего времени также заставляет усомниться в том, что различия в предпочтениях игр у мальчиков и девочек носят естественный характер. Сорванец в данном контексте — это девочка с мальчишечьими ухватками, которая предпочитает заниматься традиционно мужскими видами деятельности и играть в традиционно «мужские» игрушки, хотя это не мешает некоторым из них также играть с девочками и принимать участие в традиционно женских играх. В одном исследовании 63% учениц 9-х классов заявили, что они — сорванцы, а во взрослой выборке 51% женщин сообщили, что они были сорванцами (Hyde et al., 1977). В более позднем исследовании свыше 50% девочек из 4, 6, 8 и 10-х классов назвали себя сорванцами (Plumb & Cowan, 1984). Подобным же образом, 50% из 193 женщин, обследованных Бурн (Burn et al., 1994) в университетах и общественных колледжах, сказали, что в детстве они были сорванцами. Еще один интересный факт, обнаруженный в нескольких исследованиях (Burn et al., 1994; Plumb & Cowan, 1984), заключается в том, что в пубертатном периоде поведение, не соответствующее гендеру, у девочек значительно сглаживается. Хайд (Hyde, 1991) предполагает, что это явление основано на том, что в период юности повышается интенсивность гендерно-ролевого давления. В своем исследовании Бурн и ее коллеги спрашивали женщин, которые утверждали, что в детстве были сорванцами: «Почему вы перестали быть сорванцом?» Большинство полученных ответов относились к следующим четырем категориям: социальное давление со стороны сверстников или старших школьников, социальное давление со стороны родителей или других взрослых, желание быть привлекательной для мальчиков, физическое развитие. Возможно, появление менструаций и телесное развитие делают «женственность» девочки-сорванцы более заметной, что побуждает ее саму и окружающих все больше применять женские гендерные нормы к ее поведению.

Андрогиния.

Польза.

В этой главе мы рассматривали процесс, в ходе которого человек приобретает гендер. Дифференциальная социализация может привести к развитию у мужчин и женщин различающихся психологических черт. Например, игрушки, дифференцированные по признаку соответствия тому или иному полу, способны культивиро-

вать у девочек заботливое отношение к окружающим, а у мальчиков — настойчивость и дух соревнования. Однако в реальной жизни социальные нормы и социализация не создают крайне мужественных мужчин и крайне женственных женщин. Психолог Сандра Бем (Sandra Bem, 1974) указала на то, что мужественность и женственность не противопоставлены друг другу, а человек может обладать одновременно и мужественными и женственными чертами. Более того, Бем полагает, что даже желательно быть *андрогинным(-ой)*, то есть вобрать в себя лучшее из обеих половых ролей.

Вплоть до 70-х гг. проявления «маскулинных» черт у женщин и «фемининных» черт у мужчин были для психологов источником беспокойства. А среди людей, далеких от психологии, такое понимание широко распространено и сейчас, и именно из-за него люди оказываются в замешательстве, когда их дети проявляют интересы и поведение, свойственные противоположному полу. Однако исследования не подтверждают положение о том, что отклонение от поло-ролевых стандартов влечет за собой психологическую рассогласованность (O'Heron & Orlofsky, 1987, 1990). Действительно, согласно Бем (Bem, 1974), душевное здоровье не должно иметь гендера, а андрогиния положительно влияет на психологическое состояние человека. Была обнаружена связь андрогинии с ситуативной гибкостью (т. е. способностью быть настойчивым или центрированным на интересах других в зависимости от ситуации) (Bem, 1975; Vonk & Ashmore, 1993); высоким самоуважением (Mullis & McKinley, 1989; Orlofsky, 1977; Spence et al., 1975); мотивацией к достижениям (Spence & Helmrich, 1978); хорошим исполнением родительской роли (Baumrind, 1982); субъективным ощущением благополучия (Lubinski et al., 1981). В дополнение к этим данным упомянем о том, что Заммиччели и его коллеги (Zammichieli et al., 1988) обнаружили, что в семьях, где оба супруга были андрогинными, выявлялся более высокий уровень удовлетворенности браком, нежели в семьях, где один партнер или оба были поло-типизированы. У Айкс (Ickes, 1993) мы находим обсуждение целого ряда исследований, которые указывают на то, что отношения, в которых хотя бы один из партнеров андрогинен, больше удовлетворяют обоим. Однако недавнее исследование показало, что степень удовлетворенности браком зависит, в частности, от женственных качеств одного из супругов — мужчины или женщины. Это объясняется тем, что заботливость, опека, чувственность идентифицируются с женственной фигурой, и в то же время именно они определяют качество взаимоотношений (Ickes, 1993).

Поло-ролевой опросник Сандры Бем.

Поло-ролевой опросник Бем (BSRI; Bem, 1974) — это наиболее широко используемый инструмент для измерения того, как взрослый человек оценивает себя с точки зрения гендера (Hargreaves, 1987). Опросник включает в себя 60 прилагательных, каждое из которых обследуемый оценивает по 7-балльной шкале исходя из того, насколько точно оно его характеризует. Двадцать прилагательных из этого списка составляют шкалу мужественности: мужественный(-ая), анализирующий(-ая), амбициозный(-ая), агрессивный(-ая), доминантный(-ая) и т. д.; еще двадцать составляют шкалу женственности: женственный(-ая), теплый(-ая), любящий(-ая) детей, внимательный(-ая) к нуждам окружающих и т. д.; а оставшиеся двадцать — нейтральные: завистливый(-ая), надежный(-ая), серьезный(-ая), с большим самомнением, тактичный(-ая). Прилагательные были отобраны исходя из того, какие характеристики считались гендерно-соответствующими в то время, когда создавалась шкала. Это делалось с целью определить место гендера в культурном контексте, а не в личности отдельного человека (Bem, 1993). Человек, набравший большое количество баллов как по шкале мужественности, так и по шкале женственности, считается андрогинным; тот, кто набрал высокий балл по шкале женственности, но низкий — по шкале мужественности, считается женст-

венным; тот же, чей балл по шкале мужественности намного превышает результаты по шкале женственности, считается мужественным. Термином «недифференцированный» в этом опроснике обозначаются те, кто набрал одинаково низкие баллы как по шкале мужественности, так и по шкале женственности. *Полотипизированным* человеком мы называем того, чье самоопределение и поведение совпадает с тем, которое считается в его обществе гендерно-соответствующим.

Существует ряд научных работ, в которых исследовались результаты проведения BSRI в неевроамериканских группах. Интересно, что они нередко противостоят общепринятым стереотипам. Согласно Де Леон (DeLeon, 1993), афроамериканцы и пуэрториканцы, как мужчины, так и женщины, более андрогинны, чем евроамериканцы. Два других исследования тоже показали, что афроамериканские женщины набирают больший балл по андрогинии, чем евроамериканки (Binion, 1990; Dugger, 1988). Это можно объяснить исторически сложившимся высоким уровнем безработицы среди чернокожих мужчин и низкой оплатой их труда, в результате чего чернокожие женщины заняли на рынке рабочей силы более уверенные позиции по сравнению с белыми женщинами. Исторический опыт афроамериканок привел к тому, что их представление о женственности стало включать уверенность в себе, физическую силу, находчивость и самостоятельность (Dugger, 1988). В исследовании, проведенном в 1983 г. Пу и Васкес-Наттал среди женщин, обучающихся в колледжах, наиболее высокие баллы по шкале мужественности набрали чернокожие студентки, за ними следовали латиноамериканки, а затем белые женщины (отчет об исследовании см. Vazquez-Nuttall et al., 1987). Такие же результаты были получены Де Леон (DeLeon, 1993).

Крану и соавторы (Kranau et al., 1982) выявили, что мексиканки наиболее женственны среди иммигрантов, ассимилировавших культуру американского общества, несмотря на то что их поведение становится все менее и менее женственным. Зато пуэрториканские женщины, живущие на острове, по данным одного из последних исследований, отнюдь не оказались более женственными, чем пуэрториканки, живущие в Соединенных Штатах (DeLeon, 1993). Сравнение результатов BSRI у афроамериканских, пуэрториканских и евроамериканских мужчин показало, что самый высокий процент мужчин женственного типа и самый низкий процент мужчин мужественного типа обнаружился среди пуэрториканцев. Пуэрториканские мужчины в среднем набирали значительно больше баллов по шкале женственности, чем мужчины из афроамериканской и евроамериканской подгрупп. Де Леон считает причиной то, что пуэрториканская культура поощряет проявления привязанности к семье, заботы о других, заботы о детях — черты, которые описывают в BSRI женственный тип. Перечисленные исследования указывают нам на роль культуры в создании гендерных типов, а также на явный недостаток научных работ в этой области. В шестой главе мы продолжим обсуждение связей между гендером и культурой.

Споры по поводу опросника Сандры Бем и концепции андрогинии.

BSRI стал предметом многочисленных научных споров, значительная часть которых касалась комплексных методологических вопросов (Baldwin et al., 1986; Bem, 1979; Hargreaves et al., 1981; Kottke, 1988; Locksley & Colten, 1979; Lubinski et al., 1981; Marsh & Byrne, 1991; Pedhazur & Tetenbaum, 1979; Spens & Helmrich, 1981; Taylor & Hall, 1982). Другие существующие инструменты измерения андрогинии: Опросник личностных атрибутов (PAQ) (Spens, Helmrich & Stapp, 1974); Sex-Rep Instrument (Baldwin et al., 1986); Шкала ANDRO (Berzins et al., 1978); Шкала поло-ролевого поведения (Orlofsky et al., 1982).

Под удар попала даже сама концепция андрогинии (Ashmore, 1990; Sedney, 1989). Сама Бем (Bem, 1981, 1993) сокрушалась по поводу того, что концепция андрогинии подразумевает, что некоторые из одобряемых качеств являются «мужскими», а некоторые «женскими», — ведь это в корне противоречит нашему намерению уменьшить гендерную поляризацию. Многие психологи предлагают совсем отказаться от терминов «мужественность» и «женственность», которые только укрепляют гендерные различия и стереотипы (Betz, 1993). Спенс и Хельмрих (Spens & Helmrigh, 1981) предложили вместо этих терминов использовать следующие: *инструментальность*, что отражает способность к самоутверждению и компетентность (ключевые аспекты традиционной мужественности), и *экспрессивность*, представляющая качества, традиционно связываемые с женственностью, например, забота, внимание к окружающим, эмоциональная экспрессивность и чувственность (Betz, 1993). В своей книге (1993) Бем признается, что концепция андрогинии далека от реального положения дел: исходя из нее, перемены должны произойти на личностном уровне, тогда как в действительности ликвидация гендерного неравенства неизбежно потребует изменений в структуре общественных институтов. Другая трудноразрешимая проблема кроется в возможной утрате позитивной социальной идентичности, которую повлечет за собой сглаживание дихотомии мужского-женского. В главе 5 мы увидим, какую пользу для нашей самооценки приносит сильная идентификация со своим полом и подчеркивание его отличий от противоположного пола. Тем не менее мир, состоящий из людей, одновременно инструментальных и экспрессивных, представляется мне заманчивым. Я соглашусь с Бем в том, что андрогиния, несмотря на скрытые в ней проблемы, дает возможность построить картину утопии, где человеку не нужно отказываться от тех своих качеств и моделей поведения, которые его общество считает несоответствующими гендеру. Важность этой концепции также в том, что она дает осознать одинаковую привлекательность качеств, традиционно считающихся женскими, и качеств, которые мы привыкли считать мужскими. Это особенно важно в свете того, что мужские качества до настоящего времени стараются представить более нормативными и желательными (ср.: Bem, 1993; Miller et al., 1991; Tavris, 1992).

Заключительные замечания.

В этой главе обсуждался круг проблем, связанных с ролью культуры в создании гендера, с разнообразием путей, которыми передаются относящиеся к гендеру культурные нормы, а также с мотивацией, которая заставляет нас соответствовать гендерно-ролевым ожиданиям культуры. Я отдаю себе отчет в том, что вы, возможно, еще сопротивляетесь небиологическому пониманию природы гендерных различий. Вы можете, например, разделять точку зрения социобиологов, таких, как Уилсон (E.O. Wilson, 1978).

По мнению социобиологов, различия в поведении мужчин и женщин образовались естественным путем, а если точнее, то такие различия способствовали выживанию особей, что привело к учащению их встречаемости в популяции. И действительно, судя по всему, разделение некоторых видов труда по половому признаку в какой-то период истории имело значение для выживания. Как справедливо отметили Уильямс и Бест (Williams & Best, 1986), свобода перемещения женщины была ограничена, так как ей всегда было необходимо ухаживать за младенцами. Таким образом, раз уж женщина оказалась «запертой в пещере», ей имело смысл взять на себя остальные заботы, связанные с уходом за детьми и ведением домашнего хозяйства. В противоположность этому, для охоты и войны требовались мобильность и сила, что сделало их соответственно занятиями мужчин.

Для группы в целом также было предпочтительнее, чтобы такими опасными делами занимались мужчины, а не женщины, так как потеря большого числа производителей потомства грозила всей группе исчезновением.

Басс и Барнс (Buss & Barnes, 1986), а также Кенрик и его коллеги (Kenrick et al., 1990) полагают, что такие черты, как мужская доминантность и женская заботливость, могли появиться путем естественного отбора и эволюции. Следуя их *био-социальному* или *эволюционному взгляду*, мужчин выбирали за их черты, связанные с доминантностью и социальным статусом, а женщин — за черты, указывающие на высокие репродуктивные возможности и способность заботиться о потомстве. Опять же предполагается, что такие черты положительно влияют на репродуктивный процесс и, следовательно, начинают чаще встречаться в популяции. Целый ряд исследований выбора партнера в паре показал, во-первых, что женщин сильнее влечет к мужчинам, которые кажутся социально доминантными, тогда как мужчин притягивают внешне привлекательные и молодые женщины, и во-вторых, что эти различия наблюдаются в большинстве культур (Buss, 1989; Buss & Barnes, 1986; Kenrick et al., 1990). Авторы этих исследований полагали, что данные различия соответствуют эволюционной модели, по которой самцы добывают пищу и защищают потомство, а самки производят его на свет и воспитывают.

К сожалению, на данном этапе развития научных знаний мы не можем предоставить прямых доказательств того, что подобные гендерные отличия в предпочтениях партнеров (как, впрочем, и другие отличия в поведении и психологических качествах) записаны в генетическом коде или зависят от гормонального фона. В самом деле, проведенное социобиологами исследование, на которое они постоянно ссылаются в качестве подтверждения теории о естественно выделившихся гендерных различиях, содержит ошибки и, таким образом, представляет для нас сомнительное подтверждение социобиологического объяснения природы гендера (критику этого исследования см.: Fausto-Sterling, 1985). Более того, альтернативные объяснения основываются на достаточно правдоподобном рассмотрении социальных источников гендерных различий. Например, в исследовании Кенрика (Kenrick et al., 1990) женщины ставили такое качество своего партнера, как «способность зарабатывать деньги», на более важное место, чем мужчины. Очевидно, в основе этого лежит тот известный и мужчинам и женщинам факт, что женщина обладает меньшими возможностями зарабатывать деньги, и поэтому в мужчине видят главного добытчика. Причиной могут оказаться и социальные нормы, которые внушают, что ценность мужчины во многом определяется его способностью зарабатывать. Представьте, сколько маленьких девочек слышат от своих родителей, что им надо побыстрее вырасти и найти богатого жениха. Возможно ли, что эти нормы развились оттого, что до появления в середине XX века искусственного детского питания и контроля рождаемости уход за детьми поставил женщину в зависимое положение от мужчины?

Допустим, что когда-то различное поведение мужчин и женщин служило выживанию человеческой особи. Означает ли это, что данные различия сохранились в генетическом коде? Нет, совсем не обязательно. В самом деле, вполне допустимо, что механизм, служивший для наследственной передачи этих различий, имел социальную природу. Исходя из того что половые различия в поведении животных носят инстинктивный характер, многие делают вывод, что точно так же дело обстоит и у людей. Но не надо забывать, что наш мозг, в отличие от слабого мозга животных, оставляет на откуп инстинктам лишь малую часть поведения, а гораздо большая связана с научением. Именно поэтому люди успешно расселились по всему земному шару и демонстрируют поразительное разнообразие в поведении. Быстрые (в историческом смысле) перемены, которым в последнее столетие подверглись женские роли, свидетельствуют о важности культуры в создании и унич-

тожении гендерных различий. Эти перемены скорее революционного, чем эволюционного характера. Например, как может объяснить биология тот факт, что с годами все более сокращается разрыв в эффективности выполнения мужчинами и женщинами математических и пространственных задач? Как сказали Розенталь и Рубин, эти перемены происходят «быстрее, чем перемещается ген» (Rosenthal & Rubin, 1982, p. 711).

Майерс (Myers, 1990) указал еще на один важный контраргумент, касающийся социобиологии и гендерных ролей. Мы помним, что для социобиолога гендерно-ролевые различия существуют постольку, поскольку способствуют выживанию особей данного вида. Однако Майерс заметил, что это положение можно легко опровергнуть: действительно, расположись гендерные роли по-иному, они бы с не меньшим успехом способствовали выживанию особей. Например, писал он, сила и агрессивность у женщин имели полное право сохраниться в ходе естественного отбора, так как сильная и агрессивная женщина может лучше защищать своих детей.

Следует заметить, что, даже если когда-то и существовал особый смысл в том, чтобы женщине сосредоточиться на заботе о детях (прежде всего, у нее есть молочные железы, а искусственное вскармливание появилось лишь недавно), а мужчине — быть агрессивным, это далеко не означает, что такие отличия в поведении все еще остаются адаптивными (то есть способствуют выживанию особей). Майерс (Myers, 1990) отметил, что мудрость эволюции — это мудрость прошлого, она сообщает нам, какие модели поведения были адаптивными в прошлом, но не может сказать, остаются ли эти тенденции такими и сегодня. Бем (Bem, 1993), возражая социобиологам, обвинила их в том, что они слишком мало внимания уделяют возможности человека изменять свое окружение методами культуры и, следовательно, менять что-то в самих себе. Она привела массу примеров, в которых культура и технология освободили человека от того, что вначале казалось существенными биологическими ограничениями.

Современное общество ориентировано на информацию, и поэтому физическая сила и агрессивность не очень важны для достижения успеха в таком мире (Kenrick, 1987). Вместе с тем большинство современных женщин заняты еще на какой-либо работе помимо домашней, чтобы иметь еду, поддерживать средний уровень жизни или реализовать себя. Таким образом, роль единственного опекуна для своего потомства уже не является для женщины адаптивной. Сейчас адаптивным поведением будет попытка как можно более активно задействовать отцов в воспитании детей. Хофман и Хёрст (Hoffman & Hurst, 1990) совершенно справедливо увидели грустную иронию в том, что, хотя в большинстве современных обществ изначальные причины разделения труда уже давно перестали быть убедительными и совсем не так очевидны, как раньше, все продолжает оставаться на своих местах.

Хотя Фрейд однажды заявил: «Анатомия — это судьба», мы теперь знаем, что женщине вовсе не обязательно быть главным опекуном ребенка и даже не обязательно иметь детей, а мужчина не обязан во что бы то ни стало быть агрессивным. Конечно, тот факт, что у женщины есть матка и молочные железы, делает ее более предрасположенной (по сравнению с мужчиной) к родам и заботе о младенцах. А тот факт, что мужчина крупнее и сильнее, наталкивает нас на мысль, что именно он, а не женщина, предрасположен к физической агрессии. Однако, как верно заметил Деглер (Degler, 1990), даже если биологическая или эволюционная основа для человеческого поведения существует, это еще не означает, что люди должны непременно находиться в ее безраздельной власти. Социобиологи, а именно Уилсон (E.O. Wilson, 1978) и Дональд Саймонс (Donald Symons, 1985), высказывали идею, что более устойчивыми к факторам естественного отбора ока-

зывались агрессивные полигамные мужчины, чей вклад в продолжение рода заканчивался оплодотворением. Но мужчины могут быть моногамными, неагрессивными и заботливыми. По словам Деглера (Degler, 1990), не эволюция или естественный отбор, а мы сами определяем себе жизненные ценности.

Мы ни в коем случае, конечно, не пытаемся отрицать роль эволюционного прошлого. В самом деле, сильное влияние, которое оказывают на наше поведение социальный контекст и культура, может само иметь корни в эволюционных процессах. Например, не исключено, что тенденция людей образовывать социальные единицы и находиться под влиянием социальной информации выделилась посредством естественного отбора, так как больше шансов выжить имели те люди, которые существовали в группах и уделяли достаточное внимание поведению окружающих. Мы также далеки от того, чтобы отрицать влияние физиологии на поведение человека. Действительно, существуют убедительные доказательства того, что до 50% личностных особенностей человека передается генетическим путем и что многие психические расстройства уходят корнями в физиологию. Однако биология успешнее объясняет межиндивидуальные, чем межгрупповые (к примеру, этнические или половые) отличия. Короче говоря, биологические аспекты имеют большое значение, но есть вещи, играющие гораздо более важную роль в человеческом поведении, чем биология. Мы не продвинемся по пути понимания гендера или уменьшения гендерного, неравенства, пока не изучим социокультурные контексты, в которых люди живут и работают.

Резюме.

Гендерные стереотипы часто действуют как социальные нормы. Нормативное и информационное давление вынуждает нас подчиняться гендерным нормам. Действие нормативного давления заключается в том, что мы стараемся соответствовать гендерным ролям, чтобы получить социальное одобрение и избежать социального неодобрения. Об информационном давлении можно говорить, когда мы начинаем считать гендерные нормы правильными, потому что находимся под влиянием социальной информации. Мы живем в культуре, где мужчины обычно занимаются одними вещами, а женщины — другими, где гендерные отличия считаются природными; поэтому мы принимаем гендерные нормы и следуем им.

Подчинение гендерным нормам может наблюдаться в поведении, но не в системе верований (уступчивость), либо и в поведении, и в системе верований (одобрение, интернализация), либо может определяться желанием быть похожим на сверстника или ролевую модель (идентификация). Люди в различной степени подчиняются традиционным гендерным ролям, причем некоторые чрезвычайно поло-типизированы и сильно подчинены гендерным ролям. Больше всего шансов быть поло-типизированными у тех, кто имел опыт критического переживания гендерной социализации, когда любое отклонение от половой роли неизбежно влекло за собой жестокие социальные последствия.

В ходе процесса, называемого *дифференциальной социализацией*, мы учимся тому, что человеку, в зависимости от его гендера, будут свойственны разные интересы, модели поведения и психологические качества. Дифференциальная социализация использует два основных механизма — *дифференциальное усиление* и *дифференциальное подражание*. Дифференциальное усиление заключается в том, что мужчин и женщин поощряют или наказывают в зависимости от их поведения, проявляемых интересов и т. д. О дифференциальном подражании мы начинаем говорить, когда ребенок окончательно определяется относительно своего пола и начинает с особым вниманием наблюдать за поведением ролевых моделей одного с ним пола и подражать им.

Родители — не единственные, кто участвует в процессе дифференциальной социализации. Информация о правильном гендерно-ролевом поведении передается через детскую литературу, телевидение и разговорный язык.

Исследования недвусмысленно указывают на большой вклад этих источников в стереотипное восприятие мужчин и женщин.

Определенную роль в развитии поло-типичных навыков и качеств имеют и детские игрушки. По данным исследований, игрушки для мальчиков чаще предназначены для развития пространственных и математических навыков, тогда как игрушки для девочек стимулируют развитие навыков работы по дому и межличностного общения. Среди игрушек, которые дети просят в подарок, большинство типичных для их гендера, и исследователи считают, что эти предпочтения формируются социальным окружением в самом раннем детстве.

Хотя вокруг способов измерения андрогинии разворачивается масса научных споров, есть основания полагать, что современному человеку желательно обладать примерно равным количеством мужских и женских черт.

Социобиологи и эволюционные психологи считают, что отличия в поведении мужчин и женщин выделились в ходе естественного отбора, так как способствовали выживанию. Тем не менее, даже если такие отличия когда-то и способствовали выживанию вида, это еще не означает, что они сохранились в генетическом коде, актуальны в современном мире и что мы должны позволять биологическим отличиям навязывать нам моральные ценности.

Глава 2. Исследования гендерных различий.

Два не таких уж противоположных пола.

Метаанализ. Гендерные различия в математических способностях. Почему в высшем учебном заведении производительность мужчин и женщин начинает различаться. Эмпатия и экспрессивность. Теория социальных ролей. Эмоциональность. Исследования некоторых других гендерных различий. Агрессия. Конформность и подверженность влиянию. Альтруизм. Заключительные замечания. Резюме

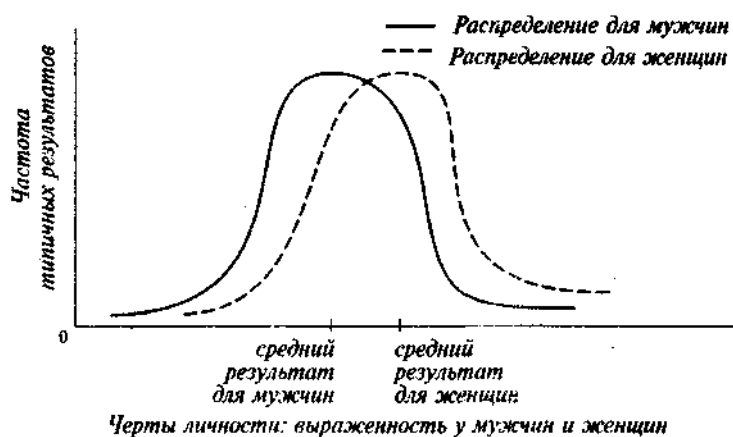
Мы считаем мужчин и женщин совершенно разными существами. Согласно Уильямс и Бест (Williams & Best, 1986), мужчины, в отличие от женщин, обычно считаются амбициозными, рациональными, независимыми и неэмоциональными, тогда как женщин представляют нежными, чувственными, эмоциональными и общительными. Эти представления о мужчинах и женщинах общеприняты в нашей культуре. Юморист Дейв Барри (Barry, 1991) говорил, что женщины хотят, чтобы их любили, слушали, желали, уважали, нуждались в них и верили им, а мужчинам нужен только билет на чемпионат мира по футболу. А в статье Джеклин (Jacklin, 1989) было отмечено, что спекуляции на тему различий между мужчинами и женщинами стали американским национальным занятием. Эрлих (Erlich, 1973) сформулировал положение о том, что этнические стереотипы являются частью социального наследия общества. То же самое можно сказать и о гендерных стереотипах. Судя по всему, эти стереотипы — часть господствующего социального сознания.

Малейшим различиям в строении мозга у представителей разных полов ученые склонны приписывать гораздо большее значение, чем на то дают право объективные данные, а средства массовой информации охотно и очень подробно освеща-

ют подобного рода открытия (дискуссии по этому вопросу см.: Unger & Crawford, 1992, Tavris, 1992).

В своем знаменитом обзоре Маккоби и Джеклин (Maccoby & Jacklin, 1974) выделили только четыре психологических отличия между полами (способности к ориентированию в пространстве, математические способности, речевые навыки и агрессивность). Обычно авторы трудов по психологии ссылаются именно на эти четыре отличия, упоминая лишь вскользь, а иногда вообще не упоминая о том, что у мужчин и женщин гораздо больше сходства (Unger, 1988), и по большей части умалчивая о том, что по результатам недавних исследований эти отличия оказались совсем невелики и ситуационно-специфичны (именно об этом пойдет речь в данной главе).

Психологи начали изучать гендерные различия еще в конце XIX века, но вплоть до 1970-х гг. они по большей части занимались тем, что демонстрировали различия полов и обосновывали этим разное отношение к мужчинам и к женщинам (Denmark & Fernandez, 1993). Только за последние 20 лет опубликовано более 20 000 статей о половых различиях (Myers, 1990), и некоторые из них продолжали упорно проводить мысль, что два пола отличаются коренным образом. Необходимо все же помнить, что, даже если такие отличия и обнаруживаются, они относительно невелики, обычно не больше 10%, а в большинстве случаев распределения мужской и женской выборок на 90% совпадают (Basow, 1986; Hyde, 1991; Maccoby & Jacklin, 1974; Pleck, 1978; Spens et al., 1974). Как отметил Хайд (1991), когда мы говорим, что у мужчин и женщин наблюдается существенное отличие по определенному признаку, это совсем не обязательно означает, что отличие велико. Например, на графике мы видим две кривые, отображающие распределение результатов, полученных, соответственно, на выборке мужчин и женщин. Математики, вероятно, сказали бы, что отличие между этими двумя распределениями является «статистически значимым». Однако обратите внимание на то, какая у них большая площадь взаимного перекрытия. Даже средние значения не так уж сильно различаются.

*Пример результатов, полученных на выборках мужчин и женщин, показывающий незначительность гендерных различий. (Из J. S. Hyde. *Half the Human Experience*. Heath Publisher, 1955, p. 75. Печатается с разрешения).*

Проблема, связанная с литературой, посвященной гендерным различиям, именно в том и заключается, что печатные издания проявляют больший интерес к отличиям, чем к сходствам, соответственно отчеты об обнаруженных отличиях имеют гораздо больше шансов попасть в печать, чем сообщения о найденном сходстве (Basow, 1986; Unger, 1988). Наконец, как уже обсуждалось в главе 1, когда мы находим отличия, мы зачастую склонны приписывать их фундаментальной биологической разнице между полами. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что эти отличия возникают из-за нашего личного опыта и из-за

разницы в требованиях, предъявляемых социумом к мужской и женской гендерной роли.

Число научных работ, посвященных гендерным отличиям, очень велико, и мы подробно остановимся лишь на двух областях, в которых успешность мужчин и женщин традиционно считается различной: во-первых, это математические способности, во-вторых — эмоциональная экспрессивность и эмпатия. Последние качества мы используем для того, чтобы проиллюстрировать социально-психологическую природу гендера. В дополнение к этому будут обсуждаться отличия в таких областях, традиционно относящихся к сфере изучения социальной психологии, как агрессия, конформность, альтруизм. О гендерных отличиях, касающихся силы, статуса, лидерства и интимности в отношениях, речь пойдет в главах 3 и 4. Детальный обзор других областей человеческого поведения, которые исследовались с точки зрения гендерных отличий, читатель может найти у Холперн (Halpern, 1992), Базоу (Basow, 1986 a) или Хайда (Hyde, 1991). Книга под редакцией О'Лири, Унгер и Уолстона (O'Leary, Unger & Wallston, 1985) тоже обсуждает темы, касающиеся гендера в социальной психологии, и в частности — исследования гендерных отличий в атрибуции успешности, мотивации достижений, понятии о справедливости, влиятельности, агрессии и альтруизме.

Метаанализ.

Перед тем как двинуться дальше, мы должны ознакомиться с исследовательской техникой, называемой *метаанализ*. После того как Холл (Hall, 1978) провел метаанализ гендерных различий в невербальном декодировании, эта техника достаточно быстро стала мощным инструментом изучения гендерных отличий. Метаанализ — это статистическая техника, заключающаяся в комбинации информации, полученной из нескольких исследований, имеющая целью прийти к общей оценке величины различий между группами; другими словами, это анализ результатов других анализов (детальное описание и дискуссии с участием специалистов по математической статистике можно найти: Glass et al., 1981; Hyde & Linn, 1986; Rosenthal, 1991.)

Метаанализ сообщает нам, есть ли различие между группами по отдельной переменной, и предоставляет оценку того, насколько это различие велико. До появления метаанализа ученые, имевшие дело с литературой по исследованию частных областей отличий, пользовались для проверки надежности предполагаемых гендерных отличий методом «голосования». Данный метод заключался в том, чтобы, собрав как можно больше исследовательских работ по интересующей теме, подсчитать, в скольких из них гендерные отличия были обнаружены, а в скольких — нет. Так, знаменитая книга Маккоби и Джеклин (1974) о гендерных различиях представляет собой не что иное, как исчерпывающий обзор существующей литературы по предмету (причем описательный обзор) с дополнением в виде таблицы, в которой перечислены исследования, обнаружившие гендерные различия и не обнаружившие таковых.

Существенным недостатком метода голосования является то, что отдельные исследовательские работы могут иметь малую *статистическую мощь*, т. е. способность выявлять различия между группами. Статистические оценки, определяющие значимость отличия одной группы от другой по данной переменной, учитывают как величину различий между группами, так и величину вариабельности по данной переменной внутри каждой группы. Проще говоря, насколько сильно отличаются мужчины и женщины по данной переменной и насколько сильно по этой переменной мужчины отличаются от мужчин, а женщины — от женщин? Для того чтобы заявить, что группы обладают значимыми различиями, мы должны

быть уверены, что различия между группами превышают внутри-групповые отличия. Например, если женщины отличаются друг от друга по данной переменной так же сильно, как они отличаются от мужчин, то мы не имеем права признать, что эти группы значимо отличаются друг от друга.

Намного сложнее получить значимый результат при малых различиях или низких значениях показателей, особенно если в исследовании задействовано малое количество наблюдений. Иначе говоря, низкие значения показателей и малый объем выборки снижают мощность статистического критерия. Это может привести к тому, что статистическая проверка покажет отсутствие различия, которое на самом деле существует (в статистике это называется «ошибкой второго рода»). Таким образом, вы придете к ложному заключению, что отличия не существует, хотя в реальности оно есть. При использовании метаанализа, который комбинирует данные большого числа исследований, мощность статистического критерия существенно возрастает. Это означает, что в ряде случаев при помощи метаанализа можно обнаружить межгрупповые отличия, которые не были выявлены методом голосования (Lipsey & Wilson, 1993). Кроме того, метаанализ дает представление о значении величины отличия, называемой *effect size* и обозначаемой буквой *d*.

Чтобы провести высококачественный метаанализ, необходимо собрать все доступные исследования по данной теме, включая неопубликованные. Значение величины отличия (*d*) подсчитывается для каждого исследования путем вычитания среднего одной группы из среднего другой (в нашем случае среднее для женщин вычитается из среднего для мужчин), после чего полученная разница делится на внутригрупповое стандартное отклонение (Eagly & Carli, 1981; Hyde, 1992; Hyde & Linn, 1986; Lipsey & Wilson, 1993).

Коэн (Cohen, 1969) установил, что если *d* принимает значение 0,2, то надо говорить о малой величине отличия, 0,5 — средняя величина отличия, а 0,8 — большая. Большая величина отличия означает, что мужчины и женщины сильнее отличаются друг от друга, чем от представителей своего же пола (Eagly, 1987). Затем значения *d* для всех исследований усредняются (складываются и делятся на общее число исследований), чтобы получить общий индекс величины отличия *d* по всем исследованиям. Например, в таблице 2.1 отражены значения *d* гендерных отличий в выполнении математического теста для 19 стран. Вы можете самостоятельно подсчитать среднее значение величины отличия для стран, где мальчики более успешно выполняли тест, чем девочки ($d = 0,18$), и среднее значение величины отличия для тех стран, где девочки показывали лучшие результаты, чем мальчики ($d = 0,16$). Другими словами, даже если мужчины и женщины демонстрируют различный успех в математике, эти отличия очень малы.

Таблица 2.1. Национальные половые различия по математическому тесту для восьмого класса

Страна	Значение для мальчиков	Значение для девочек	Разница $X_m - X_d$	Значение величины отличия (<i>d</i>)
<i>Более успешное выполнение мальчиками</i>				
Франция	17,02	14,18	2,84*	0,37
Израиль	18,79	17,74	1,05*	0,11
Люксембург	13,34	11,74	1,60*	0,25
Нидерланды	22,00	20,23	1,77*	0,17
Новая Зеландия	14,60	13,51	1,09*	0,10

Канада (Онтарио)	17,72	16,94	0,78*	0,8
Свазиленд	9,29	7,89	1,40*	0,21
<i>Одинаково успешное выполнение</i>				
Британская Колумбия	19,55	19,27	0,28	0,3
Англия (Уэльс)	15,38	14,92	0,46	0,4
Гонконг	16,59	16,09	0,50	0,5
Япония	23,84	23,80	0,04	0,004
Нигерия	9,50	9,05	0,45	0,7
Шотландия	16,83	16,68	0,15	0,1
Швеция	10,70	11,18	-0,48	-0,6
США	14,98	15,12	-0,14	-0,1
<i>Более успешное выполнение девочками</i>				
Бельгия—Франция	19,44	20,54	-1,10*	-0,12
Финляндия	13,24	14,87	-1,63*	-0,17
Венгрия	22,36	23,62	-1,26*	-0,13
Таиланд	12,09	14,16	-2,07*	-0,22

* В этих случаях, согласно тесту F ($p = 0/01$), оценки мужчин и женщин значительно отличались. Обратите внимание на малые значения величины отличия d .

Источник: Baker & Perkins-Jones, «Creating Gender Equality: Cross-National Gender Stratification and Mathematical Performance», *Sociology of Education*, 66, #2, Table 2-1. American Sociological Association, 1993. Печатается с разрешения American Sociological Association и авторов.

Можно также прибегнуть к сравнению значений показателя d в различные периоды времени, менять измерительные инструменты, методы, возрастные группы, контекст исследования, чтобы увидеть динамику различий во времени и в целом спектре разнообразных ситуаций. Подобные аналитические исследования обычно показывают, что факт обнаружения гендерных различий в той или иной области очень зависит от гендерных норм, господствующих в данное время в данном месте. В этой главе обсуждаются метааналитические исследования математических способностей, агрессии, альтруизма и влияния. Метаанализ гендерных различий в лидерстве и оценке успешности представлен в главе 3. В работе Хайда и Фроста (Hyde & Frost, 1993) вы можете найти великолепный обзор метааналитических исследований гендерных различий.

Гендерные различия в математических способностях.

Находки исследователей.

Изучение гендерных различий в математических способностях ведется уже более 30 лет. В целом, исследования мальчиков и девочек в возрасте до окончания неполной средней школы либо совсем не обнаруживают различий между полами (Callahan & Clements, 1984, Dossey et. al., 1988; Siegel, 1968), либо обнаруживают различия, говорящие в пользу девочек (Brandon et. al., 1985, Friedman, 1989; Hawn et. al., 1981). Что касается исследований, проведенных с учениками старших клас-

сов, в некоторых из них девочки выполняли задания лучше мальчиков (Tsai & Wahlberg, 1979), в других — мальчики лучше девочек (Hilton & Berglund, 1974), в третьих — различий вообще не обнаружилось (Connor & Serbin, 1985). Более последовательные результаты были получены со студентами: молодые люди выполняли задания в целом успешнее, чем девушки (Friedman, 1989).

Это расхождение в математических способностях, внезапно проявляющееся в период полового созревания, может быть либо следствием того, что изменение гормонального фона влияет на подобные навыки, либо результатом усиления социальных различий между юношами и девушками. «Гормональная» теория кажется неубедительной хотя бы потому, что, по данным недавних исследований, эти различия за последние годы значительно уменьшились (Becker & Hedges, 1984; Friedman, 1989; Hyde et al., 1990 a), и такая тенденция повсеместно наблюдается в странах, продвинувшихся по пути гендерного равноправия (Baker & Perkins-Jones, 1993). Метаанализ — незаменимый инструмент для изучения временной перспективы гендерных различий в выполнении математических заданий. Главное его достоинство в том, что данные многочисленных исследований за один период времени можно статистически сравнить с результатами большого числа исследований за другой отрезок времени.

Вплоть до окончания школы девочки учатся лучше, чем мальчики, по всем предметам, включая математику, а в институте молодые люди начинают обгонять девушек по математическим дисциплинам (Stockard & Wood, 1984; Wentzel, 1988).

Фридман (Friedman, 1989) был произведен впечатляющий метаанализ 98 исследований гендерных различий в выполнении математических заданий за период с 1974 по середину 1987 г. Эта работа впечатляет тщательностью и особым вниманием к тем факторам, у которых предыдущие исследователи обнаружили способность повышать валидность метаанализа. В число проанализированных научных работ входили диссертации, статьи в журналах и обширные национальные исследования, в которых участвовали ученики всех ступеней образования: от младшей начальной школы до выпускных старших классов. Результаты, полученные Фридманом, говорят о том, что средние половые различия в выполнении математических заданий в настоящее время очень малы. Более того, при сравнении значений величины отличий, полученных путем метаанализа в разные периоды времени, становится ясно, что половые отличия в математических успехах в пользу мужчин с течением времени заметно сократились. Например, если у Хайда (1981) среднее значение (d) равнялось 0,43 (вспомним, что 0,20 считается малой, а 0,50 — средней величиной отличий), то в работе Фридмана (1989) сообщается уже цифра 0,22, а по результатам метаанализа 100 исследований, проведенного Хайдом и его коллегами (Hyde et al., 1990 a), эта величина упала до 0,05. Фейнгольд (Feingold, 1988) по итогам метаанализа с использованием норм для некоторых широко применяемых стандартных методик (среди них PSAT, SAT, DAT) также обнаружил, что гендерные отличия в математических способностях с годами стираются.

Валидность (от англ. *valid* — пригодный, имеющий силу). Комплексная характеристика методики, включающая сведения об области исследуемых явлений и репрезентативности диагностической процедуры по отношению к ним (Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике).

Несмотря на уменьшение величины гендерных различий в области математических дисциплин, Фейнгольд (1988) и другие ученые (Becker & Hedges, 1984; Benbow & Stanley, 1980, 1982) столкнулись с тем, что среди одаренных в математике подростков оказывается непропорционально большое число мальчиков. Что-то подобное обнаружилось у Хайда и его коллег (Hyde et al., 1990 a): когда они со-

поставили результаты исследований начиная с младших классов и заканчивая вузами, то полученные гендерные различия в большинстве случаев равнялись нулю. Однако когда результаты исследований, проведенных в вузах и школах, были проанализированы отдельно, то различия в том, насколько успешно решались задания (как в словесной, так и в письменной форме), обнаружались и в вузах ($d = 0,29$), и в школах ($d = 0,32$), причем и там и там мужчины были успешнее. (Заметьте, что величина различия не является большой, она лежит в пределах от средней до маленькой.) Различий в счетных способностях и улавливании сути математических понятий обнаружено не было. Впрочем, как отметили Эклз и ее сотрудники, в этих исследованиях не измерялись ни усилия, ни возраст, когда ребенок в первый раз столкнулся с математикой, поэтому мы не можем заключить, что полученные различия коренятся действительно в способностях, а не в разнице в опыте (Eccles & Jacobs, 1986; Eccles et al., 1990).

По мнению Кенрика (Kenrick, 1988), половые различия в математической производительности не являются следствием отличий в когнитивных способностях. Он придерживался точки зрения, что половые различия в этой области напрямую связаны с половыми различиями, касающимися агрессивности и производного от нее стремления к соревнованию. Более того, Кенрик заявил, что это «гиперактивное влечение к доминированию» существует у мужчин благодаря повышенному уровню гормона тестостерона у них в крови. В поддержку своей позиции он приводит тот факт, что у женщин успеваемость лучше, чем у мужчин, в том случае, если они учатся в рамках не очень загруженного учебного плана школьной математической программы, но она резко снижается при обучении по более насыщенной программе SAT-M. Хотя есть основания верить тому, что мужчины более подвержены духу соревнования, чем женщины, мы не можем с такой же уверенностью сказать, что природа этого отличия является гормональной хотя бы потому что мужская гендерная роль несомненно предполагает соревнование в гораздо большей мере, чем женская роль. Более того, вопреки всем историям на эту тему, которые вы могли почерпнуть из СМИ, исследования связи между половыми гормонами и когнитивными способностями (Golub, 1976; Hampson & Kimura, 1988; Heister et al., 1989) смогли предоставить лишь очень слабые доказательства, говорящие в пользу гормонально-когнитивной гипотезы (обсуждение этого исследования см. в: Halpern, 1992, p. 120—133). Из последующего обсуждения станет понятно, что есть веские причины полагать: далеко не последнюю роль в появлении половых различий в математической сфере в пубертатный период играют социальные факторы.

Почему в высшем учебном заведении успеваемость мужчин и женщин начинает различаться.

Какими могут быть причины внезапного появления различий между мужчинами и женщинами в успешности решения математических задач? Тому есть несколько убедительных объяснений.

1. *Женщинам недостает уверенности в своих математических способностях, и они не рассчитывают на успех в этой области.* По результатам некоторых исследований (Eccles, 1989; Fennema & Sherman, 1977, 1978), женщины реже посещают лекции по математике не только потому, что в противном случае они рискуют почувствовать, что уклоняются от социальных норм, но и из-за того, что им просто недостает уверенности в своих математических способностях и они не рассчитывают на успех. Эклз (1989) в своем исследовании продемонстрировала, как уверенность женщин в своих математических способностях снижается начиная с седьмого класса и далее, включая период обучения в высших учебных заведениях. Феннема и Шерман (1977, 1978) обнаружили доказательства наличия связи между уверенностью в усвоении математических дисциплин и успеваемо-

стью в этой области знаний. По результатам одного исследования (Meehan & Overtoil, 1986), мужчины вообще имеют более высокие ожидания успеха в решении задач, чем женщины. Экклз и ее коллеги (Eccles et al., 1990) обнаружили, что из-за гендерных различий в восприятии своих способностей мужчины и женщины выбирают различные учебно-тренинговые программы и стремятся к различным родам деятельности.

В ходе метаанализа гендера и отношения к математике Хайд и его коллеги (Hyde et al., 1990 b) обнаружили лишь малые гендерные различия, касающиеся уверенности в своих математических способностях, однако во время институтского обучения эти различия оказались на порядок больше. Ученые пришли к выводу, что существуют другие факторы (часть из которых рассмотрена ниже), более убедительно объясняющие появление таких гендерных различий в пубертатный период.

2. *Девочки могут считать математические достижения неподходящими для своей гендерной роли.* Это объяснение предполагает веру многих женщин в то, что хорошо учиться по математике — это гендерно-несоответствующее поведение, и, следовательно, они и не стараются добиваться успехов в этой области. Примечательно, что мальчики и девочки вплоть до подросткового возраста не различаются в своем отношении к математике (Etaugh & Liss, 1992). Хайд и его коллеги (Hyde et al., 1990 b) установили, что среди студентов юноши с большей уверенностью считают математику мужским занятием, чем девушки (значение величины отличий для всех групп достигало 0,90, а наиболее высокие значения наблюдались в группах от 15 до 18 лет). Исследователи предположили, что мужчины указывают своим ровесницам на несоответствие математических достижений их женской роли. По словам Венцель (Wentzel, 1988, p. 693), данные исследований наводят на мысль, что «области деятельности, характеризующиеся как мужские (например, математика), могут по мере взросления студенток становиться для них камнем преткновения и начинают восприниматься в отрицательном контексте». Другими словами, для девочек-подростков очень важно нравиться мальчикам и быть привлекательными, а успехи в математике, как им кажется, значительно уменьшают их привлекательность для окружающих. Действительно, девочки реже, чем мальчики, изъявляют желание посещать факультативные занятия по математике, учась в институтах, менее охотно записываются на углубленные курсы лекций по математике, реже хотят сделать карьеру в областях, связанных с математикой, например стать инженером (Eccles, 1984 a, 1984 b). Холперн (Halpern, 1992) упомянула в своей работе об одной экскурсии по Калифорнийскому университету в Лос-Анджелесе, где ее гидом была студентка, которая рассказывала, что девушек, специализирующихся в областях, смежных с математикой, у них называют «дрессированными собачками». Опыт одной из моих студенток (специализировавшейся по домоводству) будет не менее яркой иллюстрацией.

"В течение всей учебы, начиная от детского сада и заканчивая институтом, у нас с сестрами были совсем другие ожидания, чем у братьев. Мои сестры определенно не были уверены в своих интеллектуальных способностях и больше интересовались популярностью и общественной жизнью, чем успехами в учебе. К сожалению, к концу школы или в институте большинство девушек осознает, что они вынуждены выбрать одно из двух. По тестам, которые ежегодно проводятся по всей стране для сравнения школьной успеваемости, я всегда получала хорошие баллы, и из-за этого меня определили в образовательную программу для одаренных и талантливых детей. Это «позорное пятно» я старалась смыть в течение всего отрочества. У меня были хорошие оценки по математике вплоть до восьмого и девятого классов, когда социальные потребности наконец взяли верх и моя успеваемость по математике резко упала."

В подтверждение мысли о том, что некоторые женщины считают математические достижения социально неприемлемыми, можно также привести исследовательскую работу Селкоу (Selkow, 1985), которая показала, что гендерные различия в решении задач могут быть сокращены, если контролировать поло-ролевою идентификацию. Другими словами, женщины с сильной традиционной поло-ролевой идентификацией решали задачи хуже, чем те, у кого не было настолько сильной идентификации, и возможно, причиной такого положения дел послужило представление первых о том, что успехи в математике не соотносятся с женской ролью. Конечно, мы не исключаем и возможности, что девочки со слабыми математическими способностями сильнее идентифицируются с традиционной женской ролью, так как в рамках этой роли у них просто больше шансов на успех.

Не менее примечателен и тот факт, что девочки, вопреки неопровержимым доказательствам того, что их математические способности не хуже, чем у мальчиков, реже становятся учеными или инженерами (Kimball, 1989). Бейкер и Перкинс-Джонс (Baker & Perkins-Jones, 1993) высказали мнение, что успешность студента в той или иной дисциплине связана со специальностью, которую он планирует выбрать. Экклз (Eccles, 1989) обнаружила, что после восьмого класса девочки все меньше и меньше включают математику в свои планы на будущее и, что закономерно, все менее охотно посещают факультативы по математике. Как писали Бейкер и Перкинс-Джонс:

"Если студентам предоставляется возможность получить в будущем хорошее дополнительное образование или работу при условии, что они показывают высокую успеваемость по математике, они с большой вероятностью будут стараться, учителя станут поддерживать их в этом начинании, а родители и друзья будут со своей стороны утверждать в мысли, что математику как область применения знаний необходимо воспринимать серьезно. Студентки же, наоборот, имея меньше возможностей такого рода, могут посчитать математику бесполезной во взрослой жизни, а учителя, родители и друзья будут всячески поддерживать их в этом убеждении" (Baker & Perkins-Jones, 1993, p. 92).

Бейкер и Перкинс-Джонс (1993) заключили, что если их гипотеза верна, то в культурах, предоставляющих женщинам больше возможностей сделать карьеру в математической сфере, должны обнаруживаться меньшие различия полов в решении математических задач, чем в странах с сильным гендерным расслоением, где карьеры в математической сфере раз и навсегда закреплены за мужчинами. Что и было подтверждено их собственным исследованием, в котором приняло участие 77 602 ученика восьмых классов из 19 стран (математическая производительность измерялась при помощи стандартного теста). В таблице 2.1 отражены средние для мальчиков и девочек показатели по тесту, состоящему из сорока пунктов, и величина отличия для каждой страны. Как мы можем убедиться, были обнаружены значительные кросс-культурные вариации половых различий в математических навыках: в семи странах у мальчиков были лучшие результаты, чем у девочек (Франция, Израиль, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Канада, Свазиленд); в восьми странах половых различий обнаружено не было (Британская Колумбия, Англия, Гонконг, Япония, Нигерия, Шотландия, Швеция, США); а еще в четырех странах девочки обогнали мальчиков (Бельгия, Финляндия, Венгрия, Таиланд). Авторы соотносят эти результаты с данными, отражающими сокращение половых различий в математической сфере в странах, где растет диапазон возможностей для женщин, и утверждают, что полученная общая картина противоречит биологическим моделям когнитивных отличий, которые ставят социальные факторы на второе место после биологических.

3. *Родители и учителя редко поощряют девочек в изучении математики.* Возможно, причину того, что женщины мало верят в свои математические способ-

ности, следует искать в ожиданиях и поддержке со стороны родителей и учителей. Хайд (1990 b) обнаружил, что именно в институте родители и учителя начинают считать математику исключительно мужской областью. В целом ряде исследований Двек и ее коллеги (Dweck & Bush, 1976; Dweck et al., 1978; Dweck et al., 1980) показали, что учителя поощряют мальчиков гораздо больше, чем девочек, давая им понять, что их успехи являются следствием хороших способностей, а ошибки, допущенные мальчиками, предпочитают объяснять в основном различными преходящими факторами, например недостаточным старанием. Такие атрибуты снижают уверенность девочек в своих академических способностях, несмотря на то что успеваемость девочек обычно выше, чем у мальчиков. В результате — понижение устойчивости или нарушение производительности после совершения ошибки либо переживания из-за ожидания ошибки. Для афроамериканок это проблема еще большего масштаба, так как их шансы получить слово на уроке и ответить на вопрос учителя еще ниже, чем у белых девочек, а ожидания учителей относительно таких девочек тоже низки (Белл, 1989).

Парсонс и соавторы (Parsons et al., 1982) обнаружили, что содействие родителей и их вера в способности ребенка оказывает сильное влияние на веру ребенка в свои собственные способности и в конечном счете на те дисциплины, которые он выберет для изучения. Метаанализ, проведенный Хайдом и его коллегами (Hyde et al., 1990 b), показал, что мужчины более, чем женщины, склонны приписывать математические успехи своим способностям. Исследователи отмечают, что восприятие родителей все равно остается гендерно-дифференцированным, даже если их сыновья и дочери одинаково хорошо учатся и одинаково выполняют стандартные тесты (Eccles et al., 1990; Eccles-Parsons et al., 1982). В уже упоминавшемся ранее исследовании Бейкер и Перкинс-Джонс (Baker & Perkins-Jones, 1993), в котором участвовали школьники 19 стран, также обнаружилась связь между поддержкой родителей в изучении математики и гендерными различиями в успеваемости по данному предмету. Половые различия в родительской поддержке оказались связанными с половыми различиями в доступности программы по математике. Однако вселяет надежду то, что Хайд и его коллеги в своем метаанализе (Hyde et al., 1990 b) обнаружили тенденцию к сокращению гендерных различий в поддержке со стороны родителей и учителей.

В дополнение к вышесказанному следует упомянуть об исследовании Эклз (Eccles et al., 1990), в ходе которого выяснилось, что родители в том случае, если успехи в математике делает их дочь, предпочитают относить их за счет старания, а не способностей. Что касается сыновей, для них действительно обратное. Подобные родительские ожидания и атрибуты влияют на самовосприятие ребенка и с большой вероятностью оказываются причиной того, что девочки впоследствии стараются избегать «мужских» занятий, в данном случае — математики и науки вообще. Однако следует отметить, что, согласно Рэймонд и Бенбоу (Raymond & Benbow, 1986), родители в равной степени поощряли математические достижения мальчиков и девочек, если они были экстраординарными.

Даже когда женщины посещают тот же объем лекций по математике, что и мужчины, их преподаватели и классные наставники реже рекомендуют им продолжать занятия наукой в областях, смежных с математикой. Совсем недавно одна студентка — будущий инженер-самолетостроитель — рассказала мне, что преподаватель по профилирующему предмету заявил в первый же день занятий: «Я сомневаюсь, что женщины смогут хорошо ориентироваться в моем предмете». По словам другой моей знакомой студентки-инженера, когда у ее подруг случались трудности в понимании специальных предметов, им рекомендовали подумать о смене специальности, в то время как их одноклассникам-мужчинам в тех же ситуациях советовали «напрячься и выкарабкаться». То, что произошло с этими жен-

щинами, хорошо соотносится с результатами исследования, проведенного Матиас (Matyas, 1987), которое показало, что учителя в колледже, преподаватели математики, научных и инженерных дисциплин уделяют больше внимания студентам-мужчинам и гораздо настойчивее рекомендуют им заниматься наукой и продолжать обучение.

Большинство учителей намеренно пытаются вести себя с учениками и ученицами одинаково, но исследование показывает, что они все-таки исподволь больше содействуют мальчикам, особенно в отношении математики (Brophy, 1985; Eccles & Blumenfeld, 1985). Парсонс и его коллеги (Parsons et al., 1982) сравнили классы, в которых ожидание математических успехов от мальчиков было выше, чем от девочек, с классами, где ожидания учителей никак не были связаны с половыми различиями. Исследователи обнаружили, что в классах, где не было разницы в ожиданиях, девочки более активно взаимодействовали с учителем и чаще удостоивались похвалы. Обратная ситуация наблюдалась в классах, где от мальчиков заранее ожидали больших успехов, чем от девочек. В одном из исследований (Becker, 1981) было подсчитано, что на уроках геометрии мальчиков чаще спрашивали и вызывали к доске (несмотря на то что девочки так же активно тянули руки), они получали больше отзывов, похвалы, индивидуальных указаний и поощрений, чем девочки. В этом исследовании также обнаружилось, что из всего числа неодобрительных комментариев со стороны учителей 84% получили девочки, а вот из одобрительных им досталось только 30%. По отношению к мальчикам учителя проявляли больше настойчивости; оказалось, что только мальчики могут рассчитывать на более чем 5-минутный разговор с учителем.

Ассоциация женщин американских университетов провела длившееся две декады исследование, в отчете о котором (1992) говорится, что учителя уделяют больше внимания мальчикам, чем девочкам, и что образовательная система ориентирует девочек на традиционную, отведенную для женского пола работу, отстраняя их от областей, изучение которых открывает путь к карьере в науке и производстве. Учителя часто поощряют у девочек пассивность и наказывают за настойчивость (Sadker & Sadker, 1982), чем серьезно усложняют им процесс соревнования с мальчиками за внимание учителя (Bell, 1989).

4. *Есть основания полагать, что жизнь девочек за пределами школы менее богата опытом в математической области и сфере решения задач.* Этот факт может частично объяснять наличие гендерных различий в решении математических задач. Хотя такая возможность не была еще всесторонне изучена, некоторые исследования все же показывают, что мальчики обладают более богатым опытом в отношении математики и наук, нежели девочки (Kahle et al., 1986; Linn & Petersen, 1986). В первой главе мы обсуждали, как детские игрушки могут стимулировать развитие различных навыков у мальчиков и у девочек.

Эмпатия и экспрессивность.

Общепринятые стереотипы содержат и идею о существовании множественных гендерных отличий в сфере эмпатии и эмоциональности. Дейв Барри однажды сказал, что женщины в принципе могут оставить попытки дожидаться от мужчин эмоциональности: «Если бы вам представилась возможность проникнуть глубоко в душу мужчины, то там, далеко внизу, под этой оболочкой мачо и слоем бесконечных занудных бесед о разных вещах вроде чемпионата мира 1978 года, вы бы обнаружили страстную и горячую увлеченность... чемпионатом мира 1978 года. Да, приходится признать, что мужчинам недоступны эмоциональные мысли и переживания. Пора вам, женщинам, понять это!» (Barry, 1991).

Слова Дейва Барри в точности отражают то, что думает большинство людей. Говоря о различиях между мужчинами и женщинами, мы часто считаем, что женщины лучше выражают эмоции и более восприимчивы к чувствам окружающих (эмпатичны), чем мужчины. Действительно, вера в то, что женщины более эмоциональны, чем мужчины, является одной из наиболее тривиальных находок в ходе изучения гендерных стереотипов (Birnbaum et al., 1980; Fabes & Martin, 1991). Айкс и Барнс (Ickes & Barnes, 1978) объяснили, что мужественность обычно связывают с достижениями, автономностью и стремлением к контролю — причем такому, в котором на первом месте стоит способность влиять на осознанное выражение или сокрытие своих чувств. О женственности они писали, что она, наоборот, ассоциируется с межличностной коммуникацией, стремлением к объединению и активным выражением своих чувств.

Различия в эмоциональности между мужчинами и женщинами можно рассматривать на нескольких уровнях. На одном уровне мы имеем дело со способностью понимать эмоциональные состояния других (эмпатия) и умением выразить это понимание (эмпатическая экспрессия). На другом уровне нас интересует переживание самим человеком своих эмоций (эмоциональные переживания) и его способы эти эмоции выражать (эмоциональная экспрессия). Оба уровня имеют большое значение для душевного здоровья и межличностных отношений, что мы будем подробно обсуждать в главе 4, когда пойдет речь об ограничениях, накладываемых традиционной мужской ролью.

Эмпатия.

Действительно ли женщины более эмпатичны, чем мужчины? Если это и так, то причиной, вероятно, являются социальные нормы. От кого вы ожидаете большей эмпатии и более глубокого понимания эмоционального состояния других — от мужчин или от женщин? Как и большинство людей, вы наверняка испытываете полную убежденность в том, что женщины более эмпатичны, чем мужчины. Исследователи, однако, вашей уверенности не разделяют. Данные, касающиеся гендерных различий в эмпатии, на первый взгляд кажутся непоследовательными, а при ближайшем рассмотрении становится ясно, что они меняются в зависимости от используемого в каждом конкретном случае метода измерения эмпатии. Айзенберг и Леннон (Eysenberg & Lennon, 1983), проводя всеобъемлющий обзор исследовательских работ в данной области, обнаружили, что чем более очевидно было, что тест измеряет уровень эмпатии, тем меньшие гендерные различия выявлялись. Например, серьезные различия наблюдались в исследованиях с использованием шкал, где обследуемый должен был сообщить, насколько эмпатичным он стремится быть, сравнительно скромные различия — у исследователей, использовавших шкалы, где надо было сообщить о своих чувствах после переживания определенной эмоционально насыщенной ситуации, а в работах, в которых использовались измерения физиологических показателей или мимических реакций, различий вообще не было обнаружено. Иначе говоря, подобные наблюдения могут означать, что мужчины не желают, чтобы окружающие видели их эмпатичными, потому что это не соответствует гендерной роли. Забота и ласка — это важные части женской гендерной роли. Таким образом, мужчины не хуже женщин способны определять чувства других и внутренне сопереживать им, но они заинтересованы в том, чтобы окружающие никак не заметили этого по их поведению. В первую очередь вышесказанное относится к мужчинам, приверженным традиционной гендерной роли и, следовательно, считающим эмпатичную отзывчивость качеством, не согласующимся с этой гендерной ролью. В главе 4 мы будем обсуждать более глубокие аспекты мужской гендерной роли, включая ту ее часть, которая заставляет избегать поведения, ассоциируемого с женственностью.

На мой взгляд, вовсе не удивительно, что мужчины проявляют меньшую, чем женщины, эмпатию. Прежде всего, немалая часть опыта социализации развивала в мужчинах способность подавлять эмпатийную отзывчивость.

Выше уже обсуждались игрушки, традиционно предназначенные для мальчиков или для девочек. «Женские» игрушки (например, куклы) развивают эмпатическую экспрессию, тогда как «мужские» игрушки обычно ее не развивают. Еще одна причина состоит в том, что мужчины постоянно оказываются в ситуациях, требующих от них проявления силы, независимости, властности, стремления к соревнованию — качеств, которые едва ли сочетаются с эмпатийной отзывчивостью. Давление со стороны, принуждающее быть независимым и стремиться к соревнованию, часто начинается уже в детстве.

Блок (Block, 1973) следила за развитием группы мальчиков и девочек в течение 40 лет. За это время она обнаружила, что родители вели себя по-разному с сыновьями и дочерьми. В частности, дочерей воспитывали так, чтобы они выражали свои чувства и были в хороших отношениях с окружающими. Воспитывая сыновей, их поощряли за проявление независимости и учили, что надо контролировать свои эмоции. Возможно, у мужчин менее богатый, чем у женщин, опыт в сфере эмпатийной отзывчивости, и в результате они просто не знают, как реагировать на эмоциональный дискомфорт другого человека.

Таврис (Tavris, 1992) высказала мнение, что за различия в эмпатии между мужчинами и женщинами ответственны гендерные роли. Так называемые «женские занятия», вроде ухода за детьми, требуют эмпатийной отзывчивости. Она упомянула об исследованиях, объектом которых были одинокие мужчины, вынужденные заботиться о своих детях, так как остались вдовцами или были брошены женами (причем когда эти отцы еще были женаты, то и не думали брать на себя заботу о детях). У таких мужчин были обнаружены типично женские черты, например заботливость и сочувствие. Иначе говоря, они стали ухаживать за детьми совсем не оттого, что были такими заботливыми, а наоборот, стали заботливыми, лишь начав ухаживать за детьми. В этом случае социальная роль требует эмпатийного поведения, а подобные социальные роли присущи почти исключительно женщинам.

Теория социальных ролей.

Рассуждения Таврис полностью соответствуют *теории социальных ролей (social roles theory)* Игли (Eagly, 1987). Согласно этой теории многие гендерные различия являются продуктами разных социальных ролей, которые поддерживают или подавляют в мужчинах и женщинах определенные варианты поведения. Другими словами, разные для двух полов виды опыта, проистекающие из гендерных ролей, приводят к тому, что навыки и аттитюды у мужчин и женщин отчасти различаются, и именно на этом основываются различия в поведении (Eagly & Wood, 1991). Теория социальных ролей также говорит, что социальные роли нередко приводят к образованию социальных стереотипов (не считая тех случаев, когда стереотипы приводят к формированию социальных ролей). Иначе говоря, мы видим, как мужчины заняты одними делами, а женщины — другими, и заключаем из этого, что они суть разные люди. В исследовании До и Льюиса (Deaux & Lewis, 1984) испытуемые оценивали личность женщин, принявших на себя мужские роли, как более мужественную в сравнении с личностью женщин, исполняющих женские роли. Подобным же образом личность мужчин, взявших на себя женские роли, они считали более женственной, чем у мужчин, исполняющих традиционно мужские роли. Сходные результаты получили Игли и Штеффен (Eagly & Steffen, 1984), которые просили испытуемых описывать выдуманных мужчин и женщин, работающих вне дома либо занимающихся целый день домашним хозяйством.

Независимо от гендера выдуманных персонажей, тех из них, кто работал вне дома, описывали в более мужественных категориях, а тех, кто весь день сидел дома, — как более женственных.

Теория социальных ролей (*Social roles theory*). Концепция, разработанная А. Игли, согласно которой большинство гендерных различий являются продуктами социальных ролей, поддерживающих или подавляющих различие в поведении мужчин и женщин. Социальные роли нередко приводят к образованию социальных и гендерных стереотипов.

Уильямс и Бест (Williams & Best, 1986) предположили, что стереотипы о гендерах развились как механизм для поддержания поло-ролевой дифференциации. По их мнению, женщина пришла к роли домохозяйки потому, что уход за младенцем накладывал ограничения на ее мобильность, а ведение домашнего хозяйства прекрасно удовлетворяло требованию оставаться дома. Обнаружив, что такое распределение ролей очень удобно, общество пытается убедить себя в том, что эти роли подходят их носителям. Для этого оно порождает верования о неких качествах мужчин и женщин, которые служат для обоснования того, что их роли подходят им как нельзя лучше. Устоявшись, эти верования начинают служить нормами поведения для взрослых и моделями для социализации детей.

Таврис (Tavris, 1992) описала следующее явление: независимо от гендера люди, не наделенные властью, обладают тонкой чувствительностью к невербальным сигналам. Эта чувствительность обоснованна, так как, чтобы выжить, «подчиненным» необходимо уметь воспринимать знаки поведения власть имущих и должным образом на них реагировать. Другими словами, восприимчивость женщин к чувствам других — это не более чем адаптивная реакция на их слабое и подчиненное положение. Например, до недавнего времени считалось общепринятым, что в семье почти вся власть сконцентрирована в руках мужчины. Женщины, которые не хотели покоряться и подчиняться, испытывали упреки со стороны мужа и родителей. Чтобы получить возможность заговорить о некоторых вещах, имея при этом хоть какие-то разумные шансы на успешное завершение беседы, женщине в такой семье приходилось внимательно следить за поведением мужа, ожидая, когда он будет в «нужном» настроении. Эксперименты с разнополыми парами, в одних из которых лидером был мужчина, а в других эту функцию выполняла женщина, обнаружили, что подчиненные, независимо от их гендера, были более чувствительны к невербальным сигналам, чем лидеры, независимо от гендера последних (Snodgrass, 1985). В главе 3 мы будем говорить о фактах, показывающих, что женщины все еще обладают меньшей властью, чем мужчины.

Несмотря на неочевидность всех доказательств существования гендерных различий в эмпатии, проведенный Холл (Hall, 1984) анализ 125 исследований гендерных различий в чувствительности к невербальным сигналам показал, что женщинам в целом свойственна лучшая способность к чтению эмоций окружающих, нежели мужчинам. Если женщины лучше «расшифровывают», то логично было бы ожидать, что их уровень эмпатии выше (Eysenberg et al., 1989). Однако не будем забывать, что в большинстве исследований не было обнаружено гендерных различий в эмпатии, а если таковые и проявлялись, то были очень слабыми. Вспомните сейчас всех женщин и всех мужчин, с которыми вы знакомы. В числе этих знакомых у каждого из нас найдутся чрезвычайно эмпатичные мужчины и крайне эгоистичные, никому не сочувствующие женщины. Действительно ли различия между известными вам мужчинами и женщинами настолько велики, чтобы мы имели право считать мужчин менее эмпатичными, чем женщины? Действительно ли мы хотим гендерные различия в эмпатической экспрессии поставить в ряд фундаментальных биологических отличий? Не следует ли в каждом человеке,

независимо от гендера, поощрять способность правильно реагировать на эмоциональные трудности и самораскрытие других людей?

Эмоциональность.

Верно ли, что женщины эмоциональнее мужчин? Когда как. Эмпатия подразумевает чувствительность к эмоциональным состояниям других. А как насчет переживания и выражения человеком своих собственных эмоций? Вы верите, что женщины эмоциональнее мужчин? Верите ли, что женщины более склонны к выражению эмоций, чем мужчины? К несчастью, этот сюжет мало разработан, но результаты тех немногих исследований, которые все же были проведены, говорят о том, что мужчины и женщины обладают равной эмоциональностью, но выражают свои эмоции с разной степенью интенсивности, что объясняется различиями в нормах, касающихся эмоциональной экспрессии.

Айзенберг и соавторы (Eisenberg et al., 1989) обнаружили по мимическому показателю и в самоотчете испытуемых достаточно скромные межполовые отличия, говорящие в пользу большей отзывчивости женщин. Один из самых интересных выводов, сделанных в этом исследовании, состоял в том, что эти гендерные различия с возрастом увеличивались. Например, у детей дошкольного возраста обнаруживалось очень мало гендерных отличий, но уже ко второму классу они начинали проявляться все более открыто. Авторы также отметили, что «маскировка и подавление негативных мимических реакций за время детства заметно возрастает, особенно у мальчиков» (Eisenberg et al., 1989, p.115). В других исследованиях, в которых участвовали как подростки (Stapley & Haviland, 1989), так и учащиеся колледжа (Snell, 1989), и взрослые (Saurer & Eisler, 1990), выяснилось, что женщины более эмоционально экспрессивны, чем мужчины. Эти исследования, в особенности те из них, которые локализируют важнейшие поворотные моменты детства, говорят о том, что в процессе социализации мы учимся выражать или подавлять эмоции социально приемлемыми способами. В нашем обществе существуют различные ожидания и нормы относительно эмоциональной экспрессии для мужчин и женщин. Эти различные ожидания передаются нам в течение всей жизни. Например, эмоциональная жесткость считается одной из важнейших описательных характеристик «настоящего мужчины» (об этом еще пойдет речь в главе 4), и в определенной социальной среде отклонения по этому показателю низводят их обладателя до положения «не мужика» (многие из нас были свидетелями того, как какого-нибудь мужчину, который не дотягивает до мачо, называли «слюнтяем» или «неженкой»). Сходным образом воспитывали многих женщин, поучая их, что следует походить на настоящую «леди», что подразумевает, помимо целого ряда других условий, умение сдерживать или избегать выражения гнева, который мог бы поставить под угрозу межличностные взаимоотношения (Kaplan et al., 1983; Lemkau & Landau, 1986).

Моя особенная увлеченность нормами, касающимися эмоциональной экспрессивности мужчин, объясняется тем, что мой маленький сын получает нетрадиционное воспитание и из-за этого является потенциальной мишенью для социального отвержения, а я, как любая мама, не хочу, чтобы мой ребенок страдал. Однажды, когда Кену было 5 лет, он рисовал для друзей из детского сада «валентинки». Ни одной из них он не подписал: «Тому-то и тому-то от Кена», а вместо этого написал на каждой: «Я тебя люблю», чем поставил меня в тупик. Я не знала, следовало ли мне сказать Кену, чтобы он не делал так, ведь у мальчиков не принято выражать любовные чувства по отношению к своим товарищам. Я решила, что в пятилетнем возрасте социальные последствия такого поведения будут, скорее всего, минимальными, но отдавала себе отчет, что через несколько лет за подобное поведение мой сын будет подвергаться жестоким гонениям со стороны сверстников. А еще Кен обнимал и целовал друзей и подруг, приветствуя их и проща-

ясь. Его сверстники в детском саду достаточно хорошо переносят эти его изъяснения чувств. Тем не менее несложно было предсказать, что через несколько коротких лет это поведение станет восприниматься неадекватно, особенно в среде мальчиков. Действительно, пойдя в школу и проучившись там всего две недели, Кен уяснил, что его поведение имеет определенные социальные последствия, и больше так не делал. Во втором классе, купив «валентинки» своим школьным друзьям, он зачеркнул «Я тебя люблю» и вписал «Ты мне нравишься». Возможно, если бы Кен был девочкой, список ограничений пришлось бы продолжать. Исследование (Brody, 1985; Eisenberg et al., 1989) действительно показывает, что половые различия в эмоциональности в целом более заметны у подростков и взрослых, чем у детей. Чтобы их создать, требуется время.

Не менее интересно рассмотреть плач как выражение эмоций. Каким образом гендерные различия в отношении к слезам могут основываться на различии гендерных ролей? Когда я была ребенком, подростком, а потом молодой девушкой, то легко срывалась на плач в ситуациях фрустрации, боли или злости. Теперь в подобных ситуациях я никогда не плачу. Откуда такая перемена? Я хочу, чтобы окружающие воспринимали меня компетентной и владеющей собой, и знаю, что слезы помешали бы этому. Интересно, что компетентность и владение собой — это важные характеристики мужской роли, и стоило мне, женщине, начать работать и соревноваться с мужчинами, как я эти нормы незамедлительно восприняла. К сожалению, я так хорошо научилась контролировать этот способ выражения эмоций, что теперь мне очень сложно заплакать, даже если я чувствую, что хочу этого. Мне кажется, многие мужчины ощущают то же самое.

Джонсон и Шульман (Johnson & Shulman, 1988) обнаружили, что взрослые женщины больше выражают чувства, направленные на окружающих (например, проявление интереса к чувствам других, их потребностям и желаниям), чем мужчины. Мужчины же проявляют больше эгоцентричных чувств (например, потребностей, желаний, собственных интересов), чем женщины. В другом исследовании выяснилось, что женщинам более удобно, чем мужчинам, выражать чувства страха и грусти (Blier & Blier-Wilson, 1989; Brody, 1984), и вместе с тем люди не видят межполовых различий в способности испытывать страх и грусть (Fabes & Martin, 1991). Считается также, что мужчины проявляют — но не испытывают — больше злости, чем женщины (Fabes & Martin, 1989), а женщины испытывают злость ровно так же часто, интенсивно и по тем же поводам, что и мужчины. Коппер и Эпперсон (Kopper & Epperson, 1991) не смогли обнаружить у женщин большего подавления злости, чем у мужчин, однако те из них, кто по поло-ролевому опроснику Бем попадал под описание мужественного типа, более склонны были оказываться в состоянии гнева и отыгрывать злость на окружающих. Фейбс и Мартин (Fabes & Martin, 1991) объяснили, что мужчинам более свойственно, по сравнению с женщинами, вести себя агрессивно, что заставляет некоторых думать, что мужчины проявляют больше злости.

Исследования некоторых других гендерных различий.

Агрессия.

Различия в агрессивном поведении находятся в ряду наиболее достоверных гендерных различий, но, как и другие рассмотренные нами, они далеко не столь велики и не настолько очевидно связаны с биологическими отличиями, как можно было бы предположить. В своем знаменитом обзоре литературы по гендерным различиям Маккоби и Джеклин (Maccoby & Jacklin, 1974) сделали вывод, что агрессия — это единственное социальное поведение, для которого существуют доказательства, говорящие о совершенно явных половых отличиях. Все три метаа-

нализа психологической литературы, проведенные в 80-х гг. (Eagly & Steffen, 1986; Hyde, 1984 b; Hyde, 1986), также содержали вывод о существовании гендерных различий в агрессивном поведении. Вместе с тем Игли и Штеффен (Eagly & Steffen, 1986) пришли к заключению, что для взрослых эти различия весьма невелики ($d = 0,29$). В работе Хайда (Hyde, 1984 b) содержащей большое количество исследований, проведенных на детских выборках, сделан вывод о средней величине отличия ($d = 0,50$). Это означает, что только от 2 до 5% всех случаев агрессивного поведения можно объяснить гендером (т.е. от 95 до 98% происходит из других источников). Отчасти наше искаженное восприятие гендерных различий в агрессии можно объяснить тем фактом, что преобладающее большинство насильников и убийц — именно мужчины. Однако, как совершенно справедливо отмечено у Бербэнк (Burbank, 1994), подобные действия совершает очень малая часть мужчин. Принимая во внимание эти крайние варианты, поведение большинства мужчин сходно с поведением большинства женщин. Другая причина, которая заставляет нас считать мужчин более агрессивными,— это устоявшаяся в нашей культуре вера в то, что такими их делает более высокий уровень тестостерона в крови. На самом деле пока не существует убедительных экспериментальных доказательств наличия у человека связи «тестостерон— агрессия» (Bjorkvist, 1994).

Бьорквист и Ньемела (Bjorkvist & Niemela, 1992) пришли к выводу, что существует несколько факторов, от которых зависит, кто более агрессивен — мужчина или женщина: гендер участников конфликта, тип агрессии и конкретная ситуация. Например, Лагерспец (Lagerspetz, 1988), исследуя финских детей 11-12 лет, учащихся в школе, обнаружил, что девочки предпочитали использовать косвенные формы агрессии (распускали слухи, заводили нового друга «в отместку» старому), в то время как мальчики чаще открыто выражали агрессию (толкались, кричали, дрались). Бьорквист и его коллеги (Bjorkvist et al., 1994) предположили, что женщинам, из-за того что они более слабы физически, нет смысла применять физическую агрессию, и поэтому они прибегают к вербальной или косвенной агрессии. Целый ряд ученых в своих кросс-культурных исследованиях говорили о том, что стратегии косвенной агрессии в целом чаще встречаются у женщин, чем у мужчин, хотя и отмечали некоторые вариации (Bjorkvist, 1994).

Метаанализ, проведенный Хайдом (Hyde, 1984 b), показал, что гендерные различия в агрессии у дошкольников в целом больше, а у учащихся колледжа — меньше. По данным исследования, мужчины уже к раннему взрослому возрасту начинают выражать агрессию вербально или косвенными путями, причем в их арсенале — не только сплетни, но и критические замечания, прерывание на полуслове, инсинуации без прямого обвинения и поведение типа «отстань от меня» (Bjorkvist et al., 1992, 1994). По наблюдениям Бьорквиста, социальные нормы среднего класса в европейской и североамериканской культурах не поощряют проявлений физической агрессии у взрослых мужчин.

В число факторов, влияющих на то, будут ли в конечном счете обнаружены гендерные различия в агрессии, входят тип агрессии и ситуационный контекст. Бьорквист и Ньемела (Bjorkvist & Niemela, 1992) заметили, что в большинстве работ, направленных на исследование половых различий в агрессии, под последней понималась лишь физическая агрессия, а этот тип, как мы знаем, вероятнее всего встречается у мужчин. Действительно, сильнейшей предпосылкой для обнаружения гендерных различий в агрессии, по результатам метаанализа Игли и Штеффен (Eagly & Steffen, 1984), был такой ситуационный контекст, который провоцировал проявление скорее физической, чем психологической агрессии (в ситуациях, требующих применения физической агрессии, мужчины с большей вероятностью выдавали агрессивное поведение).

Игли и Штеффен также указали на то, что большинство социально-психологических исследований агрессии замыкалось на агрессии в отношении незнакомых людей в ситуациях кратковременных встреч. Результаты кросс-культурных исследований, в которых рассматривались физические и косвенные формы агрессии в межличностных взаимоотношениях, дают веские поводы усомниться в том, что мужчины действительно более агрессивны, чем женщины (см. специальный номер журнала «Половые роли», посвященный кросс-культурным исследованиям агрессии у женщин и девочек (*Sex Roles*, 1994, Vol. 30, Nos. 3 and 4).

Игли и Штеффен применили теорию социальных ролей для рассмотрения гендерных различий в агрессии. Они писали, что эти различия могут частично объясняться гендерными ролями, которые поощряют проявление мужчинами агрессии в некоторых формах, в то время как агрессивность у женщин не приветствуется (агрессивность, например, несовместима с некоторыми важнейшими составляющими женской роли — женщина должна быть нежной и избегать физической опасности). По данным, полученным в исследованиях Кемпбелл и Мансер (Campbell & Muncer, 1987) и Кемпбелл и др. (Campbell et al., 1992), можно заключить, что мужчины нередко принуждают к агрессии окружающие. Кто-либо ставит под сомнение их самоуважение или общественное положение, а мужчины представляют, что в глазах других их пассивность будет оценена негативно. Женщины, наоборот, испытывают смущение, если им пришлось проявить агрессию на людях. Перри и др. (Perry et al., 1989) обнаружили, что к 10-летнему возрасту за одно и то же агрессивное поведение мальчики ожидают меньшее неодобрение от родителей, чем девочки. Игли и Штеффен (Eagly & Steffen, 1986) также отметили, что мужчины предпочитают роли, в которых требуется проявление агрессии (например, в военной или спортивной областях), приобретая, таким образом, навыки и опыт агрессивных действий. Для большинства женских ролей, наоборот, агрессивность совершенно неуместна (например, мать, секретарша, учительница, нянька) и скорее рождает чувство вины и тревоги из-за своей несовместимости с направленностью женской роли на нежность и заботу о других.

Конформность и подверженность влиянию.

Социальные стереотипы, касающиеся гендеров, могут вынудить нас поверить, что по сравнению с мужчинами женщины — более конформны, легкоубеждаемы и управляемы из-за своей зависимости и подчиненности (Eagly & Wood, 1985). Ранние исследования конформности прямо не затрагивали вопрос гендерных различий. Шериф (Sherif, 1937) в своем исследовании информационного давления задействовал только мужчин. Эш (Asch, 1956), изучая нормативное давление, судя по всему, собрал данные по обоим полам, но почему-то сообщил результаты только по мужской выборке. Хотя ни в одном из более поздних исследований, в которых принимали участие и мужчины и женщины, не было обнаружено гендерных различий в подверженности влиянию, это не помешало авторам социально-психологических трудов и «Справочника по социальной психологии» с завидной уверенностью вплоть до конца 70-х гг. стоять на той точке зрения, что женщины более подвержены влиянию, чем мужчины. И это вопреки тому, что 82% исследований, сравнивавших мужчин и женщин на предмет убеждаемости, и 74% исследований, в которых искали гендерные различия в конформности, никаких различий не обнаружили (Eagly, 1978; Eagly & Wood, 1985).

Используя новую в то время технику метаанализа, Игли и Карли (Eagly & Carli, 1981) провели анализ 148 работ по социальному влиянию за период с 1949 по 1977 г. В результате они обнаружили небольшую, но статистически значимую величину отличий для подверженности влиянию в зависимости от гендера (значение d находилось в пределах 0,16 — 0,26; напомним, что 0,20 считается малым зна-

чением, а 0,50 — средним). Наибольшие значения d были получены в исследованиях группового давления, где одного члена группы все остальные принуждали изменить определенное поведение или верования ($0,23 < d < 0,32$). Этот факт может объясняться тем, что женщины — более «общественные» создания и, следовательно, стараются сохранить гармонию в группе и добрые чувства ее членов друг к другу (Eagly, 1978; Eagly & Wood, 1985). Другой причиной может быть то, что мужчины менее конформны из-за социальных норм, которые предписывают им быть независимыми и не поддаваться влиянию со стороны. Было обнаружено, что мужчины менее конформны в ситуации, когда они считают, что члены группы знают их мнение, чем тогда, когда они уверены, что другим их мнение неизвестно. На конформность женщин этот фактор не оказывал никакого влияния (Eagly et al., 1981).

В статье Игли (Eagly, 1978) говорится, что среди 22 работ по этой теме, проведенных и опубликованных до 1970 г., 32% указывают на большую степень подверженности влиянию у женщин, тогда как из 40 исследований, обнародованных после 1970 г., лишь 8% обнаружили те же самые различия. Она заметила, что социально-психологическое влияние биологического пола, по всей видимости, зависит от контекста культуры. Игли также заключила, что, исходя из того, что нам свойственно подчиняться мнению других тогда, когда мы не уверены в своей позиции или способностях, наибольшие половые различия будут обнаруживаться в исследованиях, использующих темы, в которых представители одного гендера ориентируются лучше. Например, целый ряд ранних исследований гендерных различий оперировал знаниями из военной области и политики (Eagly, 1978). Сistrunk и Макдэвид (Sistrunk & McDavid, 1971) а также Голдберг (Goldberg, 1974, 1975) обнаружили следующую закономерность: когда затрагивались женские темы, мужчины были более склонны к конформному поведению, чем женщины, и наоборот. Мопен и Фишер (Maurin & Fischer, 1989) тоже пришли к выводу, что на получаемые гендерные различия в подверженности влиянию оказывают воздействие следующие факторы: связано ли задание каким-либо образом с гендером и обладают ли мужчины (или женщины) явным превосходством в данной области. Однако Игли и Карли (Eagly & Carli, 1981), которые просили испытуемых обоих полов оценить каждую из 83 тем, фигурировавших в работах по внушаемости с 1949 по 1977 г., с точки зрения интереса, который она для них представляет и своей осведомленности в ней, не нашли доказательств того, что исследователи чрезмерно тяготели к темам, в которых мужчины лучше ориентировались и которыми интересовались. Вместе с тем они обнаружили, что в большом количестве случаев использование мужских тем было связано с высокой подверженностью влиянию у женщин.

Есть и более любопытные находки в отношении гендера и внушаемости. Одна из них заключается в том, что пол исследователя, судя по всему, сильно влияет на факт обнаружения гендерных отличий. Игли и Карли подсчитали, что 79% исследований, в которых были обнаружены гендерные отличия в пользу большей внушаемости женщин, были осуществлены мужчинами, а также что исследователи-мужчины обнаруживали более значительные отличия, чем их коллеги женского пола. Исходя из этого, Игли и Карли заключили, что, вероятнее всего, ученые склонны планировать, осуществлять и излагать свои исследования в таком виде, который бы польстил тому гендеру, к которому они сами принадлежат (Eagly & Carli, 1981).

Несмотря на то что в исследованиях Игли и ее коллег (Eagly, 1978; Eagly & Carli, 1981) обнаружались лишь очень малые гендерные различия в подверженности влиянию, стереотип о том, что женщины более внушаемы и конформны, чем мужчины, продолжает существовать (Eagly & Wood, 1982). По мнению Игли ее

коллег (Eagly & Wood, 1982; Eagly, 1983), причина стойкости этого взгляда в том, что женщины в целом имеют более низкий социальный статус и дома и на работе. Лица, обладающие меньшей властью и более низким статусом, вынуждены во многом уступать влиянию тех, кто выше их по статусу. Люди видят, что роли с высоким статусом принадлежат мужчинам чаще, чем женщинам, более того, женщины чаще бывают в подчиненных и конформных ролях, чем мужчины. Отсюда и стереотип. Игли и Вуд провели несколько экспериментов в подтверждение этой гипотезы и выяснили, что женщины не являются более подчиняющимися и уступчивыми от природы, но вести себя подобным образом обязывает их низкий статус. Унгер и Кроуфорд (Unger & Crawford, 1992) также отмечали, что гендерные различия в подчиняющемся поведении — часто не более чем результат различий в статусе между мужчинами и женщинами. Игли и Вуд (Eagly & Wood, 1982) пришли к выводу, что как только распределение социальных ролей между мужчинами и женщинами станет менее гендерно-типизированным, можно будет ожидать сокращения подобных гендерных стереотипов.

Альтруизм.

Общепринятые стереотипы, описывающие женщин заботливыми и сочувствующими, наталкивают на мысль, что они должны больше, чем мужчины, помогать окружающим, тогда как в ходе метаанализа социально-психологических исследований готовности помочь, проведенного Игли и Кроули (Eagly & Crowley, 1986), выяснилось, что чаще помогают другим как раз мужчины, а не женщины. Авторы объясняют такой результат тем фактом, что типичное социально-психологическое исследование готовности помочь включает в себя создание ситуаций кратковременной помощи незнакомому человеку, как раз таких, в которых мужчина скорее всего окажет необходимую помощь. По словам Игли и Кроули (1986), проведенный ими метаанализ подтвердил, что мужчины не отличаются от женщин в готовности помочь, однако существуют половые различия в оказании помощи, которые зависят от типа помогающих действий.

Отличие типов помощи у мужчин и у женщин можно понять, предварительно рассмотрев различные социальные роли, которые занимают мужчины и женщины. Вспомним, что, согласно теории социальных ролей Игли, не различия между мужчинами и женщинами заставляют их занимать разные социальные роли, а скорее благодаря различию в социальных ролях мужчины отличаются от женщин. В отношении помогающих действий это положение можно сформулировать так: нормы, отвечающие за оказание помощи, различны для мужской и женской роли. Например, женская гендерная роль предписывает женщине заботиться о личных и эмоциональных потребностях других и помогать им достигать целей («заботливая помощь»). Мужская роль поощряет проявления более «героических» видов помощи, включающих необычные и рискованные действия по спасению, а также «кавалерские» виды помощи: помочь женщине, несущей тяжести, придержать открытую дверь. Женщины предпочитают домашние роли, роль секретарши или няньки, такие, в которых требуется помогать людям добиваться цели. Мужчин, наоборот, чаще можно увидеть на ролях, требующих героической помощи (например, пожарный, полицейский, военный). В дальнейшем Игли и Кроули (Eagly & Crowley, 1986) указали, что такое распределение ролей способствует развитию различающихся навыков, касающихся оказания помощи.

Пилявин и его коллеги (Piliavin et al., 1981) объясняли гендерные различия в оказании помощи в терминах соотношения цена-выгода. Следуя их модели, мы помогаем в том случае, если считаем, что выгода от помощи превосходит ту цену, какой мы ее осуществляем. Мужчины и женщины склонны по-разному определять цену и выгоду, в зависимости от требуемого приложения физической силы и связанной с действиями опасности. Например, в серии исследований, проведенных в

метро, требуемое вмешательство заключалось в том, чтобы поднять на ноги упавшего мужчину. Неудивительно, что в таких исследованиях получаются весо-мые показатели половых различий, из которых делается вывод, что мужчины скорее готовы помочь окружающим (Piliavin & Unger, 1985). Определенные виды помощи, по словам Игли и Кроули (Eagly & Crowley, 1986), могут быть в большей или меньшей степени присущими тому или иному гендеру, и, как указали Пилявин и Унгер (Piliavin & Unger, 1985), соответствующий полу вид помощи воспринимается как имеющий меньшую цену.

Заключительные замечания.

Задачей этой главы было показать, что гендерные различия далеко не так велики, как нам внушают распространенные стереотипы. Вместе с тем есть доказательства существования различных норм для мужчин и для женщин, норм, которые стимулируют развитие различных навыков и способностей. Более того, из факта, что гендерные различия сокращаются из года в год, следует, что в них есть что-то помимо чистой биологии. Результаты некоторых исследований трудно объяснить только дифференциальной социализацией. Например, все мы помним эксперименты, которые показали, что леворукость у женщин связана с хорошими пространственными навыками, а у мужчин — наоборот. Холперн (Halpern, 1992) рассматривала это в качестве доказательства того, что асимметрия полушарий коры головного мозга вносит свой вклад в половые различия в когнитивной сфере. Мужчины, по ее словам, чаще страдают заиканием и серьезными нарушениями способности к чтению — согласитесь, сложно объяснить эти различия только дифференциальной социализацией.

Джири (Geary, 1989) пришел к совершенно здравому выводу, что природа и воспитание взаимодействуют в сложном процессе создания половых различий. Он писал, что культура способна смягчать или усиливать ранние, биологически заложенные гендерные различия, а поскольку культура постоянно меняется, вполне логично ожидать, что и величина гендерных различий тоже будет меняться. Остается открытым вопрос о соотношении влияния биологии и социализации на половые различия. У меня есть четыре причины подозревать, что социализация и культура играют решающую роль в их становлении. Во-первых, все обнаруженные на сегодняшний день половые отличия относительно невелики. Во-вторых, есть веские экспериментальные доказательства существования различных культурных ожиданий для мужчин и для женщин. В-третьих, мы видим, что эти культурные ожидания с временем изменяются и соответствующие им половые отличия сглаживаются. В-четвертых, метааналитические работы в области гендерных различий с внушающим доверие постоянством показывают, что факт обнаружения отличия в какой-либо области определенно зависит от того, как было описано поведение, как оно было измерено, и еще от миллиарда других факторов, таких, как условия проведения эксперимента и социальный контекст.

Заканчивая эту главу о гендерных различиях, мы должны запомнить, что, даже если различия удастся обнаружить, они недостаточно велики, чтобы давать нам основания считать, будто мужчины и женщины — это «два противоположных пола», и тем более они не дают нам никакого права относиться к представителям этих полов настолько по-разному, как мы нередко делаем. В заключительной статье своей книги о метаанализе гендерных различий Линн писал: «Гендерные различия в выполнении психологических и интеллектуальных заданий теряются на фоне огромных отличий мужчин от женщин по занятости на работе, приносящей удовольствие, власть, доход и уверенность» (Linn, 1986, p. 217). Сходным образом в ходе метаанализа Хайд и его коллеги (Hyde et al., 1990 b) обнаружили отно-

нительно слабые гендерные различия в производительности, уверенности в своих силах и отношении к математике. Отсюда они заключили, что для того, чтобы понять причины постоянного преобладания мужчин в областях, связанных с математикой, необходимо, не ограничиваясь изучением способностей и психических факторов, обратить пристальное внимание на такие явления, как половая дискриминация в образовании и при приеме на работу. В главах 3 и 4 мы будем говорить об ограничениях, накладываемых традиционной мужской и женской ролью. Читая эти главы, помните, что эти ограничения нельзя объяснить простыми биологическими отличиями.

Таврис (Tavris, 1992) сказала однажды, что тенденция преувеличивать различия между гендерами скрывает от нас существующие многочисленные сходства. Однако, как заметила Игли (Eagly, 1987), вопреки сходствам мужчин и женщин (в таких важных вещах, как интеллект, память, аналитические способности и т. д.), которые были документально зафиксированы исследователями, средний человек все еще считает мужчин и женщин совсем разными существами. По ее мнению, такое восприятие в какой-то степени оправданно: мы видим, как мужчины и женщины вокруг нас выполняют разные социальные роли, большинство из которых требует проявления стереотипно мужских или стереотипно женских качеств. Например, большинство знакомых нам нянек, матерей и секретарш — женщины, а среди инженеров, компьютерных техников и бизнесменов преобладают соответственно мужчины. Поэтому совсем не удивительно, что мы видим мужчин и женщин такими разными — ведь в обществе они занимаются совсем разными вещами. Тем не менее, как считала Таврис (Tavris, 1992), нам не следует путать различия в том, чем мужчины и женщины *занимаются*, с различиями в их базовых психологических способностях. Как мужчины, так и женщины стремятся соответствовать ожиданиям общества в отношении их гендера, чтобы избежать социального неодобрения.

Действительно, в целом ряде исследований (Klein & Willerman, 1979; LaFrance & Carmen, 1980; Putnam & McCallister, 1980; Serbin et al., 1993) было показано, что проявление мужчинами и женщинами поло-стереотипного поведения серьезно зависит от особенностей ситуации и того поведения, которое считается в данной ситуации «правильным».

Тенденция считать, что гендерно-ролевые различия между мужчинами и женщинами основываются на фундаментальных отличиях представителей одного пола от другого, а не на социализации или социальных ролях, очень напоминает *фундаментальную ошибку атрибуции*.

Фундаментальная ошибка атрибуции (*Fundamental attribution error*). Тенденция наблюдателей недооценивать влияние ситуации на поведение человека, в то же время переоценивая влияние диспозиции.

Этим термином социальные психологи обозначили тенденцию недооценивать роль ситуации в формировании поведения (Ross, 1977). Понятие «фундаментальная ошибка атрибуции» подразумевает, что мы склонны скорее допустить, что за поведение человека ответственны личностные черты и аттитюды, нежели согласиться, что его поведение зависит от внешних (ситуационных) причин. Гейс (Geis, 1993) заметила, что именно благодаря фундаментальной ошибке атрибуции характеристики, относящиеся к высокому статусу, видятся нам внутренними личностными чертами мужчин, а те, что относятся к подчиненности, — внутренними диспозициями женщин. Она приводит следующий пример: видя, как Марси ждет указаний Марка, мы заключаем, что Марси — женщина зависимая, а Марк — мужчина властный, при этом совершенно игнорируя тот факт, что Марси — секретарша Марка и ведет себя в соответствии со своей ролью.

Появлению фундаментальной ошибки атрибуции способствует наше незнание ситуационных сил, которые породили данное конкретное поведение. Как писал Дэвид Майерс (Myers, 1990), «причина находится там, куда направлено наше внимание». В случае с гендерными различиями общество направляет фокус нашего внимания на биологический пол как атрибуцию самого себя и для себя. Таким образом, мы приходим к выводу, что различия в поведении между мужчинами и женщинами отражают внутренние личностные отличия, которые, в свою очередь, проистекают из биологических отличий между полами. Мы часто упускаем из виду, что различные социальные роли, которые занимают мужчины и женщины, требуют разных типов поведения и стимулируют развитие разных качеств. На мой взгляд, эта тенденция получила такое широкое распространение, что напрашивается необходимость ввести термин *фундаментальная ошибка гендерной атрибуции!*

В заключение хотелось бы примирить две тенденции: стремление социальных психологов найти во всем разнообразие и нашу направленность на сокращение гендерных различий. *Феминистское движение отличий*, последовательницы которого почитают различия, диктуемые гендерными стереотипами, обеспокоены тем, что андрогиния и другие новые веяния, сокращающие отличия мужчин от женщин, превратятся в конце концов в плавильную печь, из которой женщины выйдут копиями мужчин. Они также утверждают, что женские качества, передававшиеся при помощи гендерных стереотипов, попали в незаслуженную опалу. Подобно им, *мифопоэтическое движение мужчин* (называемое так, потому что они используют сказки и мифы для иллюстрации «базовой мужественной природы» мужчин) заявляет, что естественные мужские качества были незаслуженно забыты и что мужчины слишком «феминизировались» и стали «слюнтяями» (Kimmel & Kaufman, 1994). В определенном смысле эти идеи совпадают с современными критическими высказываниями в адрес «плавильной печи», которую представляет собой культура. Идея «плавильной печи», где люди из разных культур собираются вместе и в конечном счете сплавляются друг с другом (т. е. ассимилируются), уже вышла из моды. Проблема здесь в том, что, когда более сильная культура ассимилирует более слабую, последняя теряет свои уникальные культурные традиции и свое лицо. Вместо метафоры «плавильной печи» появилась метафора «салатницы», которая отражает, что разные культуры могут смешиваться, сохраняя свой уникальный вкус. Модель «салатницы» поддерживает и ценит культурное разнообразие.

Ценить разнообразие — не означает ли это, что нам надо ценить гендерные различия? Я считаю, что нам следует ценить качества, связанные с тем и с другим гендером, но никак не гендерные различия. Как будет показано в главах 3, 4 и 5, искусственное разделение качеств на мужские и женские приводит к наложению бессмысленных ограничений на оба пола и способствует развитию гендерного конфликта. Мы, естественно, должны ценить некоторые качества, которые в прошлом считались мужскими (или женскими), но при этом не следует считать, что человек непременно должен принадлежать к определенному полу, чтобы обладать ими. Однако решение перестанет казаться нам таким простым, когда мы рассмотрим выгоды в самооценке и идентичности, которые дает нам подчеркивание различий между гендерами. Этот вопрос мы разберем в главе 5.

Резюме.

Если гендерные различия и обнаруживаются, то они относительно малы. В большинстве типов поведения и навыков у мужчин и женщин больше сходств, чем различий. Метаанализ, статистическая техника, суть которой состоит в комбини-

ровании результатов множества исследований с целью оценить размер различий между группами, является важнейшим инструментом в изучении гендерных различий.

Гендерные различия в математических способностях год от года сокращаются, а те из них, что остались, проявляются в высших учебных заведениях. Именно в это время женщины наиболее чувствительны к социальному давлению, вынуждающему их соответствовать своей гендерной роли. Мы также располагаем свидетельствами того, что родители и учителя могут внушать девушкам, что продолжать изучение математики после школы — не женское дело. У нас есть доказательства того, что у женщин меньше уверенности в своих математических способностях, и доказательства, что опыт девочек вне школы менее богат ситуациями, подготавливающими их к карьере в науке и математике.

Общепринятые стереотипы говорят о существовании сильных половых различий в эмпатии и эмоциональности, но результаты исследований не дают этому весомого подтверждения. Данные, полученные путем самооценки, указывают на более сильные половые различия, чем замеры физиологических показателей. Это наводит на мысль, что мужчины не хотят, чтобы их видели эмпатичными, потому что это качество не соотносится с мужской гендерной ролью. Путем исследований доказано, что сам факт выражения эмоции человеком и способ, которым он это делает, сильно зависит от гендерных норм.

Гендерные различия в агрессивном поведении в большинстве случаев обнаруживаются, но зависят от гендера участников конфликта, типа агрессии, ситуационных факторов и гендерных норм. Исследования гендерных различий в подверженности влиянию показали, что факт обнаружения отличий зависит, во-первых, от ситуации и, во-вторых, от пола экспериментатора. Гендерные различия в альтруизме также зависят от вида требуемой помощи и от того, подходит ли этот вид помощи гендерной роли испытуемого.

Теория социальных ролей говорит, что многие различия между мужчинами и женщинами появляются из-за различий в требованиях мужской и женской ролей. Например, женские социальные роли (такие, как обеспечение ухода за ребенком) скорее нуждаются в эмпатийной отзывчивости, тогда как мужские роли часто предписывают мужчинам быть сильными, стремиться к власти и соревнованию — качества, несовместимые с эмпатийной отзывчивостью. Подобным образом, гендерные роли стимулируют проявление мужчинами некоторых форм агрессии, в то время как у женщин проявления агрессии не поощряются.

Неудивительно, что мы предполагаем наличие фундаментальных отличий между мужчинами и женщинами, ведь они занимают разные роли в обществе и наша культура непрерывно подчеркивает, насколько велики различия между мужчинами и женщинами. Однако если считать, что гендерные различия в поведении коренятся в биологических половых отличиях, и игнорировать то, что их причиной могут быть различия в ролях и нормах, то такой узкий взгляд может привести к «фундаментальной ошибке гендерной атрибуции».

Глава 3. Ограничения, накладываемые традиционной женской ролью.

Хранительница домашнего очага. Работающая женщина. Домашний труд и работающая женщина. Различия в оплате труда мужчин и женщин. Низкий статус женщин в организациях и отсутствие у них власти. Власть женщины в организации: «стеклянный потолок». Объяснения явления «стеклянного потолка». Заключительные замечания. Резюме.

Гендерные взаимоотношения представляют собой яркий пример того, как социальные нормы усваиваются людьми и влияют на их поведение. Однако интерес социальных психологов вызывает не только это. Большинство из них предполагают, что традиционные гендерные роли ограничивают развитие личности и ведут к социальному неравенству.

Люди часто говорят: «У мужчин и женщин разные роли, но они равноценны, так зачем же их менять?». Они считают традиционные мужские и женские роли взаимодополняющими и основанными на биологических различиях между мужчинами и женщинами. В предыдущих главах мы критически изучили предположение о том, что поло-ролевые различия «предопределены природой». В этой главе мы рассмотрим предположение, что женские роли отличаются от мужских, но равны им. Мы увидим, что результаты исследований говорят о разительном неравенстве женщин во всем том, что касается работы, оплаты труда, статуса и власти в обществе. Есть и другие ограничения женской роли, которые здесь не рассматриваются. Например, то, что женщины, по сравнению с мужчинами, непропорционально часто оказываются жертвами сексуальных преступлений и страдают от бедности, и то, что культурные нормы, согласно которым женщин ценят в зависимости от их молодости, стройности и физической привлекательности, приводят многих к заниженной самооценке и нервным расстройствам.

Хранительница домашнего очага.

Многие из нас воспитаны в убеждении, что место женщины — у домашнего очага, но только 40% женщин проводят дома все свое время (эта цифра включает женщин пенсионного возраста). В Соединенных Штатах количество семей, в которых муж работает, а жена ведет хозяйство и воспитывает двоих или более детей, составляет всего 7% (Duxbury & Higgins, 1991). Хотя на первый взгляд может показаться, что это очень хорошо, когда не надо каждый день ходить на службу, было бы ошибкой считать, что женщина, проводящая целый день дома, мало работает. На самом деле среднестатистическая домохозяйка тратит на работу по дому от 48 до 70 часов в неделю (Hide, 1992). Более того, оплачиваемый труд удовлетворяет не только экономические, но и многие социальные потребности человека, такие, как потребность в признании, уважении, статусе и стимуляции. Человеку, проводящему целый день дома, удовлетворить эти потребности гораздо сложнее.

В 1963 г. вышла книга Бетти Фридан (Betty Friedan) «Особый дар женщины» (*The Feminine Mystique*). Фридан использовала словосочетание «особый дар женщины», желая подчеркнуть, что общепринятое представление об американской домохозяйке, живущей в пригороде, как об успешной и социально благополучной женщине не всегда является верным.

Трудность, отмечает Фридан, состоит в том, что многие женщины ощущают неудовлетворенность и стыдятся этого, так как знают, что, напротив, они должны чувствовать, насколько им повезло. В интервью с «хранительницами домашнего очага» Фридан обнаружила, что неудовлетворенность ощущают даже те женщины, чьей мечтой всегда была роль жены и матери. Согласно полученным ею данным, основная проблема состоит в том, что женщины в основном обслуживают нужды других, а иметь собственную личность им не полагается. Да, их роль важна, так как позволяет их детям и мужьям достигать чего-то в жизни, но жить в других — это не то же самое, что жить самому. И тем не менее считается, что это и есть присущий женщинам «особый дар», вершина женского бытия. Другая проблема, связанная с ролью «хранительницы домашнего очага», по словам Фридан и тех, кого она опрашивала, состоит в том, что домохозяйка оказывается «выброшенной за борт», она стоит в стороне от важнейших событий в жизни людей и по-

тому не чувствует себя полноценным человеком. «Любовь, дети и дом — это хорошо, но это еще не весь мир, хотя большинство слов, написанных для женщин, говорят, что это именно так» (Friedan, 1963, p. 67).

Книга Фридан была опубликована 30 лет назад, но в какой-то мере представление об «особом даре женщины» и связанные с этим проблемы продолжают жить и по сей день. Например, Кросби говорит о продолжающейся идеализации материнства и о том, что существует чуть ли не заговор молчания относительно того, каким тяжелым делом оно в действительности является: «Многие молодые мужчины и женщины с радостью ожидают появления ребенка, рисуя в своем воображении идиллическое время улыбок, забавного лепета и объятий. Скорее всего, вы тоже так думали... но предвидели ли вы бессонные ночи... представляли ли груды вонючих пеленок, бесконечные детские болезни, капризы и скуку?» (Crosby, 1991, p. 49-50).

Для фрустрации, переживаемой многими женщинами, чьей единственной ролью оказалась роль домохозяйки, Таврис и Оффер (Tavris & Offir, 1997) даже ввели специальный термин — *синдром домохозяйки (housewife syndrome)*. Представьте себе такую картину. Мало того, что вся работа никогда не может быть сделана окончательно (как только вы наведете в доме хоть какое-то подобие порядка, всегда кто-нибудь тут же нарушит его), но к тому же она обычно скучна, утомительна и вообще никем не признается за работу. Когда думаешь о детях, они представляются самыми милыми существами на свете, однако иметь детей — совсем не то же самое, что рассматривать семейный альбом. В реальной жизни их нужно кормить, одевать, купать (вообразите себе, сколько труда это требует), они ссорятся друг с другом и с вами, а в конце концов вырастают и больше не хотят иметь с вами ничего общего.

Ферри (Ferree, 1980) отмечала, что домохозяйки часто чувствуют свою социальную изоляцию. Она предполагала, что это ощущение усиливают такие факторы, как ограничение свободы передвижений, жизнь в пригороде, большое количество работающих женщин вокруг и постоянное внимание, которого требуют маленькие дети. Рост числа женщин, работающих на производстве, укрепляет распространённое в обществе представление, что те, кто остаются дома, ведут праздную и беспечную жизнь, и такое снижение престижности домашнего труда еще больше увеличивает неудовлетворенность домохозяек (Ferree, 1980; Gove & Tudor, 1973). Возможно, поэтому некоторые исследователи находят, что домохозяйки обычно имеют более низкую самооценку, чем работающие женщины (Shaver & Freedman, 1976). В иных работах даже утверждается, что жены, сидящие дома, более склонны к депрессии, чем жены, работающие на производстве (Ross et al., 1983). Гоув (Gove, 1972) предположил, что домохозяйки более подвержены депрессии, потому что их труд утомителен, однообразен и малопрестижен, а источник удовлетворения только один.

Однако другие исследователи не считают, что домохозяйки более склонны к депрессии и менее удовлетворены своей жизнью, чем работающие женщины. Шихан (Shehan, 1984) пишет, что, хотя неработающие жены и находят свои домашние обязанности скучными и изолирующими от общества, это не заставляет их страдать от психологического дискомфорта, поскольку роль домохозяйки оставляет достаточно времени для увлечений и общественной жизни в различных клубах и организациях. Ферри (1987) указывала, что с домашним трудом ассоциируются такие вознаграждения, как радость, доставленная любимым людям, и удовлетворение от хорошо сделанной работы. Столь противоречивые результаты, возможно, объясняются тем, что в разных исследованиях используются разные выборки. Ни «домохозяйки», ни «работающие женщины» не являются однородной, монолитной группой. Их семейный доход, их религиозные убеждения,

причины, побуждающие их оставаться дома или идти работать, их обязанности в доме или на службе, уровень социальной поддержки, которую они испытывают, их отношение к домашней работе, возраст и количество детей — все различно. Каждый из этих факторов влияет на степень удовлетворенности своей ролью в доме или на работе. Кроуз (Krause, 1983) обнаружил, что домохозяйки, которые когда-то нетрадиционно понимали женскую роль, но вышли замуж за мужчин с традиционными взглядами, намного больше неудовлетворены своей ролью и сильнее подвержены депрессии, чем те, кто всегда придерживались традиционных убеждений относительно роли женщины. Перри-Дженкинс (Perry-Jenkins et al., 1992) выявил прямую зависимость между степенью удовлетворенности женщины своей ролью дома и на работе и тем, какое значение она придает этой роли. Например, работающие женщины, которые считали, что их доход так же важен для семьи, как и доход мужа, выказывали большую удовлетворенность, чем работающие женщины, которые видели, что их доход имеет второстепенное значение, или те, кто не были уверены, что их работа нужна.

Мнения ученых о том, как роль домохозяйки воздействует на женщину, разделились, но большинство социологов согласны, что женщина, зарабатывающая деньги, пользуется в доме большей властью. Согласно *теории власти в семье (family power theory)*, тот из супругов, кто обладает большими экономическими возможностями, обладает также и большей властью (Stroh et al., 1992). Финансовая зависимость домохозяйки от мужа делает ее менее влиятельной фигурой в доме, так как это «его» деньги и он — единственный, кто занят «настоящим» делом (поскольку труд женщины в доме не оплачивается, люди часто рассматривают его как менее ценный, чем оплачиваемый труд). Существует несколько исследований, подтверждающих, что работающие жены имеют больший вес в семье, чем сидящие дома (Beckman & Houser, 1979; Crosby, 1982; Mason & Vumpass, 1975). Эриксен и его коллеги (Ericksen et al., 1979) обнаружили, что мужья, имеющие престижную профессию, в семейной жизни особенно склонны настаивать на своем. Как полагают Стейл и Турецки (Steil & Turetsky, 1987, p. 75), «неравенство полов в семье воздействует на формирование аналогичных неравных условий за пределами семьи». Нет однозначных доказательств предположения, что большая власть в доме одного из супругов проистекает непосредственно из того, что он или она получает больше денег или имеет более престижную работу. Однако все согласятся с тем, что если мы финансово зависимы от кого-то, кто к тому же имеет более высокий социальный статус, чем мы, то этот человек обладает над нами большей властью, чем мы над ним. Итак, роль домохозяйки, «хранительницы домашнего очага» — вовсе не такая идиллия, как это представляет нам телевидение, и те, кто играет эту роль в реальной жизни, достойны большего уважения и влияния, чем они имеют. Мы также должны спросить себя, почему эта роль продолжает оставаться «привилегией» женщин, и разобраться, в какой степени причиной такого положения вещей является социальное воспитание, снабжающее женщин навыками, которые делают их более пригодными к этой роли, чем мужчин. Также интересно отметить, что кроме гендерных стереотипов и дифференцированного воспитания, основанного на представлении, что женщина должна вести хозяйство, а мужчина — зарабатывать деньги, более низкая оплата труда женщин зачастую определяет, кто останется дома с детьми. По утверждениям нескольких семейных пар, с которыми мне приходилось разговаривать, их решение о том, что именно мать должна сидеть дома, было принято после простого арифметического подсчета: потеря ее зарплаты оборачивалась меньшим уроном для семейного бюджета, чем возможная потеря зарплаты отца. Такое неравенство в оплате труда мужчин и женщин является одной из тем следующего раздела.

Работающая женщина.

Согласно опубликованным министерством торговли в 1993 г. «Выдержкам из статистических исследований США», в Соединенных Штатах работают менее 60% женщин, тогда как работающих мужчин — 75%. Около 67% замужних женщин с детьми младше 18 лет, 78% разведенных женщин с детьми, 58% матерей, имеющих детей дошкольного возраста, и 55% женщин с детьми младше трех лет работают вне дома. К сожалению, как будет показано ниже, женщины, работающие за деньги, как правило, должны по-прежнему исполнять традиционные женские обязанности по отношению к дому и семье, и при этом на рабочем месте они не считаются равными мужчинам.

Домашний труд и работающая женщина.

Одним из значительных ограничений, налагаемых традиционной женской ролью в наше время, является то, что работающая женщина продолжает нести на себе бремя домашних забот и ответственности за детей. Отработав смену вне дома, женщина приходит домой и работает вторую смену. Эта «*вторая смена*» является причиной «*разрыва во времени отдыха*» у мужчин и женщин (Hochschild, 1989).

По сравнению со своими женами, чернокожие мужчины делают 40% домашней работы, белые мужчины — 34%, а мужчины испанского происхождения — 36% (Shelton & John, 1993). Хотя исследования показывают, что мужья за последние 10 лет существенно увеличили свой вклад в ведение хозяйства (Zick & McCullough, 1991), тем не менее работающая женщина по-прежнему выполняет в среднем 69% работы по дому (Berardo et al., 1987). Увеличение доли времени, которое женщины посвящают работе, привело лишь к небольшому сокращению их семейных обязанностей, а количество времени, отнимаемого у них заботой о детях (подготовка детей к школе, посещения врачей и т. д.) и вовсе осталось неизменным (Presland & Antill, 1987).

Используя данные обследования 3000 семейных пар в Соединенных Штатах, Блэр и Лихтер (Blair & Lichter, 1991) пришли к выводу, что женщины работают по дому в среднем вдвое больше, чем мужчины (33 часа в неделю против 14). В работах Блэра и Лихтера (1991) и Гюнтера и Гюнтера (Gunter & Gunter, 1990) также утверждается, что домашняя работа четко разделяется «по половому признаку», причем «женские» обязанности — это, как правило, дела, которые необходимо делать каждый день, в определенные часы (приготовление еды или мытье посуды), тогда как «мужская» работа (работа в саду или домашний ремонт) позволяет более свободно располагать своим временем. Однако Шелтон и Джон (Shelton & John, 1993) обнаружили, что в семьях чернокожих американцев домашние дела не столь явно разделены на «женские» и «мужские», как в белых или испаноязычных семьях. Исследования также показывают, что женщины несут больше ответственности за ведение домашнего бюджета, чем мужчины (Gunter & Gunter, 1990). Далее в этой главе мы увидим, что традиционное «разделение труда» в доме создает женщинам проблемы и на рабочем месте. В последней главе нашей книги мы вернемся к этому вопросу, чтобы разобраться, почему различия в обязанностях по дому столь живучи, и исследовать, какие проблемы они создают в отношениях мужчин и женщин.

Различия в оплате труда мужчин и женщин.

На картинке изображены маленькие мальчик и девочка, заглядывающие под свои пеленки. Подпись гласит: «Так вот чем объясняется разница в наших зарплатах!» Американки европейского происхождения, работающие полную рабочую неделю на протяжении всего года, зарабатывают 68% от того, что зарабатывают

американские мужчины европейского происхождения. Зарботная плата афроамериканок еще меньше, она составляет 61% зарплаты белых мужчин и 90% зарплаты белых женщин. Латиноамериканки получают 53% от того, что получают белые мужчины, и 78% от того, что получают белые женщины. Чернокожие и испаноязычные мужчины также зарабатывают больше чернокожих и испаноязычных женщин (разница в зарплатах в этих группах составляет соответственно 84% и 82%), но здесь не наблюдается таких огромных различий, как между доходами белых мужчин и всех групп женщин. Хотя цена женского труда и повысилась по сравнению с 1979 г., когда средняя зарплата женщины составляла всего 60% средней зарплаты мужчины, женщины, особенно неевропейского происхождения, до сих пор преобладают на низкооплачиваемых работах. Более того, они получают меньше, даже если выполняют ту же самую работу, что и мужчины. (Данные министерства труда США за 1993 г.) В следующем разделе мы рассмотрим возможные объяснения такого разрыва в оплате труда мужчин и женщин.

Объяснения различий в оплате труда

Существуют два наиболее распространенных объяснения различной оплаты труда мужчин и женщин: во-первых, женщинам платят меньше оттого, что они сами выбирают более низкооплачиваемые работы, во-вторых, женщины являются менее ценными работниками из-за недостатка у них опыта и квалификации. Есть и такое предположение: женщинам платят меньше, потому что они ожидают получить меньше и соглашаются на более низкую зарплату. Давайте рассмотрим подробно каждое из этих объяснений.

1. *Женщины, в силу традиции, заняты на преимущественно «женских» работах, за которые платят меньше, чем за традиционно «мужские» работы.* Объяснение на основе *компенсирующих отличий* предполагает, что женщины выбирают низкооплачиваемые работы, получая взамен лучшие условия труда: хороший социальный климат, возможность помогать другим, более гибкий график или более легкую работу (Filer, 1985, 1989).

Рабочая сила *разделена по признаку пола*, то есть большинство профессий принадлежат преимущественно одному или другому полу. Например, 90% секретарей в Соединенных Штатах — женщины (данные министерства труда США за 1993 г.). Правда и то, что большинство «женских» работ оплачиваются ниже, чем те, которыми занимаются в основном мужчины, даже если эти работы требуют достаточно серьезной подготовки. Конрад (Konrad, 1988), рассмотрев представительную выборку работающих граждан Соединенных Штатов, приходит к выводу, что работники, занятые в сферах, где преобладают женщины, зарабатывают меньше, чем те, кто работают на преимущественно «мужских» работах. В качестве примера: в университете, где я преподаю, стартовая зарплата маляра (работа, выполняемая обычно мужчинами) выше, чем стартовая зарплата медсестры (на 170 долларов в месяц) или секретаря-делопроизводителя (на 386 долларов в месяц). Если рассматривать работников, не принадлежащих к администрации, сфере менеджмента и преподавательскому составу, то только на одной из 19 работ, как правило выполняемых женщинами, наивысшая месячная зарплата превышает 3000 долларов (квалифицированная медсестра — 3138 долларов в месяц), в то время как на 17 из 19 традиционно «мужских» работ наивысшая месячная зарплата выходит за этот барьер. Джейкобс и Штейнберг (Jacobs & Steinberg, 1990) обнаружили, что доля женщин, занятых в данной профессии, влияет на Уровень заработной платы в этой сфере деятельности — чем больше женщин, тем ниже оплата труда.

Женщины и в самом деле редко занимаются работами, традиционно принадлежащими мужчинам, правда и то, что зарплаты на «женских» работах ниже. Значит ли это, что женщины предпочитают такие работы высокооплачиваемым «муж-

ским» занятиям, потому что они более приятны или лучше соответствуют параллельному выполнению материнских функций? Согласно статистическим данным, это далеко не так. «Женские» работы не предполагают более гибкий график, меньший уровень напряжения или что-либо другое, что способствовало бы выполнению родительских обязанностей (Glass & Camarigg, 1992). В действительности, как утверждают Гласс и Камаридж, верно обратное: большая концентрация женщин в какой-либо профессиональной сфере связана с меньшей гибкостью, большим контролем со стороны начальства и меньшей свободой в определении способов и сроков выполнения задач. Анализ 1600 профессий (Jacobs & Steinberg, 1990) показывает, что «женские» работы, в отличие от «мужских», характеризуются несколько иными, но совсем не обязательно более легкими, условиями работы. «Женские» профессии чаще предполагают работу с трудными клиентами, уборку грязи, оставленной другими, механические повторяющиеся действия и малую автономность (отсутствие права самому управлять своей работой). Более того, из данных того же анализа следует, что нежелательные условия работы оказывают *негативное* влияние на зарплату как в «мужских», так и в «женских» сферах деятельности, потому что неприятные работы чаще всего выполняются теми, кто имеет низкий социальный статус и не может потребовать повышения зарплаты, чтобы компенсировать плохие условия труда.

Концепция «компенсирующих отличий» предполагает, что женщины *выбирают* низкооплачиваемые работы. В отчете министерства труда США за 1990 г. «Положение работающих женщин» можно найти заключение, что на пути женщин к «мужским» занятиям расставлено множество барьеров. Сюда входят требования несущественной для исполнения профессиональных обязанностей подготовки или характеристик, которыми женщины обычно не обладают, а также неуверенность и нервозность, сопровождающие женщину, работающую в мужском коллективе. Например, до 1993 г. требования Лос-Анджелесской полицейской академии к кандидатам в офицеры полиции включали рост не менее 5 футов 8 дюймов (170 сантиметров), что вело к отсеву большинства кандидатов-женщин. Со времени отмены этого запрета несколько низкорослых женщин успешно прошли тяжелую проверку на физическую подготовку.

Дискриминация при приеме (то есть прием человека на работу или отказ ему в работе вследствие его принадлежности к некой социальной группе, в том числе по признаку пола) также, возможно, вносит свой вклад в разделение рынка труда на «мужскую» и «женскую» части (Martincio & Gardner, 1983). Исследования показывают, что женщин гораздо реже берут на нетрадиционные для них работы, чем мужчин той же квалификации (Olson & Frieze, 1987). Глик и другие исследователи (Glick et al., 1988) заметили, что дискриминация при приеме имеет место и когда женщины пытаются устроиться на традиционно «мужские» работы, и когда мужчины хотят устроиться на работы «женские». Они предположили, что работодатели зачастую судят о способностях кандидата предвзято, основываясь на своих убеждениях о том, что именно мужчины или именно женщины должны обладать свойствами, желательными для данной работы. Статистические исследования, проведенные среди специалистов по подготовке и подбору кадров, подтверждают эту гипотезу (Glick, 1991). В то же время социологи утверждают, что если работодатель точно знает, что претендент на рабочее место обладает необходимыми качествами, то он способен преодолеть свою склонность к дискриминации (Glick et al., 1988). Но проблема состоит в том, что женщины часто не имеют соответствующего опыта, который мог бы убедить работодателя в том, что именно эта кандидатка соответствует его стереотипам. К тому же, если женщинам уже приходилось испытывать дискриминацию, они ожидают дискриминации и в дальнейшем и не решаются защищать свои права (Glick et al., 1988).

Однако большинство женщин вовсе не хотят и не пытаются устраиваться на традиционно «мужские» работы. Женщины часто лучше чувствуют себя на «женской» работе, с которой они более знакомы и к которой они лучше подготовлены (Ragins & Sundstrom, 1989). Статистические исследования также показывают, что женщины ожидают негативных последствий для своих взаимоотношений с людьми в том случае, если они будут заниматься «неженским делом» (Condry & Dyer, 1976), и что как мужчины, так и женщины считают, будто «мужская» профессия лишает женщину ореола романтичности и делает ее менее привлекательной (Prost & Fiore, 1990).

Возможно также, что женщины избегают «мужских» работ, предчувствуя неприятную психологическую обстановку, которая ожидает их на рабочем месте. Йодер и Аниакудо (Yoder & Aniacudo, 1994) описали «прохладную рабочую атмосферу», часто сопутствующую женщинам в мужских коллективах: их игнорируют, их профессиональные навыки недооцениваются, их ошибки преувеличиваются, к ним применяются двойные стандарты, на каждом шагу они встречаются с нежелательными сексуальными комментариями или с выражением прямого неприятия, им зачастую даже трудно получить доступ к необходимому оборудованию. К сожалению, имеются свидетельства того, что отношение сослуживцев-мужчин к женщинам на «мужской» работе действительно негативное (Padavic & Reskin, 1990). Например, Йодер и Аниакудо (1994) обнаружили, что 77% случайно выбранных женщин-пожарных подвергались сексуальным преследованиям со стороны коллег-мужчин, 64% чувствовали, что их умение недооценивают, и 82% считали, что их ошибки преувеличивают. Гютек и Мораш (Gutek & Morasch, 1982) утверждают, что если женщин относительно мало среди работников какой-либо структуры, то их пол становится выдающейся (то есть хорошо заметной) характеристикой, что заставляет сослуживцев видеть в них сперва женщин, а уже потом работников.

Исследователи обнаружили, что женщины, работающие там, где преобладают мужчины, чаще испытывают на себе нежелательное сексуально окрашенное внимание сослуживцев-мужчин, чем те, кто работает в преимущественно женском или смешанном коллективе. Подобные выводы можно найти в следующих источниках: Gutek & Cohen, 1987; Mansfield et al., 1991. Пока мы не можем точно сказать, действительно ли предчувствие подобных неприятностей заставляет женщин отказываться даже от мысли о «мужской» работе. Однако Гютек и Мораш (Gutek & Morasch, 1982) приводят такие данные: 20% женщин в их выборке, работавших ранее на нетрадиционных для женщин работах, оставили свои места из-за преувеличенного сексуального интереса к ним со стороны коллег, а еще 9% потеряли работу из-за того, что пытались жаловаться начальству или отказывались терпеть такое обращение.

2. *Женщинам платят меньше, потому что они — менее ценные работники, чем мужчины.* Мы знаем, что рабочие места в большинстве своем подразделяются на «мужские» и «женские» и что за работы, традиционно выполняемые женщинами, платят меньше, чем за те, что обычно делают мужчины. Но женщинам платят меньше даже тогда, когда они выполняют *ту же самую* работу, что и мужчины. Статистические данные министерства труда США за 1991 г. говорят сами за себя: женщины — компьютерные программисты получают 83% от зарплаты программистов-мужчин, женщины — финансовые менеджеры — 67% от того, что получают мужчины — финансовые менеджеры, зарплата женщин — учителей начальной школы составляет 89% зарплаты учителей-мужчин, и т. д. Стартовая зарплата женщин обычно бывает меньше, чем стартовая зарплата мужчин, и это имеет долговременные последствия, потому что повышение зарплаты, как правило, выражается в процентах от начального уровня (Gerhart & Rynes, 1991).

Одно из распространенных объяснений такого несоответствия зарплат мужчин и женщин, выполняющих одну и ту же работу, основано на *принципе оценки человеческого капитала*. Этот принцип предполагает, что вознаграждение, получаемое индивидуумом за работу, зависит от его прошлых инвестиций в образование и профессиональную подготовку. Считается, что женщины зарабатывают меньше потому, что они меньше умеют, хуже образованны или имеют меньше опыта и, следовательно, являются менее ценными работниками. Хотя и в самом деле различные зарплаты мужчин и женщин иногда можно объяснить разницей в квалификации и опыте, статистические данные, касающиеся уровня образования, стажа и возраста работников, показывают, что 75% процентов подобных случаев остаются необъясненными (Rytina, 1983). Точно так же Стрех и др. (Stroh et al., 1992), проведя статистическое обследование мужчин и женщин — менеджеров 500 организаций, обнаружили, что по достижении определенного стажа работы по данной профессии и в данной фирме зарплата менеджера-женщины возрастает на 54%, в то время как зарплата менеджера-мужчины возрастает на 65%.

Может быть, женщины работают менее усердно и потому заслуживают меньшей зарплаты? Билби и Билби (Bielby & Bielby, 1988) в статье «Она добывает свои деньги тяжелым трудом» приводят данные о том, что женщины на оплачиваемой работе трудятся более усердно, чем мужчины. В ходе лабораторного эксперимента с участием студентов колледжа Мэйджор и его коллеги (Major et al., 1984 a) обнаружили, что за одни и те же деньги женщины делают больше работы, тратят на нее больше времени, правильнее выполняют задачи и в целом трудятся эффективнее, чем мужчины.

Может быть, работа мужчин и женщин оценивается предвзято? Возможно, женщинам платят меньше потому, что качество их работы априори считается более низким, чем качество работы мужчин? Данные по этому вопросу противоречивы. Метаанализ ста четырех экспериментальных исследований по проблеме оценки труда мужчин и женщин показывает отсутствие существенных различий (Swim et al., 1989). Однако большинство исследований, включенных в этот метаанализ, — лабораторные эксперименты, участниками которых были студенты колледжей. Другие исследователи приводят данные о влиянии предрассудков на то, как оценивается деятельность работника. Робинс и Де Низи (Robins & DeNisi, 1993) считают важными факторами то, насколько работа, выполняемая оцениваемым, соответствует его традиционной гендерной роли, и то, насколько оценивающий склонен к предвзятости в своих суждениях. Исследования, проведенные в полевых условиях и рассматривающие реальных работников и их начальников, также показали, что предвзятость иногда действительно имеет место, особенно если критерии оценки субъективны, информация минимальна, женщина выполняет работу, традиционно являющуюся привилегией мужчин, а также когда сравниваются кандидаты на руководящую должность (Dobbins et al., 1988; Haberfeld, 1992; Martinko & Gardner, 1983; Nieva & Gutek, 1980; Ruble et al., 1984).

3. *Женщины получают меньше, потому что они ожидают получить меньше.* Существует предположение, что женщины заранее готовы получать более низкую зарплату, чем мужчины. Если женщина ожидает получить меньше, чем ожидает мужчина, то скорее всего ей и предложат меньшую по сравнению с мужчиной той же квалификации зарплату (Jackson et al., 1992). В одном из экспериментов было установлено, что участники, игравшие роль работодателей, назначали зарплату исходя из ожиданий, выраженных претендентами на рабочее место: тем, кто имел низкие ожидания, назначалась зарплата меньше, чем работникам той же квалификации с более высокими ожиданиями (Major et al., 1984 b). Оказалось, что даже когда ни женщины ни мужчины не знали, сколько платят другим, женщины запрашивали меньше. Мэйджор и Форси (Major & Forcey, 1985), проведя опрос молодых

людей, только собирающихся начинать свою карьеру, выяснили, что девушки считают себя заслуживающими меньшей платы за свой труд, чем та, которую хотели бы получать юноши. У студентов высших учебных заведений, специализирующихся в области бизнеса, также наблюдается существенная разница в ожиданиях относительно будущей зарплаты (Major & Konar, 1984; Martin, 1989; McFarlin et al., 1989). Джексон и его коллеги (Jackson et al., 1992) обнаружили, что, независимо от сферы будущей деятельности, студентки старших курсов колледжа имеют более низкие ожидания относительно своих будущих доходов, чем их одноклассники, несмотря на то что девушки, как правило, лучше учатся.

Эти данные не дают возможности определить разницу в ожиданиях относительно оплаты своего труда у мужчин и женщин в «реальном» мире, так как большинство вышеприведенных исследований проводились со студентами колледжей. Существует несколько возможных объяснений таких различий. Джексон и его коллеги (Jackson et al., 1992) предполагают, что женщины из-за необходимости отвечать за семью и домашнюю работу ожидают получать меньше, чем мужчины, которые избавлены от этих забот и потому чувствуют большую уверенность, что смогут добиться высоких результатов в работе. Другие исследователи думают, что женщины считают себя менее способными и потому менее ценными работниками. Некоторые лабораторные эксперименты подтверждают эту гипотезу (McCarty, 1986), но более широкие исследования не позволяют сделать таких выводов (Snyder et al., 1992).

Возможно, женщины оценивают свою зарплату, сравнивая ее с зарплатами других женщин, которым тоже платят меньше, чем мужчинам (то есть используют различные социальные стандарты). Например, Билсма и Мэйджор (Bylsma & Major, 1992) установили, что разница в оценке стоимости своего труда исчезает, когда как женщины, так и мужчины знают, что другие получают высокую зарплату. Возможно, мужчины более «уверены в себе» в вопросах оплаты труда, поскольку общество оценивает мужчин на основе того, сколько они зарабатывают, побуждая их этим зарабатывать как можно больше. Из-за этого мужчинам свойственно уделять больше внимания ситуации на рынке труда, говорить о том, сколько за что платят и как настоять на своем в переговорах с работодателем. Женщины менее склонны вступать в разговоры о деньгах, поэтому меньше осведомлены, какой труд сколько стоит, и часто соглашались на более низкую зарплату. При этом женщины не только свой труд, но и труд других женщин оценивают более низко, чем труд мужчин (Jackson et al., 1992; Jackson & Grabsky, 1988).

Важно помнить, что низкие ожидания женщин — наименее весомая причина низкой оплаты их труда. Большинство женщин просто работает на традиционно «женских» работах, за которые традиционно меньше платят.

Некоторые исследования также показывают, что женщины получают более низкую стартовую зарплату, даже когда их ожидания равны ожиданиям мужчин и они не менее настойчиво ведут переговоры с работодателем (Gerhart & Rynes, 1991). Возможно, работодатели предлагают женщинам более низкую зарплату, руководствуясь стереотипным представлением, что женщина согласится работать за меньшие деньги, чем мужчина. Например, моя студентка Мэри Кей работала диспетчером грузовой компании, ее хорошая работа была оценена, и она получила повышение. Обучая своего будущего преемника, мужчину, она с изумлением обнаружила, что его годовая зарплата будет на 3000 долларов выше, чем ее зарплата на более *высокой* должности. Когда она спросила у босса, что это значит, тот очень просто объяснил Мэри эту ситуацию. Оказывается, он был уверен в том, что мужчина не согласится работать на ее старом месте за такие маленькие деньги, которые платили ей.

Теория справедливости и реакция женщин на неравенство в оплате труда

Мэри Кей ушла с работы, когда босс отказался повысить ее зарплату. Ее реакция является ярким показателем тех перемен, которые произошли в сознании женщин за последние 20 лет. Мой собственный опыт говорит о том, что женщины сейчас гораздо меньше, чем в прежние времена, склонны терпеть несправедливость в оплате труда, равно как и в других вопросах. Хотя я не нашла никаких специальных исследований по этой теме, мне кажется, что некоторые статистические выкладки института Гэллапа подтверждают мои предположения. Например, в 1975 г. только 32% опрошенных американцев признавали, что мужчинам в Соединенных Штатах жить лучше; в 1989 г. эта цифра возросла до 49%, а в 1993 г. — до 60% (Newport, 1993). 48% американцев, опрошенных в 1975 г., утверждали, что женщины имеют равные с мужчинами возможности в сфере трудоустройства, в 1989 г. таких было 42%, а в 1993-м — 39%. Только 30% женщин в 1993 г. полагали, что они имеют равные с мужчинами возможности, и 70% считали, что мужчинам жить лучше (аналогичные данные за прежние года отсутствуют) (Newport, 1993).

Для того чтобы решить, насколько справедлива плата, которую мы получаем, мы обычно сравниваем себя с другими. В этом состоит сущность *теории справедливости (equity theory)* (Adams, 1965). Эта теория, изначально называвшаяся *теорией человеческих отношений*, предполагает, что люди хотят, чтобы их вклад в дело и их доход от этого был равнозначен вкладу и доходу других. Применительно к работе это означает, что мы вкладываем нечто (свое время, энергию, квалификацию и т. д.) и что-то за это получаем (зарплату, продвижение по службе и т. д.). Чтобы решить, насколько то, что мы получаем, соответствует тому, что мы вносим, мы смотрим, как это соотносится с тем, что вносит и получает некоторая категория людей, называемая «группой сравнения». От того, с кем именно вы себя сравниваете, очень сильно зависит, ощущаете вы себя довольными или обиженными. *Относительная теория обделенности (relative deprivation theory)* (Crosby, 1962) основана на похожих идеях. Она утверждает, что чувство обделенности и обиды не просто возникает из-за объективных фактов или событий, но очень сильно зависит от того, насколько «обделенными» мы себя ощущаем по отношению к группе или лицу, с которым себя сравниваем.

Исследования показывают, что женщины обычно не используют мужчин в качестве объектов для сравнения (Chessler & Goodman, 1976; Zanna et al., 1987). Вместо этого они сравнивают себя с другими женщинами, и до тех пор, пока вклад и доход женщины на ее рабочем месте примерно соответствует вкладу и доходу других женщин, считается, что справедливость соблюдена. Изучая статистические данные 1974 г., Занна и др. (Zanna et al., 1987) обнаружили, что если женщины использовали в качестве группы сравнения мужчин, то они испытывали большее чувство обделенности и обиды, оценивая свой доход от работы. Данные нескольких исследований (Crocker & Major, 1989) показывают, что женщины более склонны сравнивать себя с другими женщинами, потому что «разделение труда» между полами делает женщин более доступными для сравнения объектами, а также потому, что нам свойственно сравнивать себя с теми, кто похож на нас. Мэйджор и Форси (Major & Forcey, 1985), собравшие и обобщившие эти данные, выяснили, что люди, выполняющие работу, которая считается соответствующей их гендеру, обычно сравнивают себя с людьми того же пола, в отличие от тех, кто занят «неподходящей» работой. Мэйджор и его коллеги (Major et al.) использовали в своих экспериментах нейтральные по отношению к гендерной принадлежности задачи и обнаружили, что в этих условиях участники, как правило, игнорируют пол, сравнивая себя с другими для определения, насколько честно им платят. Таким образом,

женщина вполне может сравнивать свои доходы с доходами мужчин, если они занимаются тем же делом.

Согласно *теории справедливости*, если вы ощущаете несправедливость в оплате (то есть если вы получаете за свой вклад меньшую компенсацию, чем те, кто принадлежит к вашей группе сравнения), у вас возникает стремление восстановить справедливость. Для женщины, которая обнаруживает несоответствие, сравнивая то, что она вкладывает и получает на работе, с тем, что вкладывают и получают мужчины, существует несколько способов восстановить свое душевное равновесие. Она может уничтожить неравенство, если уйдет с работы или уменьшит свой вклад (то есть станет меньше работать), но часто это нереально. Она может создать себе видимость справедливости, заменив свою группу сравнения на такую, рядом с которой ее обстоятельства выглядят более справедливыми (например, сравнивать себя только с женщинами). Еще один возможный для нее путь — рационально обосновать несправедливость («Я, должно быть, не так хорошо работаю, как он», «У него, вероятно, больше опыта» и т. д.). Большинство женщин, однако, предпочли бы добиться справедливости, увеличив свой доход, то есть зарплату. Обычно это делается путем обращения к начальству с просьбой о повышении зарплаты или, в редких случаях, с требованием равной с мужчинами оплаты труда.

Между тем, если женщины и мужчины выполняют одну и ту же работу, платить женщинам меньше незаконно. В Соединенных Штатах Америки это противоречит как «Закону о равной оплате труда» 1963 г., так и VII главе «Акта о гражданских правах» 1964 г. Почему же лишь очень немногие женщины избирают законный способ восстановления своих прав? На то есть несколько причин. Одна из них состоит в том, что, даже когда дискриминация очевидна, система законной защиты прав женщин работает очень плохо. Комиссия по равным возможностям в сфере трудоустройства, федеральная инстанция, обязанная заниматься подобными случаями, рассматривается как второстепенное подразделение и постоянно испытывает нехватку средств. Другая причина кроется в том, как эти законы написаны и применяются. Вы должны доказать, что дискриминация была намеренной, а не являлась следствием рыночной цены определенного вида работ. Поскольку профессии на рынке труда, как мы уже неоднократно говорили, разделены на «женские» и «мужские», очень сложно доказать, что более низкая оплата труда женщин вызвана именно дискриминацией.

В соответствии с концепцией *справедливой оплаты* (*pay equity*), или, как она обычно называлась раньше, концепцией *сравнимой ценности* (*comparable worth*), люди, работающие в одной и той же организации и выполняющие одинаковую по ценности или одинаково трудную работу, должны получать одинаковую зарплату. Некоторые утверждают, что сравнивать две непохожие друг на друга работы (например, «мужскую» работу маляра и «женскую» — секретаря) все равно что сравнивать яблоки и апельсины, и никогда нельзя определить, что в действительности честно, а что — нет. Тем не менее существуют современные системы оценки, позволяющие сравнивать разные работы на основе знаний и умений, которые для них требуются, необходимого для выполнения работы уровня интеллекта и условий труда. Таким образом, эти доводы не имеют большого смысла. Почему же программы, нацеленные на достижение справедливости в оплате труда, столь редки? Реальными представляются два объяснения: во-первых, это привело бы к повышению цены труда на рынке, а во-вторых, давление закона в этом вопросе не слишком сильно. Поэтому такие программы скорее всего будут оставаться редкостью и в дальнейшем, если только не произойдут значительные изменения в законодательстве или женщины сами не начнут бороться за свои права (с помощью забастовок, объединения в союзы и т. д.).

Низкий статус женщин в организациях и отсутствие у них власти.

Мало того что женщины получают меньше денег, чем мужчины, они к тому же еще обычно и ниже по статусу. Например, большинство самых престижных профессий в нашем обществе буквально оккупированы мужчинами: 80% научных работников, 84% врачей, 61% профессоров университетов и колледжей — мужчины (стоит заметить, что, несмотря на относительно высокий процент женщин среди преподавателей, женщин — постоянных профессоров, имеющих наивысший статус, только 10%), 78% адвокатов и судей, 87% архитекторов и 94% инженеров — также мужчины*.

Существует также множество доказательств более низкой власти женщин в своих организациях по сравнению с мужчинами. Как мы увидим далее, женщины гораздо реже занимают должности, предполагающие контроль над ресурсами и определение того, какие цели фирма будет преследовать и каким способом. Это происходит отчасти потому, что мужские гендерные стереотипы включают в себя больше качеств, которые считаются необходимыми для завоевания и удержания власти. Поэтому мужчины кажутся более подходящими для руководящих ролей.

Низкая власть женщин по сравнению с мужчинами становится очевидной, если обратить внимание на почти полное отсутствие женщин в политике (к этому мы еще вернемся в главе 6). Несмотря на объявление во время ноябрьских выборов 1992 г. «Года женщины в политике» и относительно недавнее довольно резкое увеличение числа женщин на политической сцене, женщины по-прежнему очень слабо представлены в правительстве. Хотя женщины представляют 51% населения США, из 100 членов Сената, избранных в 1992 г., только 6 были женщинами, а среди 435 избранных членов палаты представителей их было 47 (при этом в Сенате прибавилось 2 женщины, а в палате представителей — 24). Женщины сейчас составляют 10% голосующих членов Сената — наибольшая доля за всю историю Соединенных Штатов. Из четырнадцати сотрудников администрации президента Клинтона трое — женщины. Впервые в истории Соединенных Штатов в Верховном Суде заседают сразу две женщины — Сандра Дэй О'Коннор, назначенная первой в 1981 г., и Рут Бадер Гинсберг, назначенная в 1993 г. Только раз женщина выдвигалась одной из двух крупнейших партий на президентских выборах. Это была кандидат в вице-президенты от демократической партии при кандидате в президенты Уолтере Мондейле в 1984 г.

Влияние женщин в организациях: «стеклянный потолок».

Точно так же, как и в политических структурах, на производстве и в бизнесе мужчины пользуются значительно большей властью, чем женщины. 39% менеджеров в США — женщины (и это на 26% больше, чем в 1978 г.), но чем выше мы поднимаемся по служебной лестнице, тем меньше женщин встречаем: только 1-2% высших руководящих постов в компаниях занято женщинами (данные министерства труда США за 1989 г.). Журнал «Форчун» (*Fortune Magazine*) провел статистическое исследование 799 крупнейших в Соединенных Штатах фирм, и из 4912 наиболее высоко оплачиваемых администраторов и руководителей оказалось только 19 женщин, то есть менее одного процента (Fierman, 1990).

Используя представительную выборку работающих граждан Соединенных Штатов, Джейкобс (Jacobs, 1992) показывает, что в 1988 г., по сравнению с 1970 г., количество женщин на руководящих работах резко возросло (с 18% до 40%), но при этом женщины-менеджеры по-прежнему уступают своим коллегам — мужчинам как в зарплате, так и в авторитете.

* Данные взяты из «Выдержек из статистических исследований Соединенных Штатов» за 1991 г. (Министерство торговли США, 1991).

Женщины, желающие делать карьеру в фирме, часто встречаются с явлением «стеклянного потолка». Эта метафора выражает тот факт, что во многих организациях существует как бы невидимый потолок, выше которого женщины и американцы неевропейского происхождения не могут продвинуться. Министр труда в кабинете президента Буша Линн Мартин определила «стеклянный потолок» как «искусственно созданные барьеры, основанные на предрассудках, существующих внутри организаций, которые не позволяют квалифицированным работникам продвигаться по службе и занимать руководящие посты в своих организациях... квалифицированные женщины и представители меньшинств часто оказываются под этим потолком и могут только наблюдать оттуда, как другие продвигаются по служебной лестнице» (Министерство труда США, 1991 b, p. 1).

Афроамериканки, латиноамериканки, женщины азиатского и индейского происхождения составляют всего около 4% от общего количества женщин-менеджеров, и это заставляет некоторых ученых говорить, что для них поставлен «бетонный» потолок. К сожалению, большинство исследований, посвященных женщинам, игнорируют проблемы тех из них, кто принадлежит к национальным меньшинствам. Женщины, принадлежащие к меньшинствам, часто подвергаются двойной дискриминации — и по расовому и по половому признаку, это их незавидное положение иногда называют «двойным невезением» (Bell et al., 1993).

Объяснения явления «стеклянного потолка».

Было время, когда психологи придерживались мнения, что женщины обладают персональными чертами или шаблонами поведения, делающими их мало пригодными для руководящей роли, и именно поэтому на высоких постах так мало женщин. Например, Хорнер (Horner, 1969) в одной из своих книг предполагает, что женщины боятся успеха в работе, потому что считают слишком большие достижения на службе несовместимыми с женственностью.

Но к середине 70-х — началу 80-х социальным психологам и социологам стало ясно, что огромную разницу во власти мужчин и женщин невозможно объяснить с помощью централизованного на личности подхода, приписывающего малую власть женщинам их личным качествам. Книга «Мужчины и женщины в корпорациях» (*Men and Women of Corporation*, Kanter, 1977) была первой ласточкой нового, централизованного на ситуации подхода, дающего такие объяснения, как дискриминационная политика, проводимая отдельными личностями и организациями в целом, и стереотипы общественного сознания.

«Стеклянный потолок» (Glass ceiling). Термин, предложенный Линн Мартин для обозначения искусственно созданных барьеров, основанных на предрассудках, которые не позволяют квалифицированным работникам, и в первую очередь женщинам и представителям национальных меньшинств, продвигаться по службе и занимать руководящие посты в своих организациях.

Сейчас, после проведения нескольких всеобъемлющих исследований, ситуативно-центрированные факторы признаны главными причинами того, что женщины слабо представлены на руководящих должностях. Стрех (Stroh et al., 1992, p. 251) пишет: «Исследования, посвященные женщинам на руководящих ролях, позволяют смело отбросить такие объяснения более медленного продвижения женщин по служебной лестнице, как недостаток у них умения, способностей или мотивации». Каталист (Catalyst, 1990) отмечает, что 79% главных должностных лиц из обследованных 500 фирм признают, что барьеры на пути женщин к высоким постам в организациях реально существуют.

Теперь рассмотрим более внимательно некоторые из самых распространенных объяснений того, почему женщины, как правило, занимают в фирмах низкие должности.

1. *Женщины вносят меньший человеческий капитал в работу организаций.* Один из популярных подходов к объяснению явления «стеклянного потолка», центрированных на личности,— подход, основанный на концепции *человеческого капитала*, который уже рассматривался выше как возможное объяснение неравной оплаты труда мужчин и женщин. Согласно этому подходу, заработная плата и положение в организации привязаны к «человеческому капиталу», вносимому работником в деятельность организации, в который включаются такие свойства, как опыт и образование. Предполагается, что женщины меньше получают и медленнее продвигаются по службе, чем мужчины, из-за различий в человеческом капитале.

Теория человеческого капитала иногда действительно служит объяснением того, почему одни люди получают больше денег и занимают более высокие должности, чем другие, но разницу во власти мужчин и женщин эта теория вряд ли сможет объяснить. Как выяснилось, пол человека является более точным индикатором его положения в организации, чем количество лет, посвященных работе в этой фирме (Ragins & Sundstrom, 1989). Среди служащих федерального агентства по социальной помощи (сфера, где работает относительно много женщин), если учесть влияние таких факторов, как возраст, образование и стаж в организации, принадлежность работника к определенному полу объясняет значительную долю назначений (Snyder et al., 1992). Конрад и Каннингс (Konrad & Cannings, 1993) обнаружили, что подход, основанный на человеческом капитале, позволял хорошо предсказать карьеру мужчин в двух крупных корпорациях, но в случае женщин он не работает. Сравнивая мужчин и женщин — менеджеров из 500 компаний, Стрех и его коллеги (Stroh et al., 1992) заметили существенные различия в скорости продвижения по службе мужчин и женщин, даже в тех случаях, когда те и другие имели приблизительно одинаковое образование, опыт и способности. Они пишут, что «хорошая деловая практика», то есть желание делать карьеру, приобретение опыта и т.д., оказывает более сильное влияние на продвижение человека по службе, чем его пол, но тем не менее женщины, следующие традиционно мужской модели карьеры, все-таки никак не могут догнать мужчин.

2. *Женщина не может управлять делом так же хорошо, как мужчина.* Тот факт, что женщины обычно занимают в фирме периферийные позиции, а места, предполагающие быстрое продвижение по служебной лестнице, оккупированы преимущественно мужчинами, часто объясняется следующим образом: хотя женщины и могут обладать некоторыми навыками, полезными для руководителя, у них обычно отсутствуют качества, позволяющие стать настоящим лидером. Однако существуют убедительные доказательства того, что женщины являются не менее эффективными руководителями, чем мужчины (Bass, 1981; Eagly & Johnson, 1990; Hollander, 1983; Powell, 1990), что женщины-менеджеры часто имеют более высокий уровень мотивации, чем менеджеры-мужчины (Donell & Hall, 1990), а также что женщины-менеджеры лучше умеют справляться с конфликтными ситуациями (Duane, 1989). В отчете министерства труда США по проблеме «стеклянного потолка» (1991 b) приведены данные о том, что большинство как продвигающихся, так и не продвигающихся по службе женщин-менеджеров обладает качествами, необходимыми лидеру, и что многие женщины, годами занимающие незначительное положение в своих организациях, демонстрируют больше таких качеств, чем мужчины, делающие карьеру. Отсюда видно, что женщины на самом деле вполне подходят для роли лидера.

При помощи метаанализа 162 исследований, где сравнивался руководящий стиль мужчин и женщин (Eagly & Johnson, 1990), получены данные, что женщины уделяют несколько больше внимания человеческим взаимоотношениям и несколько более склонны использовать демократичный стиль руководства. Это

должно говорить в пользу женщин-лидеров, так как другие исследования показывают, что подчиненные предпочитают демократичный стиль руководства, независимо от того, является их начальником женщина или мужчина (Kushell & Newton, 1986). Игли и Джонсон предполагают, что, возможно, более демократический и корпоративный стиль руководства лидеров-женщин формируется их социальными навыками. Они также отмечают, что женщины-руководители практикуют коллективное принятие решений, стремясь завоевать признание у скептически настроенных подчиненных. Однако, по их данным, разница в поведении мужчин и женщин — лидеров не очень значительна. Авторы замечают, что это неудивительно, так как в организациях обычно имеются достаточно четкие представления о том, как должен вести себя руководитель, и человек, желающий преуспеть в этой роли, должен приспособливаться к ним независимо от пола (Eagly & Johnson, 1990).

3. *Стереотипы восприятия женщин, бытующие в обществе, возможно, являются причиной того, что женщин считают непригодными для роли лидера и руководящей работы.* Моррисон и фон Глинов (Morrison & Von Glinow, 1990) собрали данные нескольких исследований (Freedman & Phillips, 1988; Heilman & Martell, 1986; Ilgen & Youtz, 1986), из которых видно, что гендерные стереотипы, изображающие женщин непригодными для роли лидера, настолько сильны в обществе, что свидетельства, говорящие об обратном, часто не принимаются во внимание при подборе кадров и принятии решений, касающихся карьеры женщин. Если принято считать, что место женщины в доме или что женщины — плохие лидеры и не годятся для ответственной работы, то их и не назначают на руководящие должности (Stevens, 1984). Дарли (Darley, 1986) полагает, что из-за нашей склонности судить о людях по их социальной роли мы часто забываем о том, что заботливая, нежная, внимательная жена и мать может быть настойчивым, рациональным и эффективным лидером на работе. Поскольку в нашем сознании преобладает образ женщины в традиционной женской роли, требующей совсем иных качеств, чем те, что необходимы для роли руководителя, нам трудно увидеть в женщине человека, подходящего для руководящей работы.

Общепринятые стереотипы заставляют нас думать, что женщина не способна хорошо руководить. Несколько исследований подтверждают, что успешный руководитель обладает, в представлении окружающих, чертами личности, которые считаются скорее мужскими, чем женскими (Brenner et al., 1989; Heilman et al., 1989; King et al., 1991; Massengill & DiMarco, 1979; Powell & Butterfield, 1984; Schein, 1973, 1975; Schein et al., 1979). Шейн и Мюллер (Schein & Mueller, 1992) обнаружили, что мужчины Соединенных Штатов, Германии и Великобритании одинаково придерживаются подобных стереотипов. Они нашли также, что немецкие женщины не меньше, чем немецкие мужчины, склонны считать работу руководителя «мужским делом», женщины Великобритании тоже уступают руководящие роли мужчинам, но не столь охотно, как женщины Германии, американки же считают, что оба пола в равной степени обладают чертами, необходимыми для успешного руководства делом. Например, многие люди придерживаются предрассудка, что женщины эмоциональны и нерешительны — качества, крайне нежелательные для лидера. Студенты, специализирующиеся в сфере бизнеса, приписывают женщинам-руководителям такие черты, как мягкость, внимание к людям и зависимость (Frank, 1988), а другие исследования показывают, что эти черты ассоциируются с образом плохого руководителя (Best & Spector, 1984; Garlen, 1982). Наоборот, жесткий, соревновательный стиль руководства считается свойственным мужчинам.

Глик (Glick, 1991) на основе своих исследований приходит к выводу, что должности в фирмах обычно подразделяются на «мужские» и «женские» и претенденты на эти места считаются более или менее пригодными к данной работе в зависимости от их гендера. Большинство людей, когда их просят мысленно нарисо-

вать портрет лидера, представляют мужчину, преимущественно белого. Этот изначальный образ лидера вполне может влиять на отношение работодателей к женщинам, претендующим на лидерские позиции. Несколько исследований подтверждают, что в силу бытующих в обществе стереотипов власть обычно ассоциируется с мужчинами, а не с женщинами (Ragins & Sundstrom, 1989). Эти представления, вместе с тем фактом, что на руководящих постах находится относительно мало женщин, делают сложным для большинства людей представить себе женщину в роли лидера. Дайон и Шуллер (Dion & Schuller, 1990) также указывали, что, согласно статистике, люди с большей охотой полагаются на стереотипы, когда принадлежность кого-то к некой социальной группе хорошо заметна. Если в какой-либо области женщин меньшинство, их пол бросается в глаза, что делает более вероятными суждения о них и об их деятельности на основе социальных предрассудков. Данные метаанализа, проведенного Игли и ее коллегами (Eagly et al., 1992), в котором собраны несколько исследований, посвященных женщинам на руководящих постах и оценке деятельности лидеров, подтверждают эту гипотезу. Эти данные говорят о том, что тенденция оценивать работу лидеров-мужчин более благосклонно, чем лидеров-женщин, чаще проявляется, когда женщина занимает роль, как правило, принадлежащую мужчинам.

Гендерные стереотипы, возможно, являются причиной того, что начальство склонно приписывать достижения женщин на типично мужских должностях скорее их стараниям, чем способностям (Deaux & Emswiller, 1974; Geis, 1993). Успех женщин в «мужском деле» нарушает наши представления о жизни, и это заставляет нас недооценивать их деятельность, защищая привычную для себя картину мира (Greenhaus & Parasuraman, 1993; Heilman, 1983; Nieva & Gutek, 1980). Обследование 748 менеджеров и их начальников (Greenhaus & Parasuraman, 1993) показывает, что хорошая работа женщин-менеджеров очень редко приписывается их способностям, а характеристика работника как «способного» положительно коррелирует с его служебными перспективами.

При этом для женщины недостаточно просто продемонстрировать типично мужские качества, чтобы ее считали пригодной к руководящей работе. С одной стороны, если женщина слишком женственна, ее вряд ли будут воспринимать как хорошего лидера, с другой стороны, чересчур «мужское» поведение тоже говорит не в ее пользу (Maupin, 1993). Гейс (Geis, 1993) называет это дилеммой «плохо делать, плохо и не делать». Чтобы завоевать признание, женщине приходится делать много вещей, которых от нее не ожидают, делая вместе с тем многое из того, что от нее ожидают (Morrison et al., 1987). Один известный пример такого отношения привел к судебному процессу «Хопкинс против "Прайс уотерхаус"», в котором принимала участие в качестве эксперта социальный психолог Сьюзен Фиск (S.P. Fiske et al., 1991).

Энн Хопкинс была начальником отдела в одной из крупнейших в стране бухгалтерских фирм — «Прайс уотерхаус» (Price Waterhouse) и в 1992 г. участвовала в конкурсе на замещение вакантной должности в руководстве фирмы. Ее работа принесла фирме 25 миллионов долларов, и по своим характеристикам она более подходила на эту должность, чем кто-либо другой из претендентов, но ей отказали. Энн Хопкинс предположила, что имела место дискриминация по признаку пола, но руководство «Прайс уотерхаус» заявило, что ей отказано из-за ее «неправильного» стиля общения. Утверждалось, что она слишком «мужеподобна» и «чересчур старается преодолеть свою женскую природу», а один из коллег посоветовал Энн быть более женственной, чтобы повысить свои шансы. Социальный психолог Сьюзен Фиск утверждает, что, согласно статистике, стереотипы чаще проявляют себя, когда оцениваемый — единственный или один из немногих, принадлежащих к такой социальной группе в своей среде, когда работа нетрадиционна

для его или ее социальной группы и критерии оценки размыты. В случае Хопкинс все эти факторы были налицо. Из 662 работников «Прайс уотерхаус», занимающих аналогичные должности, только семь являлись женщинами. Энн была единственной женщиной из 88 кандидатов на место, и ее критиковали за навыки общения с людьми (субъективный критерий). Из комментариев, которые дали администраторы «Прайс уотерхаус», проводившие оценку кандидатов, тоже достаточно ясно, что принадлежность к женскому полу имела значение при определении ее пригодности к более высокой должности (Fiske et al., 1991). Суд пришел к выводу, что стереотипы, основанные на предрассудках о роли женщин, действительно отчасти явились причиной решения фирмы «Прайс уотерхаус» отказать Энн Хопкинс в повышении по службе.

Канн и Зигфрид (Cann & Siegfried, 1990), ссылаясь на несколько исследований, утверждают, что стереотипы «хорошего менеджера» и «типичного мужчины» во многом совпадают. Они указывают, что при этом большинство примеров и теоретических исследований доказывают, что хороший лидер должен быть целеустремленным и уметь настаивать на своем (типично мужские черты), а также он должен уметь общаться с людьми и ценить их по достоинству (типично женские качества). Ученые обнаружили, что поведение лидера, достигающего успехов, включает в себя и черты, характерные в первую очередь для женского поведения. Они пришли к выводу, что стереотип лидера-мужчины сужает понимание роли лидера и не учитывает многие качества, важные для успешной работы руководителя. Шейн и его коллеги (Schein et al., 1989) пишут, что учебные программы университетов, готовящие менеджеров, должны уделять больше внимания тому, какие качества необходимы хорошему руководителю.

4. *Внутри организаций могут существовать неписанные нормы, согласно которым на высокие должности лучше назначать мужчин.* Если правила, принятые в организации, прямо не предписывают назначать на руководящие посты и мужчин и женщин, то лицо, производящее эти назначения, часто выбирает мужчин просто в силу привычки. В отчете министерства труда США по проблеме «стеклянного потолка» (1991) отмечается, что, как правило, менеджеры высокого уровня затрудняются сказать, есть ли в их организациях какие-либо неписанные нормы, касающиеся равных возможностей людей разных полов. В некоторых случаях действительно существуют нормы, согласно которым женщины не должны назначаться на руководящие должности. Люди, работающие в такой организации, вынуждены действовать по этим правилам независимо от того, что они сами думают о пригодности женщин к руководящей работе. Ларвуд и ее коллеги (1988) приводят данные, доказывающие, что зачастую вышестоящие руководители хотя и не имеют сами никаких предубеждений по отношению к женщинам или национальным меньшинствам, тем не менее проводят дискриминационную политику, так как опасаются, что, если они будут действовать по-другому, это может отрицательно сказаться на их собственной карьере и влиянии в организации (Larwood et al., 1988). Они назвали это явление *дискриминацией на основе рациональной предубежденности (rational bias theory of managerial discrimination)*: если беспристрастность приводит к неприятностям, то рациональней быть предубежденным. Точно так же квалифицированные работники-женщины могут не получать повышения по службе из-за опасения вышестоящего начальства, что стереотипы клиентов и подчиненных могут помешать женщине эффективно работать на высоком посту (например, начальство считает, что служащие фирмы будут испытывать неловкость, получая приказания от женщины, или что клиенты не будут ей доверять). Уили и Эскилсон (Wiley & Eskilson, 1983) находят, что мужчины-менеджеры, по сравнению с женщинами, пользуются большей симпатией коллег и получают большую поддержку подчиненных.

5. Женщины не приобретают в ходе своей работы в организациях подходящего опыта, необходимого для продвижения по службе. В большинстве организаций некоторые виды работ предполагают быстрое продвижение по служебной лестнице. Согласно статистике (Bergmann, 1989), все эти места, как правило, заняты мужчинами. Кантер (Kanter, 1976) пишет, что женщины обычно назначаются на должности с меньшей властью и меньшими возможностями, таким образом они оказываются «структурно дискриминированными» в своих организациях. Барон и его коллеги (Baron et al., 1986) проанализировали список перспективных (то есть предоставляющих хорошую возможность делать карьеру) должностей в 100 организациях. Работы в этих организациях были в значительной степени разделены на «мужские» и «женские» (из 1071 рассмотренных видов работ только на 73 были одинаково представлены работники обоих полов), и оказалось, что 71% перспективных видов работ являются исключительной привилегией мужчин, только 6% принадлежат женщинам и 22% таких должностей занимают как мужчины, так и женщины. Рэйджинс и Сандстром (Ragins & Sundstrom, 1989) отмечают, что женщины в престижных, «мужских» организациях обычно сконцентрированы на «женских» должностях с малым влиянием или принимаются на работу в отделы с малой властью.

Женщинам, как правило, не поручают заданий, которые дали бы им возможность приобрести необходимый опыт и проявить себя в качестве претендента на руководящую должность. Таким образом вышестоящее начальство конструирует «автоматически исполняющиеся пророчества». Автоматически исполняющиеся пророчества имеют место тогда, когда наше предвзятое отношение к кому-то заставляет нас так обращаться с этим человеком, что наши стереотипы автоматически воплощаются в действительность. Например, некий начальник может быть убежден, что женщины не подходят для руководящей работы, поэтому он не дает им возможности развить в себе и продемонстрировать лидерские навыки, а потом заявляет: «У нас просто нет женщин, достаточно опытных для того, чтобы назначить их на высокий пост». Существует и другая общепринятая практика, не менее успешно отстраняющая женщин от власти. В отчете министерства труда США по проблеме «стеклянного потолка» (1991) описаны 9 случайно выбранных из списка «Fortune 500» компаний, и во всех девяти «занятия, позволяющие работнику профессионально расти и увеличивать свой авторитет, в том числе дополнительное образование и назначения, способствующие продвижению по службе, часто недоступны для национальных меньшинств и женщин». Результат? В список претендентов на высокие должности в организациях, как правило, не входят женщины или лица из других традиционно слабо представленных на этих местах групп. В отчете также отмечается, что практика подбора кадров в большинстве организаций способствует тому, чтобы число женщин, претендующих на высокие посты, не увеличивалось. Три главных источника, откуда высшее начальство черпает кандидатуры на руководящие должности, обычно не поставляют кандидатуры женщин, афроамериканцев, латиноамериканцев или американцев азиатского происхождения (три главных источника — это устные рекомендации других руководителей, преимущественно мужчин, рекомендации пользующихся доверием работников и фирм, специализирующихся в подборе кадров).

Возможно, причиной медленного продвижения женщин по служебной лестнице является также относительное отсутствие у них доступа к неформальным взаимоотношениям, влияющим на политику компании, а также отсутствие у них покровителей. Под покровителем понимается сотрудник организации, который помогает делать карьеру другому сотруднику, находящемуся ниже его по служебной лестнице, передавая ему свой опыт того, как преуспеть в продвижении по службе. Из-за гендерной принадлежности, забот о своей женской привлекательности и неприкосновенности частной жизни женщины редко участвуют в неформальном обще-

нии своих коллег-мужчин, а покровители обычно появляются именно в ходе такого общения (Bhatnager, 1988; Nelson et al., 1990; Noe, 1988; Powell & Mainiero, 1992). Разговоры о том, как делать карьеру, часто происходят за стойкой бара, на поле для гольфа или на теннисном корте. Конечно, женщина может покровительствовать другой женщине, но, как уже было отмечено, на высоких постах в организациях достаточно мало женщин. Одно из исследований показывает, что и мужчины и женщины испытывают желание покровительствовать другим, но для женщин это сопряжено с большим риском для собственной карьеры в случае, если их протееже провалится, и они чаще говорят, что у них нет на это времени (Ragins & Cotton, 1993). Авторы объясняют приведенные факты тем, что женщина на руководящей должности привлекает больше внимания и существует большая вероятность, что деятельность протееже отразится на мнении начальства и коллег о самой покровительнице, а также тем, что барьеры, поставленные на пути женщины к высоким постам, вынуждают ее тратить больше времени на свою собственную карьеру, вместо того чтобы помогать другим.

6. *Обязанности женщин по отношению к дому и семье мешают им продвигаться по службе.* Возможно, домашние обязанности женщин не позволяют им тратить дополнительное время и силы на работу, что необходимо для продвижения по служебной лестнице. Возможно, для женщины трудно быть руководителем, потому что она не может оставаться на работе по вечерам и работать в выходные или потому, что забота о детях отнимает у нее много времени. Возможно, она даже нарочно выбирает работу с меньшими карьерными перспективами, но такую, которая не создаст ей больших проблем дома (это предположение получило в социальной психологии название «*гипотеза собственного выбора*» (*self-selection hypothesis*)).

Исследования, проведенные по этой теме, не оставляют сомнений, что, по сравнению со своими мужьями, работающие женщины несут на себе большинство обязанностей по содержанию дома и заботе о детях (Bliar & Lichter, 1991; Hochschild, 1989; Model, 1982; Yogeve, 1981 и др.). Для некоторых женщин эти обязанности действительно являются причиной того, что они не могут тратить дополнительного времени на работу и ездить в командировки, без чего невозможно быстрое продвижение по службе. Валдец и Гутек (Valdez & Gutek, 1987), сравнив 827 работающих женщин, обнаружили, что женщины-руководители намного чаще оказываются незамужними, чем те, кто не занимает руководящих должностей. Они также заметили, что чем более ответственна работа и чем больше подготовки она требует, тем больше среди женщин, занятых этой работой, бездетных и тем меньше среди них женщин с тремя и более детьми. Стрех и др. (Stroh et al.), исследовав 20 компаний из списка «Fortune 500», установили, что женатых мужчин-менеджеров гораздо больше, чем замужних менеджеров-женщин (86% против 45%), мужчин, имеющих детей, также больше (62% против 20%). Исследования показывают, что женщины значительно чаще прерывают свою карьеру по семейным обстоятельствам, чем мужчины, и что такие перерывы отрицательно влияют в дальнейшем на принятие решений о продвижении человека по службе, и в первую очередь это касается женщин (Powell & Mainiero, 1992).

Работающие одинокие матери особенно часто испытывают конфликт между своей работой и домашними обязанностями. В 1994 г. около 40% детей в Соединенных Штатах жили в семьях с одним родителем, и в 90% случаев этим родителем была мать. Большинство отцов, детям которых было на момент развода три года, никогда не общаются со своими детьми, хотя и имеют право их посещать (Podilchack, 1990). Согласно данным одного из исследований, охватывающего все население Соединенных Штатов, почти половина детей разведенных родителей в возрасте от 11 до 16 лет не видели своих отцов не менее года (Furstenberg, 1988).

Поскольку работающие одинокие матери, как правило, несут на себе всю ответственность за детей, им, возможно, трудно делать то, что способствовало бы их продвижению по службе, то есть работать по вечерам и в выходные или ездить в командировки.

Слишком большая вовлеченность в работу не соответствует традиционной женской роли, поэтому работающие женщины часто испытывают тревогу и чувствуют себя виноватыми (Burke & McKeen, 1988). Возможно, эти чувства, а также то, что вместе с тяжелыми обязанностями руководителя женщина должна нести на себе еще и гору семейных и домашних забот, вынуждают многих женщин выбирать такие пути развития своей карьеры (часто их называют еще «мамины пути»), которые свели бы к минимуму все эти противоречия. Пауэлл и Маниеро (Powell & Mainiero, 1992) отмечают, что немногие из мужчин рассматривают семью как обстоятельство, воздействующее на их продвижение по службе, тогда как множество конфликтующих ролей, которые приходится играть женщинам, имеющим детей, часто оказывают большое влияние на выбор ими своей карьеры.

Для женщины семья означает дополнительные обязанности и время, посвященное дому, для мужчины — нет. Напротив, многие мужчины думают, что делают все для своей семьи, будучи «добытчиками» (Bielby & Bielby, 1989; Duxbury & Higgins, 1991). Более того, поскольку традиционная роль мужчин предполагает, что работа и карьера — главное дело их жизни (Pleck, 1977), мужчины, в отличие от женщин, обычно не чувствуют себя виноватыми, если работа оставляет им мало времени для семьи или если жена вынуждена отказываться от своих дел из-за работы. Билби и Билби (Bielby & Bielby, 1992) обнаружили, что именно женщины чаще всего жертвуют своей карьерой ради карьеры мужа, хотя в семьях с нетрадиционными убеждениями относительно предназначения мужчин и женщин бывает и наоборот.

7. Общепринятое мнение о том, что главная обязанность женщин — дом и семья, может мешать их продвижению по службе. Многие женщины вполне выдерживают двойную нагрузку на работе и дома, но не получают должного вознаграждения, так как работодатели имеют вполне определенные устоявшиеся представления, касающиеся отношения женщин к работе (Bielby & Bielby, 1989). В отчете министерства труда США по проблеме «стеклянного потолка» (1991) утверждается, что, по мнению большинства руководителей-мужчин, женщины, имеющие детей, не заинтересованы в таких работах или назначениях, которые требуют дополнительного времени. Как ни смешно, но сам факт наличия семьи, который считается минусом для женской карьеры, в случае работника-мужчины рассматривается как плюс (Valdez & Gutek, 1987).

Даже если женщина, имеющая детей, выполняет такой же объем работы и с тем же качеством, что и раньше, до появления у нее детей, начальство все равно склонно предполагать, что из-за семейных обязанностей она работает хуже (Hall, 1990). Уили и Эскилсон (Wiley & Eskilson, 1988) дали 179 руководителям ознакомиться с несколькими примерами того, как менеджеры низшего звена, и мужчины и женщины, неаккуратно и не вовремя делали свою работу из-за серьезной болезни детей, а затем спросили их мнение об этой проблеме. Как мужчины, так и женщины-респонденты говорили, что конфликт между рабочими и семейными обязанностями более характерен для женщин, чем для мужчин. Авторы указывали, что такое восприятие может быть причиной того, что многие руководители считают женщин не очень ответственными по отношению к работе и поэтому не хотят выдвигать их на высокие должности. Возможно, из-за этого для женщины, если она хочет получить повышение, более важно, чем для мужчины, доказать свою преданность фирме. Несколько исследований подтверждают, что женщины чаще делают карьеру внутри одной организации и относительно редко приглаша-

ются на руководящие должности со стороны (Konrad & Cannings, 1993; Konrad & Pfeffer, 1991). Работодатели часто весьма скептически относятся к способности женщин выполнять ответственную работу и предполагают, что женщина, в отличие от мужчины (по мнению работодателей), может в любое время уволиться. Поэтому они соглашаются назначить на ответственный пост женщину, только если она уже неоднократно подтвердила свою верность делу (Konrad & Cannings, 1993, 1994).

Работодатели также обычно придерживаются убеждения, что семейные обязанности женщины, имеющей детей, отрицательно влияют на эффективность ее работы. В ходе своего исследования, посвященного вопросу о том, как семейное положение женщины, наличие у нее детей и ее служебное положение влияет на мнение о ней других людей, Этоу и Портнер (Etaugh & Portner, 1992) дали участникам эксперимента прочесть несколько характеристик работающих женщин, различавшихся по семейному положению и по добросовестности в работе, в некоторых характеристиках также было указано, что женщина имеет маленьких детей. Затем им было предложено выбрать описания работников, которых они считают наиболее подходящими для более высокой должности или более ответственной работы. Выяснилось, что если женщина — прекрасный работник, но при этом является матерью, то ее считают менее компетентной, чем так же хорошо работающую женщину, не имеющую детей.

Здесь неплохо вспомнить о том, что, согласно статистике, женщины, как правило, работают более старательно, чем мужчины, поэтому, когда в самом деле случается так, что из-за семейных обязанностей женщина начинает работать немного хуже, чем раньше, это часто означает лишь то, что эффективность ее работы снизилась до уровня, типичного для мужчины без всяких семейных обязанностей (Bielby & Bielby, 1988). Рассмотрев эти данные в своей работе, Билби и Билби (Bielby & Bielby, 1988) иронически замечают, что, поскольку женщины работают явно лучше, работодатели поступали бы более правильно, если бы дискриминировали мужчин (конечно же, авторы не рекомендуют работодателям всерьез применять такую практику). Также важно иметь в виду, что даже те женщины, которые не несут особенно больших семейных обязательств, пользуются в организациях меньшей властью, чем мужчины. Другими словами, даже если у женщины нет детей, если ее муж помогает ей по дому или она может позволить себе нанимать прислугу, ей все равно очень трудно подняться по служебной лестнице выше невидимого «стеклянного потолка».

Итак, ясно, что наиболее достоверные объяснения очевидно низкого, по сравнению с мужчинами, статуса женщин в организациях указывают на ситуативные, а не на внутриличностные факторы. Другими словами, нет никаких более-менее убедительных доказательств того, что личные черты или шаблоны поведения, свойственные женщинам, делают их малопригодными для руководящей работы. Главными препятствиями на пути женщин к высоким и ответственным постам являются традиционная кадровая политика фирм, стереотипы, предполагающие, что женщина не годится для роли лидера, и такие обстоятельства, как невозможность приобрести на работе необходимый опыт и проявить необходимые качества (в силу характера работы), а также отсутствие покровителей. Это очень существенно. Как отмечает Гейс (Geis, 1993), если мы находимся под впечатлением, что мужчинам и женщинам предоставлены равные возможности для профессионального роста, мы можем прийти к неправильному заключению, что более низкая оплата труда и более низкое положение женщин в организациях — следствие их более низких способностей. Другими словами, мы снова делаем «фундаментальную ошибку гендерной атрибуции». Более того, руководствуясь такими убеждениями, мы конструируем *самореализующиеся пророчества*. Если мы считаем, что жен-

щины менее способны или менее ценны для организации, и обращаемся с ними соответственно, тогда они зачастую просто не имеют объективных возможностей опровергнуть наше мнение о них.

Самореализующиеся пророчества (*Self-fulfilling prophecy*). Тенденция, выраженная в том, что ожидания вызывают поведение, их подтверждающее.

Заключительные замечания.

Работать вне дома и одновременно нести на себе груз обязанностей по дому и заботы о детях чрезвычайно тяжело. Неудивительно, что некоторые женщины испытывают стресс или *ролевой конфликт*, пытаясь быть одновременно хорошей матерью, хорошей домохозяйкой и хорошим работником (Crosby, 1991; Valdez & Gutek, 1987). Но, как ни странно, исследования, посвященные влиянию работы на здоровье женщины, не подтверждают гипотезу о том, что женщины, занятые оплачиваемым трудом, более подвержены нервными психическим расстройствам (Crosby, 1991; Repetti et al., 1989; Rodin & Ickovics, 1990). Кроме того, существует много данных о том, что работающие женщины менее подвержены депрессии, чем домохозяйки (Anseshensel, 1986; Gore & Mangione, 1983; Kandel et al., 1985), и нет ни одного исследования, доказывающего обратное (Repetti et al., 1989). Ла Крукс и Хейнс (LaCroix & Haynes, 1987), собравшие и обработавшие данные последних исследований, посвященных вопросу психического здоровья женщин, отмечают, что почти все полученные ими данные говорят за то, что работающие женщины более здоровы. Степень положительного эффекта работы для здоровья женщины, конечно, зависит от того, какую работу она выполняет, и от других обстоятельств ее жизни. Обстоятельства влияют на наше отношение к себе и к миру, что, в свою очередь, воздействует на физиологические и психологические процессы, вызывая болезнь или, наоборот, делая ее менее вероятной (Sorensen & Verbugge, 1987). Например, Ицкович (Ickovics, 1989) находит, что работающие женщины, которые чувствуют, что их способности недооцениваются начальством, менее здоровы, чем женщины, выполняющие «достойную их» работу. Репетти и его коллеги (Repetti et al., 1989), собрав данные нескольких исследований, приходят к следующим выводам: польза работы для здоровья более очевидна, когда женщина не замужем и без детей или когда муж помогает ей по хозяйству, а также если она работает в доброжелательной обстановке. Родин и Ицкович (Rodin & Ickovics, 1990) считают, что здесь трудно установить причинность; возможно, менее здоровые женщины чаще остаются дома, а если и идут работать, то выбирают более легкие работы. Однако при этом авторы отмечают, что данные в любом случае не подтверждают мнение о том, что стресс и напряжение, связанные с работой, вредят здоровью женщины.

Если сочетать работу и заботу о семье так трудно и требует такого нервного напряжения, тогда почему мы не наблюдаем увеличение количества психических заболеваний и нервных срывов у работающих женщин по сравнению с неработающими? Ответ на этот вопрос можно найти в *теории аккумуляции ролей* (*role accumulation theory*), которая говорит о том, что, когда человек играет много ролей одновременно, он не только испытывает большое напряжение, но и получает дополнительные «отдушины» на случай провала в одной из ролей. Например, если я прочитала менее чем удачную лекцию в университете, то, возвратившись домой и играя со своим сыном, я понимаю, что в моей жизни еще много хорошего, и быстрее справляюсь со стрессом. И наоборот, успешно работающая женщина меньше расстраивается, если дети действуют ей на нервы, в чем-то ее не удовлетворяют или больше в ней не нуждаются. Играя множество ролей одновременно, мы получаем альтернативные источники самоуважения, контроля над

собственной жизнью и социальной поддержки (Rodin & Ickovicks, 1990). Существует несколько исследований, подтверждающих теорию аккумуляции ролей (Crosby, 1991; Kibria et al., 1990). Например, согласно статистике (см.: Baruch & Barnett, 1986, 1987), сами работающие женщины считают, что в их положении гораздо больше достоинств, чем недостатков. Другое исследование показывает, что работающие женщины, как правило, больше довольны своим домом и семейной жизнью (Crosby, 1987). Кросби (Crosby, 1991) приходит к выводу, что, хотя множество ролей, которые приходится совмещать работающей матери, отнимают у нее много времени и способны вызвать стресс, прибыль, получаемая ею в результате, перевешивает убытки. Много ролей придают жизни разнообразие и дают нам «отдушины», помогающие переживать неудачи (Crosby, 1991).

Многие женщины работают потому, что им нужны деньги. В специальном выпуске журнала «Тайм» за осень 1990 г. опубликованы следующие данные: в 1988 г. две зарплаты приносили лишь на 6% больше, чем одна зарплата в 1973 году. Однако социологические исследования показывают, что многие женщины, работающие из-за экономической необходимости, не бросили бы свою работу, если бы вдруг перестали нуждаться в деньгах (Hiller & Dyehouse, 1987). Как пишет Доил, «деньги имеют не только материальную ценность, они дают их владельцу вес в обществе и чувство собственного достоинства. Женщины открыли истину, которую мужчины знают уже давно: наше общество оценивает человека и его дела по тому, сколько он зарабатывает» (Doyle, 1983, p. 171). Короче говоря, многие женщины хотят работать (или можно сказать, что им это нужно).

У большинства людей, воспитанных в убеждении о несомненной Ценности справедливости и равноправия, явная несправедливость по отношению к женщинам вызывает чувство дискомфорта.

Многие из нас выросли с представлением, что мир честен и справедлив и что каждый получает в этой жизни то, что заслуживает, и заслуживает то, что получает. Нам необходимо верить, что это так, иначе нам придется делать что-то, бороться с несправедливостью или чувствовать вину и дискомфорт, встречаясь с неоправданной дискриминацией, поэтому мы закрываем глаза и продолжаем считать, что ничего плохого с нами не случится, если мы будем правильно вести себя. Эта концепция «такова жизнь», по выражению социального психолога М. Дж. Лернера (M. J. Lerner, 1980), часто помогает как мужчинам, так и женщинам оправдывать явное социальное неравенство, в том числе неравенство мужчин и женщин, о котором мы говорим. Эта концепция также приводит к возникновению негативных стереотипов, когда женщины рассматриваются как «слабый пол» с целью объяснить их более низкий статус и низкую оплату их труда. Такая тенденция принижать способности некой социальной группы, которую мы эксплуатируем, так чтобы эту эксплуатацию можно было рационально оправдать, давно была подмечена социальной психологией (см.: Allport, 1954). Бороться против нее опасно, так как многим людям необходимо считать, что «все в порядке, просто жизнь такова» и не надо ничего менять. В главе 4 мы увидим, что традиционное разделение ролей мужчин и женщин служит плохую службу также и мужчинам.

Резюме.

Многие женщины работают и в то же время несут на себе большинство обязанностей по дому и уходу за детьми.

Работающие женщины зарабатывают только около 70% того, что получают мужчины. Рынок рабочей силы разделен «по признаку пола», и большинство видов работ выполняются преимущественно представителями одного или другого

пола. Чем больше женщин в какой-либо профессиональной сфере, тем меньшие зарплаты получают занятые в ней работники.

Социологические исследования не подтверждают гипотезу «компенсирующих отличий». Эта гипотеза состоит в том, что женщины получают меньше потому, что они сами выбирают работу

с более низкой зарплатой, но зато лучше совместимую с ролью матери.

На пути женщин к традиционно «мужским», высоким по статусу и высокооплачиваемым работам поставлено множество барьеров, таких, как завышенные, несущественные для профессиональной деятельности требования к кандидатам, сексуальные преследования на рабочем месте, опыт прошлой дискриминации и принятые в обществе нормы.

Подход, основанный на концепции *человеческого капитала*, тоже не годится. Разницу в оплате труда мужчин и женщин нельзя непосредственно объяснить различиями в образовании, квалификации, стаже или качестве их работы.

Теория справедливости предполагает, что, когда работающие женщины сравнивают себя с мужчинами, выполняющими аналогичную работу, они видят несправедливость по отношению к себе. Но то, что в нашем обществе профессии и рабочие места в большинстве своем разделены на «мужские» и «женские», уменьшает вероятность таких сравнений и делает более сложной задачу добиться равной оплаты труда.

Большая часть наиболее престижных профессий в нашем обществе захвачена мужчинами, женщины очень слабо представлены в правительстве и на высоких постах в крупных организациях.

Женщины, пытающиеся делать карьеру, часто встречаются на своем пути «*стеклянный потолок*». Согласно данным социологических исследований, это происходит не оттого, что женщины не обладают качествами, необходимыми лидеру, и не оттого, что они вносят в дело меньший «человеческий капитал», чем мужчины.

Общепринятые стереотипы, предполагающие, что женщины — плохие лидеры, отчасти ответственны за существование «стеклянного потолка». Женщины реже получают назначения, способствующие быстрому продвижению по служебной лестнице, чем мужчины. Имеет значение и то, что у женщин обычно нет «покровителей», помогающих им делать карьеру.

Обязанности по отношению к дому и семье часто являются препятствием для продвижения женщин по службе, так как из-за этих обязанностей они не всегда могут позволить себе работать во внеурочные часы и ездить в командировки. Однако иногда бывает, что работодатель изначально уверен в том, что домашние и семейные обязанности женщины помешают ее работе на высоком посту, даже если на самом деле это не так.

Неработающая домохозяйка не может удовлетворить многие из своих психологических потребностей, кроме того, финансовая зависимость домохозяйки от мужа уменьшает ее влияние в семье.

Работающие женщины трудятся дома намного больше, чем их работающие мужья, что приводит к *разрыву во времени отдыха*.

Несмотря на то что нести двойной груз обязанностей на работе и в семье очень тяжело, работающие женщины много выигрывают от своего положения.

Многие люди, желая оправдать неравенство мужчин и женщин, используют концепцию «*такова жизнь*».

Глава 4. Ограничения, накладываемые традиционной мужской ролью.

Почему необходимо изучать мужскую роль. Мужская гендерная роль и входящие в нее нормы. Норма успешности/статуса. Норма твердости. Норма антиженственности. Напряжение, стресс и конфликт мужской гендерной роли. Заключительные замечания. Резюме

«Мама, а почему в песне поется, что мальчишки сделаны из улиток, ракушек и зеленых лягушек, а девочки — из сладостей, пряностей и всяческих любезностей? Они хотят сказать, что мальчикам не надо быть любезными?»

Кен, 6 лет

Читательницы вряд ли сделали для себя в предыдущей главе какие-нибудь сенсационные открытия: они и так знают, что женский труд хуже оплачивается, на женских плечах лежит большая часть работы по дому и заботы о детях и при этом женщины имеют более низкий статус по сравнению с мужчинами. Немного уязвленной может чувствовать себя мужская часть читателей. Ведь лично они не создавали ни неравенства на работе, ни социальные нормы, поддерживающие различные роли для мужчин и женщин. Признать существование такого неравенства означает согласиться более справедливо делить обязанности в домашней сфере. Но кому хочется стирать, менять подгузники, стряпать, мыть пол и пылесосить, накрывать праздничный стол, а потом делать уборку? Кто захочет, чтобы тысячи новых людей со свежими силами влились в борьбу за рабочие места, власть и карьеру? Более того, из-за перемен в гендерных ролях мужчина потеряет хорошего помощника, который раньше заботился о его питании, одежде, расписании, развлечениях и т. д. Для многих мужчин половая принадлежность — это источник очень важной части их идентичности, части, которая включает роль «добытчика» в семье и четко отделяет то, что относится к мужчинам, от того, что относится к женщинам. Из-за подобных мыслей многие мужчины сопротивляются переменам в гендерных ролях и рационализируют существование неравенства. Однако в этой главе я намерена доказать, что *мужчины тоже многое теряют из-за традиционных гендерных ролей.*

Почему необходимо изучать мужскую роль.

Некоторые феминистки считают, что изучать ограничения, накладываемые традиционной мужской ролью, не нужно. Эти ограничения тривиальны, и обращать на них внимание — значит отвлекаться от основной проблемы: униженного положения женщин. Например, Летти Коттин Погребин (Letty Cottin Pogrebin, 1993, р. 96) писала: «Что мне не по душе, так это особый пыл, с которым в каждой женской проблеме пытаются отыскать скрытый вред, который она несет для мужчин. А еще мне непонятно, каким образом существование нескольких пострадавших среди мужчин уравнивает в глазах общества страдания неисчислимого количества женщин». Я понимаю беспокойство г-жи Погребин, но тем не менее считаю, что подобные комментарии только подчеркивают необходимость открытого исследования ограничений, накладываемых традиционной мужской ролью. Большое влияние мужчин как группы скрывает от нас существование этих ограничений и препятствует переменам в мужской роли. К тому же взаимосвязанная природа женских и мужских ролей подразумевает, что изменения в одной из них непре-

менно должны сопровождаться изменениями в другой. Киммель (Kimmel, 1987) указывает, что исторически установившиеся определения мужественности и женственности поддерживают ситуацию, в которой мужчины имеют над женщинами определенную власть, и чтобы изменить это положение вещей, мало сосредоточиться на женской роли, надо уделять внимание и мужской. Другая важная причина, которую мы должны понимать как матери, отцы, жены, друзья, сыновья, дочери, возлюбленные и т. д., состоит в том, что наши любимые мужчины постоянно сталкиваются с трудностями, созданными и поддерживаемыми традиционной мужской ролью.

Килмартин (Kilmartin, 1994) приводит несколько причин в пользу необходимости изучения мужчин в качестве гендерного класса. Он признает, что в основе всей современной психологии лежит психология мужчин, так как в качестве нормы изучалось мужское поведение и долгое время в исследованиях участвовали только мужчины. Но тем не менее, заявляет он, психология практически никогда не обращалась к специфическим *переживаниям* мужчин, связанным с их гендерной принадлежностью. Килмартин сформулировал следующие причины, указывающие на необходимость изучения мужской психологии:

1. Хотя в целом мужчины обладают большим влиянием, чем женщины, существуют мужчины, и их немало, которые этим влиянием не наделены, и жесткая мужская социализация принесла им только вред. К тому же, обладая в обществе сравнительно большой властью, мужчины могут оказать интенсивную помощь в осуществлении перемен.

2. Общаясь с сильными женщинами, мужчины зачастую испытывают серьезные трудности. Ведь с детского возраста мальчики воспитываются в убеждении, что именно они должны быть сильными и властными, поэтому сильные женщины воспринимаются как угроза мужскому началу. Это противоречие требует разрешения, поскольку сильных женщин с каждым днем становится все больше.

3. Качество взаимоотношений с окружающими у мужчин нередко страдает из-за того, что эти отношения разворачиваются в рамках, где не остается места для базовой человеческой потребности — интимности.

На сегодня существует сравнительно немного научных исследований, касающихся ограничений, которые накладывает традиционная мужская роль. Психологи начали изучать женскую роль после того, как внимание общества было привлечено феминистским движением к низкому социальному статусу женщин. В последние несколько лет мужская роль тоже пользуется все возрастающим вниманием исследователей. Это увлекательная и относительно новая область гендерных разработок. Основные характеристики традиционной мужской роли, которые обычно критикуются женщинами, а именно эмоциональная невыразительность мужчин и их скупой вклад в выполнение домашних дел, заставили психологов обратить пристальное внимание на проблемы, связанные с этой ролью. Более того, полнее понимая картину душевного здоровья и способы его регулирования, психологи стали замечать, что в традиционной мужской роли есть аспекты, в эту картину не вписывающиеся. Психологи-мужчины, научившись успешно отыскивать новые проблемы, связанные с женской ролью, стали критичнее смотреть и на мужскую роль. Все большее распространение получает та точка зрения, что некоторые социальные проблемы, например мужское насилие над женщинами, отчасти коренятся в традиционных представлениях о мужественности.

Мужская гендерная роль и входящие в нее нормы.

В предыдущих главах мы обсуждали влияние социальных ролей на поведение. Мужская роль здесь не является исключением, и ее нормы также усваиваются посредством *усиления (reinforcement)*, *наблюдения за моделями* и через *культурные каналы*, например средства массовой информации. Носители роли находятся под постоянным нормативным и информационным давлением. Мужчины с головой погружены в океан социальной информации, которая дает им знания о том, что такое «мужественность» (информационное давление); общество поощряет их за гендерно-соответствующее поведение и не устает наказывать за малейшие действия, не укладывающиеся в рамки ролевых норм (нормативное давление).

«*Мужская суть не всплывает, подобно пузырю, на поверхность сознания со дна телесной конституции; мужская суть создается культурой*» (Kimmel, 1994, p. 120).

Вслед за Плеком (Pleck et al., 1993) я утверждаю, что поведение мужчин основывается на представлении о мужественности, которое они впитали из культуры. Верования относительно того, каким мужчина должен быть и что он должен делать, составляют то, что Плек и его коллеги (Pleck et al., 1993 a, 1993 b) назвали *идеологией мужественности (masculinity ideology)*. Эта идеология — не что иное, как набор социальных норм, известных также под именем мужской гендерной роли.

Томпсон и Плек (1986, p. 531) определили мужскую роль как «социальные нормы, содержащие предписания и запреты относительно того, что мужчинам надо чувствовать и делать». Исследуя в 1986 г. мужчин, учащихся в колледже, Томпсон и Плек открыли, что структура этих ролевых норм складывается из трех факторов. Первый связан с ожиданиями, что мужчины завоевывают статус и уважение других (*норма статуса*). Второй фактор, *норма твердости*, отражает ожидания от мужчин *умственной, эмоциональной и физической твердости* (Каждый из этих типов будет рассмотрен в качестве отдельной нормы.) Третий фактор — это ожидания того, что мужчина должен избегать стереотипно женских занятий и видов деятельности (*норма антиженственности*).

Совсем недавно исследователи мужественности высказали идею о том, что более корректно было бы говорить о многочисленных *мужественностях*. Другими словами, они признали важность влияния расы, национальности, принадлежности к определенному социальному классу и субкультуре, сексуальной ориентации на то, что именно вкладывается в понятие «мужественности». Исследования мужественности сами по себе являются в науке новым феноменом, а работы, касающиеся изменений понятия о мужественности в разных подгруппах, встречаются совсем редко. Поэтому мы будем рассматривать нормы в том виде, в котором их определили Томпсон и Плек, а попутно обсуждать их в контексте различных мужских групп, конечно, в тех случаях, когда нам будет доступна информация на этот счет.

Норма успешности/статуса.

В одном из писем в редакцию еженедельника для семейного чтения одна из читательниц сообщила о себе, что она делает карьеру, при этом очень хорошо зарабатывает, а мужчина, с которым она живет, нигде не работает. Она описала, какие у них замечательные отношения, он почти все делает по дому, им не надо беспокоиться о деньгах и что он в меру своих сил помогает ей делать карьеру. Тем не менее автор письма волновалась, будет ли ее партнер добиваться чего-то большего в плане финансовой независимости в дальнейшем, так как не замечала, чтобы этот вопрос его особенно занимал. Консультантка, скрывшаяся под редак-

ционным псевдонимом «Эбби», посоветовала порвать отношения, чтобы в результате не оказалось, что мужчина использовал свою подругу.

Как вы думаете, если изменить пол героев этой истории, «Эбби» дала бы тот же совет? Скорее всего, нет. В нашем обществе успех мужчины, а в конце концов и его мужественность определяются тем, насколько хорошо он удовлетворяет материальные нужды и потребности своей семьи (Doyle, 1983). Киммель (Kimmel, 1994) назвал это «рыночной мужественностью». Левант (Levant, 1992) заметила, что первый вопрос, который задают мужчине при встрече, это: «Чем занимаешься? Где работаешь?» Уэйнриб (Wainrib, 1992) описал, каким образом общепринятое представление о том, что мужчина — не мужчина, пока не зарабатывает денег, создает супружеские проблемы в семьях, где мужчины выбирают роль домохозяйина.

Норма успешности/статуса (The Success/Status Norm). Гендерный стереотип, утверждающий, что социальная ценность мужчины определяется величиной его заработка и успешностью на работе.

Бурн и Лэвер (Burn & Laver, 1994) обнаружили у взрослых мужчин и женщин поразительное единодушие относительно того, что мужчина должен делать карьеру. Большинство из них также сошлись во мнении, что мужчина должен зарабатывать много денег. Дэвис провел анализ опубликованных в ежедневных газетах объявлений о поиске знакомств. Он установил, что, в отличие от мужчин, женщины особенно интересовались работой и финансовым положением будущего избранника (Davis, 1990). Романтические свидания могут служить замечательным примером того, как мы оцениваем мужчину исходя из его возможности обеспечить женщину деньгами. В книге Бейли «С крыльца — на заднее сиденье» (Bailey, 1988) говорится о том, что процесс ухаживания в Америке всегда держался на деньгах. Во время свидания все вращается вокруг денег, и подразумевается, что тратить их должен именно мужчина. Если он этого не делает, то может оказаться в глазах своей дамы второсортным кавалером или упустить шанс доказать обратное.

С этой нормой связан целый ряд ограничений для мужчин. Во-первых, большинство мужчин не способны на 100% ей соответствовать, из-за чего имеют заниженную самооценку (Pleck, 1981). По словам Килмартина, «пока мужчины как группа обладают большей экономической властью, чем женщины, подавляющее большинство мужчин будет иметь рабочее место, а не делать карьеру» (Kilmartin, 1994, p. 171). Нечто подобное мы встречаем у Киммеля, который пишет, что мужчины конструируют понятие о мужественности вокруг богатства, власти и положения в обществе: у кого больше игрушек, тот и выиграл. Но лишь очень немногим мужчинам удастся, добавляет он, иметь достаточно денег, власти и уважения в обществе, чтобы чувствовать себя уверенно. Кто-нибудь всегда стоит выше в служебной иерархии или на социальной лестнице, заставляя других чувствовать свою никчемность (Kimmel, 1992). Еще одним пунктом в этом ряду Килмартин (1994) ставит тот факт, что носитель традиционной мужественности никогда не знает меры и не может наслаждаться тем, что имеет. Он должен постоянно наращивать объем и время работы, и такой стиль жизни часто приводит к появлению обусловленных стрессом физиологических и психологических симптомов. Месснер (Messner, 1987) доказал, что еще в ранней юности мужчина должен завоевывать себе статус спортивными достижениями. Проблема, пишет Месснер, заключается в том, что многие мужчины не слишком сильны в спорте, и даже те, кто силен, вынуждены постоянно подтверждать свой статус, так как «силу игрока смотрят по последней игре».

Особое внимание, которое уделяет общество величине заработка мужчины как индикатору его значимости, может также оказывать влияние на самоактуализацию (реализацию собственного уникального потенциала человека): мужчины склонны

выбирать работу и карьеру в зависимости от того, насколько хорошо это оплачивается. Среди моих студентов есть юноши, специализирующиеся в технических дисциплинах или какой-либо другой традиционно мужской области, предполагающей высокооплачиваемую работу и блестящую карьеру. Но очень часто молодым людям их будущая работа не нравится, а вышеупомянутая карьера не вызывает ничего, кроме опасений. Некоторые из них в конце концов меняют специальность, но большинство продолжают обучение, мотивируя это тем, что «моя семья не поймет» или «та профессия, которая мне действительно интересна, плохо оплачивается».

Финансовое давление особенно обременяет тех мужчин, чьи жены сидят дома и не работают. Если несколько человек полностью зависят от тебя экономически — это серьезно давит на психику. У меня есть друг, который говорит, что чувствует себя, как Эл Банди из телевизионного сериала «Замужем за детьми» (*Married with children*). Семья воспринимает этого героя не иначе, как денежный мешок — все, включая собаку, «трясут» из него деньги. Жена моего друга — домохозяйка, а он, по его словам, работает дни и ночи напролет, добывая деньги для семьи. Недавно он заявил мне: «Неужели это и есть жизнь? Я рассчитывал на лучшее». (Мужчинам ни в коем случае не следует воспринимать мои слова как совет ради своей собственной выгоды отказаться от финансовых обязательств перед семьями. Достаточно того, что существует грандиозная социальная проблема невыплаты разведенными отцами алиментов на детей.)

Точка зрения, что главная обязанность мужчины в семье — исправно приносить большую зарплату, отрицательно влияет на исполнение им родительских функций, так как, чтобы соответствовать этим ожиданиям, мужчина должен почти все свое время посвящать работе (Pleck, 1985). По мере того как доходы отца растут, его вклад в воспитание обычно сокращается (Ericson & Gecas, 1991). Плек исследовал, как роль добытчика влияет на использование мужчинами некоторых привилегий, которые обычно предоставляются женатым мужчинам, например краткосрочный отпуск при рождении ребенка. По его словам, мужчины реже пользуются такими правами, если это влечет за собой снижение доходов, что не соответствовало бы роли «добытчика», и если есть подозрение, что окружающие могут усомниться в их мужественности или преданности работе (Pleck, 1993).

Как станет ясно из главы 6, после индустриальной революции отцы всего мира стали проводить меньше времени со своими детьми, так как большую часть дня, а иногда и длительное время, они находятся далеко от дома. Например, в Японии, где понятие о мужественности включает в себя полную самоотдачу на работе, отцы проводят со своими детьми в среднем 3 минуты по будним дням и 19 минут по выходным (Ishii-Kuntz, 1993). По мнению Килмартина (1994), дети могут не понимать, что их отец уходит на рассвете и возвращается на закате потому, что очень их любит и хочет обеспечить им высокий уровень жизни. По его наблюдениям, часто встречаются люди с болезненным ощущением, что они были лишены отцовской любви. Многие мужчины сожалеют о том, что отсутствовали, когда их дети были маленькими, и ценой огромных усилий пытаются выстроить отношения уже со взрослыми отпрысками.

Американский тип мужественности включает в себя такие характеристики, как белый цвет кожи, средний класс, возраст ранней зрелости и гетеросексуальность. Даже из чисто статистических соображений видно, что мало кто из мужчин соответствует всем этим нормам. Большинство мужчин, пишет Киммель (1994), отсеиваются из-за несоответствия расы, класса, этнической принадлежности, возраста или сексуальной ориентации. Мы уже отметили, что очень многие мужчины не могут соответствовать норме успешности/статуса, которая обычно понимается как способность зарабатывать много денег и финансово обеспечивать семью. Осо-

бенно ярко эта проблема проявляется среди мужчин, цвет кожи которых отличается от белого. Например, в США чернокожий мужчина в среднем зарабатывает 72%, а латиноамериканец — 65% от среднего заработка белого мужчины (данные Департамента труда США, 1993). Высокий уровень безработицы в некоторых социальных группах, например среди афроамериканцев и коренного населения Америки, делает для них задачу соответствия норме успешности/ статуса особенно трудной. В главе 3 мы обсуждали, как стереотипы, существующие по поводу женщин, влияют на успешность женщины в работе. Подобным же образом стереотипное представление об афроамериканских мужчинах как о спортсменах и бандитах, о коренных жителях — как о пьяницах, о латиноамериканских мужчинах — как о разнорабочих ставит им непреодолимые проблемы на пути к благосостоянию. Стереотипы такого рода отрицательно влияют на прием на работу и продвижение по службе, на финансирование образовательных и профессиональных программ. Более того, эти стереотипы широко распространяются через телевидение и другие средства массовой информации. По наблюдениям Мак-Аду (McAdoo, 1983), доходит до того, что абсолютное преобладание негативных образов мужчин, относящихся к национальным меньшинствам, заставляет представителей этих меньшинств чувствовать, что они обязаны соответствовать таким образом. Другими словами, подобные стереотипы способны порождать самореализующиеся пророчества.

Соединенные Штаты занимают одно из первых мест в мире по уровню безработицы среди чернокожих мужчин, что объясняется низким уровнем образования, расовой дискриминацией, технологическими усовершенствованиями, приведшими к ликвидации большого числа малооплачиваемых рабочих мест на производстве. Спорт — одна из немногих областей, где афроамериканцы могут добиться экономического успеха и преуспеть (Majors, 1990; McAdoo, 1983). Мейджерс (1990) заметил, что большинство чернокожих мужчин восприняли доминирующее в американской культуре представление о мужественности (быть добытчиком, обладать силой и подчинять себе женщину), но лишены законных способов достигнуть этого стандарта. За неимением таких способов они вынуждены доказывать свою гендерную принадлежность при помощи так называемой «компульсивной» мужественности, которая включает в себя эмоциональную и физическую жесткость, подчинение женщин и поведение, связанное с риском (Majors, 1990; Majors & Billson, 1992).

Я считаю компульсивную мужественность *компенсаторной мужественностью*, задача которой — компенсация чувства несостоятельности в профессиональной и экономической сферах.

Компенсаторная мужественность (Compulsive masculinity). Совокупность качеств, с помощью которых мужчины вынуждены компенсировать свое несоответствие общепринятому стандарту мужественности.

Мейджерс и Биллсон (1992) писали о том, что компенсаторная мужественность часто принимает форму желания быть «крутым». «Крутость» укрепляет в человеке сознание собственной мужественности, дает ему ощущение гордости, силы и контроля.

«Стараясь предстать перед окружающим миром безэмоциональным и бесстрашным одиночкой, мужчина скрывает под этой маской чувство слабого внутреннего контроля, недостаток внутренней силы, отсутствие стабильности, уязвленную гордость, сломанную веру в себя и хрупкую социальную компетентность, что обусловлено жизнью на периферии общества» (Мейджерс и Биллсон, 1992, р. 8).

Заметьте, что компенсаторная мужественность встречается не только у афроамериканцев. Например, Пена (Рена, 1991) обнаружил высокий уровень демон-

страции мужской роли среди эмигрировавших из Мексики сельскохозяйственных работников и сделал вывод, что это стало своеобразной реакцией на низкий экономический статус. По мнению Плека, когда мужчина не соответствует одному из аспектов мужской гендерной роли, он демонстрирует преувеличенную мужественность в другой области, тем самым компенсируя свою несостоятельность (Pleck, 1981). Одной из таких областей является твердость (жесткость).

Норма твердости.

Норма твердости существует у мужчин в нескольких формах: физической, умственной и эмоциональной.

Норма физической твердости

Норма физической твердости есть не что иное, как ожидание от мужчины физической силы и мужественности. Ту популярность, которой пользуется в наши дни бодибилдинг, смело можно считать реакцией на эту норму. Тренажерные залы переполнены мужчинами, жаждущими нарастить мышечную массу и стать «большими». Самооценка мужчин, которые не являются физически сильными, хотя чувствуют, что окружающие ожидают от них именно этого, может серьезно снизиться, что заставит их прибегнуть в поисках желанной *физической твердости* к вредным для здоровья методикам. Самый известный пример — это широкое использование стероидов для наращивания мышечной массы и силы. Бесконтрольное использование стероидов может иметь побочным эффектом нарушения в эмоциональной сфере, нередко приводит к болезням суставов, сердца и даже к онкологическим заболеваниям. Несмотря на то что мужчины, употребляющие стероиды, слышали обо всех этих опасностях, они видят в стероидах незаменимое средство для того, чтобы привести себя в соответствие со стандартами нормы физической твердости. Еще более распространенная проблема, чем использование стероидов, — это категорическое отрицание боли и отказ от медицинской помощи при физическом недомогании. Есть основания считать эту особенность одной из причин меньшей продолжительности жизни у мужчин по сравнению с женщинами (Helgeson, 1990). Готова поспорить, что вы знаете мужчин, которые не прекращали физической активности после травмы, не хотели обращаться за медицинской помощью и в результате оказались гораздо в более тяжелом состоянии. Действительно, если судить по телевизионным комментариям во время футбольного матча, то игрок, продолжающий играть вопреки серьезной травме, заслуживает всеобщего восхищения. Как сказал мой студент по имени Майк, одна нога которого стянута скобой после второго перелома, полученного во время катания на лыжах, «выйти из игры считается признаком слабости. Нам внушают, что настоящий мужчина должен продолжать играть, даже получив травму».

Норма физической твердости (The Physical Toughness Norm). *Стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен обладать физической силой и высокой биологической активностью.*

Временами норма физической твердости способна довести до насилия, особенно в том случае, когда социальная ситуация предполагает, что не проявить агрессию будет не по-мужски, или когда мужчина чувствует, что его мужественность под угрозой или под вопросом. Мужчины, неспособные реализоваться другими способами, особенно любят демонстрировать мужественность путем насилия (Toch, 1992). Иначе говоря, насилие часто уходит корнями в компенсаторную мужественность. Насилие является для беспомощного в других областях мужчины единственным способом почувствовать себя сильным, сказать: «Я — мужчина, пускай я и не успешен в экономическом плане». По словам Мейджерс и Биллсон (1992), мужчины, которым недоступны общепринятые пути достижения успеха, утверждают себя на поприще насилия.

Насилие над женщинами тоже может быть отнесено на счет компенсаторной мужественности. Например, чувство собственного бессилия может заставлять мужчину насиловать женщин, для того чтобы придать себе уверенности в своей силе, власти и превосходстве (Kilmartin, 1994). Исследовательские данные о том, что мужчины-драчуны очень часто имеют заниженную самооценку и низкий социоэкономический статус, лишний раз подтверждают наши догадки относительно того, что причина насилия над женщинами — это компенсаторная мужественность (Gondolf, 1988). Число нападений и убийств, приходящихся на долю черных женщин со стороны их партнеров, значительно превосходящее аналогичные показатели для других этнических и расовых групп, может иметь следующее объяснение: некоторые чернокожие мужчины чувствуют, что даже если они бессильны контролировать отношение общества к своей персоне, они все же могут контролировать «своих женщин» (Majors & Billson, 1992). Американские мексиканцы тоже лишены власти, денег и ресурсов, и они вынуждены компенсировать это, применяя силу к женщинам (Blea, 1992). Мэри Кроу Дог, коренная американка, пишет о том, что серьезная проблема бытового насилия в сообществах коренных жителей стала результатом заточения индейцев в резервации, постепенного уничтожения их экономической базы и усвоения ими евроцентричного понятия о мужественности, которому они не в силах соответствовать (Mary Crow Dog, 1993).

Киммель (1992) пишет о деструктивной норме, связанной с нормой твердости, — *норме «посылай все к черту, и вперед»*. Эта норма подталкивает мужчин к осуществлению безрассудных, рискованных и агрессивных действий с целью демонстрации своей мужественности. Киммель доказал, что бытовые изнасилования и предрасположенность мужчин к болезням, связанным со стрессом, вождению в пьяном виде, смерти от несчастного случая и СПИДу связаны с гипертрофированной жадностью риска. По данным Плека (Pleck et al., 1993 a, 1993 b), количественный рост случаев насилия и принуждения к сексуальным отношениям, увеличение числа гетеросексуальных партнеров в год, вера в то, что беременность партнерши служит доказательством сильной мужественности, — все это связано с тем, как взрослые мужчины принимают стереотипы традиционной мужественности. Мужчины, поддерживающие традиционное отношение к мужественности, менее регулярно, по их собственным словам, пользуются презервативом, и среди них чаще бытует мнение, что предупреждение беременности — не мужская забота. Авторы делают закономерный вывод, что традиционная мужественность связана с повышенным риском нежеланной беременности и заражения заболеваниями, передающимися половым путем, включая СПИД (Pleck et al., 1993 b). Мейджерс и Биллсон (1992) предположили, что очень большой процент молодых чернокожих мужчин среди жертв убийств, самоубийств, несчастных случаев и СПИДа можно объяснить тем, что некоторые из них ведут себя рискованно и саморазрушительно лишь для того, чтобы убедить окружающих в своей мужественности.

Норма умственной твердости

Общепринятые стереотипы относительно мужчин говорят, что они с огромным трудом признают, что чего-то не знают, и предпочитают не спрашивать совета. В основе этого может лежать *норма умственной твердости*, которая содержит ожидания того, что мужчина будет выглядеть компетентным и знающим. Человек, пытающийся соответствовать этой модели сверхкомпетентности, начинает тревожиться, как только понимает, что чего-то не знает (тревога будет особенно интенсивной, если ему кажется, что окружающие могут догадаться о его невежестве).

Норма умственной твердости (The Mental Toughness Norm). Стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен быть знающим и компетентным.

Иногда это может мешать процессу сбора необходимой информации, так как человек не решается задавать вопросы, которые могут выдать, что он недостаточно хорошо разбирается в предмете. Эта норма порождает большие проблемы в межличностных отношениях, так как мужчина, старающийся соответствовать ей, часто унижает других тем, что отказывается признать перед ними свою неправоту или допустить, что кто-то знает больше, чем он.

Норма эмоциональной твердости

Эта норма подразумевает, что мужчина должен быть эмоционально твердым: испытывать мало чувств и быть в состоянии разрешить свои эмоциональные трудности без помощи со стороны. На мой взгляд, именно эта норма порождает наиболее серьезные проблемы для мужчин и их любимых. Киммель (1992, р. 678) сокрушался: «Отцовство, дружба и отношения партнеров — эмоциональные ресурсы требуются везде... но мужчины привыкли их избегать... То, что должно было сделать нас настоящими мужчинами, на самом деле обедняет наши отношения с детьми и другими людьми». В главе 2 были представлены результаты исследований, доказывающие, что мужчины не менее эмоциональны, чем женщины, но из-за своей традиционной роли могут быть менее экспрессивны, им доступно выражение лишь одной социально приемлемой эмоции — злости.

Норма эмоциональной твердости (*The Emotional Toughness Norm*). *Стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен испытывать мало чувств и быть в состоянии разрешать свои эмоциональные проблемы без помощи окружающих.*

Одна из форм эмоциональной экспрессии — это «самораскрытие», тот тип коммуникации, когда один человек сообщает другому о своих личных чувствах. Вспомните старый анекдот: «Когда муж возвращается от друзей, жена его спрашивает: "О чем вы *разговаривали*?"» Муж отвечает: "Да ни о чем. Мы просто рыбу ловили". Когда жена возвращается от подруг, муж в свою очередь спрашивает ее: "Что вы там *делали*?"» На что жена отвечает: "Да ничего, мы просто разговаривали"». В ряде исследований подтвердилось, что мужчины раскрываются реже, чем женщины (Caldwell & Peplau., 1982; Dolgin et al., 1991; Lewis, 1978; Reis et al., 1985; Shaffer et al., 1991). Как справедливо заметил Хакер (Hacker, 1981), самораскрытие может дорого стоить: доверяя кому-либо личную информацию о себе, мы рискуем тем, что нас могут отвергнуть, осмеять, использовать, предать. К тому же если мы раскрылись перед человеком, а он не сделал того же в ответ, то появляется дисбаланс.

Чтобы избежать такого риска, некоторые мужчины стараются ни перед кем не раскрываться. Эта социальная норма представлена не только в белой культуре. По данным Мейджерс и Биллсон (1992), многие чернокожие мужчины избегают самораскрытия, так как это считается признаком слабости и приводит к потере уважения со стороны других мужчин.

Конечно, далеко не все отношения между мужчинами характеризуются низким уровнем самораскрытия, так же как и не все отношения между женщинами имеют высокий уровень самораскрытия. По всей видимости, это зависит от того, насколько конкретный человек соответствует традиционным гендерным ролям (Barth & Kinder, 1988). Уинстед (Winstead et al., 1984) обнаружил, что мужчины, высоко ценящие традиционные понятия о мужественности, стараются избегать самораскрытия. По наблюдениям Лавин и Ломбардо (Lavine & Lombardo, 1984), андрогинные личности, как мужчины, так и женщины, выявляют одинаковый уровень самораскрытия.

Исследования показали, что отношения между мужчинами характеризуются большей конфликтностью и соревновательностью, меньшим самораскрытием и обсуждением чувств, чем отношения между женщинами (Aries & Johnson, 1983;

Auckett et al., 1988; Carli, 1989; Farr, 1988; Hays, 1988; Maccoby, 1990; Sherrod, 1989; Wright, 1982). Самораскрытие, во-первых, может лишить преимущества в соревновании, а во-вторых, никак не соотносится с образом твердости и компетентности, который является важной характеристикой «настоящего мужчины». Маккоби (1990) высказал следующее предположение: для того чтобы иметь возможность, ничего не опасаясь, находиться рядом с другими лицами своего пола, многие мужчины нуждаются в особенной структуре, предоставляемой им спортом и другой подобной деятельностью, тогда как женщинам такая структура не нужна. Например, те редчайшие случаи, когда можно увидеть, как американские мужчины обнимают и тискают друг друга — это момент спортивной победы. Месснер выдвинул предположение, что спорт привлекает мужчин потому, что для них это и способ доказать свою мужественность, и возможность испытывать принятие и привязанность со стороны других мужчин. Он доказал, однако, что даже командные виды спорта не дают того, что действительно нужно личности: близких связей и чувства единства с другими человеческими существами (Messner, 1987).

Мужчины, несомненно, проигрывают из-за этих трудностей в самораскрытии. Желание открыть другому свои чувства и маленькие тайны увеличивает как интимность в паре (Derlega & Berg, 1987), так и уровень удовлетворенности у мужчин и у женщин (Jones, 1991; Siavelis & Lamke, 1992). Мейджерс и Биллсон (1992) показали, насколько отрицательно влияет на установление тесных связей с друзьями, семьей и женщинами бытующее в среде чернокожих мужчин мнение, что выражать эмоции — это «не круто». Такой взгляд встречается не только в сообществах чернокожих мужчин, но и в других этнических и расовых группах (включая и белое население). Один из моих студентов, Жозе, написал о том, как его стремление избегать самораскрытия чуть не разрушило их отношения с подругой:

"Хотя мне обычно небезразличны чувства и потребности других, но было неудобно говорить о том, что лежит у меня на сердце. Если подруга вдруг спрашивала меня о моих мыслях по какому-либо поводу, я переводил разговор на другую тему или пытался ответить, не говоря всей правды. Но когда она лучше меня узнала, то стала замечать, что я не до конца честен с ней, и мои ответы порой ее раздражали. Теперь мне совершенно ясно видна моя ошибка: если один из партнеров совсем не хочет открываться, для другого тоже пропадает в этом смысл, и отношения дальше не развиваются. Я очень старался измениться, и когда я в результате постепенно начал говорить о своих чувствах, это определенно сделало наши отношения более близкими."

Исследования показывают, что женщины в любом возрасте получают лучшие оценки по шкале интимности, чем мужчины, и имеют большее количество дружеских отношений, которые можно назвать близкими (Jones & Dembo, 1989). И мужчины и женщины описывают свои дружеские отношения с женщинами как более близкие, приносящие радость и взаимную заботу (Sapadin, 1988). Барт и Киндер обнаружили, что дружеские отношения двух женщин характеризуются большей вовлеченностью, длительностью и глубиной, нежели отношения, где один или оба участника — мужчины (Barth & Kinder, 1988). Целый ряд исследований показал, что традиционная мужественность как черта одного из партнеров связана с низкой удовлетворенностью отношениями в паре (Ickes, 1993).

По мнению Барби (Barbee et al., 1993), от мужчин редко ждут эмоциональной поддержки, ведь порой они реагируют на раскрытие перед ними чувств другого человека настолько логично и безэмоционально, что это можно принять за отвержение. Проведя с мужчинами беседы на тему дружбы, Райд и Файн (Reid & Fine, 1992) предположили, что дело не в том, что мужчины проявляют открыто негативную реакцию на самораскрытие перед ними другого мужчины, а скорее в том, что, раскрывшись перед другом, мужчина не получает в ответ такой же откровенности.

Мужчины часто говорили исследователям о том, что друзья были готовы оказать им поддержку на поверхностном уровне (например, починить машину или помочь при переезде), но по реакциям было заметно, что глубоких взаимных откровений они не хотят. В целом можно сказать, что их друзья отвечали так, чтобы не спровоцировать подобные самораскрытия. Самораскрытие должно вознаграждаться реакцией, демонстрирующей увлеченность и заинтересованность, признание и понимание чувств, вопросами, которые побуждают к еще более глубокому раскрытию. Подобные реакции могут отсутствовать в поведенческом репертуаре мужчин еще и из-за социализации, которая поощряет соревнование. Возможно также, что мужчины менее, чем женщины, уверены в своей способности правильно реагировать на чужие эмоции, это и заставляет их предотвращать самораскрытие других людей.

Присмотревшись к тем мужским моделям поведения, которые общедоступны в американской культуре, понимаешь, каким образом закрепляется в сознании эмоциональная невыразительность (Kilmartin, 1994). Американское общество настойчиво рекламирует образ «крутого» мужчины — твердого, эмоционально неэкспрессивного, не имеющего привязанностей, самоуверенного.

Неудивительно, что многие мужчины начинают считать, будто «крутость» — это ключ к социальному признанию другими мужчинами (Majors & Billson, 1992). Социализация мужчин учит их соревноваться и поддерживать свою индивидуальность в ущерб близости (Jones & Dembo, 1989). Согласно Хакер (Hacker, 1981), наименее часто самораскрытие наблюдается в отношениях двух мужчин, поскольку мужчины считают более строгими блюстителями мужских норм именно других мужчин, а не женщин. Последствия самораскрытия другому мужчине могут быть более угрожающими, чем последствия самораскрытия женщине.

К несчастью, как отметили Заурер и Айзлер, если выражение нежных чувств субъективно воспринимается мужчиной как нарушение гендерной роли и, следовательно, его стараются избегать, то неизбежно уменьшаются возможности получить эмоциональную поддержку, поскольку окружающие могут и не догадываться, что такая поддержка требуется (Saurer & Eisler, 1990).

По данным исследований женщины способны лучше, чем мужчины, подать сигнал, что им требуется поддержка (Gottlieb & Wagner, 1991; Riggio & Zimmerman, 1991; Sarason et al., 1985). Женщины охотнее ищут социальной поддержки и чаще получают ее (Belle, 1987; Shumaker & Hill, 1991). Результаты исследований говорят о том, что женская роль, подразумевающая заботу и эмоциональную экспрессивность, заставляет окружающих ожидать, что женщине может потребоваться помощь, и тем самым облегчает женщинам получение необходимой социальной поддержки, чего нельзя сказать о мужской роли, подчеркивающей автономию, достижения и контролирование эмоций (Barbee et al., 1993). Благодаря женской роли женщине может быть легче попросить о помощи. Барби и ее коллеги предположили, что иногда мужчины не просят социальной поддержки, поскольку не ожидают ее получить, что может быть обусловлено негативным опытом в детстве и юношестве, связанным с просьбой о помощи.

Вреденберг и его коллеги (Vredenberg et al., 1986) приводят результаты ряда исследований и делают вывод о том, что статистика, согласно которой депрессивные расстройства среди мужчин встречаются реже, чем у женщин, вполне может объясняться социальной неприемлемостью жалоб мужчин на депрессивные симптомы. Другими словами, депрессия может расцениваться как неприемлемое поведение для мужской роли, и депрессивные мужчины просто не обращаются за профессиональной помощью.

Женщины предпочитают справляться с депрессией, делаясь своей проблемой с другом (подругой) или доверившись профессионалу, тогда как у мужчин основные

способы борьбы с депрессией — это игнорирование проблемы, наркотики и алкоголь (Vredenberg et al., 1986).

Мужчинам труднее искать помощи из-за давления социальных норм. Например, всего лишь 23% мужчин и 4% женщин, участвовавших в исследовании Бурн и Лэвер (Burn & Laver, 1994), согласились с тем, что мужчина должен сам справляться со своими проблемами, однако большинство мужчин сказали, что их друзья ожидают от мужчины именно такого поведения.

Дерлега и Чейкен (Derlega & Chaiken, 1976) обнаружили, что участники их исследования считали мужчину, который делится своими личными проблемами, менее здоровым душевно, чем того, который держит проблемы при себе. Мейджерс и Биллсон (1992) связывали высокий процент самоубийств среди чернокожих мужчин с нормами твердости и мужественности, которые не позволяют попросить о помощи.

Килмартин указал на еще один серьезный побочный эффект отсутствия у мужчин привязанностей к окружающим. Он отметил, что из-за недостатка чувства близости у мужчин меньше факторов, которые бы сдерживали нанесение окружающим физического и психического вреда.

Социализация, писал он, отстраняет мужчин от эмпатии, и впоследствии это позволяет им проявлять жестокость по отношению к тем, кто встает у них на пути. Практически невозможно, подчеркнул он, понять и пережить эмоции другого человека, если не понимаешь своих собственных. Женщинам присуще в ходе социализации учиться думать о чувствах других и самим чувствовать себя в контакте с окружающими.

Мужская установка на соревнование не дает мужчинам принимать во внимание окружающих. Килмартин полагает, что огромный вклад мужчин в войны, насилие, нанесение вреда планете, подавление социальных меньшинств и психологическую жестокость по крайней мере отчасти обусловлен воздействием традиционной мужественности (Kilmartin, 1994, p. 12).

Норма антиженственности.

Эта норма, как мы помним, побуждает мужчин избегать стереотипно считающихся женскими занятий, деятельности и моделей поведения. Например, некоторые мужчины считают, что выражение чувств и самораскрытие «принадлежит» исключительно женщинам и что они будут выглядеть недостаточно мужественными, если будут эмоционально экспрессивны. Многие студенты говорили мне, что если мужчина заплачет или нарушит одну из норм мужественности, его презрительно называют «бабой». Один из студентов рассказал, как его друг во время просмотра телефильма о войне имел неосторожность прослезиться, на что сосед по комнате отреагировал такими словами: «Я все уважение к тебе потерял. Что ты за мужик!», тем самым дав понять, что такие чувства, как близость, эмоциональная чувствительность и экспрессивность, «принадлежат» только женщинам. Таким образом, юноша оказался перед довольно мрачной дилеммой: если он эмоционально экспрессивен, то он не мужчина, а если он эмоционально не экспрессивен, то не может быть полноценным человеческим существом.

Норма антиженственности (*The Antifemininity Norm*). Стереотип, согласно которому мужчинам следует избегать специфически женских занятий, видов деятельности и моделей поведения. У некоторых мужчин проявляется в виде фемифобии (*femifobia*) — страха показаться женственным, что, возможно, связано со стереотипом теории сексуальной инверсии (*inversion theory of sexuality*), согласно которому женственность у мужчины — это признак гомосексуализма.

Мы уже говорили о том, как норма успешности/статуса мешает полноценному отцовству. Есть основания полагать, что норма антиженственности обладает

тем же эффектом. Психологи единодушно заявляют, что очень важная часть функционирования человека в качестве родителя — это нежность, забота, постоянная эмоциональная поддержка, потребность часто обнимать ребенка и говорить ему, что любишь его. Многим мужчинам сложно даются эти действия, так как они связывают их с женственностью, а социализация учила их избегать любых проявлений женственности. В результате многие люди, подрастая, оставаясь в неведении, любили ли их отцы по-настоящему или нет. К сожалению, роли отца в нашем эмоциональном и психологическом развитии и становлении посвящено очень ограниченное число исследований, так как в теориях развития личности роль матери ставится намного выше роли отца (Phares, 1992). Рассел (Russell, 1978) обнаружил, что традиционная мужская роль отрицательно влияет на отцовство и что *андрогинные* отцы более активно и постоянно занимаются своими детьми. Норма антиженственности может также противостоять равенству в домашних делах, поскольку мужчины ассоциируют работу по дому с женщинами и женственностью. Исследование подтвердило, что чем более мужественными считаются мужья, тем реже они выполняют работу по дому (Atkinson & Huston, 1984).

О'Нил выдвинул предположение, что *фемифобия*, или страх женственности, встречающийся у мужчин, происходит из страха гомосексуальности и обусловлен социальным контекстом, который обычно приписывает гомосексуальность мужчинам с чертами женственности (O'Neil, 1981). В главе 1, где были представлены результаты исследований, показывающие, что отклонение от мужской роли ассоциируется с гомосексуальностью, это явление было названо «*теорией сексуальной инверсии*». Киммель (1994) утверждал, что страх того, что в тебе могут заподозрить гомосексуальные наклонности, побуждает мужчин прибегать к преувеличенно мужественному поведению разного рода. Например, чтобы быть уверенным в том, что никто «ничего такого не подумает» о твоей сексуальной ориентации, можно делать в мужской компании заявления гомофобной или сексистской направленности.

Страх быть принятым за гомосексуала отрицательно влияет на уровень близости в отношениях между мужчинами (Devlin & Cowan, 1985). Например, этот страх сокращает количество взаимных прикосновений и увеличивает физическую дистанцию между гетеросексуальными мужчинами. Вы наверняка замечали возникающую между мужчинами неловкость. Когда мужчина поздравляет своего близкого друга с удачей или выслушивает от него плохие новости, легко можно представить, как в голове у него вертятся такие мысли: «Обнять его или не стоит? Еще подумает что-нибудь не то и оттолкнет». А ведь прикосновение и физическое приближение, игнорируемые некоторыми мужчинами, — это очень важные показатели испытываемой симпатии и любви. В Соединенных Штатах женщины демонстрируют симпатию к человеку, сокращая межличностную дистанцию (например, подходя ближе), тогда как мужчины позволяют себе такие действия исключительно в отношении женщин (Aiello, 1987). Женщины располагают большим диапазоном межличностных дистанций, каждая из которых демонстрирует определенный уровень близости с человеком (Forsyth, 1990). Интересно отметить, что эта часть культурных норм характерна для американских мужчин, в то время как в других странах прикосновения мужчин друг к другу и сокращение межличностной дистанции не обязательно ассоциируется с гомосексуальностью. Например, одна из моих студенток, побывавшая с подругой в Марокко, рассказывала, что там мужчины свободно могут ходить по улицам, держась за руки или даже под локоть. А в России мужчины нередко целуются в знак приветствия.

Напряжение, стресс и конфликт мужской гендерной роли.

До совсем недавнего времени американская психология стояла на позиции теории, названной Плеком (1981) *теорией мужской поло-ролевой идентичности (MSRI)*. Эта теория говорит о том, что мужчины должны получить правильную поло-ролевую идентичность, чтобы быть психологически здоровыми. Мужчины, не демонстрировавшие соответствующих полу интересов, аттитюдов и моделей поведения, считались нуждающимися в лечении. Согласно Плеку, эта теория мужественности господствовала в психологии с 40-х до начала 70-х гг. Как пишет Плек, стержнем, вокруг которого строились исследования мужской половой роли, был вопрос: «Что заставляет мужчин быть менее мужественными и что мы можем с этим сделать?» (Pleck, 1987). Основное внимание психологов, стоявших на такой позиции, было сосредоточено на «опасностях», подстерегающих на пути достижения мужской гендерной идентичности, а именно: отсутствие мужских ролевых моделей, феминизация школьного окружения, изменения в женской роли (Pleck et al., 1993 а).

Новая парадигма, предложенная Плеком, основывается на идее о дисфункциональности и противоречивости аспектов традиционной мужской роли. Эту новую парадигму он назвал *напряжение мужской гендерной роли*. Например, от мужчин ожидается проявление большего контроля над чувствами, чем от женщин, мужчин часто описывают отчужденными от своих чувств; в то же время поощряется проявление злости и импульсивности, особенно в отношении других мужчин, считающееся доказательством подлинной мужественности. Противоречия выявляются и в сфере отношений мужчин друг с другом. Традиционная мужская половая роль предписывает мужчине иметь сильные эмоциональные связи с другими мужчинами, но эти однополюсные связи часто принимают формы, которые ограничивают развитие более близких отношений (например, друзья занимаются спортом или разговаривают о футболе; основной формой проявления чувств у них будут взаимные поддразнивания). Традиционная гендерная роль подразумевает, что связи мужчин с другими мужчинами крепче, чем их связи с женщинами. Но о том, насколько важна нежность и эмоциональная близость между людьми, говорится лишь применительно к любовным гетеросексуальным отношениям (Pleck, 1976).

После того как устоявшееся понимание проблемы было подорвано работами Плека (1976, 1981), другие психологи осознали, что помимо позитивных аспектов мужественности, таких, как настойчивость и уверенность, для каждого конкретного мужчины существуют и негативные последствия традиционной социализации. Так, Айзлер (Eisler et al, 1988) отмечает, что вместо того, чтобы быть источником идентичности, мужская гендерная роль часто оказывается причиной тревоги и напряжения. В ситуациях, когда мужчине сложно поддерживать стандарт мужской роли или когда обстоятельства требуют от него проявления женских моделей поведения (например, заботы и сопереживания), которых просто нет в его репертуаре или они есть, но запрещены мужской ролью, возникает стресс. Этот стресс Айзлер называет *мужским гендерно-ролевым стрессом (МГРС)*. Обнаружилось, что МГРС положительно коррелирует со злостью и повышенным уровнем тревоги у мужчин. Например, один мой друг остался без работы и семью содержит его жена. Он признался, что испытывает сильную тревогу из-за того, что не выполняет роль добытчика. По данным Заурер и Айзлер, мужчины с высоким показателем МГРС говорили, что им очень сложно проявлять нежные чувства, то есть показывали более низкий уровень вербальной и невербальной экспрессивности, чем испытываемые с низким показателем МГРС (Saurer & Eisler, 1990). Мне на ум приходит масса примеров, подтверждающих это, многими из которых я обязана своей недолгой и победной схватке с раковой опухолью. Многие из моих друзей и родственников мужского пола, узнав о болезни, явно испытывали сильное неудобство и

терялись, не зная, что надо сказать или сделать. Большинство, невнятно пробормотав: «Мне очень жаль», больше никогда не возвращались к этой теме и потом явно чувствовали себя неловко в моем присутствии. Заурер и Айзлер (1990) обнаружили, что мужчины с высоким показателем МГРС менее удовлетворены и тем, как они сами получают от окружающих поддержку. Прослеживается четкая взаимосвязь: избегая выражать нежные чувства, человек снижает вероятность самому получить эмоциональную поддержку и оказать ее другим.

Мужской гендерно-ролевой стресс МГРС (Male gender role stress). Стресс, возникающий, когда мужчине трудно поддерживать стандарт традиционной мужской роли или он вынужден проявлять поведение, характерное для женской роли. Частный случай гендерно-ролевого конфликта (gender-role conflict) — психологические состояния, появляющиеся в ситуациях, когда гендерные роли оказывают негативное влияние на человека и его окружение.

Подобную идею, только более общую, выдвинул О'Нил (1990), который говорил о *гендерно-ролевом конфликте* — психологическом состоянии, появляющемся в ситуациях, когда ригидные, сексистские или ограничивающие гендерные роли имеют негативные последствия или оказывают негативное влияние на человека и тех, кто с ним контактирует. Например, гендерно-ролевой конфликт может возникнуть, когда мужчина ограничивает свое поведение или поведение других, исходя из традиционных гендерных ролей, когда окружающие оказывают на него давление за нарушение норм мужественности или когда он подавляет себя или окружающих из-за того, что они не стараются соответствовать роли. Гендерно-ролевой конфликт отражается как во внутриличностной, так и в межличностной сфере. У людей появляется тревожность, депрессия, снижение самооценки и стресс. В межличностной сфере страдает интимность и снижается удовлетворенность отношениями, появляются конфликты на работе, всплывают вопросы власти и контроля в паре, возникают эпизоды физического и сексуального насилия (O'Neil et al., 1995).

О'Нил и его коллеги предложили модель гендерно-ролевого конфликта, включающую шесть паттернов:

1. Ограничение эмоциональности — трудность в выражении своих собственных эмоций или отрицание права других выражать эмоции.
2. Гомофобия — боязнь гомосексуалов, включая стереотипы о последних.
3. Социализация контроля, власти и соревнования — потребность контролировать людей и ситуации и ориентация на опережение других.
4. Ограничение сексуального поведения и демонстрации привязанности — очень ограниченное количество способов проявления сексуальности и привязанности.
5. Навязчивое стремление к соревнованию и успеху.
6. Проблемы с физическим здоровьем, возникающие из-за неправильного образа жизни.

Для измерения у мужчин глубины гендерно-ролевого конфликта и страха женственности О'Нил и его коллеги (O'Neil et al., 1986) разработали состоящую из 37 пунктов «Шкалу гендерно-ролевого конфликта» (GRCS-I). Мужчина должен отметить, насколько близки ему такие утверждения, как: «Мои победы являются показателем моей значимости и веса в обществе», «Мне трудно говорить людям о том, какие чувства они у меня вызывают», «Демонстрировать свои чувства другим мужчинам — рискованное дело», «Работа или учеба оставляют гораздо меньше времени на семью или развлечения, чем мне бы хотелось».

В целом ряде исследований шкала GRCS-I использовалась для исследования корреляции между гендерно-ролевым конфликтом и психологическим напряжени-

ем у мужчин. В этих исследованиях (Davis & Walsh, 1988; Good & Mintz, 1990; Sharpe & Heppner, 1991) обнаружилось, что ограничение эмоциональности, ограничение выражений привязанности и конфликт между работой и семейными отношениями связаны со снижением самооценки, потерей интимности в отношениях, повышенной тревожностью и депрессией.

Гендерно-ролевой конфликт был зафиксирован у молодых и старых мужчин, у чернокожих, азиатов, латиноамериканцев и белых (отчет об этих исследованиях см.: O'Neil et al., 1995). Хотя источник конфликта, по всей видимости, непостоянен и в какой-то степени меняется в зависимости от принадлежности к той или иной группе, на данный момент мы не обладаем достаточным количеством исследовательских данных, чтобы сделать какое-либо определенное заключение относительно различий между этими группами.

Заключительные замечания.

Внимание социальных психологов было сосредоточено прежде всего на женской гендерной роли, что объясняется очевидностью ее недостатков (таких, как низкий статус и оплата труда, отсутствие власти). Однако все указывает на то, что мужская гендерная роль тоже не лишена недостатков, причем внушительных. В число этих недостатков входят нормы, ставящие во главу угла достижение экономического успеха, что нередко происходит в ущерб личной удовлетворенности и близости с семьей. Так как для миллионов мужчин экономический успех недостижим, они могут компенсировать несостоятельность в этой сфере, преувеличенно выставляя напоказ другие аспекты мужской роли, часто в ущерб себе и окружающим. Мейджерс и Биллсон (1992), отмечавшие негативное влияние американского критерия успешности на чернокожих американцев, и Бли (Blea, 1992), писавший о том же, но применительно к сообществу американских мексиканцев, предлагали включить в понятие успешности принадлежность к сообществу, семейную привязанность и хорошее здоровье. Такое понимание облегчит жизнь всем мужчинам и обществу в целом, так как демографический рост, сокращение числа престижных рабочих мест, ослабление сообществ и механизация все более затрудняют для мужчин завоевание высокого экономического статуса и соответствие роли «кормильца» в семье.

Нормы, требующие от мужчин ограничения эмоциональности, также создают массу проблем, увеличивая психологическое напряжение, ухудшая интимность в паре и снижая чувствительность мужчин к боли, которую они причиняют окружающим. По данным Левант (Levant, 1992), среди мужчин очень часто встречаются легкие формы *алекситимии*. Согласно Килмартину (1994), алекситимия возникает, когда человек, который постоянно ведет себя так, как будто у него вообще нет чувств, в конечном счете теряет способность распознавать и выражать чувства. К сожалению, мы не располагаем точными данными относительно того, сколько процентов мужчин и в какой степени затронуты этим расстройством.

Левант (1992) считает, что в настоящее время мужская роль переживает глубокий кризис, спровоцированный переменами в обществе. Традиционные мужские способы проявления заботы (например, финансовое обеспечение семьи) не ценятся так высоко, как прежде, а вместо этого от мужчин ожидается забота о детях, выражение нежных чувств — поведение, выходящее за границы традиционной мужской роли и требующее навыков, которыми мужчины не обладают. Следовательно, мужественность необходимо подвергнуть реконструкции, цель которой в том, чтобы сохранить все хорошие аспекты, относящиеся к роли, и исключить устаревшие и нефункционирующие части. «Новый» мужчина будет:

"...сильным, уверенным в себе и надежным. Он будет демонстрировать заботу, стремясь к людям, делая для них что-то и решая их проблемы. Он будет умело решать проблемы, в чем ему поможет настойчивость. Он будет логичен, а в жизни будет руководствоваться моралью. Но ему не будут чужды и эмоции. Он будет придавать большое значение своей эмоциональной жизни и ценить способность выражать свои чувства словами... Он будет понимать эмоции других и научиться читать их малейшие нюансы. Он будет великолепно совмещать работу и любовь. Он станет лучше как муж и любовник, потому что сможет испытывать настоящую радость от близости и предпочтет ее одностороннему влечению. Он будет таким отцом, о каком когда-то сам мечтал" (Levant, 1992, p. 387).

Пока остается неясным, есть ли уже какой-нибудь прогресс в движении к этой новой мужской роли. Отклонение от женской роли воспринимается обществом относительно более спокойно, чем отклонение от мужской. Например, Мартин обнаружил, что люди гораздо сильнее беспокоятся по поводу мальчиков, играющих в девчоночьи игры, чем по поводу девочек-«сорванцов» (Martin, 1990). Или, как писал Майерс, женщине проще стать доктором, чем мужчине — нянкой; замужняя женщина может выбирать, работать ей или нет, тогда как мужчину, решившего стать «домохозяином», считают просто лентяем, отлынивающим от работы (Myers, 1990). Принимая во внимание то, что мужские роли обычно имеют более высокий статус, вполне возможно, как считает Фейнман, что попытки женщин приблизиться к более ценным мужским ролям легче понять и принять, чем стремление мужчин к менее ценным женским ролям (Feinman, 1981).

Есть основания полагать, что люди хотят изменений в традиционных мужских нормах. Томпсон и Плек (Thompson & Pleck, 1986) обнаружили, что молодые мужчины признавали существование традиционных мужских норм, но не высказывали радикального согласия или несогласия с ними. Мужчины от 16 до 88 лет, обследованные Бурн и Лэвер (Burn & Laver, 1994), также продемонстрировали довольно слабое одобрение норм, составляющих традиционную мужскую роль. Авторы обнаружили, что наибольшую поддержку как со стороны мужчин, так и со стороны женщин получили нормы, касающиеся профессиональной успешности, больших заработков и мужественного внешнего вида. Наименьшую поддержку получили нормы, не позволяющие мужчинам выражать чувства, и нормы, защищающие традиционную модель разделения работы по дому. Взгляды, пользовавшиеся одобрением со стороны мужчин, касались того, что решения в семье должен принимать мужчина, что мужчина должен справляться со своими проблемами без чьей-либо помощи, что он должен быть физически сильным и уметь драться, что он не обязан готовить и делать уборку, как, впрочем, и посвящать свое свободное время заботе о детях. Тем не менее как мужчины, так и женщины в равной степени одобряли нормы, исходя из которых мужчина должен зарабатывать много денег, быть нацеленным прежде всего на профессиональный успех, выглядеть мужественно, избирать традиционно мужские профессии, всегда действовать так, как будто он точно знает, что делает, и избегать обсуждения своих чувств. Возрастные различия были связаны только с одним компонентом традиционной мужской роли — эмоциональной/умственной твердостью, которая получила большее одобрение у старшего поколения.

Крамер и его коллеги (Cramer et al., 1991) провели исследование студентов колледжа, в котором просили их описать идеального мужчину или партнера. Исследователи обнаружили, что часто встречаются описания желанного мужчины скорее андрогинного, нежели традиционно мужественного типа. Такие исследования, подтверждающие слабую поддержку традиционных мужских норм, наводят на мысль, что зарождается новый набор норм. Озадачивает, однако, тот факт, что, хотя традиционная мужская роль получает настолько слабую поддержку, стрем-

ление соответствовать этой роли остается скорее правилом, чем исключением. Возможные причины этого приведены ниже.

Одним из препятствий, стоящих на пути перемен, может быть ощущение, что все вокруг поддерживают традиционные мужские нормы. Даже если мужчины активно не поддерживают эти нормы, то это не значит, что они им не подчиняются. Мы помним, что эта реакция — *уступчивость* — имеет место в том случае, когда мы подчиняемся, чтобы избежать социального неодобрения. О'Лири и Донахью (O'Leary & Donoghue, 1978) отметили, что мужчины продолжают считать, что отклонение от половой роли повлечет за собой негативные социальные последствия. Как уже говорилось в первой главе, по результатам целого ряда исследований можно с уверенностью сделать вывод о существовании социальных наказаний для мужчин, нарушающих традиционные роли, а особенно ярко гендерно-несоответствующее поведение отражается на популярности у мальчиков (Berndt & Heller, 1986; Costrich et al., 1975; Huston, 1983; Martin, 1990; Seyfried & Hendrick, 1973; Steriker & Kurdek, 1982). Мужчины в исследовании Бурн и Лэвер (Burn & Laver, 1994) заявляли, что их друзья сильнее поддерживают традиционные мужские нормы, чем они сами. Например, мужчины и женщины были единодушны относительно того, что мужчинам не следует подавлять свои чувства, однако мужчины при этом считали, что друзья ожидают от них именно подавления чувств.

Айзлер и его коллеги (Eisler et al., 1988) не обнаружили значимой корреляции между MGRS (мужским гендерно-ролевым стрессом) и одобрением типичных атрибутов мужественности. Другими словами, даже те мужчины, которые не соответствовали традиционным стереотипам мужественности, все равно испытывали стресс в ситуациях, условно оцениваемых как женские и/или угрожающих мужскому контролю или компетентности. Возможно, это происходит из-за того, что мужчины считают, что окружающие ожидают от них соответствия традиционной мужской роли. Восприятие этих социальных ожиданий и вера в то, что несоответствие им повлечет за собой недовольство общества, могут отчасти объяснить такое интенсивное стремление соответствовать традиционным мужским ролям. В качестве иллюстрации позволю себе привести отрывок из сочинения одного из моих студентов, состоявшего в университетской спортивной команде:

"У меня замечательно получается ладить практически со всеми членами команды, когда я нахожусь с каждым из них один на один. Но когда они собираются вместе, во всем великолепии своих мужских стереотипов, то картина их поведения радикально меняется. В их личностях появляется больше мужского экстремизма. Один из них непременно сделает что-нибудь очень мужское (например, пустит газы, выругается, рыгнет, оскорбит другого или отпустит сексуальный комментарий по поводу проходящей мимо женщины), и внезапно этот настрой подхватывается всей группой. Я мог бы подчиниться общему духу, но тогда бы я чувствовал, что изменяю себе. Я не хочу оскорблять людей и нечестно поступать с женщинами из нашей команды. Я мог бы быть самим собой, но это повлекло бы за собой боль, чувство стеснения и отверженности. Таким образом, мой путь лежит где-то посередине. Я решил пойти на компромисс."

Еще одна причина отставания перемен в поведении от изменений в аттитюдах, быть может, кроется в том, что ранние, более строгие нормы ограничили для многих мужчин возможности усвоения навыков взаимоотношений и самораскрытия, а также работы по дому и ухода за детьми. Из-за этого уровень соответствия аттитюдов поведению может быть невысоким. Килмартин (Kilmartin, 1994) рекомендует организовывать для мужчин группы, мастерские или специальную терапию по приобретению экспрессивных навыков, а Левант (Levant, 1992) даже описывает несколько удачных проектов подобного рода.

К сожалению, отсутствие официально утвержденных диагностических единиц является серьезной помехой для опознания и лечения проблем, порождаемых мужской ролью. В справочнике DSM-IV (*Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*), выпущенном Американской психиатрической ассоциацией в 1994 г., не существует диагностических единиц, соответствующих мужскому гендерно-ролевому стрессу, мужскому гендерно-ролевому конфликту, компенсаторной мужественности, алекситимии. Каплан (Caplan, 1991) предложила ввести для мужчин отдельную категорию, которую назвала «личностным расстройством с доминированием иллюзий» (*delusional dominating personality disorder*). Помимо всего прочего, эта категория включает в себя неспособность устанавливать и поддерживать межличностные взаимоотношения, неспособность распознавать определенные чувства других людей и выражать свои чувства.

В предложении Каплан включить в DSM категорию «*delusional dominating personality disorder*» была определенная доля сарказма (создатели очередной версии справочника настаивали на включении в него ряда малоизученных специфически женских расстройств, но категорически отказывались от рассмотрения соответствующих «мужских» расстройств). Так или иначе, клиническим психологам и психиатрам необходимо обращать больше внимания на проблемы, создаваемые традиционными гендерными ролями, и тем самым помочь мужчинам развить новые для них навыки и, возможно, оспорить старые роли. Гуд и его коллеги (Good et al., 1990) доказывают важность применения «осознающего гендер» подхода (*gender-aware*) при работе со всеми пациентами. Этот подход включает в себя понимание того, как на пациента повлияли социализация и сексизм. Левант (Levant, 1992) добавляет, что гендерно-осознающая терапия требует от терапевта понимания того, что в процессе лечения может возникнуть необходимость применения навыков или моделей поведения, не соответствующих аспектам традиционной мужской роли, таким, как идентификация и открытое выражение чувств. О'Нил и Иган (O'Neil & Egan, 1992) предложили терапевтам вместе с клиентами предпринимать «гендерно-ролевое путешествие», в ходе которого они разберутся в том, каким образом гендерные роли и стереотипы привели к негативным последствиям у них самих и у окружающих, добьются в конечном счете изменений в себе и раскроют другим глаза на опасности сексизма. О'Нил и его коллега разработали и оценили план работы мастерских, которые должны облегчить это гендерно-ролевое путешествие (O'Neil & Roberts Carroll, 1987, 1988 a, 1988 b). Однако большинству клинических психологов, к сожалению, не удастся по разным причинам сконцентрироваться на традиционных гендерных ролях как источнике проблем клиента (Kupers, 1993).

Для того чтобы приспособиться к переменам в мужской роли, мужчинам может понадобиться не только помощь в развитии определенных навыков, но и реорганизация социальных институтов. Другими словами, отставание перемен в поведении от изменений в attitudes может происходить еще и потому, что нормы и политика организаций продолжают опираться на традиционные понятия о разделении работы по дому и поэтому не способствуют ролевым изменениям. Плек (Pleck, 1985) писал, что хотя в последнее время много говорится о большем вовлечении мужчин в семейную жизнь и создается впечатление сдвигов в этой области, но в учреждениях, где работают мужчины, никакой реальной поддержки им не оказывается (существует очень мало льгот, дающих право уходить в отпуск после рождения ребенка, использовать гибкий график, отлучаться на школьные мероприятия и т.д.). Хиггинс и Дагсбери сетовали на устаревшую, но все еще действующую в большинстве организаций политику, основывающуюся на допущении, что у мужчины есть супруга-домохозяйка. Они обнаружили, что мужчины с двойной жизнью (имеющие детей и работающих жен) переживают конфликт между работой и семьей гораздо в больших масштабах, чем мужчины, у которых жены —

домохозяйки. Авторы предположили, что рабочая среда не обеспечивает гибкости, необходимой мужчинам с двойной жизнью для того, чтобы совладать с непрерывно возрастающими требованиями роли, обусловленными их стилем жизни. По результатам целого ряда исследований сделан вывод, что конфликт между работой и семьей у мужчин с двойной жизнью усложняется еще и осознанием того, что их стиль жизни является грубым нарушением социальных норм, устанавливающих для мужчин приоритет роли «добытчика» (Higgins & Duxbury, 1992). Еще одна проблема заключается в том, что общепринятая модель карьерного роста предполагает и вознаграждает такое поведение, когда работник полностью посвящает себя делу фирмы в течение первых 5-10 лет после поступления на службу, что как раз совпадает с возрастом, когда у мужчины подрастают маленькие дети (Powell, 1990).

Не исключено, что мужчины изменились больше, чем мы думаем, но стереотипы о них не дают увидеть реальную картину происходящего, так как мы выделяем именно тех индивидуумов и те элементы поведения, которые подтверждают традиционные стереотипы. В главе 5 мы будем говорить о процессе *социального познания гендера* и увидим, что как только у человека появляются стереотипы о мужчинах и женщинах, он начинает перерабатывать информацию таким образом, чтобы эти стереотипы подтверждались. Важность этого положения состоит в выводе, который из него следует: даже когда мужчины и женщины меняются, в нашем восприятии они могут оставаться неизменными.

Резюме.

Один из компонентов мужской роли — это *норма успешности/статуса*. Она означает, что ценность мужчины определяется величиной его заработка и успешностью на работе. Эта норма может оказывать отрицательное влияние на процесс самоактуализации, самооценку мужчины и проявление его отцовских качеств. Если мужчины неспособны жить в соответствии с нормой успешности/статуса, у них может проявиться *компенсаторная мужественность* — крайний и деструктивный вариант мужественности.

Норма умственной твердости подразумевает, что мужчина должен быть знающим, компетентным и всегда контролировать ситуацию. Эта норма может мешать восприятию новой информации, быть причиной серьезных ошибок и создавать проблемы в сфере взаимоотношений.

Норма физической твердости и ее спутник — норма «посылай все к черту, и вперед» содержат ожидания того, что мужчина будет физически сильным, мужественным и не избегать опасности. Эти нормы могут быть одной из причин агрессии и рискованного поведения, которое, например, включает в себя использование стероидов, злоупотребление алкоголем и наркотиками, физиологические дисфункции, возникшие из-за злоупотребления лекарствами или несвоевременного обращения к врачу, неосторожную езду и безответственное сексуальное поведение.

Норма эмоциональной твердости подразумевает, что мужчины не должны выражать чувства, показывать эмоциональную слабость и обязаны сами решать собственные проблемы. Причины того, что мужчины получают меньшую эмоциональную поддержку со стороны и имеют меньше подлинно близких отношений, кроются именно в этом запрете на проявление эмоций.

Норма антиженственности содержит идею о том, что мужчинам следует избегать занятий и личностных черт, ассоциируемых с женщинами. Подобно норме эмоциональной твердости, эта норма также подавляет выражение эмоций, не по-

зволяя проявлять желаемые, но стереотипно считающиеся женскими модели поведения, такие, как нежность и эмпатия. Она может также противостоять более честному разделению работ по дому.

Долгое время ученые считали, что мужчина психологически более здоров, если он соответствует традиционным представлениям о мужественности. Теперь все большее распространение получает точка зрения, что мужская гендерная роль может быть источником тревоги и напряжения из-за того, что некоторые ее аспекты дисфункциональны и противоречивы.

Исследования выявили, что в наше время традиционная мужская роль принимается относительно слабо. Однако ранняя социализация, тот факт, что окружающие видятся нам одобряющими традиционную роль, и отсутствие поддержки новых способов поведения со стороны социальных учреждений — все это тормозит фундаментальные перемены в мужской роли. Клиническая психология и психиатрия также не спешат серьезно воспринять тот факт, что традиционная мужская роль наносит вред душевному здоровью.

Глава 5. Гендер как социальная категория.

Гендерные различия и ошибки мышления.

Социальное познание. Социальное познание гендера. Гендерные стереотипы как схемы обработки информации. Происхождение гендерных схем. Запоминаемость информации, соответствующей гендерной схеме. Как гендерные схемы вызывают иллюзорную корреляцию. Гендерные стереотипы и самореализующиеся пророчества. Гендерная категоризация: пристрастное отношение к своей и чужим группам. Источники пристрастного отношения к своей гендерной группе. Потребность в самоуважении. Парадокс социальной идентичности. Заключительные замечания. Резюме.

Время от времени мы сталкиваемся с людьми, чей пол затрудняется определить. Обычно такие ситуации служат поводом если не к отсроченным, то, по крайней мере, к сиюминутным размышлениям. Взять хотя бы моего сотрудника Клифа, который, направляясь на работу в ресторан, надевал юбку, накладывал макияж и красил ногти. Большая часть окружающих его людей не могли спокойно на это смотреть, но не потому, что поведение Клифа нарушало общественные нормы, а потому, что они не знали, как общаться с человеком, пол которого представлялся им не вполне понятным. Эта история во многом сходна с историей Пэта, участника телевизионного шоу *Saturday Night Live*. По внешнему виду Пэта нельзя было определить, является он мужчиной или женщиной, и другие участники шоу безуспешно пытались решить эту проблему. Например, когда он/она зашел в аптеку, чтобы купить бритвенные принадлежности, то продавец, в надежде выяснить его пол, предложил ему одновременно станки серебристого цвета, предназначенные для мужчин, и розового, предназначенные для женщин. Однако, к разочарованию продавца, Пэт купил бритвенные станки какого-то гендерно-нейтрального цвета.

Как отмечали психологи Кросс и Маркус (Cross & Markus, 1993), история Пэта, показанная в телевизионном шоу, представляет особый интерес, поскольку отражает значимость гендера как социальной категории. Люди, видевшие сцены с участием этого персонажа, испытывали внутренний дискомфорт, поскольку не знали, как им следует воспринимать поведение этого человека при отсутствии информации о его/ее гендерной принадлежности. Для того чтобы подчеркнуть отличительную особенность гендера в процессе обработки данных о человеке, отметим, что люди часто не обращают внимания на цвет глаз или волос встреченного ими че-

ловека, забывают, во что он был одет или каково было его имя, но практически всегда помнят, мужчиной он был или женщиной. Например, Грейди (Grady, 1979) установил, что пассажиры метро, которых просили описать кассира, продавшего им проездной билет, в первую или по крайней мере во вторую очередь упоминали его пол. Таким образом, гендер является важнейшей социальной категорией, с помощью которой мы обрабатываем информацию об окружающих нас людях.

Социальное познание.

Эта глава посвящена особенностям социального познания гендера. Внимание будет фокусироваться на том, как присущие нам от рождения стратегии обработки информации, и прежде всего наша склонность к категоризации, влияют на наше восприятие окружающих. Наш мир полон неисчислимого множества людей, вещей и разнообразных ситуаций. Мы могли бы лишиться рассудка, если бы замечали и обрабатывали всю поступающую к нам информацию без исключения. Однако нам удается остаться в здравом уме — и отчасти потому, что мы не обрабатываем все подряд. На самом деле мы обрабатываем лишь то, что замечаем. Что же заставляет нас обращать внимание именно на эти явления? Как правило, мы отмечаем такие параметры, как размер, цвет, громкость и новизна (необычность). Однако не менее важную роль может играть и наш предыдущий опыт, а также наша осведомленность о том, что является существенным в данной ситуации, а что — нет.

Для того чтобы свести наш многообразный внешний мир к когнитивно воспринимаемой форме, мы распределяем поступающую к нам информацию по отдельным категориям. Таким образом формируются особые когнитивные структуры, называемые *схемами*. Эти схемы влияют на то, как происходит восприятие, хранение и воспроизведение поступающей к нам внешней информации. Короче говоря, эти схемы руководят процессом обработки информации. Обычно мы имеем наготове когнитивные категории для большинства социальных ситуаций (событийные схемы), для людей, которые нам знакомы (личностные схемы), и для социальных групп, идентифицируемых на основе гендера, этнической принадлежности и рода деятельности (ролевые схемы) (Fiske & Taylor, 1984). Подобные категории руководят обработкой поступающей информации о людях и ситуациях. Например, я могу зайти в любой американский универсам и быстро сделать все нужные покупки, так как в сознании у меня имеется когнитивная категория для «универсама», которая подскажет, на что следует обратить внимание, чтобы побыстрее выбрать то, что нужно.

В 1954 г. психолог Гордон Оллпорт (Gordon Allport) заметил, что, сталкиваясь с переизбытком информации, человек распределяет людей по категориям так же, как предметы и ситуации. В настоящее время стереотипы рассматриваются многими социальными психологами как когнитивные категории (схемы) социальных групп. *Стереотипы* — это широкораспространенные мнения о том, что члены идентифицируемых групп похожи друг на друга, работающие как схемы при восприятии этих групп. Другими словами, как и любая другая схема, они воздействуют на восприятие и запоминание. Такие переменные, как раса или пол, используются в качестве дискриминационных параметров для группирования информации об окружающих нас людях и управления ею (Taylor et al., 1978). Наиболее отличительные особенности людей — такие, как пол, этническая принадлежность и прозвище — «активируют» нужные схемы, и в дальнейшем обработка информации об отдельных членах группы управляется этими схемами. Например, если вы не являетесь уроженцем Юга США, а я обращаюсь к вам на типичном южном наречии и сообщаю, что воспитывался в столице Конфедерации (Ричмонд, штат Виргиния), то это может вызвать в вашем сознании определенные стереотипы,

которые повлияют на то, что вы заметите во мне и сохраните в памяти на будущее. Без получения такой информации некоторые характерные черты моего поведения и внешности остались бы незамеченными и несохраненными в памяти.

Стереотипы (Stereotype). *Мнения о личностных качествах группы людей. Стереотипы могут быть чрезмерно обобщенными, неточными и резистентными к новой информации.*

Результаты многих исследований указывают на то, что информация, соответствующая нашим схемам, скорее будет замечена и запомнена, чем информация, им несоответствующая (Cantor & Mischel, 1977; Chapman & Chapman, 1969; Cohen, 1981; Hamilton, 1981; Howard & Rothbard, 1980; Rothbart et al., 1979; Snyder, 1981). В одном из исследований испытуемым предлагалось просмотреть видеозапись вечеринки по случаю дня рождения какой-то женщины. Те люди, которым говорили, что эта женщина является официанткой, запомнили ее пьющей пиво и смотрящей телевизор, те же, кому она была представлена как библиотекарь, запомнили ее носящей очки и слушающей записи классической музыки (Cohen, 1981). Другими словами, образ «официантки» заставил работать одну схему, образ «библиотекаря» — другую; а дальнейшая обработка информации о вечеринке направлялась уже этими схемами.

Обработка информации с использованием готовых схем замечательна тем, что она, по определению Маркуса и Зайонца (Markus & Zajonc, 1985, p. 143), является «экономичной», так как «сводит все невероятно сложное социальное окружение к контролируемому числу смысловых категорий. Они позволяют компенсировать недостаток информации и помогают выходить за рамки полученной информации». Разумеется, у такого процесса обработки информации есть и свои недостатки. Как указывали Фиске и Тейлор (Fiske & Taylor, 1984, p. 139) «накопленные общие знания о категориях людей не позволяют справедливо судить об уникальных качествах отдельной личности».

Представим, например, что сообщение о моем происхождении с юга США активировало у вас запуск, условно говоря, «провинциальной» схемы моего восприятия, которая содержит такие элементы, как «невоспитанный», «некультурный» и «расист». Далее эта схема будет повышать вашу чувствительность к любым моим действиям или высказываниям, которые хотя бы отдаленно могут быть связаны с понятием провинциальности. Они будут привлекать ваше чрезмерное внимание и станут основным мотивом восприятия моей личности даже в тех случаях, когда на самом деле их нельзя считать характерными для моего поведения.

Исследование, проведенное Снайдером и Урановицем (Snyder & Uranowitz, 1978), дает другую наглядную иллюстрацию. В их эксперименте все участники читали «историю Бетти К». После чтения одной трети из них сообщалось, что Бетти К. является лесбиянкой, другой трети — что она гетеросексуальна, а остальным участникам вообще ничего не говорилось о ее сексуальной ориентации. Через неделю всем участникам эксперимента предлагалось выбрать один из нескольких вариантов ответа на каждый из 36 предложенных вопросов о жизни Бетти К. Каков же был результат? Люди, которым сказали, что Бетти — лесбиянка, чаще других выбирали ответы, согласующиеся со стереотипами поведения женщин подобной сексуальной ориентации. Нередко они даже не обращали внимания на сведения, изложенные в прочитанной ими истории, и выбирали ответы, которые лучше согласовывались не с изложенными в ней фактами, а с общепринятыми стереотипами поведения лесбиянок. Как раз на это и указывали Маркус и Зайонц (1985): схемы позволяют нам выходить за рамки полученной информации.

Итак, схемы вначале влияют на то, что мы воспринимаем, а затем на то, что мы запоминаем. Фиске и Тейлор (1984) отмечали, что такой порядок отличается от нашего обычного представления о восприятии. Они писали, что большинство лю-

дей считают, что восприятие — это прямое копирование объективных данных. Однако концепция схемы основывается на том, что систематизированные предварительные знания (схемы) оказывают влияние на активное конструирование социальной реальности. В то время как объективные данные формируют то, что вы воспринимаете, ваши убеждения и ожидания определяют то, как вы видите эти данные.

Социальное познание гендера.

В этом разделе мы обсудим, как наше стремление к категоризации на основе гендера управляет процессами обработки информации и приводит к тому, что мы видим в мужчинах и женщинах куда больше различий, чем они имеют на самом деле. Интересно, что результаты исследований опровергают утверждение, что мужчины и женщины существенно отличаются друг от друга, но, несмотря на это, мы упорно продолжаем видеть их совершенно разными и на основании такого восприятия общаемся с ними тоже по-разному. Мы уже подробно рассматривали результаты исследований гендерных различий и отмечали, что эти различия (если их все же удавалось обнаружить), как правило, оказывались довольно незначительными. Распространенные стереотипы представляют мужчин активными, агрессивными и эффективно действующими, а женщин — пассивными, зависимыми и эмоциональными (Bergen & Williams, 1991). Хоффман и Херст (Hoffman & Hurst, 1990) приводят результаты исследований, которые наглядно демонстрируют, что большинство стереотипных гендерных различий слишком незначительны, чтобы ожидать их регулярного проявления. Эти авторы также указывают на то, что, по-видимому, существует лишь незначительная корреляция между масштабом межполовых различий и той степенью, в которой это подчеркивается в стереотипах.

Результаты исследования Мартина (Martin, 1987) в очередной раз продемонстрировали нашу тенденцию видеть мужчин и женщин более непохожими друг на друга, чем это есть на самом деле. В этом исследовании мужчинам и женщинам предлагалось отметить, какими качествами из сорока предложенных — среди которых были «типично мужские», «типично женские» и «нейтральные» — они обладают. Второй группе, в которую также входили мужчины и женщины, предложили определить, какому проценту мужчин и женщин каждое из качеств, по их мнению, присуще. В результате исследования выяснилось, что ответы мужчин и женщин, оценивавших самих себя, отличались только в пяти пунктах (эгоцентризм, цинизм, сопереживание, плаксивость, суетливость), в то время как представители второй группы представили мужчин и женщин совершенно разными во всех сорока пунктах.

Гендерные стереотипы как схемы, управляющие процессом обработки информации.

Почему же мы так упорствуем в своем восприятии мужчин и женщин как «представителей противоположного пола»? Одно из объяснений этого, уже приводимое нами ранее, состоит в том, что это различные социальные роли мужчин и женщин заставляют предполагать у них наличие различных психологических качеств и возможностей. К тому же в нашем обществе чересчур часто говорится о фундаментальных различиях между женщинами и мужчинами. Ну и самое главное, присущие нам от рождения стратегии обработки информации также могут поспособствовать преувеличению масштаба различий между гендерами. Все это имеет самое непосредственное отношение к социальному познанию гендера. Гендерные стереотипы выступают здесь в качестве *гендерных схем*. Гендерные схемы — это

когнитивные категории гендера. Они управляют процессами обработки поступающей к нам информации таким образом, что мы начинаем воспринимать, запоминать и интерпретировать ее в соответствии с нашими представлениями о гендерах. Таким образом, мужчина, считающий, что должность руководителя — это не для женщин, видит в каждом бурном конфликте женщины-руководителя со своими подчиненными доказательство того, что женщины не обладают той эмоциональной устойчивостью, которая необходима для руководителя, однако аналогичное поведение руководителей-мужчин считается им вполне допустимым. В свою очередь женщина, убежденная в том, что мужчины не способны на яркое проявление эмоций, с легкостью вспоминает тех своих знакомых мужчин, которые соответствуют данному стереотипу, и терпит неудачу при попытке припомнить хотя бы одного эмоционального мужчину. В известном исследовании (Condry & Condry, 1976) испытуемым показывали фильм о девятимесячном ребенке; при этом одной половине зрителей говорилось, что этот ребенок — мальчик, а другой половине — что девочка. Эта простейшая манипуляция приводила к совершенно разной оценке одного и того же поведения. Например, в одном из показанных эпизодов ребенок начинал кричать после того, как из коробки внезапно выскакивал попрыгунчик. Те люди, которые считали ребенка мальчиком, воспринимали «его» рассерженным, те же, кто считал ребенка девочкой, воспринимали «ее» испугавшейся.

Кондри и Росс (Condry & Ross, 1985) также установили, что гендер ребенка влияет на то, каким образом его воспринимают взрослые. В проведенном ими эксперименте зрителям показывался записанный на видеокамеру эпизод игры двух детей на заснеженной площадке; при этом одинаковые костюмы не позволяли определить их пол. В показанном эпизоде один ребенок постоянно толкал другого, насакивал на него и бросался снежками. Одной части зрителей говорилось, что оба ребенка — девочки, другой — что оба мальчика, третьей — что агрессором является мальчик, а жертвой девочка, и наконец, четвертой — что в качестве агрессора выступает девочка, а в качестве ее жертвы — мальчик. После того как зрителям было разъяснено, что «агрессия представляет собой преднамеренные действия, которые могут нанести вред другому ребенку», им предлагалось оценить степень агрессивности действий ребенка. Зрители, уверенные в том, что оба ребенка были мальчиками, сочли показанную сцену наименее агрессивной по сравнению с оценками зрителей трех других групп. При этом в оценках зрителей последних трех групп не наблюдалось серьезных различий. Короче говоря, поскольку буйное поведение играющих мальчиков считалось вполне нормальным явлением, оно не воспринималось агрессивным. Исследователи пришли к выводу, что такая когнитивная социальная категория, как гендер, «преимущественно направляет предчувствия и ожидания по какой-то одной дорожке... Вера в то, что ребенок является мальчиком, настраивает на одни ожидания, а вера в то, что девочкой, — на совершенно другие» (p. 232).

Результаты исследований, полученных Тейлором и его коллегами (Taylor & Falcone, 1982; Taylor et al., 1978), также указывают на то, что гендер является важным социальным критерием, влияющим на восприятие. Чтобы лучше понять, как гендер влияет на восприятие, Тейлор и Фальконе (1982) просили участников экспериментов прослушать запись шести политических дискуссий, которые вели три мужчины и три женщины. Выступления записывались на магнитофонную ленту на собраниях избирателей, где каждый кандидат выдвигал по шесть конкретных предложений. Исследователи сделали так, чтобы все предложения были в равной степени полезны и все носили созидательный характер. Их выбор основывался на обширном анализе оценок подобных предложений. Из всех высказанных предложений отбиралось 36, получивших примерно одинаковый рейтинг. После прослушивания 13-минутной дискуссии испытуемые должны были оценить, насколько политически благоразумным и убедительным был каждый кандидат, на-

сколько интересно и приятно было бы с ним работать и насколько эффективно каждый из них мог бы руководить местным округом. В итоге кандидаты-мужчины получили более высокие оценки по четырем из пяти показателей (не было различий только в оценке «приятности» общения). Однако в более позднем исследовании, выполненном Бове и Спенсом (Beauvais & Spence, 1987), большая часть участников эксперимента подобного пристрастия к мужчинам не выказала. Остается неясным, с чем это связано: с изменениями в установках, произошедшими в период между 1987-м (годом проведения исследования Тейлора и Фальконе) и 1984-м (годом проведения исследования Бове и Спенсом), или же с тем, что участники более позднего эксперимента при выставлении оценок старались оправдать ожидания исследователей. Не исключено также, что на результатах сказались и тонкие методологические различия в проведении экспериментов.

Хотя исследования Тейлора—Фальконе (1982) и Бове—Спенса (1987) отличались по своим результатам, оценивающим степень пристрастного отношения к мужчинам, и в том и другом было получено подтверждение, что биологический пол используется в качестве схемы для обработки информации о выступавшем кандидате. И в том и в другом эксперименте участники чаще допускали ошибки в рамках одного пола, чем «межполовые» ошибки. То есть они чаще путали то, какая из женщин высказала то или иное предложение, чем говорили, что это предложение было высказано женщиной, когда на самом деле его высказал мужчина (и наоборот). Аналогично А. П. Фиске (A. P. Fiske et al., 1991) установил, что участники экспериментов чаще путали представителей одного пола, чем представителей одного возраста, одной расы, людей, выполнявших одну и ту же социальную роль или носивших одинаковое имя. Стангор (Stangor et al., 1992) обнаружил, что люди чаще производят категоризацию по полу, а не по расе. Все эти результаты отчетливо указывают на то, что в первую очередь люди классифицируют друг друга по полу.

Исследования также показали, что при определенных условиях люди чаще проводят категоризацию по гендеру, например при наличии фактора, делающего членство в социальной группе особенно заметным (Taylor et al., 1978). Так, одежда или внешний облик, соответствующие гендерному стереотипу, по всей видимости, способствуют тому, что в процессе обработки информации о человеке гендеру уделяется большее внимание (Brehm & Kassin, 1992). Гендер также более заметен в тех случаях, когда мужчины или женщины составляют очевидное меньшинство среди тех, кто выполняет одну и ту же роль. Когда мужчины или женщины оказываются в численном меньшинстве среди исполнителей какой-либо роли, их пол становится особенно заметным. Это приводит к повышенному привлечению внимания к ним и чрезмерно строгим оценкам результатов их деятельности (Taylor & Fiske, 1978). Если в учебной группе имеется всего один мужчина, то его пол будет особенно бросаться в глаза окружающим. Если в какой-нибудь организации будет всего одна женщина-менеджер, то ее пол также станет особенно заметным для посторонних наблюдателей и постоянно будет приниматься во внимание при оценке ее работы.

Вспомните историю Энн Хопкинс из компании «Прайс уотерхаус», рассмотренную в главе 3. Фиске (Fiske et al., 1991) убежден, что именно потому, что Хопкинс была единственной женщиной среди 88 сотрудников, руководство фирмы обращало особое внимание на ее пол и оценивало ее поведение с точки зрения норм, установленных для женщин. Ряд психологов готов создать специальные поддерживающие программы для подобных ситуаций. Такие программы, разрабатываемые для определенного типа организаций, предназначены для того, чтобы сделать присутствие в них женщин или других представителей традиционно недостаточно представленных там социальных групп более привычным и менее бросаю-

щимся в глаза. Однако гендер женщины-менеджера может по-прежнему оставаться заметным наблюдателям до тех пор, пока ее роль управленца будет требовать проявления качеств, несовместимых с ролью, свойственной женскому полу (например, проявления профессиональной компетентности, агрессивности, настойчивости), и пока она будет оставаться в численном меньшинстве среди сотрудников организации, занимающих аналогичные должности. Фиске и Тейлор (1984) отмечали, что поведение, выходящее за рамки определенной роли, также привлекает наше внимание и может инициировать схематичный процесс обработки информации. В конце этой главы мы обсудим, что тут можно предпринять в качестве поддержки.

Фиске и Тейлор (Fiske & Taylor, 1984) указывали на то, что активация схем частично зависит от того, как давно они активировались в последний раз и как часто использовались прежде. Чем чаще схемы активировались в прошлом, тем более доступны они будут для памяти и тем чаще станут использоваться. Это явление носит название *эффекта прайминга*. Так, можно ожидать, что подростки и молодежь, уделяющие большое внимание проблемам секса, будут особенно часто воспринимать других людей именно с точки зрения их гендера. Часто используемая схема постоянно находится «во взведенном состоянии» (Fiske & Taylor, 1984). Мы уже говорили о том, что в нашем обществе средства массовой информации слишком часто привлекают наше внимание к гендерным проблемам. Вполне возможно, что такие обращения приводят к тому, что наши гендерные схемы находятся во взведенном состоянии и в полной готовности к немедленной активации. Как утверждала Бем (Bem, 1981, p. 362): «Настойчивое напоминание общества о важности гендерной дихотомии может сделать гендерную схему еще более когнитивно доступной».

Прайминг (Priming). Процесс, в результате которого недавние переживания и ассоциации усиливают доступность той или иной информации.

Результаты многочисленных исследований указывают на то, что гендер является важной когнитивной категорией, используемой при восприятии человека (Beavais & Spence, 1987; Frable & Bem, 1985; Taylor & Falcone, 1982). Однако время от времени я сталкиваюсь с людьми, которые убеждены в том, что их восприятие людей не основывается на гендере. И действительно, существуют индивидуальные различия в использовании гендера как значимого «куска» информации при восприятии других людей. Согласно Бем (Bem, 1981), человек может считаться *использующим гендерную схему* в том случае, если он обладает готовностью сортировать отличительные качества других людей и информацию о них на основании гендера; в противном случае он относится к индивидам, *не использующим гендерную схему*. По мнению Бем (1981), людей, обладающих ярко выраженным мужским или женским началом, с большей вероятностью можно отнести к индивидам, использующим гендерную схему. Данная гипотеза нашла подтверждение и в исследованиях, проведенных Худаком (Hudak, 1993).

Происхождение гендерных схем.

Откуда же берет начало наша когнитивная категоризация гендеров? Вы уже знаете, что нам от рождения присуща склонность к категоризации, проводящейся на основе отличительных особенностей внешних стимулов (как людей, так и ситуаций). Такая разбивка составных элементов окружающего мира по категориям начинается уже в детстве и составляет суть процесса когнитивного развития. Детство — это период быстрого схематичного развития и совершенствования. Основная часть жизни ребенка как раз и посвящается усвоению информации об окружающем мире.

Чтобы облегчить для себя усвоение огромного количества информации, дети прибегают к категоризации.

«"Мужское" и "женское" являются дихотомными, исчерпывающими, отличительными "природными" категориями, которым придается особое значение как взрослыми, так и сверстниками детей» (Serbin et al, 1993).

Гендер выступает в качестве важного критерия категоризации отчасти и потому, что в нашем обществе постоянно говорится о важной роли гендерных различий. Как мы уже говорили ранее, телевидение, литература и народный фольклор очень часто изображают мужчин и женщин существами, совершенно непохожими друг на друга. Родители, учителя и сверстники также часто подталкивают детей обращать особое внимание на гендер, и как следствие у тех появляются мысли, что мужчины и женщины различаются между собой не только гениталиями. Дети замечают, что мужчины и женщины стремятся выглядеть по-разному и делать разные вещи. Подобное убеждение складывается у них при наблюдении за такими представителями общества, как, например, их родители. В главе 2 мы обсуждали теорию социальных ролей Игли (Eagly, 1987), которая предполагает, что социальные роли могут дать толчок к выработке социальных стереотипов (схем). Тот факт, что большинство социальных ролей преимущественно выполняется либо мужчинами, либо женщинами, поощряет когнитивную дихотомизацию гендеров. Мартин и Халверсон (Martin & Halverson, 1981) писали, что, поскольку между мужчинами и женщинами наблюдается столько различий, дети начинают понимать, что осведомленность в вопросах гендерных категорий очень полезна для предсказания поведения окружающих. Идея о том, что гендерная сегрегация социальных ролей и дружеских отношений вносит вклад в формирование гендерных стереотипов и, следовательно, в возникновение гендерных конфликтов, получит дальнейшее развитие в этой главе.

Как мы уже отмечали в главе 1, гендерная категоризация — это ядро дифференциального моделирования. Мартин и Халверсон (Martin & Halverson, 1981) полагают, что в детстве мы в первую очередь классифицируем людей, их поведение и характерные особенности с точки зрения их принадлежности к «мужской» или «женской» категории (они называли это *схемой своей группы* и *схемой чужой группы*). Когда объект (или его поведение) классифицируется как принадлежащий противоположному полу, обычно он уже не привлекает большого внимания ребенка. Результаты многих исследований подтвердили правильность идеи о том, что дети чаще проявляют интерес и желание моделировать действия, характерные для их собственного гендера (Leinbach & Fagot, 1986; Perry & Bussey, 1979; Serbin et al., 1993). Бирнат (Biernat, 1991) приводит результаты ряда исследований, указывающих на то, что выбор детьми того или иного типа поведения или формирование у них собственных предпочтений во многом соответствует их осведомленности в вопросах гендерных стереотипов.

Такая классификация людей на мужчин и женщин вносит свой вклад в развитие того, что Мартин и Халверсон (1981) называли *схемой собственного пола* (*own-sex schemas*). Эта схема состоит из сценариев и планов действий, необходимых для реализации поведения, соответствующего гендеру. Как только дети оказываются в состоянии идентифицировать свой пол, у них появляется мотивация быть похожими на других членов своей группы, они начинают более внимательно наблюдать за принятыми в их группе моделями поведения. Это во многом похоже на дифференциальное моделирование, которое мы обсуждали в главе 1. Идея здесь схожая, однако она постулирует, что схематично хранящаяся информация управляет процессом обработки вновь поступающих данных таким образом, что индивид настраивается следовать той модели поведения, которая соответствует его полу. Например, то, какие игрушки и игры выберет трехлетний ребенок, будет за-

висеть от того, какими он их воспринимает — «мужскими» или «женскими» (Huston, 1983; Ruble & Ruble, 1982).

Возможно, что схемы собственного пола способны объяснить те интригующие замечания, которые я часто слышу и от мужчин, и от женщин. При этом мужская версия обычно звучит примерно так: «Я даже не обращаю внимания на то, что она делает. Видимо, пол в комнате кажется ей грязным, а я этого попросту не замечаю». Другими словами, такой мужчина не обладает такой же «схемой уборки дома», какая имеется у его жены. Я подозреваю, что те, кто вырастают в семье, где вся домашняя работа выполняется исключительно женщинами, вообще не имеют подробной схемы уборки дома. Вследствие этого они не уделяют особого внимания данному виду деятельности и не разрабатывают детальные планы и сценарии работы, выполняющейся женской половиной семьи. Поскольку такие схемы определяют то, что человек замечает вокруг себя, то некоторые мужчины в действительности не замечают грязный пол. (Разумеется, есть мужчины, которые обращают внимание на грязь в доме, и есть женщины, которые ее просто не видят.) Неудивительно, что результаты исследований указывают на то, что существуют различные вариации получения информации о той роли, которую должны играть представители каждого пола, и что классификация информации по ее принадлежности к «мужской» или «женской» не так впечатляюще проявляется у более старших детей и взрослых (Biernat, 1991; Hort et al., 1991; Huston, 1983). Однако, по видимому, и здесь будет наблюдаться меньше изменчивости и больше стабильности в усвоении схем тех ролей, которые исполняются исключительно мужчинами или исключительно женщинами.

Схема собственного пола (*Own-sex schema*). *Схема, состоящая из сценариев и планов действий, необходимых для реализации поведения, соответствующего гендеру. Как только дети оказываются в состоянии идентифицировать свой пол, у них появляется мотивация быть похожими на других членов своей группы, они начинают более внимательно наблюдать за принятыми в их группе моделями поведения.*

В итоге, поскольку мужчины и женщины стремятся играть различные социальные роли, поскольку тип поведения, считающийся подходящим для того или иного человека, зависит отчасти и от его пола и поскольку мы получаем многочисленные социальные обращения, поощряющие нас воспринимать гендеры совершенно разными, постольку мы в конце концов усваиваем, что гендер действительно является важной основой, используемой для категоризации людей. И стоит ли удивляться, что мы так часто прибегаем к использованию гендерных схем?

Запоминаемость информации, соответствующей гендерной схеме.

Есть свидетельства того, что мы часто воспринимаем гендерные различия гораздо большими, чем они есть на самом деле, потому что схемы влияют на то, что мы замечаем в первую очередь, и потому что информация, соответствующая схемам, легче кодируется в нашей памяти (то есть кодировка упрощается, когда вы просто корректируете уже имеющуюся схему, а не создаете новую). Например, и мальчики, и девочки вспоминают людей, олицетворяющих собой стереотип определенного пола, а также их поступки гораздо лучше, чем тех мужчин и женщин, чьи образы и действия не соответствуют гендерным стереотипам. При этом подобная избирательность памяти наиболее сильна у детей, имеющих устойчивые гендерные стереотипы (Cann & Garnett, 1984; Furnham & Singh, 1986; Hepburn, 1985; Liben & Signorella, 1980; Martin & Halverson, 1983 a; Mills, 1983; Ruble & Stangor, 1986; Stangor & Ruble, 1987, 1989).

В общем случае оказывается, что мы лучше запоминаем информацию, соответствующую усвоенной нами схеме. Есть, однако, определенные условия, при

соблюдении которых с большой вероятностью запомнится и та информация, которая со схемой не согласуется. Во-первых, конечно же, человек должен заметить эту информацию. Во-вторых, он должен иметь мотивацию для попыток объяснить ее несоответствие. Хасты (Hastie, 1981) утверждал, что несогласующаяся со схемой информация может вспоминаться в тех случаях, когда она конкурирует с информацией, содержащейся в схеме, и когда когнитивная задача, стоящая перед индивидом, требует, чтобы человек использовал эту информацию. В-третьих, человек не должен объяснять несоответствие информации сложившейся ситуацией или случайными искажениями.

Однако даже если человек и запомнит противоречащую схеме информацию, это еще не означает, что он обязательно изменит свои стереотипы. Природа схем такова, что они сохраняют свою прочность и при столкновении с доказательствами, их опровергающими. Подобное явление получило название *эффекта устойчивости (perseverance effect)*. Фиске и Тейлор (Fiske & Taylor, 1984) указывали на то, что если бы люди изменяли свои схемы, пытаясь подогнать их к каждому нюансу любой возникающей ситуации, то преимущества, которые обеспечивает использование схем при обработке информации, были бы сведены к нулю. Итак, что же люди делают, сталкиваясь со случаями, не укладывающимися в сложившуюся у них схему? Один из возможных вариантов: создать новые подкатегории или подтипы, которые позволят сохранить общий стереотип, в то же время зная, что он подходит не для всех элементов данной категории (Taylor, 1981). Например, До (Deaux et al, 1985) установила, что люди имеют определенные подкатегории для классификации женщин (домохозяйки, карьеристки, спортсменки, феминистки и объекты сексуального влечения) и мужчин (спортсмены, «синие воротнички», бизнесмены и мачо). Эдвардс (Edwards, 1992) выявил четыре подтипа мужчин: бизнесмены, спортсмены, любители семейного очага и неудачники.

Эффект устойчивости (Perseverance effect). *Явление, состоящее в том, что даже если человек и запомнит противоречащую схеме информацию, это еще не означает, что он обязательно изменит свои стереотипы. Природа схем такова, что они сохраняют свою прочность и при столкновении с доказательствами, их опровергающими.*

Нередко люди, сталкиваясь с индивидами, которые не укладываются в их схему, в ответ создают для них *категории исключения из правил (exception to the rule category)*. В одном из исследований (Rothbart & Lewis, 1988; Weber & Crocker, 1983) высказывалось предположение, что если противоречащее схеме поведение исходит от члена группы, который считается для нее нетипичным, то в этом случае схема редко подвергается пересмотру. К примеру, Фиске и Стивенс (Fiske & Stevens, 1993) отмечали, что женщина — пилот истребителя, имеющая мужа, двоих детей и обожающая готовить, в большей степени способствует разрушению стереотипов, чем незамужняя женщина-пилот, ненавидящая готовить. Они объясняют данный феномен тем, что для первой из женщин труднее найти соответствующий ей подтип. Брем и Кассин (Brehm & Kassin, 1992) указывали на то, что члены стереотипных групп часто сталкиваются с одной не очень простой дилеммой. Для преодоления стереотипов им необходимо представить себя исключением из общего правила. Однако для стимулирования изменений группового стереотипа им нужно казаться типичными представителями своей группы для того, чтобы суметь эффективно повлиять на ее образ. В качестве примера применения стратегии исключения из правил к информации, не соответствующей имеющейся схеме, рассмотрим случай знакомой мне женщины-архитектора, которая неожиданно узнала, что ее профессия мало подходит для представительниц ее пола. Как-то она поведала мне, что ее босс заявил, что он сильно сомневается в том, что женщина может сделать хороший проект. Тогда она спросила его: «А что вы

скажете обо мне? Вы же сами пригласили меня на работу и способствовали моему продвижению. К тому же я знаю, вы считаете меня хорошим архитектором». Что же он ответил? Он заявил следующее: «Вы совсем не такая, как все».

Как гендерные схемы способствуют появлению иллюзорной корреляции.

Когда люди считают, что две вещи должны быть связаны между собой, они нередко переоценивают степень прочности этой связи или пытаются увидеть ее там, где ее на самом деле нет (Fiske & Taylor, 1984). Такое восприятие *называется иллюзорной корреляцией (illusory correlation)*. В случае гендера мнимая или преувеличенная связь часто видится между гендером и определенными качествами, навыками или поведением.

Михан и Дженик (Meehan & Janik, 1990) рассмотрели ряд исследований, где испытуемым показывали одинаковое число мужчин и женщин, демонстрировавших традиционное и нетрадиционное для их пола поведение. Дальнейший опрос участников экспериментов неизменно показывал, что они постоянно переоценивали число увиденных гендерно нетрадиционных действий.

Короче говоря, можно сказать, что наблюдатели имеют тенденцию переоценивать частоту поступления информации, не согласующейся со схемой (Hamilton & Rose, 1980; Martin, 1987). Поскольку схемы привлекают внимание к случаям, которые подтверждают наши ожидания, мы можем воспринимать связь между двумя вещами более прочной, чем она есть на самом деле. Например, Хамилтон и Розуз (Hamilton & Rose, 1980) зачитывали участникам эксперимента несколько предположений о людях шести профессий. Каждая профессия упоминалась в паре с перечислением двенадцати характерных для нее особенностей равное количество раз. Однако участники эксперимента назвали больше примеров таких пар (работа и ее особенности), которые соответствовали их стереотипному представлению о людях данной профессии. Как сказал однажды Дэвид Майерс (David Myers, 1990, p. 359): «Верить — значит видеть».

Слашер и Андерсон (Slusher & Anderson, 1987) установили, что представления, сформированные на основе стереотипов, могут привести к неверному ассоциированию групп с их стереотипными отличительными особенностями. Другими словами, люди иногда имеют стереотипы, которые заставляют их подгонять свои представления о членах идентифицируемой социальной группы к сложившимся у них стереотипам. Однако, поскольку такие представления впоследствии не отличить от запомнившихся реальных фактов, в сознании стереотипно мыслящего человека они воспринимаются как дополнительные подтверждения того, что его стереотип верен. Впоследствии у носителя такого стереотипа складывается впечатление, что он уже не раз наблюдал поведение, подтверждающее данный стереотип, хотя фактически он не может припомнить ни одного примера из реальной жизни.

Иллюзорная корреляция (Illusory correlation). Слишком высокая оценка степени прочности связи между понятиями или попытка установить ее там, где связь вообще отсутствует. В случае гендера мнимая или преувеличенная связь часто видится между гендером и определенными качествами, навыками или поведением.

Иллюзорные корреляции возникают отчасти и потому, что схемы привлекают наше внимание к тем случаям, которые подтверждают сложившиеся у нас стереотипы. Однако на формирование иллюзорных корреляций могут влиять и другие тенденции процесса обработки информации. В частности, Фиске и Тейлор (Fiske & Taylor, 1984) рассматривали процесс, посредством которого мы приходим к умозаключениям. Они заметили, что исследователи обычно предлагают нам делать

свои выводы на основании весьма ограниченного числа примеров (Nisbett & Ross, 1980; Tversky & Kahneman, 1974) и что крайние примеры внутри предлагаемой выборки нередко порождают более сильные ассоциации, чем примеры, гарантированно подтвержденные (Hamilton & Gifford, 1976; Rothbard et al., 1978; Tversky & Kahneman, 1974).

Что же касается гендера, то у нас может появиться склонность на основании своей осведомленности о весьма ограниченном числе людей, обладающих некоторыми характерными особенностями, приписывать эти особенности всем мужчинам и женщинам. Таким образом, мы можем прийти к ошибочному восприятию наличия прочной связи между гендером и поведением, характерными особенностями или навыками. Одна из моих студенток полагала, что поскольку ее приятель, в отличие от нее самой, не мог уделять в каждый момент времени внимание более чем одной проблеме, то и все мужчины должны были отличаться от женщин подобной особенностью. Она и ее приятель различались этой способностью, другим же, более очевидным, различием между ними был гендер; как следствие она посчитала, что между этими двумя характеристиками (гендером и способностью распределять внимание) существует устойчивая корреляция. Кроме того, согласно Фиске и Тейлору (Fiske & Taylor, 1984), люди обычно не подозревают, что они делают выводы на основе ограниченных сведений или экстремальных примеров. И даже имея информацию об относительной частоте случаев, все равно при оценке поведения или характерных особенностей они стремятся в большей степени полагаться на самые яркие и запоминающиеся примеры (Hamill et al., 1980). Эта тенденция не обращать должного внимания на сравнительно частые случаи из реальной жизни и в то же время переоценивать значимость отдельных ярких случаев получила название *ошибки обоснования оценки (base-rate fallacy)*. Возьмем для примера мужчину, убежденного в том, что женщины — плохие водители (в реальной жизни таких мужчин немало). Обычно он не замечает, что из ста встреченных им за день женщин-водителей ни одна не нарушила правила. Однако стоит сто первой совершить малейшую ошибку, как он сразу же восклицает: «Вот видите! Я же говорил, что женщины не умеют водить машину!»

Ошибка обоснования оценки (Base-rate fallacy). Тенденция не обращать должного внимания на сравнительно частые случаи из реальной жизни и в то же время переоценивать значимость отдельных ярких случаев.

Подводя краткий итог, можно сказать следующее: действуя подобно схемам, гендерные стереотипы управляют обработкой поступающей к нам информации, вследствие этого мы склонны запоминать только ту информацию, которая служит подтверждением данных стереотипов. Кроме того, мы делаем неверные обобщения о группах, основываясь на информации из ограниченных источников и об исключительных случаях. В итоге мы можем прийти к ошибочному заключению о том, что поведение человека связано с тем или иным гендером, хотя на самом деле статистические данные этого не подтверждают. Эти тенденции отчасти объясняют, почему люди так часто упорствуют в своем мнении, что мужчины и женщины — существа абсолютно разные, хотя результаты исследований доказывают, что это вовсе не так.

Гендерные стереотипы и самореализующиеся пророчества.

Иногда люди сами порождают свидетельства, подтверждающие правильность их стереотипов, когда стереотипы оказывают влияние на поведение людей, которых пытаются подогнать под этот стереотип. Подобное возможно потому, что ожидания окружающих и их поведение по отношению к нам действительно способны повлиять на наше поведение. Так, мужчина, убежденный в неумении женщины водить машину и заявляющий об этом своей жене, сидящей в данный мо-

мент за рулем, способен настолько взвинтить ее нервы, что она неминуемо начнет совершать ошибки. Таким образом, его стереотип будет подтвержден. Вы можете опознать это как *самореализующееся пророчество* (*self-fulfilling prophecy*) — феномен, о котором мы говорили в главе 3 при обсуждении организаций, кадровики которых убеждены в том, что способных руководить женщин просто не существует на свете. Строго говоря, пророчества самореализуются в тех случаях, когда один человек, пытаясь подогнать другого под стереотип, начинает вести себя по отношению к нему таким образом, что действительно добивается бихевиорального подтверждения стереотипа. Подобное явление часто наблюдается в семьях. Например, ваши домочадцы могут воспринимать вас стереотипно на основании каких-то ваших прежних поступков, которые, как вам кажется, вы никогда уже больше не повторите. Однако ваша семья придерживается противоположного мнения и соответственно относится к вам. В результате вы можете вновь приняться за старое и, таким образом, подтвердить их стереотип.

Исследователи гендерных стереотипов Эшмор и Дель Бока (Ashmore & Del Boca, 1979) были одними из первых, кто предположил, что половые стереотипы влияют на наше поведение по отношению к другим людям и могут вызвать ответные действия, соответствующие нашим ожиданиям. Скрипнек и Снайдер (Skrypnek & Snyder, 1982) также допускают, что наши стереотипные представления о мужчинах и женщинах влияют на наши отношения с ними и вызывают с их стороны поведение, подтверждающее наши исходные убеждения. Для проверки этой гипотезы они разместили пары ранее незнакомых мужчин и женщин в разных комнатах и предложили им выяснить готовность каждого из них к выполнению определенных обязанностей, одна часть которых была определена как мужские, а другая — как женские. Переговоры велись без использования визуальных и голосовых контактов, так что мужчины не знали действительного пола своего собеседника. При этом одной трети мужчин было сказано, что их партнером по переговорам является независимый 20-летний молодой человек спортивного вида. Другой трети было объявлено, что они будут беседовать с 20-летней милой и застенчивой девушкой. Остальные не получили никакой вводной информации. Подтверждая выдвинутую гипотезу, мужчины вели себя во время переговоров совершенно по-разному, в зависимости от «ярлыка» собеседника. В частности, те испытуемые, которые предполагали, что имеют дело с девушкой, сразу же отбирали все мужские задания для себя и редко меняли свои решения даже тогда, когда партнерша делала похожий выбор. Более того, и их собеседники, обозначенные как «девушки», сами чаще выбирали задания, считавшиеся более женскими, чем это делали те, кому присвоили ярлык «молодой человек», и те, чей пол был не обозначен вовсе.

Самореализующиеся пророчества вызывают особый интерес, когда они имеют отношение к выбору образовательных программ или будущей профессии.

Экклз и ее коллеги (Eccles et al., 1990) проанализировали множество работ, в которых предполагалось, что родители придерживаются гендерно-дифференцированного восприятия способностей своих детей и что посредством самореализующихся пророчеств они могут социализировать гендерные различия в самовосприятие, интересы и навыки детей. В первую очередь Экклз и ее коллеги указывают на те работы (Eccles, 1984 b; Eccles & Jacobs, 1986; Eccles-Parsons et al., 1982), в которых было установлено, что родители сохраняют гендерно-дифференцированное восприятие способностей своих детей даже в тех случаях, когда их дети разного пола имеют одинаковые оценки в школе и получают равные баллы при прохождении стандартизированных тестов. В частности, родители полагают, что девочки должны быть сильнее в английском, а мальчики — в математике. Далее, Экклз и ее коллеги ссылаются на одну из работ (Jacobs, 1987), в ко-

торой было обнаружено, что матери, придерживающиеся убеждения, будто мальчики более сильны в математике, имели искаженное восприятие способностей своих детей в соответствии с гендерными стереотипами. В поддержку гипотезы самореализующихся пророчеств говорило и то, что даже когда фактические успехи детей статистически контролировались, то и тогда отмечалась заметная корреляция между материнским восприятием математических способностей ребенка и восприятием своих способностей к математике у самого ребенка.

Экклз и ее коллеги (Eccles et al., 1990) также ссылаются на результаты исследований, в которых было обнаружено, что родители приписывают успехи мальчиков и девочек в той или иной школьной дисциплине совсем разным вещам. Так, Йеи и Экклз (Yee & Eccles, 1988) установили, что родители мальчиков, имевших хорошие оценки по математике, приписывали такой результат способностям своих сыновей, в то время как родители девочек, преуспевших в математике, приписывали это их старанию и усидчивости. Помимо этого, Экклз и ее коллеги (Eccles et al., 1990) обнаружили, что подобные убеждения трансформировались в ожидания будущих успехов в учебе и, возможно, карьере.

Основываясь на результатах прошлых и текущих исследований, Экклз и ее коллеги (Eccles et al., 1990) предложили модель самореализующихся пророчеств, начало которой закладывалось родительскими стереотипами гендерной роли. Согласно этой модели, гендерные стереотипы влияют на следующее:

1. На то, чему родители приписывают школьные успехи своих детей (способностям или старательности).
2. На эмоциональные реакции родителей на успехи детей в разных областях знаний.
3. На то значение, которое родители придают приобретению своими детьми различных навыков и знаний.
4. На те советы, которые дают родители по поводу приобретения детьми различных навыков и знаний.
5. На те виды деятельности, в которые родители вовлекают своих детей, и на те игрушки, которые они им покупают.

При этом ожидалось, что перечисленные выше пять факторов окажут влияние:

1. На уверенность детей в своих способностях.
2. На заинтересованность детей в приобретении различных навыков.
3. На эмоциональные реакции (чувства) детей при принятии участия в различных видах активности.
4. На суммарное количество времени и сил, которые дети будут посвящать освоению и демонстрации различных навыков.

Наконец, впоследствии «эти различия в самовосприятии и усвоенных навыках влияют на тот род работы, которую ищут и для которой имеют необходимую квалификацию мужчины и женщины» (Eccles et al., 1990, p. 199). Эта занимательная модель постоянно подвергается все новым эмпирическим проверкам на правильность.

Гендерная категоризация: пристрастное отношение к своей и чужим группам.

В предыдущем разделе высказывалось предположение о том, что использование гендера в качестве критерия социальной категоризации в значительной мере обусловлено естественными человеческими наклонностями все классифицировать, а также особенностями нашего общества, в котором особое внимание уде-

ляется категоризации по гендерным признакам. Социальным психологам также известно, что категоризация может отчасти стимулироваться потребностью установления самооценки и идентичности. Этот раздел как раз и посвящен исследованию роли подобных процессов в гендерной категоризации. Кроме того, в нем выдвигается гипотеза, что гендерная категоризация может внести свой вклад в преувеличение гендерных различий, а также в возникновение конфликтов между гендерами.

Источники пристрастного отношения к своей гендерной группе.

Люди часто более благосклонно относятся к своей группе (это называется *пристрастием к своей группе*) и менее благосклонно — к тем, кто в нее не входит (это называется *предубеждением против тех, кто не входит в группу*). Подобное явление наблюдается среди студентов университетов, которые думают, что они лучше студентов других высших учебных заведений; среди членов мужских и женских студенческих клубов, которые думают, что они лучше членов других подобных сообществ; среди членов семей, которые думают, что они лучше членов других семей; среди представителей этнических групп, которые думают, что они лучше представителей других национальностей; среди жителей одной страны, которые думают, что они лучше жителей других стран, и т. д. Оно наблюдается также и у представителей различных гендеров — феномен, который я назвала *пристрастием к своей гендерной группе* (*gender ingroup bias*).

При проведении своих исследований Вилльямс и Бест (Williams & Best, 1986) обнаружили свидетельства благосклонного отношения к своей гендерной группе у студентов и студенток колледжей из одиннадцати стран. Они просили испытуемых назвать, какие характеристики ассоциируются у них с женщинами, а какие — с мужчинами. В результате им удалось установить, что женщины неизменно демонстрировали более позитивное отношение к женщинам, чем то, которое выказывали мужчины по отношению к женщинам, а мужчины в свою очередь также неизменно демонстрировали более позитивное отношение к мужчинам, чем то, что выказывали женщины по отношению к мужчинам. Крокер и Мэйджор (Crocker & Major, 1989) обратились к исследованию (Peterson et al., 1989), в котором мужчины и женщины оценивали характерные человеческие качества. Оказалось, что и мужчины и женщины оценивали качество выше в тех случаях, когда им говорили, что оно более свойственно представителям их пола. Подобный фаворитизм в отношении своего пола проявлялся уже у двухлетних детей, которым предлагали описать положительные характеристики, относящиеся к их собственному гендеру, и отрицательные, относящиеся к другому гендеру (Kuhn et al., 1978). Аналогичные результаты наблюдались и при проведении экспериментов, участниками которых были дети в возрасте от 5 до 12 лет (Martin, 1989; McAninch et al., 1993; Powlisha, 1990).

Нормальные процессы категоризации

Уайлдер (Wilder, 1981) предположил, что пристрастное отношение к своим и чужим группам является следствием нормальных процессов категоризации (напомним, что мы занимаемся категоризацией для того, чтобы упростить мир вокруг нас и сделать его более когнитивно управляемым). Он отмечал, что такие процессы категоризации часто приводят к разбиению людей на две взаимно исключающие категории — на так называемые свои и чужие группы. Благодаря физической наглядности и несомненной социальной важности гендер хорошо подходит для критерия подобной классификации. Мартин и Халверсон (Martin & Halverson, 1981) предположили, что процесс категоризации начинается в детстве, когда ребенок становится способным воспринимать различия полов и определять свое место в гендерной категории. Когда это происходит, дети «осознают, что они принадлежат

к одной группе и не принадлежат к другой... после этого все, относящееся к их группе, получает у них положительную оценку, а все, относящееся к чужим группам,— отрицательную» (р. 1129).

Согласно Уайлдеру (Wilder, 1981), подобная групповая категоризация приводит к тому, что люди начинают ожидать поступления информации, которая бы еще более подчеркнула различия между двумя группами. Кроме того, гендерные категории действуют наподобие схем, руководящих процессами обработки поступающей к нам внешней информации, и делают нас более чувствительными к восприятию сведений, соответствующих уже сложившимся у нас представлениям о гендерных группах. Во многих исследованиях было установлено, что, когда люди оказываются разделенными на легко идентифицируемые группы, они стремятся преувеличить реально существующие между ними различия (например, Billig & Tajfel, 1973; см. также: Brewer, 1979). Тейлор (Taylor et al., 1978) также отмечал, что благодаря таким процессам категоризации внутригрупповые различия уменьшаются, а межгрупповые — преувеличиваются. Однако эта тенденция может зависеть от того, какие различия рассматриваются. Игли и Младник (Eagly & Mladnic, 1989) установили, что мужчины и женщины воспринимают гендерные различия довольно значительными в тех областях, где их пол рассматривается положительно, но считают эти различия несущественными при рассмотрении более негативных оценок.

Что касается гендера, мы стремимся не обращать внимания на то, какими разными бывают мужчины и какими непохожими друг на друга могут быть женщины, и в то же время всячески подчеркиваем, насколько женщины и мужчины отличаются друг от друга. Психологи, занимающиеся проблемами гендерных различий, часто указывают на то, что хотя в среднем некоторые характерные черты мужчин и женщин действительно имеют различия, на самом деле *среди* мужчин и *среди* женщин существуют гораздо большие различия, чем *между* мужчинами как группой и женщинами как группой. Эту тенденцию — видеть больше сходства среди членов чужих групп — можно назвать *эффектом гомогенности «чужой» группы* (склонностью, например, говорить, что «все они одинаковы»). Фребл и Бем (Frable & Bem, 1985) установили, что участвовавшие в их экспериментах мужчины чаще путали выступавших перед ними женщин, а женщины чаще путали выступавших мужчин. Подобное явление наблюдается потому, что мы более осведомлены о различиях внутри нашей группы, все прочие кажутся нам похожими друг на друга.

Гендерная сегрегация

Эффект гомогенности «чужой» группы обычно усиливается при отсутствии контактов между группами или если контакты происходят только при наличии вполне определенных ситуаций (Quattrone, 1986). Разумеется, нельзя сказать, что мужчины и женщины редко общаются друг с другом, однако вследствие гендерной сегрегации в семье, на работе и в дружбе контакты таковы, что мы можем не знать представителей другого пола так же хорошо, как представителей своего собственного. Гендерная сегрегация начинается в детстве, когда по обыкновению мы стараемся избегать представителей другого гендера. Тенденция мальчиков играть с мальчиками, а девочек — с девочками начинает проявляться у детей приблизительно уже в трехлетнем возрасте и постепенно усиливается вплоть до вступления в период полового созревания (Serbin et al., 1993). Маккоби и Джаклин (Maccoby & Jacklin, 1987) проанализировали около двадцати работ, посвященных исследованию роли сегрегации по половому признаку в выборе друзей и партнеров до игр у детей от дошкольного до подросткового возраста, и пришли к выводу, что гендерная сегрегация в этот период жизни довольно ощутимая, но разделение мальчиков и девочек по разным группам происходит вовсе не потому, что они так уж сильно отличаются друг от друга по своим личным качествам. Маккоби

и Джаклин установили, что дети с самыми разными личными качествами стремятся объединяться в социальные группы на основе общности гендера. Поэтому они предположили, что биологический пол, социальные гендерные ярлыки и психологическая гендерная идентичность действуют совместно, вынуждая ребенка объединяться с детьми одного с ним пола и избегать объединения с детьми противоположного пола.

Контакты с представителями иного пола нередко приобретают романтическую окраску уже в первые годы учебы в школе. Когда Кен, мой семилетний сын, играл на улице со своей одноклассницей Мириам, то другие дети смеялись над ними, называли их «влюбленной парочкой» и пели: «Тили-тили тесто, жених и невеста!» (Наверняка вы в детстве слышали эту песенку.) Маккоби и Джаклин (Maccoby & Jacklin, 1987) предположили, что в детстве сегрегация по половому признаку частично подпитывается невозможностью проявления сексуальности. Сказывается также и давление социальных норм поведения, так как дети нередко наказываются родителями или своими сверстниками за дружбу с представителями противоположного пола. Так, когда мой сын учился в первом классе, его товарищ перестал дружить с ним только потому, что Кен время от времени играл с их одноклассницей. После этого Кен играл с девочкой все реже и реже. Гендерная сегрегация также стимулируется различиями в процессах социализации: это ведет к тому, что мальчики и девочки начинают предпочитать разные игры, разные игрушки и интересоваться разными вещами.

Я думаю, что гендерная сегрегация в межличностных близких отношениях — дело обычное на протяжении всей человеческой жизни. Гендерно-ролевая сегрегация во взрослом возрасте предоставляет нам больше возможностей узнать представителей нашей собственной гендерной группы и получить богатый опыт взаимоотношений с ними. Сходство дает основу для дружбы и доверительных отношений, которые часто невозможны между мужчиной и женщиной. Так как в дружбе между мужчиной и женщиной почти всегда присутствует романтический или сексуальный подтекст, то ей очень часто недостает той душевной близости и глубины, которая присутствует в однополой дружбе. Причина этого в том, что гендерная сегрегация обычно приводит к тому, что мы знаем достаточно хорошо многих членов нашей гендерной группы и лишь весьма ограниченное число членов другой гендерной группы (как правило, ими оказываются члены нашей семьи или партнеры по романтическим связям). Не зная достаточного числа представителей иной гендерной группы, мы стараемся полагаться на наши стереотипы — до тех пор, пока не приобретаем достаточный опыт, чтобы убедиться в непригодности этих стереотипов для оценки большей части членов чужих групп. Такой подход особенно часто используется в ситуациях, когда социальные условия поощряют стереотипирование представителей других групп (в данном случае — членов иной гендерной группы), которое, как мы вскоре увидим, нередко может носить случайный характер.

Потребность в самоуважении.

Хотя гендерная сегрегация и естественная человеческая склонность разбивать людей по взаимоисключающим группам частично объясняют то, почему мы так тверды в своем убеждении, что между гендерами существуют серьезные различия, вполне вероятно, что здесь есть и нечто иное. Таджфел и Тернер (Tajfel & Turner, 1979) предположили, что люди неохотно воспринимают информацию, противоречащую их стереотипам, поскольку они сами испытывают определенную эмоциональную заинтересованность в сохранении различий между своей и чужими группами. Эта эмоциональная заинтересованность является, по существу, «поддержкой своего эго», осуществляемой путем причисления себя к некой «высшей» группе. В общем случае люди стремятся уверить себя в принадлежно-

сти к самой лучшей группе, подчеркнуть ее своеобразие и одновременно признать достоинства других групп для того, чтобы доказать, что их группа достойна большего вознаграждения, чем другие (Billig & Tajfel, 1973; Brewer, 1979; Burn & Oskamp, 1989; Crocker & Luhtanen, 1990; Turner, 1987). Теория, в которой говорится о том, что человек относится к своей группе намного благосклоннее, чем к другим, и это позволяет ему повысить свою самооценку, получила название *теории социальной идентичности (social identity theory)* (Tajfel, 1981, 1982; Turner, 1987). Согласно Таджфелу (Tajfel, 1981, p. 255) понятие социальной идентичности является «частью я-концепции индивидов, которая берет начало из их осознания принадлежности к некой социальной группе (группам) и из осознания ценности и эмоциональной значимости такого членства». Крокер и Лухтанен (Crocker & Luhtanen, 1990) назвали этот источник самоуважения *коллективной самооценкой (collective self-esteem)*.

Теория социальной идентичности

Бревер (Brewer, 1990) полагает, что человек имеет две противоположные потребности: подтвердить свое сходство с другими людьми и сохранить собственную индивидуальность. По мнению Бревера, мы хотим походить на окружающих и в то же время отличаться от них. Деление людей на членов своей и чужих групп помогает достичь и той и другой цели. То, что мы имеем нечто общее с другими членами нашей группы, подтверждает правильность наших действий и дает чувство принадлежности к ней, в то время как отличия нашей группы от других служат доказательствами нашей уникальности. Гендерная идентичность и четкое разделение всех людей на мужчин и женщин служит реализации этих функций. Например, мужчины традиционно стремятся избегать любой деятельности, которая характеризуется как женская, предпочитая заниматься тем, что будет подчеркивать их мужественность (в частности, определенными видами спорта). Нередко это сплачивает группу и является свидетельством уникальной социальной идентичности мужчин.

Теория социальной идентичности (Social identity theory). *Человек относится к своей группе намного благосклоннее, чем к другим, и это позволяет ему повысить свою самооценку.*

Бревер (1991) отмечал, что пристрастное отношение к своей группе чаще в большей степени проявляется у членов тех групп, которые находятся в невыгодном положении. Другие исследования указывают на то, что подобное происходит особенно часто, когда низкий статус группы воспринимается как несправедливость (Caddick, 1982; Ellemers et al., 1993; Folger, 1987; Turner & Brown, 1978). Согласно Бреверу (1991, p. 481) группы, испытывающие подобные чувства, преобразуют «то, что болезненно воспринимается на индивидуальном уровне» в «источник гордости на групповом уровне — скорее как знак отличия, а не как печать позора». Например, такие «феминистки — сторонницы различий», как Хардинг (Harding, 1986) и Джиллиган (Gilligan, 1982), подчеркивают желательность стереотипных женских качеств и отвергают стереотипные качества мужчин (в противоположность «феминисткам — сторонницам сходства», которые минимизируют гендерные различия и обращают внимание на сходства представителей разных полов и андрогинизм). Феминистки первого типа выделяют те качества, которые традиционно считаются негативными — например, склонность полагаться на интуицию, эмоциональность, отсутствие эгоцентризма, активно подчеркивают их характерность для женщин, а затем превращают их в источник гордости представительниц своего пола. В бестселлере под названием *Women Who Run with the Wolves* (Estes, 1992) также отстаивается идея об «инстинктивной женской натуре» (термин, придуманный Эстес). Когда женщины говорят о мужчинах как об «иных существах», приводя при этом аргументы типа «женщина никогда бы так не по-

ступила» или «все мужчины такие бесчувственные», они нередко испытывают удовольствие просто от мысли о своей схожести с другими представительницами своего пола и об отличии от представителей противоположной гендерной группы.

По результатам опроса, проведенного институтом Гэллага в 1993 г., 43% американцев считали мужчин и женщин сходными по своей сути существами, в то время как среди американок подобного взгляда придерживалось лишь 26% (Newport, 1993).

Группы нередко укрепляют свою внутреннюю солидарность за счет подчеркивания негативных качеств представителей других групп и создания образа внешнего врага. Это свойственно как мужчинам, так и женщинам: и те и другие охотно отпускают острые шутки и делают уничижительные комментарии по адресу представителей противоположного пола. Посмотрите на табл. 5.1, где приведены шутки по поводу «тупого мужчины» и ответы на вопрос «Почему овца лучше женщины?». Однако, хотя шутки в адрес женщин рассказываются уже в течение десятилетий (причем не исключено, что с целью оправдать их социальный статус), а женщины, по-видимому, жаловались на мужчин на протяжении всей истории человечества, с конца 80-х гг. нашего столетия отношения между гендерными группами заметно обострились. Остроты и разговоры, направленные против мужчин, стали гораздо более распространенными, чем прежде. Иногда это явление в шутку называют «поркой мужчин».

Таблица 5.1. Шутки на темы различий мужчин и женщин

Шутки о мужчинах

О глупости мужчин

В: Почему астронавтам-мужчинам нужны астронавты-женщины?

О: Чтобы они могли кого-нибудь остановить и спросить, в каком направлении им следует лететь дальше.

В: Почему мужчины дают имена своим половым членам?

О: Потому что люди всегда хотят знать имена своих лидеров.

В: Вы знаете, что все мужчины созданы одинаковыми?

О: Да, плохи наши дела!

В: В чем разница между государственными облигациями и мужчинами?

О: Государственные облигации приносят выгоду.

В: Что сказал Господь после создания мужчины?

О: «Да, наверное, я мог бы сделать что-нибудь получше».

В: Почему все глупые блондинки произносят совершенно одинаковые остроты?

О: Чтобы мужчинам было проще их понять.

В: В чем, по мнению мужчин, заключается их роль в уборке дома?

О: В том, чтобы вовремя поднять ноги, когда вы подметааете пол.

Шутки о женщинах

«Почему овца лучше женщины?»

1. Овца никогда не спорит.

2. Овца не устраивает сцен, когда вы расстаетесь.

3. Овца не возражает против того, чтобы быть одной из стада.

4. Овца не отнесет вашу любимую охотничью рубашку в комиссионку.

5. Овца никогда не будет сожалеть, что вы оказались слишком пылким/слишком равнодушным, слишком пьяным/слишком трезвым и т. д.

6. Овца никогда не позволит себе с досады разбить вашу любимую пивную кружку.

7. Ассоциация по обработке овечьих шкур менее противна, чем Национальная организация женщин.

Примечание: Остроты в адрес другого пола могут укрепить чувства идентичности гендерной группы и солидарности с остальными ее членами. Однако они могут привести к преувеличенному восприятию различий между гендерами и породить конфликты между их представителями.

Причина усиления этой тенденции внутри женской гендерной группы кроется в том, что женщины ощутили свое неравенство с мужчинами. Попытки принижения мужчин становятся для женщин источником их чувства солидарности и средством оправдания попыток нарушить статус-кво. Кроме того, подобные действия помогают женщинам сохранять чувство гордости за свой пол в обществе, которое, по всем приметам, ценит их ниже, чем мужчин. Хотя подобное поведение вызывается восприятием личного неравенства, тем не менее они могут стимулировать восприятие неравенства на групповом уровне. Например, множество шуток отпускается по адресу мужчин, которые весьма редко и весьма неохотно принимают участие в выполнении домашней работы. Эти шутки проистекают из осознания женщинами своего неравенства с мужчинами и в то же время способствуют привлечению их внимания к данной проблеме. Поскольку такие остроты рассказываются в соответствующем социальном окружении, то сам факт их распространения говорит женщинам о том, что проявление недовольства таким неравенством является не только приемлемым, но и положительно воспринимаемым поведением. В нескольких работах было высказано предположение о том, что восприятие одной группой своего более невыгодного положения по сравнению с другими связано с коллективными действиями членов этой притесняемой группы (Dion 1986; Walker & Mann, 1987). Так, различные феминистские движения активно подчеркивали, что женщины являются дискриминируемой социальной группой, и активно выступали против такого положения вещей — это объединяло женщин и делало их отличными от мужчин.

Парадокс социальной идентичности.

Хотя прочная идентификация с группой может стать мощным источником чувства идентичности с остальными ее членами, а принижение других групп может повысить чувство самоуважения и обеспечить основу для групповой солидарности, так необходимой для мотивации борьбы против дискриминации, все же такое поведение способно привести к преувеличению групповых различий, конфликтам между группами и породить сопротивление социальным переменам (так называемую «негативную реакцию»). Я называю подобное явление *парадоксом социальной идентичности* (*paradox of social identity*). Что касается гендерных проблем, то прочная идентификация с тем или иным полом может стать источником чувства самоосознания и принадлежности к группе, а в случае с женщинами — помочь создать основу для коллективного движения, которое добьется больших успехов в повышении их общественного статуса. С другой стороны, чрезмерная сосредоточенность на отличительных особенностях мужчин и женщин способна породить преувеличенное восприятие гендерных различий, которое будет препятствовать достижению равенства гендеров, поскольку распространенные гендерные стереотипы нередко используются для оправдания сложившегося общественного порядка. Пристрастное отношение к своей гендерной группе также может привести к распри между гендерами. Например, так называемая «порка мужчин» может укрепить социальную идентичность представителей этого гендера, если они ощутят,

что порождаемые при этом негативные стереотипы явно незаслуженные. Недавно в ответ на нападки на традиционные мужские качества начали создаваться объединения мужчин, в которых их поощряют «открыть в себе дикаря» (см., к примеру, книгу Роберта Блая «Железный Джон» (Robert Bly. *Iron John*, 1990). К сожалению, когда гендерная идентичность мужчин укрепляется в результате восприятия ими факта несправедливой дискредитации их гендерной группы, она может превратиться в серьезное препятствие любым социальным переменам, направленным на достижение равноправия женщин.

Парадокс социальной идентичности (*Paradox of social identity*). Прочная идентификация с собственной группой и принижение других групп могут привести к преувеличению групповых различий, конфликтам между группами и породить сопротивление социальным переменам.

При проведении одного из недавних исследований (Burn, 1993) я обнаружила дополнительные свидетельства в поддержку подобных идей. Так, участвовавшие в моих опытах женщины, в соответствии с их пристрастным отношением к своей гендерной группе, сочли показанные им мультфильмы на тему «порки мужчин» более забавными и более правдивыми, чем это показалось самим мужчинам. Согласно идее о том, что внутригрупповая идентификация особенно важна для членов групп с низким статусом, женщины демонстрировали более активное стремление проявить себя в качестве представительниц своего пола. Кроме того, в соответствии с парадоксом социальной идентичности, женщины, прочно идентифицировавшие себя в качестве представительниц своей гендерной группы, оказывали более активную поддержку политике равенства полов, в то время как мужчины, которые также прочно идентифицировали себя с представителями своего гендера, оказывали этой политике заметно меньшую поддержку. Поскольку социальная идентичность имеет большее значение для членов группы с низким статусом, то при достижении гендерного равноправия роль гендерной идентификации в формировании самооценки и пристрастного отношения к своей группе должна постепенно уменьшаться. Однако, по иронии судьбы, в то время как у женщин фокусирование внимания на особенностях своего гендера может стать эффективным способом устранения их дискриминации, равноправие гендеров никогда не будет достигнуто, если отношение женщин к мужчинам как к членам чужой группы будет вызывать со стороны мужчин негативную реакцию, которая воспрепятствует налаживанию социального взаимодействия этих гендерных групп.

Акцентирование внимания на гендере ведет не только к преувеличению гендерных различий и стимулированию разделения общества на мужчин и женщин, это действительно может привести к углублению уже существующих различий между гендерами. Крокер и Мэйджор (Crocker & Major, 1989) указывали на то, что если члены группы сознательно недооценивают какое-то качество другой группы, то и сами они лишаются мотивации для достижения успехов в данной сфере. Например, если мужчины принижают значение эмоциональной чувствительности (традиционно женской черты), то они и не стремятся развивать это качество у себя, в результате чего между полами возникнут еще более серьезные различия по данному параметру. Таврис (Tavris, 1992) говорит о том, что нам следует воспринимать различия между мужчинами и женщинами как нечто вполне естественное и не рассуждать так часто о дихотомии полов и гендерной идентификации. По ее мнению, подобная тенденция отвлекает нас от сосредоточения усилий на том, чтобы создать сообщество людей с качествами, которые мы хотели бы видеть у обоих полов.

Пристрастное отношение к своей группе и предубежденное — к чужим также способствует возникновению конфликтов между группами. Это может произойти потому, что подобные предубеждения влияют на то, как мы объясняем поведение

членов нашей и чужой группы. Обычно, когда чужая группа совершает негативные действия, мы приписываем это наличию каких-либо устойчивых характеристик, присущих членам этой группы (внутренняя, или диспозиционная, атрибуция). Однако когда негативные действия совершаются нашей группой, мы видим причину этого во влиянии временных внешних факторов (внешняя, или ситуационная, атрибуция). И наоборот, когда наша группа совершает позитивные действия, мы используем диспозиционную атрибуцию; когда же подобное поведение демонстрирует чужая группа, мы применяем ситуационную атрибуцию. Петтигрю (Pettigrew, 1979) назвал это явление *первичной ошибкой атрибуции* (*ultimate attribution error*). Первичная ошибка атрибуции — это расширение фундаментальной ошибки атрибуции (тенденция людей, объясняя поступки других, придавать чрезмерное значение внутренним диспозиционным причинам) и пристрастия к «игре в свою пользу» (тенденция людей приписывать свои успехи своим внутренним качествам, а неудачи — воздействию внешних факторов) при объяснении поведения групп. Хьюстоун (Hewstone, 1990) сделал обзор многих работ, в которых документально зафиксирована эта ошибка.

Первичная ошибка атрибуции (*Ultimate attribution error*). Когда чужая группа совершает негативные действия, мы используем по отношению к ней диспозиционную атрибуцию, а по отношению к своей — ситуационную. И наоборот, когда наша группа совершает позитивные действия, мы используем диспозиционную атрибуцию, когда же подобное поведение демонстрирует чужая группа, то применяем ситуационную атрибуцию.

Очевидно, что такая атрибутивная ошибка должна привести к повышению вероятности возникновения конфликтов между группами. Во-первых, она подразумевает, что, вопреки любым позитивным действиям другой группы, негативное восприятие этой группы будет неизменно сохраняться. Например, когда муж берет ребенка с собой, чтобы провести с ним выходной день (позитивное и желаемое действие), то жена может приписать этот поступок попытке мужа загладить свои прошлые грехи или расчету получить что-нибудь взамен. Во-вторых, узнав о негативном восприятии другими людьми нас самих или нашей группы, мы нередко воспринимаем это как проявление внешней агрессии. Поскольку нам свойственно отвечать на агрессию агрессией, вероятность разгорания конфликта в таких условиях будет довольно высокой. Вполне возможно, что повышенная психологическая разобщенность и неприязнь между разными группами возникает вследствие *взаимно негативных аффектов* (*negative affect reciprocity*). Взаимно негативные аффекты представляют собой обмен негативными чувствами по принципу «око за око, зуб за зуб» (Brehm & Kassin, 1992). Если кто-нибудь испытывает к нам острую неприязнь или говорит о нас что-то дурное, то обычно мы стремимся ответить ему в том же духе. Неудивительно, что процесс такого обмена «любезностями» чаще всего идет по нарастающей. Все сказанное в полной мере относится и к шуткам, отпускаемым в адрес представителей другого пола. В исследованиях, проведенных Крокером и Лухтаненом (Crocker & Luhtanen, 1990), высказывалось предположение, что люди, сильно идентифицирующие себя с группой, часто увлекаются сравнением своей группы с чужими. При этом можно ожидать, что осведомленность о негативных установках чужой группы может привести к тому, что мы начнем объяснять происходящее так, чтобы это позволяло нам сохранить позитивный взгляд на свою группу. В таких случаях принижение достоинств других групп является одним из способов чувствовать себя лучше. Критика нашей группы теряет свою эффективность, если мы убеждаем себя в том, что она исходит от невежественных, злобных и низких людей. В итоге, когда мужчины узнают о том, какие отрицательные качества приписывают им женщины, или когда женщины узнают, какими негативными чертами характера они обладают с точки зрения мужчин, в этих условиях представители другого гендера сразу превращаются в пред-

ставителей чужой группы. При этом часто наблюдается преувеличенное восприятие гендерных различий, что, случается, приводит к открытым конфликтам.

Заключительные замечания.

Мы начали эту главу с указания на то, что наше восприятие гендеров в качестве «противоположностей» не подтверждается результатами исследований гендерных различий, а также с рассмотрения, как социальное познание гендера может объяснить наше стойкое убеждение, что различия между гендерами существуют. В частности, особое внимание обращалось на то, как присущие нам от рождения стратегии обработки информации могут способствовать преувеличению гендерных различий. Основная идея здесь заключается в следующем: если у нас имеются ожидания относительно гендеров, то мы с большей вероятностью будем замечать и запоминать все случаи, подтверждающие наши ожидания. Это будет происходить из-за того, что наши ожидания действуют как схемы. Схемы, разумеется, это когнитивные категории, помогающие нам выборочно работать с информацией, которая в противном случае воспринималась бы хаотичным потоком стимулов.

Содержание групповых схем в значительной степени социально детерминировано. Другими словами, социальная информация, основанная на поло-ролевой сегрегации, внушает нам, что определенные категоризации являются точными и соответствующими действительности. Все сказанное выше вполне справедливо и для гендерных схем. Сандра Бем (Bem, 1981, p. 362) объясняла широкое распространение методов обработки информации с использованием гендерных схем как следствие «уверенности общества в функциональной важности гендерной дихотомии»:

"Типичный американский ребенок не может не заметить: поведение, которое родители, учителя и сверстники рассматривают в качестве приемлемого для того или иного человека, зависит от его пола... Таким образом общество учит ребенка двум важным вещам, связанных с гендером. Во-первых,... оно дает представление о совокупности связанных с гендером ассоциаций, которые могут выступать в качестве когнитивной схемы. Во-вторых, оно показывает, что дихотомия между мужчинами и женщинами имеет экстенсивную и интенсивную значимость практически для каждого жизненного аспекта."

Концепция, признающая одновременное «различие и равенство» полов, кажется мне нежизненной. Одна из основных целей этой главы заключалась в том, чтобы показать, что гендерная категоризация может привести к возникновению пристрастного отношения к своей и чужим группам и что гендерная сегрегация вносит свой вклад в гендерную категоризацию.

Большинство социальных ролей выполняется главным образом либо мужчинами, либо женщинами, а большинство людей с самого раннего возраста ограничивают свой круг общения представителями своего пола. Когда мы идентифицируем себя в качестве мужчины или женщины и начинаем в определенной мере формировать свою самооценку и идентичность на гендерной основе, у нас появляется мотивация для взаимодействия главным образом с представителями своего гендера. После этого начинают возникать различные внутригрупповые и внегрупповые процессы, стимулирующие дальнейшее разделение и стереотипирование людей на гендерной основе.

У женщин, которых начинает тревожить свой более низкий, чем у мужчин, социальный статус, появляется чувство гордости за свою группу и солидарности с ней, основанное на взгляде на мужчин как на представителей иной группы. При этом

мужчины могут почувствовать, что их атакуют, и также начать рассматривать женщин как представителей чужой группы. Существование на протяжении тысячелетий отдельных церемоний, ритуалов и сфер деятельности для женщин и мужчин во многом связано с меньшими возможностями женщин (Kimmel & Kaufman, 1994).

Социальные психологи для снижения остроты межгрупповых конфликтов часто рекомендуют заострять внимание на *суперординатных целях*, то есть таких целях, которые являются общими для обеих групп и достижение которых требует от них совместных усилий.

Для осуществления желаемых изменений в традиционных гендерных ролях может потребоваться разнообразная психологическая поддержка, например акцентирование внимания на той выгоде, которая последует из подобного взаимодействия, а также на том, что проводимые изменения согласуются с задачей создания равноправного общества.

Вместо того чтобы смотреть на мужчин и женщин как представителей двух разных групп, людей надо поощрять к созданию общественных институтов, в которых никто никого не рассматривает как врага. Также важно, чтобы оба гендера при оценке поведения друг друга не прибегали бы к стереотипам, не считали проявление слабости фактом неизбежным, обусловленным врожденной предрасположенностью. Вместо этого людям нужно фокусировать внимание на ситуационных причинах различий между гендерами, таких, как дифференцированная социализация и гендерная сегрегация социальных ролей. Это даст нам большую надежду на изменения и будет направлять наши усилия на то, чтобы эти изменения произошли как можно быстрее.

Суперординатная цель (*Superordinate aim*). Цель, которая является общей для конфликтующих групп. Ее достижение требует от них совместных усилий и может послужить снятию конфликта.

Гендерные схемы сохраняют свое влияние и способность противостоять изменениям потому, что они черпают силы из трех источников.

Во-первых, они являются социально вознаграждаемыми и, как уже отмечалось в главе 1, общество оказывает ощутимое давление, заставляя придерживаться этих схем. Во-вторых, представляется так, что частично самоуважение можно черпать из гендерной идентичности. В-третьих, наши гендерные стереотипы действуют в качестве схем и управляют процессами обработки информации таким образом, что наблюдаемое нами поведение интерпретируется в соответствии с нашими ожиданиями.

Легко можно впасть в разочарование в отношении перспектив изменения гендерных стереотипов, осознав, что их подпитывают столь мощные источники. Но надежда, безусловно, есть. Девайн (Devine, 1989) установил, что мы способны сознательно изживать в себе стереотипы в тех случаях, когда знаем об их существовании. Проведение образовательных бесед с людьми по поводу гендерных стереотипов и напоминание о них в тех случаях, когда люди прибегают к подобным стереотипам, также помогает избавляться от гендерных предубеждений (Geis, 1993). Воздействие схем может быть в значительной мере снижено в тех случаях, когда люди начинают осознавать, каким образом схемы могут сделать их мышление предубежденным, и когда они начинают задумываться о примерах, которые не укладываются в рамки схемы (Cross & Markus, 1993). Большое значение имеют и исследования, направленные на преодоление расовых предрассудков. Кук (Cook, 1985) полагает, что для преодоления предубеждений необходимо выполнение многих условий. В связи с гендерными стереотипами можно ожидать, что для исправления сложившейся ситуации необходимы частые контакты с людьми, которые не укладываются в рамки стереотипов, в условиях, обеспечи-

вающих равный статус, а также наличие социальной информации, из которой становится ясно, что схемы должны быть изменены. Подробнее о том, как этого можно добиться на практике, мы поговорим в главе 7.

Резюме.

Когнитивные категории, называемые также схемами, позволяют сокращать объемы информации, которые нам приходится обрабатывать. Информация, согласующаяся с нашими схемами, с большей легкостью воспринимается, накапливается и воспроизводится.

Гендерные стереотипы выполняют роль схем, благодаря которым мы с большей вероятностью замечаем и запоминаем примеры, подтверждающие наши устойчивые убеждения относительно гендеров. Гендерные схемы находятся «во взведенном состоянии» и всегда готовы к управлению процессами обработки информации благодаря той упорной настойчивости, с которой в нашем обществе говорится о гендерных различиях.

Когда люди замечают обстоятельства, не укладывающиеся в их схемы, они могут создавать подкатегории, которые позволят им сохранить общие стереотипы, либо же просто классифицировать их как исключение из правил. Вообще для того, чтобы изменить схему, необходимо приложить немалые усилия.

Поскольку наши ожидания и стереотипы приводят к тому, что мы замечаем лишь случаи, подтверждающие то, во что мы уже верим, то между гендером и определенными навыками, способностями или поведением могут возникать иллюзорные корреляции. Люди часто видят такие корреляции, основываясь на весьма редких, но ярких примерах.

Наши гендерные стереотипы могут влиять на то, как мы ведем себя по отношению к другим людям, которые, в свою очередь, начинают демонстрировать поведение, соответствующее нашим стереотипам. Это называется самореализующимися пророчествами.

Гендерная сегрегация в вопросах распределения социальных ролей и выбора друзей способствует тому, что мы начинаем смотреть на представителей другого пола как на нечто нам противоположное. Подчеркивание гендерных различий вносит вклад в формирование пристрастного отношения к своей группе и предубежденного к чужой и провоцирует возникновение конфликтов между гендерами.

Присущие нам от рождения тенденции обработки информации наряду с особенностями нашей культуры, в которой подчеркиваются гендерные различия, частично ответственны за гендерную категоризацию. Кроме того, индивид может испытывать эмоциональную заинтересованность в том, чтобы видеть гендеры различными, так как частично его социальная идентичность берет начало от гендерных категорий.

Сильная идентификация с группой может стать мощным источником формирования чувства идентичности, а принижение достоинств других групп способно повысить самооценку и мотивировать борьбу, направленную на достижение социальных перемен. При этом конфликты между группами обычно возникают вследствие преувеличения групповых различий и ощущения угрозы агрессии, которая всегда сопровождается сильной идентификацией и принижением чужих групп.

Глава 6. Гендер в разных культурах.

Панкультурные гендерные сходства. Разделение труда, обусловленное полом. Гендерное стереотипизирование. Дифференциальная гендерная социализация. Более низкий статус и меньшая власть женщины. Кросс-культурные гендерно-ролевые идеологии. Заключительные замечания. Резюме

Культура — это набор отношений, ценностей, убеждений и форм поведения, разделяемых группой людей и передаваемых из поколения в поколение с помощью языка или другого средства коммуникации (Matsumoto, 1994). Воспринимают ли мужчин и женщин в других странах таким же образом, как в нашей культуре? Во всех ли культурах существуют гендерные роли, и если да, то почему это так? Существуют ли в гендерных ролях панкультурные универсальные сходства? В начале книги я отметила, что психологические исследования пола по большей части проводились среди белых американцев, представителей среднего класса. Социальные психологи все больше осознают потребность кросс-культурного подхода. Одна из причин этого состоит в том, что наука стремится быть универсальной и нам необходимы кросс-культурные исследования, чтобы выяснить, верны ли наши открытия для иных культур (Moghaddam et al., 1993; Triandis, 1994). Другая причина — желание избежать этноцентризма и предположения, что если что-то распространено в нашей культуре, то оно является «нормальным» и типичным для всего человечества. Третья причина связана со значением культуры: ведь и наше поведение и наши мысли подвержены ее влиянию, а кросс-культурная психология может помочь определить, до какой степени психологические процессы меняются под влиянием разных культур (Williams & Best, 1990 b). Кросс-культурное исследование гендера также позволяет нам глубже изучить роль, которую играет культура в создании и поддержании гендера и гендерных различий.

Некоторые ученые считают кросс-культурное исследование пола важным, потому что полагают, что на стыке межкультурных различий выяснится, какие черты гендера определяются биологическими характеристиками, а какие культуральными. Другими словами, если конкретное гендерное различие наблюдается в культурах, которые довольно сильно отличаются в других аспектах, можно предположить, что у этого различия есть биологическая основа.

Тем не менее сложно определить, указывают ли сходства на эволюционные факторы (и, таким образом, заложены генетически), или же они отражают общие способы разрешения проблем выживания, с которыми сталкиваются люди во всех культурах (и, таким образом, являются результатом культурного научения). Например, почти в каждом сообществе существует чашка для питья с ручкой. И тем не менее это не означает, что существует «ген чашки с ручкой». Скорее это говорит о том, что люди испытывали общую потребность в такой чашке и ответили на нее изготовлением похожих предметов. Подобным образом практически в каждом сообществе уход за детьми предоставлен женщинам, в то время как охота и ведение войны являются мужскими занятиями. Хотя такое разделение ролей может иметь под собой эволюционную основу, оно могло возникнуть потому, что кормление грудью делало другие упомянутые занятия слишком сложными для женщин (Singleton, 1987).

Кросс-культурные изыскания — относительно новая область психологического исследования гендера, и то, что ей посвящена довольно короткая глава, является отражением новизны темы, а не степени ее важности. Многие из цитируемых здесь исследований были проведены психологами из других стран или при их участии. Насколько мне известно, никто еще не занимался систематическим обзором психологических исследований гендера по всем странам мира. К сожалению,

в силу языкового барьера я, вероятно, упустила некоторое количество важных исследований, опубликованных не на английском языке.

Панкультурные гендерные сходства.

Психологи, занимающиеся кросс-культурными вопросами, часто говорят об «этике» и «эмике». *Этика* — общие, универсальные аспекты обществ, в то время как *эмика* — уникальные для данной культуры характеристики. По мнению Берри (Berry, 1980), эти термины были впервые предложены Пайком (Pike, 1954) и происходят от лингвистических терминов «фонетика» и «фонемика». Фонемика фокусируется на звуках, которые являются уникальными для определенной языковой системы, в то время как фонетика обращается к общим или универсальным аспектам. Если отбросить корень (фон-), то оставшиеся суффиксы (-этика и -эмика) можно использовать для обозначения различия между локальным и универсальным.

Литература, посвященная кросс-культурным аспектам гендера, наводит на мысль о том, что существует четыре аспекта гендерной этики, в которых сходятся различные по другим показателям культуры. Это: 1) разделение труда по половому признаку (гендерные роли), 2) убеждения или стереотипы, связанные с различиями между женщинами и мужчинами (гендерные стереотипы), 3) дифференциальная социализация мальчиков и девочек, и 4) меньшая власть и более низкий статус женщин.

Как уже упоминалось ранее в этой книге, физические различия между женщинами и мужчинами породили разделение труда по половому признаку и способствовали развитию разных форм поведения на основе гендера. Как отмечала Бем (Bem, 1993), когда-то ни в одной из культур не было ни средств контроля рождаемости, ни искусственного вскармливания, и было совсем немного приспособлений, уменьшающих значение физической силы. Представляется, что гендерные стереотипы возникли, чтобы обосновать появившееся разделение труда (Hoffman & Hurst, 1990), и гендерные роли оказались встроенными в культуру, так как «социально полезные системы убеждений становятся частью культурного уклада» (Williams & Best, 1990 a). Соответственно и детей по-разному социализируют, так чтобы приготовить их к разным гендерным ролям (Williams & Best, 1990 a).

Разделение труда, обусловленное полом.

Исторически сложилось так, что практически в любой культуре женщины и мужчины выполняли разную работу (Almeida Acosta & Sanchez de Almeida, 1983; Davidson & Thomson, 1980; Munroe & Munroe, 1975). По данным ООН (1991), во всем мире рабочие места разделены по половому признаку. Разделение труда на основании гендера начинается рано, с детских домашних обязанностей (Whiting & Edwards, 1988). Например, в Мексике, Сальвадоре, Аргентине, Южной Африке, Перу, США и Пакистане девочки обычно готовят, убирают, стирают и присматривают за младшими детьми, в то время как мальчики делают больше «уличной» работы, например помогают на дворе (в саду). Несмотря на то что разделение труда на основании гендера является правилом, конкретные виды работы, выполняемые разными полами, не обязательно совпадают. Например, в Сенегале за рисовыми полями ухаживают женщины, в то время как в Сьерра-Леоне этим занимаются мужчины, на севере Центральной Африки главными специалистами по земледелию являются женщины, а в Латинской Америке — мужчины. Мужские и женские занятия со временем изменяются в силу технологических, экологических или политических перемен. Тем не менее неизменным остается то, что мужчинам

и женщинам поручают разные задания, и поэтому в какой-то мере они живут в отдельных мирах (Bernard, 1987).

Несмотря на то что существуют значительные кросс-культурные различия в отношении работ, выполняемых мужчинами и женщинами, в любом обществе женщины продолжают выполнять большинство работы по хозяйству (ООН, 1985) и воспитывать детей (Engle & Breaux, 1994). Меньшая вовлеченность отца была зафиксирована в таких разных странах, как Западная Африка (Nsamenang, 1992); Китай (Jankowiak, 1992); Белиз, Кения, Непал и Самоа (Munroe & Munroe, 1992); Таиланд (Tulananda et al., in press); США (Pleck, 1985; Russell & Radin, 1983); Япония (Ishii-Kuntz, 1993); и Пуэрто-Рико (Roopnarine & Ahmeduzzaman, 1993). Во всем мире отцы, как правило, занимаются детьми одну треть того времени, которое тратят на это матери (Engle & Breaux, 1994), хотя есть и несколько исключений, таких, как пигмеи юга Центрально-Африканской Республики и севера Народной Республики Конго (Hewlett, 1992). Лэм (Lamb, 1981) предположил, что такое, по половому признаку, разделение труда по уходу за детьми было усугублено индустриализацией, которая требовала, чтобы отцы на долгое время покидали дом и были заняты на работах, где присутствие детей рассматривалось как неуместное. Более того, изменения на рынке труда уничтожили традиционный для отцов способ проведения времени со своими детьми (а именно обучение детей семейному ремеслу, например фермерству) (Lamb, 1981). Другие авторы (Bloom-Feshbach, 1981) отмечали, что там, где в силу особенностей труда мужчины больше проводят времени с семьей, соответственно они и больше вовлечены в воспитание детей.

Во всем мире для работающих женщин также обычно выполнять основную часть домашнего труда (ООН, 1991). В третьей главе мы обсуждали тот факт, что американские работающие женщины выполняют непропорционально большую часть работы по хозяйству. Подобная закономерность наблюдается в Японии (Lebra, 1984), странах бывшего Советского Союза (Kerig et al., 1993), Израиле (Anson et al., 1990), Бангладеш (Ilyas, 1990), Греции (Dubisch, 1993) и Швейцарии (Charles & Hopflinger, 1992).

Разделение труда по половому признаку, вероятно, возникло из-за физических различий, связанных со способностью женщин к деторождению и вскармливанию, а также с большими физическими размерами и силой мужчин (Bloom-Feshbach, 1981). Работа, которая является совместимой с женским ходом жизни, особенно с выращиванием детей, как правило поручается женщинам (Bernard, 1987). Социологи, например Тайгер и Шефер (Tiger & Shepherd, 1975), часто утверждают, что разделение труда по половому признаку биологически предопределено и особенности физиологии делают женщин более приспособленными к заботе о детях. Тем не менее такие психологи, как Лэм (Lamb, 1981), указывают на то, что для людей биологическое предрасположение является тенденцией, а не законом и может быть преодолено под влиянием культуры. В самых разных культурах мы можем увидеть отцов, которые вскармливают и воспитывают своих младенцев и детей постарше (Bronstein, 1984; Lamb et al., 1982; Parke & Neville, 1987; Pedersen et al., 1980; Russell, 1986). Тем не менее разделение труда по половому признаку и гендерные нормы сокращают продолжительность и частоту таких взаимодействий. В большинстве обществ мужчины мало подготовлены к родительству, в отличие от женщин, которые вырастают, помогая по хозяйству и ухаживая за младшими детьми. Программы, разработанные для обучения отцов развитию ребенка и родительским навыкам, увеличили участие мужчин в воспитании детей в нескольких странах (Engle & Breaux, 1994; Parke & Tinsley, 1981).

В следующем разделе обсуждается гендерное стереотипизирование, которое может и возникать на основе разделения труда по половому признаку, и способствовать ему.

Гендерное стереотипизирование.

В главе 5 шла речь о том, как естественные человеческие особенности обработки информации приводят к гендерному стереотипизированию. Возможно, наша тенденция классифицировать людей на основе их принадлежности к группе является универсальной и зависящей от строения человеческого мозга.

Кроме того, отнесение человека к той или иной группе по гендерному фактору присутствует в каждой культуре, что объясняется, скорее всего, разделением труда по половому признаку и становлением культурных норм, поощряющих гендерные различия. Вспомните также теорию социальных ролей Игли (Eagly, 1987). Согласно этой теории предполагается, что гендерные стереотипы вырастают из разных ролей, занятых мужчинами и женщинами. Распределение полов по разным социальным ролям приводит к неким социальным нормам, в соответствии с которыми женщины и мужчины ведут себя определенным образом. Например, ожидается, что женщины более чувственны, экспрессивны и эмоциональны, нежели мужчины, а мужчины мужественны, независимы, напористы.

Наиболее широкий охват материала в области кросс-культурных убеждений, связанных с различиями в психологических чертах мужчин и женщин (стереотипы гендерных черт), на сегодня представлен психологами Джоном Вильямсом (John Williams) и Деборой Бест (Deborah Best) в их книге «Измерение стереотипов, связанных с полом: исследование тридцати народов» (*Measuring Sex Stereotypes: A Thirty-Nation Study*, 1990 а). Она начинается со следующего утверждения:

"Представьте себе, что разговариваете с другом, который описывает двух неизвестных вам людей. Об одном говорится, что он смелый, властный, грубый, доминирующий, независимый и сильный, в то время как другого описывают как нежного, зависимого, мечтательного, эмоционального, сентиментального, покорного и слабого... Если вам проще представить себе первого человека мужчиной, а второго — женщиной, то вы только что продемонстрировали знание стереотипов половых черт. Имеет ли значение ваша национальность? Скорее всего, нет. Вы могли бы быть из Канады, Перу, Нигерии, Пакистана или Японии. Во всех этих странах черты, включенные в первую группу, считаются в большей степени характерными для мужчин, чем для женщин, а черты, объединенные во вторую, считаются характерными скорее для женщин, чем для мужчин."

Вильямс и Бест интересовались кросс-культурными *стереотипами половых черт*, убеждениями относительно психологического «состава» женщин и мужчин. Чтобы установить, какие психологические черты считаются характеризующими скорее женщин, чем мужчин, и наоборот, Вильямс и Бест (1990 а) попросили женщин и мужчин студенческого возраста из 25 стран указать, насколько 300 предложенных им прилагательных ассоциируются с мужчинами и женщинами в рамках культуры, к которой относится респондент. В каждой стране сотрудничающие с авторами исследователи предлагали испытуемым опросник. Последние получали следующую инструкцию:

"Мы заинтересованы в исследовании того, что называем типичными характеристиками мужчин и типичными характеристиками женщин. Верно, что не все мужчины и не все женщины одинаковы. Тем не менее в рамках нашей культуры одни характеристики чаще связывают скорее с мужчинами, чем с женщинами, а другие чаще приписывают женщинам, чем мужчинам."

На листе помещен список из 300 прилагательных, которые используют для описания людей... По каждому прилагательному вы должны решить, связывают ли

его чаще с мужчинами, чем с женщинами, или же чаще с женщинами, чем с мужчинами....

Ваша задача — быть наблюдателем и сообщать о характеристиках, которые главным образом ассоциируются в вашей культуре соответственно с мужчинами и с женщинами. В цели этого исследования не входит узнать, считаете ли вы, что мужчины и женщины отличаются по этим параметрам, и одобряете ли вы приписывание разных характеристик мужчинам и женщинам."

Из 300 слов 48 ассоциировались только с мужчинами как минимум в девятнадцати из двадцати пяти стран (75% стран) и 25 приписывались только женщинам. Список прилагательных представлен в табл. 6.1. Общая закономерность говорит о том, что мужчины воспринимаются как властные, независимые, агрессивные, доминирующие, активные, смелые, незомоциональные, грубые, прогрессивные и мудрые.

Таблица 6.1. Качества, ассоциирующиеся только с мужчинами или с женщинами, минимум в девятнадцати из двадцати пяти стран

<i>Качества, ассоциируемые с мужчинами (n = 48)</i>		
Агрессивный (24)	Ленивый (21)	Реалистичный (20)
Активный (23)	Логичный (22)	Самоуверенный (21)
Амбициозный (22)	Мудрый (23)	Серьезный (20)
Бесстрастный (20)	Мужественный (25)	Сильный (25)
Властный (24)	Напористый (20)	Склонный к риску (25)
Громкий (21)	Недобрый (19)	Суровый (23)
Грубый (23)	Независимый (25)	Трезвомыслящий (21)
Дерзкий (24)	Неорганизованный (21)	Тупоголовый (21)
Доминирующий (25)	Неосторожный (20)	Убедительный (25)
Жестокий (21)	Неотесанный (21)	Уверенный (19)
Жестокосердный (21)	Несносный (19)	Хвастливый (19)
Заносчивый (20)	Неумолимый (24)	Храбрый (23)
Изобретательный (22)	Незомоциональный (23)	Целеустремленный (21)
Инициативный (21)	Оппортунистический (20)	Шутливый (19)
Искусный (19)	Прогрессивный (20)	Эгоцентричный (21)
Крепкий (24)	Рациональный (20)	Энергичный (22)
<i>Качества, ассоциируемые с женщинами (n = 25)</i>		
Боязливая (23)	Мягкая (21)	Сентиментальная (25)
Добрая (19)	Мягкосердечная (23)	Слабая (23)
Жеманная (20)	Нежная (24)	Спокойная (21)
Женственная (24)	Очаровательная (20)	Суеверная (25)
Зависимая (23)	Покорная (25)	Тревожная (19)
Застенчивая (19)	Привлекательная (23)	Чувствительная (24)
Кроткая (19)	Приятная (19)	Эмоциональная (23)
Любопытная (21)	Разговорчивая (20)	
Мечтательная (24)	Сексуальная (22)	

25 стран включали: Австралию, Англию, Боливию, Бразилию, Венесуэлу, Германию, Голландию, Израиль, Индию, Ирландию, Италию, Канаду, Малайзию, Нигерию, Новую Зеландию, Норвегию, Пакистан, Перу, США, Тринидад, Финляндию, Францию, Шотландию, ЮАР и Японию.

Источник: J. E. Williams & D. L. Best, *Measuring Stereotypes: A Multination Study*. Copyright 1990 by Sage Publications, Inc.

Напротив, о женщинах говорят как о зависимых, кротких, боязливых, слабых, эмоциональных, чувствительных, нежных, мечтательных и суеверных. Тем не менее Вильямс и Бест отметили, что было несколько исключений из этих «правил». Например, такие слова, как заносчивый, ленивый, шумный и грубый, в большинстве стран ассоциировались с мужчинами, но в Нигерии их связывали с женщинами. В Малайзии прилагательные «напористый» и «шутливый» ассоциируются с женщинами. В Японии женщин, а не мужчин, воспринимали как хвастливых, неорганизованных и несносных. Вильямс и Бест также обнаружили, что страны различаются по степени дифференциации полов по приписываемым им чертам. В одних странах, например в Германии и Малайзии дифференциация полов была резко выраженной, а в других, таких, как Индия и Шотландия, нет.

Как в разных странах слова, ассоциируемые соответственно с мужчинами и женщинами, отличаются по своей относительной предпочтительности? Вильямс и Бест (1990 а) ответили на этот вопрос с помощью группы из 100 американских студентов, которые оценили каждое из 300 прилагательных по пятибалльной шкале предпочтительности.

Для каждой страны был вычислен средний балл предпочтительности для мужского и женского наборов прилагательных. Страны значительно различались по предпочтительности, ассоциируемой и с мужскими, и с женскими стереотипами. Например, в Австралии, Бразилии, Перу и Италии мужские стереотипы были довольно неблагоприятными, в то время как в Японии, Нигерии, Южной Африке и Малайзии они были скорее благоприятными. В Италии, Перу и Шотландии придерживались довольно положительных стереотипов, связанных с женщинами, а в Южной Африке, Нигерии, Японии и Малайзии они были отрицательными. Из двадцати пяти стран явного различия в предпочтительности мужских и женских стереотипов не было отмечено только в Финляндии и на Тринидаде. Из оставшихся двадцати трех стран в одиннадцати мужские стереотипы были до какой-то степени более предпочтительными и в двенадцати предпочтение отдавалось женским стереотипам. (*Внимание!* Необходимо помнить, что предпочтительность оценивалась американскими студентами, тогда как в реальности предпочтительность может зависеть от культуры, т. е. одна и та же черта может восприниматься как отрицательная в одной культуре и как положительная в другой.)

Пытаясь объяснить существующие между странами различия в предпочтении гендерных стереотипов, Вильямс и Бест (1990 а) обратились к показателям экономического и социального развития, а также к основным вероисповеданиям. Единственным значимым фактором оказалась религия. Женские стереотипы были более благоприятными в тех странах, чьи традиции включают поклонение богествам и святым женского пола и где женщинам позволено участвовать в религиозных церемониях. Например, в католических странах стереотипы, связанные с женщинами, были в целом более положительными, чем в протестантских (в католицизме есть и культ Девы Марии, и монахини). В Пакистане женские стереотипы гораздо более негативны, чем в Индии. В исламской теологии Пакистана все значимые религиозные фигуры — мужчины и отправление религиозных обрядов осуществляется только мужчинами. Напротив, индийцы — последователи индуизма, которых исследовали Вильямс и Бест, следуют религиозной традиции, которая включает поклонение богествам женского пола. И мужчины и женщины

служат в индуистских храмах и несут ответственность за выполнение религиозных обрядов.

Вильямс и Бест (Williams & Best, 1990 a) признали, что полученные ими данные о том, насколько близки по степени предпочтительности женские и мужские стереотипы, являются неожиданными в свете распространенного мнения, что мужские черты социально более привлекательны. Они предположили, что большая привлекательность мужских стереотипов имеет место не столько в силу их «положительности», сколько в результате ассоциируемых с ними силы и активности. Чтобы проверить эту гипотезу, они попросили одну группу, состоящую из 100 американских студентов, оценить 300 прилагательных по пятибалльной шкале «сильный/слабый», а другую группу из 100 студентов — оценить те же прилагательные по пятибалльной шкале «активный/пассивный». Затем по каждой стране были рассчитаны средние баллы активности для женских стереотипов, активности для мужских стереотипов, силы для женских стереотипов и, наконец, силы для мужских стереотипов. Результаты? Во всех странах женские стереотипы оценивались как более пассивные и слабые по сравнению с мужскими.

Ранее в этой книге отмечалось, что мужественность обычно связывается с состоятельностью, автономностью, стремлением обладать контролем, в то время как женственность ассоциируется с межличностным взаимодействием, общительностью, а также с осознанием и активным выражением собственных чувств (Iskes & Barnes, 1978). Такие исследователи, как Бакан (Bakan, 1966), разделили эти понятия на две большие категории: *действие* и *взаимодействие*, первая из которых ассоциируется с мужским началом, а вторая — с женским. Вильямс и Бест (Williams & Best, 1990 a) обнаружили, что параметры действия чаще ассоциируются с мужскими стереотипами, а параметры взаимодействия — с женскими.

Несмотря на то что Вильямс и Бест (Williams & Best, 1990 a) установили существование разницы в степени расхождения между мужскими и женскими стереотипами в разных странах, а также некоторые отличия в содержании самих стереотипов, общий характер полученных ими результатов указывал на удивительное панкультурное сходство гендерных стереотипов. Является ли это панкультурное сходство свидетельством фундаментального биологического различия между мужчинами и женщинами? Вильямс и Бест так не думали. Они предположили, что гендерные стереотипы возникли в древности и происходят от такого разделения труда, при котором женщины отвечают в основном за домашний труд, а мужчины работают за пределами дома. Они утверждали, что поскольку подобное разделение труда сегодня еще имеет место, то продолжают существовать и мужские стереотипы действия, и женские стереотипы взаимодействия. Вильямс и Бест предсказывают, что, по мере того как эти роли меняются, гендерные стереотипы также должны поменяться. В подтверждение этого они обнаружили, что в странах, где экономика развивается и все больше женщин работают за пределами дома, гендерно-ролевая идеология (убеждения относительно того, какие роли являются правильными для мужчин и для женщин) стала более либеральной (Williams & Best, 1990 b). Сегинер и его коллеги (Seginer et al., 1990) также обнаружили различия в гендерно-ролевой идеологии между израильскими евреями и арабами, отражающие гендерно-ролевые различия в двух культурах.

Дифференциальная гендерная социализация.

Вильямс и Бест (Williams & Best, 1990 a), Хоффман и Херст (Hoffman & Hurst, 1990), Игли (Eagly, 1987) утверждают, что гендерные стереотипы возникают на основе гендерных ролей. Установившиеся стереотипы выступают как нормы для женщин и мужчин и являются моделями для гендерно-ролевой социализации (Eagly, 1987; Williams & Best, 1990 a). Условия, порождающие гендерную социализацию,

зацию в США, не являются уникальными. Существует панкультурная тенденция обучать и обучаться поведению, соответствующему гендеру, хотя в зависимости от культуры есть некоторые различия в том, чему именно учат. К сожалению, по этой теме нет высококачественных исследований, а те, что опубликованы, основываются на наблюдениях, сделанных антропологами еще в 50—70-е гг. Их данные часто были очень субъективными, и более того, во многих культурах социальные нормы, связанные с гендером, претерпели изменения, а значит, эти исследования не могут точно отражать современное социальное положение.

На протяжении всей книги обсуждалось то, как дети в США усваивают гендерные роли, и то, какая динамика стоит за конформностью по отношению к этим ролям и их усвоением. Нет причин предполагать, что эти процессы не являются кросс-культурными. Так, например, мозг каждого человека осуществляет категоризацию на основе наиболее ярких черт окружающей среды. Категоризация на основе гендера может иметь место в любой культуре, так как в любой культуре мужчины и женщины выглядят по-разному и играют разные роли. Любая культура поощряет разделение на основе гендера. Монро и его коллеги (Munroe et al., 1984) обнаружили, что дети из Белиза, Кении, Непала демонстрируют те же паттерны когнитивного гендерного развития, что и дети из Соединенных Штатов. Во всем мире люди полагаются друг на друга для удовлетворения физических и социальных потребностей, а также для того, чтобы получать информацию, необходимую для понимания социума. А значит, неудивительно, что как только дети понимают важность гендера в их культуре, то соответственно моделируют свое поведение. Например, Вайтинг и Эдвардз (Whiting & Edwards, 1988) отметили, что кросс-культурное отношение к гендерной идентичности и надлежащему поло-ролевому поведению объясняет кросс-культурную тенденцию, в соответствии с которой дети стремятся к общению со сверстниками своего пола. Вайтинг и Эдвардз (Whiting & Edwards, 1988) обнаружили, что в шести культурах, которые они изучали, матери давали мальчикам и девочкам разные поручения. Во многих культурах существуют церемонии инициации детей и подростков, которые еще больше подчеркивают значение гендера. Гендер имеет значение для общества независимо от того, что это за общество и где оно находится, а следовательно, гендер важен для каждого человека.

Общества еще больше увеличивают значимость гендера, направляя поведение ребенка к соответствующим полу занятиям и подкрепляя соответствующее гендеру поведение. Так, Рогофф (Rogoff, 1981) обнаружил, что в Гватемале старшие ребята дразнили пяти-шестилетних детей, если они не соответствовали гендерной роли, и вследствие этого те выбирали более типичные для своего пола занятия. В 1994 г. Кейт О'Нил и я задавали жителям Аргентины, Перу, Эквадора, Сальвадора, Мексики, Южной Африки и Пакистана вопрос: «Что происходит в вашей стране, если ребенок не делает того, что ожидается от его пола?» Все респонденты ответили, что таких детей наказывают, а именно дразнят, высмеивают, укоряют, иногда применяют и физическое наказание. Все респонденты смогли назвать унижительные клички, которыми называют детей, не соответствующих гендерной роли.

Помните, что цель поло-ролевой социализации — обучить наших детей тому, что является социально приемлемым для их пола, и подготовить их к взрослым ролям. Можно предположить, что поло-ролевая социализация в разных культурах является схожей до той же степени, до какой схоже разделение труда по половому признаку. В одном раннем исследовании, включавшем изучение 110 культур (Barry et al., 1957), было обнаружено явное панкультурное сходство в дифференцированной социализации мальчиков и девочек. В частности, Барри обнаружил,

что для девочек акцент делался на послушании и ответственности, а для мальчиков — на стремлении к достижениям и опоре на собственные силы.

При пересмотре Вэлчем и Пейджем (Welch & Page) в 1981 г. данных, полученных Барри, было проведено сравнение паттернов гендерной социализации в африканских странах и странах других континентов, представленных в выборке. Они обнаружили, что африканские общества в этом аспекте подобны неафриканским (хотя африканские мальчики испытывали большее нормативное давление по сравнению с представителями других культур). В ходе анализа данных, полученных Барри, Лоу (Low, 1989) обнаружила, что в девочках чаще поощряли трудолюбие, ответственность и послушание по сравнению с мальчиками, в которых поддерживали агрессивность, желание полагаться на свои силы, стремление соревноваться и стойкость. И все же Лоу (1989) отмечала наличие значительных культурных различий в степени выраженности этого явления. Проведенный ею анализ указал на то, что в полигамных обществах мужчин поощряли быть более ориентированными на достижение (успех дает возможность иметь большее количество жен и детей). Кроме того, в обществах, где женщины менее зависимы экономически, соответственно, менее выражена тенденция воспитывать девочек в покорности и послушании мужчинам.

С целью исследовать кросс-культурную роль гендера в социализации Вайтинг и Эдвардз (Whiting & Edwards, 1988) изучили антропологические данные по Кении, Либерии, Индии, Мексике, Филиппинам, Окинаве, Гватемале, Перу и двум маленьким сообществам в Соединенных Штатах (данные собирались разными исследователями с 1954 по 1975 г.). Вайтинг и Эдвардз предположили, что основной путь гендерной социализации — помещение мальчиков и девочек в разное окружение, где они взаимодействуют с разными категориями людей и, следовательно, усваивают разные вещи. Во всех изучавшихся культурах мальчики имели более свободный доступ к жизни общества, чем девочки, им чаще давали поручения, позволяющие удаляться от дома, они больше играли и у них было больше свободного времени. Девочки чаще, чем мальчики, находились со своими матерями, а мальчики чаще, чем девочки, общались с отцами. Это гендерное различие было наименее выражено на Филиппинах и на Окинаве. Здесь и отношения между мужьями и женами были наиболее равноправными. Разница оказалась самой заметной в двух сообществах, где на гендерном различии акцент делался с раннего детства (в Мексике и в Индии). Исследователи также отметили раннее разделение труда по половому признаку. Родители давали детям разные поручения в зависимости от пола, и девочки, как правило, выполняли больше работы, чем мальчики. Вайтинг и Эдвардз предположили, что это явление имело место потому, что отцы работали вне дома, а та работа, которая оставалась дома, считалась женской. Следовательно, пишут они, матери обычно просили девочек помочь им. В большинстве культур, исследованных Вайтингом и Эдвардзом (1988), девочки раньше начинали подвергаться социальному давлению. Кериг и его коллеги (Kerig et al., 1993) отмечали, что в России практически не существует таких работ по дому, которые считались бы приемлемыми для мальчиков.

Примечание редактора

В своем кратком обзоре автор, к сожалению, не отметила один из интереснейших случаев гендерного стереотипизирования, впрочем, может быть из-за того, что этот факт противоречит ее теоретическим воззрениям.

Франко-канадский ученый Саладин Д'Англор, исследуя эскимосов-иннуитов, живущих в центральной арктической Канаде, установил, что до 20% детей воспитывается своими родителями в духе противоположного пола, то есть мальчиков воспитывают как девочек, и наоборот.

Таким образом, к «третьему полу», как назвал это явление Д'Англюр, принадлежит едва ли не каждый пятый иннуит. Не в столь, правда, широких масштабах такое кросс-гендерное воспитание распространено и среди эскимосов Гренландии. Люди «третьего пола» никак не ограничены в своих социальных правах, в том числе и во вступлении в брак. Просто женщина, воспитанная как мальчик, успешно помогает своему мужу на охоте, оставив детей на попечение родственников, а мужчина, получивший в детстве женские навыки, может хорошо выполнять обязанности по дому, например ухаживать за престарелыми родителями. Сами эскимосы чаще всего описывают причину такого воспитания желанием духа умершего предка, чтобы ребенок был назван в его честь, вне зависимости от биологического пола младенца, или несоответствием пола ребенка чаяниям родителей. В любом случае, подобная практика оказывается очень полезна для выживания социума в условиях крайне сурового арктического климата и низкой плотности населения.

См.: Saladin D'Anglure B. «Du foetus au chaman la construction d'un "troisieme sexe" inuite» in: «Etudes/Inuit/Studies», 1986, 10 (1—2), p. 25-113, а также: Birgitte Sonne «Escimoos' Mythology»: in Larrington C. (Ed.) «The woman's companion to mythology», 1992.

Более низкий статус и меньшая власть женщин.

Другим панкультурным гендерным сходством является то, что в любом обществе статус женщин ниже, а власть у них меньше, чем у мужчин. Согласно отчету ООН (1985), озаглавленному «Положение женщин в мире»:

1. Женщины выполняют основной объем домашней работы.
2. Женщины выращивают половину пищевых запасов мира, но почти никогда не владеют землей.
3. Женщины составляют одну треть мировой рабочей силы, но заняты в основном на низкооплачиваемых работах.
4. Женщины получают меньше трех четвертей зарплаты, получаемой мужчинами за выполнение такой же работы.
5. В 90% стран существуют организации, поощряющие продвижение женщин, но женщины все еще слабо представлены во властных органах.

В главе 3 обсуждалось существование в США «стеклянного потолка» для женщин. Эта закономерность наблюдается во всем мире, хотя и со значительными вариациями. Например, в Бангладеш и Индонезии только 1% женщин занимают руководящие посты, в то время как в Норвегии и Австралии эта цифра составляет 33% (French, 1992). В России женщины получают меньшую зарплату, чем мужчины за аналогичный труд, а работы, на которых заняты в основном женщины, являются непрестижными и низкооплачиваемыми (Kerig et al., 1993). Согласно данным ООН, во всем мире женщины почти всегда находятся на менее престижных и менее доходных местах, чем мужчины. По мере того как уровень, престиж и оплата какого-то вида труда вырастают, увеличивается и число мужчин, выполняющих эту работу (ООН, 1991). Повсеместно женщинам платят меньше, чем мужчинам (в среднем на 30—40% меньше), хотя цифры существенно варьируются в зависимости от региона (см. табл. 6.2).

Таблица 6.2. Средняя зарплата женщин в процентах от мужской зарплаты

Развитые страны	Африка	Азия и Океания
-----------------	--------	----------------

Исландия (90)	Танзания (92)	Иордан (79)
Франция (89)	Кения (76)	Шри-Ланка (75)
Австралия (87)	Свазиленд (73)	Гонконг (74)
Дания (82)	Египет (64)	Сингапур (69)
Новая Зеландия (79)		Кипр (59)
Голландия (77)		Корея (50)
Бельгия (74)		
Германия (73)		
Великобритания (70)		
Чехословакия (68)		
Швейцария (67)		
Люксембург (65)		
Япония (52)		

О Латинской Америке и Карибском бассейне доступной информации не было. Данные по США не включены в таблицу, в главе 3 указывалось среднее значение около 70%.

Также согласно данным ООН (1991), женщины составляют меньше 5% глав государств, глав крупных корпораций и специалистов, занятых на ведущих постах в международных организациях. Только шесть из 159 стран — членов ООН на 1990 г. возглавлялись женщинами: Исландия, Ирландия, Никарагуа, Норвегия, Доминиканская Республика и Филиппины (ООН, 1991). На 1987 г. только 10% парламентских мест в мире было занято женщинами (ООН, 1991). В неиндустриальных и развивающихся странах женщины занимают около 6% государственных должностей по сравнению с 5—11% процентами в европейских странах (French, 1992). Тем не менее с давнего времени женщины были лидерами в своих сообществах и на бытовом уровне. Женщины также являются лидерами многих важных организаций по защите окружающей среды и борьбе за мир (ООН, 1991). Участие в подобных организациях может в большей степени соответствовать женской роли, для которой свойственна забота о благополучии и здоровье семьи. Кроме того, подобные организации часто основываются женщинами и соответственно они занимают там ведущие посты.

Во всем мире одним из основных барьеров, препятствующих достижению женщинами равного с мужчинами статуса, является образование. Низкий уровень образования и слабая подготовка привязывают большое число женщин к низкооплачиваемой черной работе, которой становится все меньше в силу механизации. Механизация предоставила более широкие возможности для тех, кто владеет административными и техническими навыками — навыками, которыми с гораздо большей вероятностью могут овладеть мужчины, имеющие преимущество при получении образования (ООН, 1991). Неграмотных женщин в мире больше, чем мужчин: примерно 597 миллионов женщин по сравнению с 352 миллионами мужчин (на 1985 г.) (ООН, 1991). Многие были достигнуты в области образования, и в большинстве развитых стран практически все молодые люди являются грамотными. Но в сельских районах и в большинстве развивающихся стран дела обстоят по-другому. Например, в Африке примерно 55% женщин и 35% мужчин неграмотны. В Южной Азии неграмотны почти 60% женщин и 35% мужчин. Во многих странах сложилась обнадеживающая ситуация с высшим образованием. В большин-

стве развитых стран число женщин, обучающихся в вузах, по крайней мере равно числу мужчин, а в некоторых случаях и больше (ООН, 1991). И тем не менее для изменения статуса и власти женщины необходимо нечто помимо образования. Даже получив образование, женщины во всем мире сталкиваются с предвзятостью при приеме на работу, «стеклянным потолком» и различием в оплате труда.

Некоторые специалисты в области социальных наук ставили под вопрос предположение о том, что женщины ниже мужчин по статусу и власти. Например, Роджерс (Rogers, 1985) утверждал, что доминирование мужчин в деревенских общинах — это миф, который поддерживают и мужчины и женщины. Мужчины — потому, что хотят казаться наделенными властью, а женщины — потому, что этот миф так устраивает мужчин, что они оставляют женщинам сферу домашнего хозяйства, которая в деревенских общинах является истинным источником власти. Триандис (Triandis, 1994) интересовался, не привели ли наши определения власти и статуса к тому, что мы упустили из виду власть и статус женщины в доме, а также тот факт, что в некоторых культурах к женщинам относятся «раздельно, но равно». Он много говорил о современной Японии, где женщины управляют семейным бюджетом, а также могут работать, учиться, писать стихи, в то время как их мужья являются «рабами корпорации». Подобным образом можно воспринимать и американских женщин, принадлежащих к высшему среднему классу. Однако большинство женщин в мире ведут совсем не такую жизнь, даже в США и Японии. Например, женщины составляют половину рабочей силы в Японии, но занимаются непрестижным трудом, зарабатывают меньше, чем мужчины, и при этом ожидается также, что даже при полной занятости они будут выполнять все традиционные домашние обязанности (Lebra, 1984).

Несмотря на то что могут иметь место случаи, когда отсутствие женщин в политике или на ведущих позициях в трудовой деятельности дает неверное представление о власти, которой они располагают в быту, исследования (Lips, 1991; Stroh et al., 1992; Weller, 1968) показали, что чем больше денежный вклад женщины в семейный бюджет, тем больше ее власть в принятии решений. Другими словами, мужчины пользуются значительной властью даже в областях, которые мы считаем традиционно женскими. Так, Энгл (Engle, 1993) обнаружил, что в гватемальских семьях чем выше доход женщины по отношению к общему доходу семьи, тем больше ее роль в принятии семейных решений (единственным исключением является покупка еды — это решение в любом случае остается за женщиной). Триандис (Triandis, 1994) отмечал, что насилие по отношению к женам распространено примерно в 84% стран, что взрослые женщины с наибольшей вероятностью становятся жертвами насилия, а взрослые мужчины — виновными в его совершении, и что избиение жен случается чаще всего в тех сообществах, где муж пользуется большей экономической властью и свободой в принятии решений, чем жена.

Почему на всем земном шаре женщины ниже по статусу и пользуются меньшей властью, чем мужчины? Как и разделение труда по половому признаку, это явление также может иметь корни в физических различиях между полами. Одно время женщины зависели от мужчин в том, что касалось физической защиты и экономической поддержки, так как вынашивали и растили детей.

Меньшие физические размеры женщин также, несомненно, способствовали тому, чтобы мужчины над ними доминировали. Триандис (Triandis, 1994) предположил, что такие опасные занятия, как охота и война, были неуместными для женщин и в то же время превозносились, с тем чтобы обязать мужчин ими заниматься. С его точки зрения, продолжающаяся традиция восхваления мужских занятий является пережитком того, что раньше было функциональным убеждением. Бем (Bem, 1993) предположила, что женщины могли быть так поглощены вскармлива-

нием младенцев, воспитанием детей и другими обязанностями, что у них оказалось меньше возможности оформить и легализовать собственную власть. Во всем мире женщины продолжают нести основную ответственность за домашнее хозяйство и детей, а это ограничивает их экономическую и политическую власть.

Кросс-культурные гендерно-ролевые идеологии.

Хотя можно найти много общего в общекультурных гендерных стереотипах, разделении труда по половому признаку и статусе женщин, культуры все-таки различаются по свойственным им представлениям о том, какими должны быть ролевые отношения между мужчинами и женщинами, то есть *по гендерно- или поло-ролевой идеологии*. Некоторые общества являются более *традиционными*, полагая, что мужчины более значимы, чем женщины, и имеют право повелевать ими, тогда как другие являются более современными и эгалитарными, считая, что мужчины и женщины в равной степени важны и что мужчины не должны господствовать над женщинами (Williams & Best, 1990 b).

Раз за разом выясняется, что в сфере гендерно-ролевой идеологии женщины придерживаются более эгалитаристских взглядов, чем мужчины. Эти данные были получены при исследованиях американцев (Spence & Helmrich, 1978), ливанцев (Spence & Helmrich, 1978), израильских евреев и арабов (Seginer et al., 1990), североирландцев (Kremer & Curry, 1987), британцев, ирландцев и канадцев (Kalin et al., 1982), жителей Фиджи (Basow, 1986 a), бразильцев (Spence & Helmrich, 1978); в восьми из четырнадцати культур, исследованных Уильямсом и Бестом (Williams & Best, 1990 b); а также в исследовании студентов, представлявших 46 стран (Gibbons et al., 1991). Вероятно, это различие существует, поскольку выгоды гендерного равенства очевиднее для женщин, которые, как мы уже замечали, обладают более низким статусом в силу своей половой принадлежности.

Уильямс и Бест (1990 b) изучили гендерно-ролевую идеологию в четырнадцати странах (Нидерландах, Германии, Финляндии, Англии, Италии, Венесуэле, Соединенных Штатах, Канаде, Сингапуре, Малайзии, Японии, Индии, Пакистане, Нигерии), используя SRI («Шкалу поло-ролевой идеологии» *Sex-Role Ideology Scale*), разработанную Калином и Тилби (Kalin & Tilby, 1978). SRI требует, чтобы респонденты указали степень, в которой они согласны с каждым из тридцати утверждений, таких, как: «Первая забота женщины, имеющей маленьких детей,— дом и семья», «Ради блага семьи жена должна вступать в половые сношения со своим мужем, хочет она этого или нет» и «Женская и мужская работа не должны сильно отличаться по своему характеру». Уильямс и Бест (1990 b) обнаружили значительные межкультурные различия в том, в какой степени респонденты придерживались традиционной или современной идеологии. Порядок расположения четырнадцати стран в первом предложении этого абзаца отражает полученные исследователями данные. Первая из этих стран, Нидерланды, отличалась наиболее эгалитаристской гендерно-ролевой идеологией, а в последней, Нигерии, были отмечены наиболее традиционные и наименее эгалитаристские взгляды.

Затем Уильямс и Бест (1990 b) соотнесли данные SRI с экономическим развитием, религией, процентом женщин, занятых вне дома, и процентом женщин, посещающих университеты, в каждой стране. Результаты этого анализа показали, что гендерно-ролевая идеология меняется в сторону более эгалитарной по мере экономического развития, что мусульманские страны отличаются более традиционной идеологией, чем христианские, и что более высокое число работающих женщин и женщин, обучающихся в университетах, связано с более эгалитаристской гендерно-ролевой идеологией. Внутри отдельной культуры могли также иметь место значительные вариации в гендерно-ролевой идеологии, обусловлен-

ные образованием, принадлежностью к определенному поколению и влиянием культуры других обществ. Эту особенность хорошо иллюстрирует обзор исследовательской литературы по гендерно-ролевой идеологии у испано-американских женщин, проведенный Васкес-Натталл (Vazques-Nuttall et al., 1987). Этот обзор показал, что испано-американские женщины, имеющие более тесные контакты с англо-американским обществом, придерживались более эгалитаристских концепций в отношении гендерных ролей (Canino, 1982; Espin & Warner, 1982; Kranau et al., 1982; Torres-Matrullo, 1980), лучше образованные испано-американки имели более либеральные взгляды (Pacheco, 1981; Soto & Shaver, 1982), а представители старшего поколения придерживались более консервативной идеологии, чем люди младшего возраста (Rosario, 1982; Soto & Shaver, 1982).

Заключительные замечания.

Эта глава была в основном посвящена *гендерным «этикам»* (культурным универсалиям), но *гендерные «эмики»* (культурная специфика) также важны, особенно при рассмотрении процесса изменения гендерных ролей. Здесь имеется несколько аспектов. Один состоит в следующем: культура влияет на то, в какой степени человек готов оставаться самим собой, не становясь конформистом. Социальные изменения могут быстрее происходить в тех странах, где не столь велика покорность властям и верность групповым нормам. Западные культуры, подобные той, которая сложилась в США, характеризуются психологами как индивидуалистические общества. В индивидуалистических обществах люди больше интересуются собственной карьерой, личными правами и независимостью (Hofstede, 1984; Hui & Triandis, 1986), и это обстоятельство облегчает отступление от превалирующих социальных норм. Коллективистские общества, подобные японскому, придают повышенное значение подчинению индивидуальных целей коллективным, что проявляется в повышенной заботе о потребностях окружающих и взаимозависимости (Hui & Triandis, 1986). Конформизм и покорность в таких обществах социально поощряются и ценятся в большей степени, чем в США. Могаддам и его коллеги (Moghaddam et al., 1993) также предположили, что культуры, в которых поощряется покорность старшим, могут отличаться большей резистентностью к социальным изменениям, поскольку люди с возрастом менее охотно принимают изменения.

Другой аспект, влияющий на гендерно-ролевые изменения, касается свойств культуры представлений о равенстве. Гоффман (Goffman, 1977) предположил, что гендерные роли изменятся, когда общество откажется от представления, что эти роли основаны на биологических различиях, и признает необходимость всеобщего социального равенства. Однако во многих культурах социальное равенство не является доминирующей ценностью. Например, в Индии следствием системы каст является различное отношение к людям, обусловленное принадлежностью человека к социальной группе, в которой он родился. В основе этой системы лежат индуистские религиозные представления, согласно которым рождение человека внутри определенной касты обусловлено его деяниями в прошлых жизнях. Хотя в Соединенных Штатах имеет место гораздо большее социальное расслоение, чем многие американцы готовы признать, но эта культура основана на воззрении, что расслоение нежелательно (например: «Все люди рождены равными»). Поэтому неудивительно, что феминистское движение возникло именно в США и приобрело там и в других индивидуалистически ориентированных странах большее влияние, чем где бы то ни было еще. Страны, отличающиеся более явным расслоением и принимающие классовые различия как должное, могут более охотно мириться с неравенством. Чтобы добиться под-

держки, женским движениям в этих странах, возможно, придется воспользоваться иными мотивировками, чем те, к которым прибегают в странах Запада.

Эти факторы предполагают, что путь к гендерному равенству в разных странах может быть различным. Мы много говорили в этой главе об общекультурных гендерных сходствах, но потребные специфические изменения и способы их осуществления разнятся в зависимости от культуры. К примеру, в США, стране, где выше всего ценится индивидуальность и личная свобода, имеет смысл обосновать необходимость изменений, делая упор на то, как традиционные гендерные роли препятствуют личной свободе и равенству. Однако в Японии, обществе, в котором придают большое значение обязанностям человека перед социальной группой, такой аргумент едва ли будет эффективным.

Марголис (Margolis, 1993) подметила, что конкретные факторы нередко имеют свои нюансы в зависимости от культуры и что фактор, который стимулирует какое-то движение в одной стране, может повредить ему в другой. Она приводит пример планирования семьи. На Западе планирование семьи и проблема аборт послужили основными мобилизующими факторами для женских движений, но такие программы часто вызывают подозрения и протесты со стороны женщин из стран третьего мира, которые могут принять их за попытки ограничить рождаемость в их этнических группах. Этот подход может также не оказать воздействия на женщин в странах, где высок социальный статус матерей, имеющих много детей, или где женщины нуждаются в большом количестве детей, помогающих им на сельскохозяйственных работах. Сходные мысли высказала Со (Soh, 1993) обсуждая, почему гендерное равенство несовместимо с широко распространенным в Корее конфуцианским мировоззрением, в основе которого лежит взаимодополняемость инь и ян (женского и мужского начала). Она указывает, что в Корее законодательницы обязаны своим избранием именно полу, так как они почти всегда выбираются или назначаются в качестве представителей интересов женщин и детей и пользуются поддержкой до тех пор, пока продолжают действовать в традиционной манере в социальных ситуациях и по отношению к своим семьям. Другими словами, процесс, посредством которого в Корее достигается гендерное равенство, зависит от корейской культуры.

Марголис провела исследование женских движений за равноправие, существующих в разных странах. Она сосредоточила свое внимание на том, как эти движения принимают различные формы и ставят во главу угла различные вопросы в зависимости от политических, экономических и культурных различий. Она советует нам относиться с опаской к «этноцентрическому предположению, что женские движения следуют по эволюционному пути и со временем превратятся в движение, подобное тому, которое существует в Соединенных Штатах» (Margolis, 1993, p. 386). Бушир (Bouchier, 1984) предположил, что эгалитарные и либеральные социальные движения добиваются наибольших успехов там, где политическая культура более либеральна и эгалитарна. Он пишет, что именно поэтому Скандинавские страны и Голландия имеют наиболее представительные и сплоченные феминистские организации. Семенска (Siemienska, 1986) замечает, что гендерная реформа более вероятна в политических системах, основанных на плюрализме (формальное представительство интересов различных групп в противовес правлению одной партии или одного класса). Марголис (1993) говорит о том, что достижению гендерного равенства могут мешать не только консервативные правительства, рассматривающие подчиненное положение женщин в качестве основного пункта своей платформы, но и левые, отводящие женским проблемам второстепенную роль по сравнению с более общими вопросами эксплуатации рабочих.

Борьба за гендерное равенство может быть также подчинена другим политическим вопросам, в частности связанным с экономическим или этническим выжива-

нием (Margolis, 1993). Эта ситуация особенно вероятна в странах третьего мира и развивающихся государствах, где на повестке дня стоит вопрос элементарного выживания или происходит этнический конфликт. Например, канадский психолог Патриция Кериг (Kerig) и русские психологи Юлия Алешина и Алла Волович высказали в 1993 г. следующую мысль: в современной России феминизм считается чем-то вроде утопии и менее важен, чем насущные экономические проблемы. Вероятно, неслучайно, что женское движение в Соединенных Штатах взяло старт в период относительного экономического процветания и социального спокойствия, после появления движения за защиту гражданских прав и окончания вьетнамской войны, и было создано в основном благодаря усилиям белых представительниц среднего класса. Для цветных женщин в США и женщин в странах третьего мира наиболее неотложными вопросами могут быть избавление от голода и этнической дискриминации (Vulbeck, 1988). Ла Фромбуазе и его коллеги (LaFromboise et al., 1990) подметили, что для американок индейского происхождения вопрос сохранения своей расы и культуры не менее, если не более, важен, чем вопрос равноправия полов. Кроме того, они предположили, что движения за гендерное равенство среди американских индейцев будут отличаться от других феминистских движений, поскольку индейские женщины стремятся к феминизму, который действенен в контексте индейской семьи, их племени и представлений о Священной матери-земле.

Растет понимание культурных вопросов, обсужденных выше, и того, что западный феминизм часто не подходит для незападных культур. Некоторым кажется, что культурное разнообразие столь велико, что оно делает невозможным движение за общемировое гендерное равенство. Несмотря на эти тревоги, человеческие права все чаще рассматриваются в качестве вопроса международного значения и все большую поддержку получает нынешняя тенденция признания законности международного права; это может помочь проложить дорогу к большему гендерному равенству во всем мире. В 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла конвенцию, в которой заявлено, что «дискриминация женщин несовместима с человеческим достоинством и благоденствием общества» и что «необходимо добиться всеобщего признания, в правовых актах и фактически, принципиального равенства мужчин и женщин» (подробно см. в: Defeis, 1991). Государства, ратифицировавшие эту конвенцию, обязаны покончить с дискриминацией женщин в сфере занятости, образования и политики. Конвенцию ратифицировали 104 государства, являющиеся членами ООН. К сожалению, среди них нет Соединенных Штатов, где ратификация пока не проведена в связи с различными конституционными проблемами (подробности см. в: Defeis, 1991). ООН также объявила годы с 1975-го по 1985-й «Десятилетием женщины» и провела в 1975, 1980 и 1985 гг. три международные конференции по женским вопросам; краткая история этих трех конференций дана у Бернарда (Bernard, 1987). Четвертая международная конференция ООН, посвященная женщинам, была проведена в 1995 г. в Пекине. Деятельность ООН способствовала тому, что во многих странах появились программы по повышению роли женщин в обществе, а также стимулировала сбор статистической информации об относительном статусе мужчин и женщин.

Дискуссия о гендере в различных культурах поднимает еще один вопрос — сохранение культурного разнообразия. Однажды после обсуждения в аудитории гендерных ролей ко мне подошла американская студентка мексиканского происхождения по имени Лусилла. Она сказала, что ее раздражают противоречия, поскольку, с одной стороны, она является защитницей своей культуры и хочет, чтобы последнюю оценили в США, а с другой стороны, ей трудно мириться с тем, как обращаются с женщинами в ее среде. Можем ли мы дорожить культурным разнообразием и при этом добиваться, чтобы неамериканские культуры поставили своей целью гендерное равенство? Этот вопрос очень важен.

Катценштейн (Katzenstein, 1989) заметил, что феминистские ценности могут конфликтовать с существующими обычаями и законным будет вопрос, чему отдать преимущество. Эл-Бакри и Камейр (El-Bakri & Kameir, 1983) возражают против приведения роли женщин на Ближнем Востоке и в странах третьего мира к стандартам западных демократий. Разумеется, мы не должны быть слишком самонадеянными и навязывать другим наше западное мировоззрение. Если какая-то культура отличается от нашей, это вовсе не означает, что она плоха.

С другой стороны, как указала Нуссбаум (Nussbaum, 1992), мы можем зайти чересчур далеко в преклонении перед культурными различиями. Она привела ряд случаев, когда ученые из уважения к какой-то культуре выступали в защиту вызывающих тревогу культурных обычаев. Подобные действия представляют собой опасное приближение к тому, что философы называют «культурным релятивизмом», — к идее, что нечто правильно (или ошибочно) с моральной точки зрения, если культура говорит, что это правильно или ошибочно. Как указал философ Дж. Рейчелз (J. Rachels, 1993), не выдерживает критики следующее утверждение: поскольку культуры различаются, то можно спорить, что правильно, а что неправильно. Если мы примем культурный релятивизм без оговорок, то придется согласиться, что никакие модели поведения не являются аморальными, поскольку есть страны, где их не считают таковыми. Следует ли бить жену лишь потому, что в Кувейте такие действия являются допустимым культурным обычаем? А как быть с ритуальным повреждением женских гениталий в некоторых африканских странах? Естественно, что мы не должны отвергать культурные обычаи лишь потому, что они — не наши собственные, и что мы не должны рассчитывать на то, что сумеем до конца понять людей из других стран. Верно также, что многие культурные обычаи — это не более чем «социальные договоренности», которые, объективно говоря, не являются ни правильными, ни ошибочными и к которым мы должны относиться без предубеждений (Rachels, 1986). Но должны ли мы из уважения к существующей культуре принимать культурные обычаи, очевидным следствием которых становится нанесение серьезного ущерба большим сегментам общества? Если бы мы поступили подобным образом в США, то не отменили бы рабство, не позволили женщинам голосовать и не приняли законы о гражданских правах. Как заметил Рейчелз (1986), мы не сможем добиться морального прогресса, если зайдем в культурном релятивизме слишком далеко. Заявление, что культурные обычаи являются правильными, поскольку культура говорит, что они таковы, не позволяет нам подвергать их сомнению и изменять, когда перемены назрели.

Я согласна с Рейчелзом, когда он утверждает, что некоторые ценности выходят за рамки культуры, т. е. что они желательны независимо от культуры. Немного поразмыслив, вы придете к такому же заключению. Например, вы наверняка согласитесь, что запрещения рабства желают во всем мире. Рейчелз (1986) замечает, что другой такой ценностью должно быть безоговорочное соблюдение интересов каждого человека, если только люди не заслуживают особого к себе отношения вследствие их прошлых поступков. Такой принцип не оставляет места расизму и сексизму. Нельзя относиться к людям по-разному лишь в силу их половой или расовой принадлежности.

Этот принцип является универсальной ценностью не потому, что об этом говорю я, и не потому, что в настоящий момент он высоко ценится западными людьми. Он должен быть универсальной моральной ценностью потому, что, как заявляет Рейчелз (1986), он остается действенным даже после самого тщательного изучения. Основная идея заключается здесь в том, что гендерное равенство и культурное разнообразие могут иногда приходиться в противоречие друг с другом, но уважение культурного разнообразия не требует безусловного принятия всех культурных обычаев. Существуют несколько универсальных ценностей, таких, как ген-

дерное и расовое равенство, которые должны заставлять нас придирчиво относиться к некоторым культурным обычаям и добиваться их изменения.

Резюме.

Часто полагают, что культурные универсалии (этики) — обычаи, встречающиеся во многих обществах по всему миру,— указывают на то, что гендерные различия имеют биологическую основу. Однако трудно сказать, вызваны ли эти подобию эволюционными факторами, или же они являются распространенным решением проблем, с которыми сталкивается все человечество.

Разделение труда на основе половой принадлежности присуще всем культурам, как присущи им гендерные стереотипы, дифференцированная социализация мальчиков и девочек и более низкий статус и меньшие властные возможности женщин по сравнению с мужчинами.

Разделение труда по половому признаку начинается в детстве. В целом отцы проводят с детьми примерно треть того времени, которое им посвящают матери. Женщины во всем мире выполняют большую часть домашних обязанностей, даже когда они работают вне дома.

Данные свидетельствуют об общекультурном подобию гендерных стереотипов. Исследование, проведенное в 25 странах, показало, что мужчин, как правило, считают более предприимчивыми, а женщин — более хозяйственными, хотя были выявлены культурные различия в том, в какой степени жители разных стран производят дифференцирование между полами по этим характеристикам. Во всех странах стереотипным являлось изображение женщин более слабыми и пассивными, чем мужчины. Страны с религиями, в которых женщины играют видную роль, отличались более положительными стереотипами женщин, чем страны, где все значимые религиозные фигуры — мужчины и религиозные обряды отправляются мужчинами.

Имеются значительные межкультурные отклонения в том, насколько решительно различные общества поддерживают традиционные гендерные роли. Однако в мире в целом женщины придерживаются более эгалитарных взглядов, чем мужчины, когда дело касается гендерно-ролевой идеологии.

Эмики (культурная специфика) особенно важны в связи с изменением гендерных ролей. Изменения могут происходить более быстрыми темпами в индивидуалистических культурах по сравнению с коллективистскими, а также в обществах, где политическая и культурная идеология ориентирована на равенство и минимальное социальное расслоение. Кроме того, путь к достижению гендерного равенства имеет свои особенности, зависящие от конкретной культуры, и факторы, которые привели к переменам в США, могут отличаться от тех, которые ведут к изменениям в других странах.

Мы не должны полагать, что какой-то культурный обычай плох лишь потому, что он отличается от наших. Однако мы не должны заходить в поддержании культурного разнообразия слишком далеко и одобрять культурные обычаи, связанные с этнической или гендерной дискриминацией.

Глава 7. Изменение гендерных ролей.

Изменение установок. Изменения на производстве. Повышение совместимости работы и семьи. Производственная политика поддержки семьи. Увеличение гендерного многообразия в организациях. Перемены в доме. Почему должно измениться распределение домашних обязанностей. Домашние обязанности

как случай несоответствия между установками и поведением. Справедливость и дифференциация домашних обязанностей. Изменение поведения родителей и педагогов. Изменение ложных представлений о гендере. Ложные представления о гендере. Как можно изменить эти ложные представления? Заключительные замечания. Резюме

Времена меняются. Возможно, для кого-то перемены происходят слишком стремительно, но они наступают недостаточно быстро для многих юношей и девушек, которых гендерные роли лишают возможности вести полноценный образ жизни.

Кэрол Нейджи Джеклин (Carol Nagy Jacklin), 1989

Эта завершающая глава посвящена тому, как изменились гендерные роли, какие изменения по-прежнему необходимы и как их вызвать. Главы 3 и 4 должны были показать, что традиционные гендерные роли необходимо менять.

Проблемы, связанные с женской ролью, включают в себя: низкую зарплату, низкий статус и небольшие властные возможности, а также загруженность домашними обязанностями. К ограничениям мужской роли можно отнести: лишенные содержательности отношения, недостаточную социальную поддержку и физические проблемы, вызванные переутомлением на работе и рискованным поведением. Эти ограничения указывают на то, что роли должны измениться. В этой главе мы также рассмотрим дополнительные причины необходимости изменения традиционных гендерных ролей.

Изменение установок.

Один из моих любимых романов — «Женщина в конце времен» (*Woman on the Edge of Time*) Мардж Пирси (Marge Piercy, 1976). В нем Пирси описывает лишенное гендерных различий общество, которое будет существовать в 2137 г. В этом отдаленном будущем порою трудно определить, мужчинами или женщинами являются индивиды. Их речь гендерно нейтральна: слова «она» и «он» вышли из употребления. Царит полная индивидуальная свобода: люди выбирают работу и увлечения исходя из собственных талантов, независимо от своей половой принадлежности. Женщины и мужчины воспитывают детей на равных основах, причем «матерями» именуют и тех и других. Доминирующими ценностями футуристического общества Пирси являются любовь, нежность, независимость, сила и общность, которые считаются не мужскими или женскими, а общечеловеческими ценностями.

Мы очень далеки от такого будущего, но многое свидетельствует о том, что ситуация меняется в сторону гендерного равенства. Вы можете легко это почувствовать, поговорив со своими родителями или их родителями. В исследовании Оскампа (Oskamp, 1991) были прослежены тенденции в гендерно-ролевых установках, имевшие место на протяжении 50-летнего периода. По данным опросов Гэллага, проведенных с 1937 по 1987 г., выяснилось, что только 33% людей, опрошенных в 1937 г., согласились с утверждением, что, если бы их партия выдвинула кандидатом в президенты женщину, они бы за нее проголосовали на выборах. В 1987 г. согласие с этим утверждением выразили 82%. В 1988 г. общественная поддержка Поправки о равных правах, гласящей, что «ни Соединенные Штаты, ни один штат не могут отрицать или ограничивать в законе равенство прав по при-

знаку пола», возросла до рекордных 73% по сравнению с 57% в 1976 г. В исследовании Оскампа (1991) также замечено, что за последние 20 лет появились свидетельства об увеличении поддержки женского движения. В 1985 г. 73% женщин и 69% мужчин сказали, что они поддерживают «усилия по упрочению и изменению статуса женщин в обществе», в сравнении с 40% женщин и 44% мужчин в 1970 г. Опрос Гэллапа, проведенный в 1993 г. и опубликованный в «Ежемесячнике опроса Гэллапа» (*The Gallup Poll Monthly*), также показал, насколько большие изменения произошли в установках, на основании чего был сделан вывод, что многие американцы являются сторонниками изменений в гендерных ролях. В 1975 г. 48% опрошенных заявили, что женщины не имеют равных с мужчинами трудовых возможностей; в 1993 г. это количество возросло до 60%. В 1975 г. 68% опрошенных одобрили то, что женщины работают, даже когда у них есть мужья, способные их экономически поддерживать; в 1993 г. эта цифра выросла до 86%. 99% опрошенных в 1993 г. согласились, что женщинам должны платить ту же зарплату, что и мужчинам, когда они выполняют аналогичную работу.

Все это свидетельствует об изменениях в установках, но мы знаем, что установки являются несовершенными предсказателями поведения. А изменилось ли поведение? В какой-то степени да. Все большее число женщин занимаются управленческой деятельностью и выполняют другие виды работ, в которых доминируют мужчины, а разрыв в зарплате между мужчинами и женщинами за последние 10 лет несколько сократился. В США большее, чем когда-либо ранее, количество женщин занимают выборные политические должности. Мужчины стали выполнять чуть больший объем работ по дому, и многие проводят больше времени со своими детьми, чем это делали их отцы. Однако из информации, представленной в предыдущих главах, видно, что нам предстоит еще очень долгий путь. В следующем разделе будут обсуждаться конкретные области, в которых необходимы изменения, и то, как можно им способствовать.

Изменения на производстве.

Повышение совместимости работы и семьи.

На поведение людей влияет структура и нормы среды, которая их окружает, а также их личные установки. Например, в главе 3 мы упомянули, что женщины могут стремиться зарабатывать, а мужчины — оставаться дома с детьми, но из-за низкой оплаты труда женщин этот вариант может быть экономически неосуществимым. В настоящее время структура производства препятствует изменению гендерных ролей. Производственные организации по-прежнему структурированы так, как если бы работники имели дома жену, несущую полную ответственность за семейную жизнь (Biernat & Wortman, 1991). Пауэлл (Powell, 1990) пишет, что нам необходимо отказаться от модели успешной профессиональной карьеры, предполагающей непрерывное продвижение вверх по служебной лестнице, и перестать рассматривать любую просьбу о предоставлении отпуска по семейным обстоятельствам, будь то со стороны женщины или мужчины, как свидетельство отсутствия преданности своей работе. И мужчины и женщины должны иметь возможность оставлять на время «беговую дорожку» в организации, чтобы вернуться на нее позже.

Производственная политика поддержки семьи.

Согласно Плеку (Pleck, 1993), тремя наиболее значимыми направлениями производственной политики поддержки семьи являются: поддержка мероприятий по присмотру за детьми, гибкие графики работы и отпуск по уходу за ребенком. Поддержка мероприятий по присмотру за детьми включает в себя: организацию яслей

и детских садов на производстве, приобретение или субсидирование яслей и детских садов, предоставление информации и создание справочных служб и программ, которые позволяют работникам оплачивать уход за детьми из дохода до вычета из него налогов. Было установлено, что гибкие рабочие графики, которые позволяют работникам начинать и заканчивать трудовой день в удобное для них время, при условии отработки требуемого количества часов, увеличивают время, которое родители могут потратить на своих детей (Pleck, 1993). Окин (Okin, 1989) предполагает, что оба родителя должны иметь право на более гибкие рабочие часы («гибкое время») без того, чтобы страдала их профессиональная карьера, в течение первых 7 лет жизни ребенка. Наконец, отпуск по уходу за ребенком позволяет родителям прервать работу в период рождения ребенка. Политика предоставления отпусков по уходу за ребенком варьирует в широких пределах как в отношении продолжительности времени, которое родителям позволяют отсутствовать на работе, так и того, оплачивается или нет это время. К сожалению, политика поддержки семьи, в частности поддержка мероприятий по присмотру за детьми и гибких рабочих графиков, в большинстве организаций в настоящий момент является скорее исключением, чем правилом.

Потребность в присмотре за детьми является реальностью для двух третей американских семей, и такой присмотр должен принять форму эффективного социального института, помогающего семьям исполнять свои обязанности и служащего потребностям детей, связанным с их развитием (Zigler & Lang, 1990). Работающим родителям крайне необходимо, чтобы был обеспечен недорогой, но качественный присмотр за их детьми (Pleck, 1993). Считается, что работающая мать поступает неразумно в отношении воспитания детей. Однако большинство матерей не имеют иного выбора, как только работать за деньги, и кроме того, общество, стремящееся быть демократичным, не может требовать, чтобы матери оставались дома со своими детьми (Zigler & Lang, 1990). Обнадеживает следующий факт: исследования показывают, что успеваемость в школе, результаты тестов IQ, а также эмоциональное и социальное развитие детей работающих матерей сравнимы с теми данными, которые обнаруживают у детей, чьи матери не работают (например, Clarke-Steward, 1989; Scarr, 1984; Scarr et al., 1989). После изучения результатов исследований влияния материнской занятости на детей Скэпп с коллегами (Scarr et al., 1989) пришли к выводу, что наши опасения в отношении влияния материнской занятости на развитие детей больше связаны с социально детерминированными теориями, касающимися того, что является оптимальным для детей, чем с научными фактами. Исследователи также указывают, что работающие родители находятся с детьми половину времени бодрствования последних и проводят такое же количество времени в непосредственном общении с ними, что и родители в семьях, где работает только отец. Кросби (Crosby, 1991) перечисляет ряд преимуществ, которые дети извлекают из того обстоятельства, что их мать работает, включая: увеличение контактов со сферой производства, гибкость и уверенность в отношениях с людьми, менее сексистские взгляды на гендер, более высокий уровень жизни, а также позитивную самооценку и инициативность.

Очевидно, что влияние на детей яслей и детских садов зависит от качества последних, причем исследования выявили такие характеристики ухода за детьми, которые способствуют их развитию (National Research Council, 1990; Zigler & Lang, 1990).

К сожалению, в Америке иметь адекватную среду для своих детей могут позволить себе лишь состоятельные семьи, бедные же семьи и принадлежащие к среднему классу часто бывают лишены этой возможности (Zigler & Lang, 1990). Кроме того, поскольку имеется большой резерв потенциальных работников, способных заменить тех, кто оставил свою работу, в настоящее время организации проявля-

ют незначительную инициативу по обеспечению присмотра за детьми на местах, предоставлению оплачиваемого отпуска для родителей или введения гибкого графика работы. Большинство работодателей не считают, что им необходимы новые, требующие крупных вложений козыри, способные привлечь и удержать работников, а многие организации вообще не могут позволить себе иметь таких козырей (Zigler & Lang, 1990). Это означает, что важную роль здесь должно играть государство. Например, можно было бы предоставить субсидии или налоговые льготы компаниям, которые внедряют у себя программы по присмотру за детьми. Циглер и Лэнг (Zigler & Lang, 1990) предложили множество оригинальных и надежных способов обеспечения качественного (приемлемого в плане воспитания) присмотра для «детей нации». В рамках программы Национального исследовательского совета под названием «Кто заботится об американских детях: политика присмотра за детьми на 90-е гг.» (*Who Cares for America's Children: Child Care Policy for the 1990's*, 1990) также проводится дискуссия о национальных задачах и альтернативной политике присмотра за детьми.

Политика поддержки детей, чьи родители работают, не являлась для нашего государства приоритетом. Тому был ряд причин. Одна состоит в том, что с подобными трудностями большинству высших государственных руководителей не приходилось сталкиваться лично. Кроме того, по-прежнему существует мнение, что женщины принадлежат дому и детям, и потому многие противятся попыткам изменить этот заведенный порядок (Zigler & Lang, 1990). Наконец, законодатели уделяют наибольшее внимание организованным политическим группам, а в настоящий момент отсутствует организованное «родительское лобби». Кросби (Crosby, 1991) замечает, что работающие родители не борются по-настоящему за реформу, так как в глубине души они считают, что делиться ответственностью за воспитание детей с другими — значит уходить от собственных обязанностей. Родители также не желают привлекать внимание работодателей к своим обязанностям по дому и семье из-за опасения, что те посчитают, что они не столь преданы работе. Вдобавок у работающих родителей имеется мало времени на организацию политических движений и участие в них.

Увеличение гендерного многообразия в организациях.

В главе 3 обсуждался ряд организационных факторов, которые ведут к более низкой зарплате и статусу женщин. Из этого обсуждения видно, что необходимы программы обеспечения равной оплаты труда и кадровая политика, которая изменила бы существующее положение вещей. Пауэлл (Powell, 1990) в обзоре исследований гендерных различий в менеджменте заключает, что не существует больших расхождений между потребностями, ценностями и стилем руководства управленцев мужчин и женщин. Пауэлл предлагает, чтобы факты, касающиеся гендерных различий в менеджменте, были доведены до сведения тех лиц в организациях, которые принимают ключевые решения. По его мысли, выводы из исследований для организаций очевидны: если отсутствуют какие бы то ни было различия между управленцами — женщинами и мужчинами, компании не должны действовать так, как будто такие различия существуют. Они должны стать «гендерно беспристрастными» в своих решениях и попытаться свести к минимуму различия в труде своих управленцев — мужчин и женщин, с тем чтобы искусственно создаваемые гендерные барьеры не мешали профессиональной карьере.

Программы поддерживающих действий (*affirmative action programs, AAPs*)^{*} являются одним из способов увеличения в организациях числа лиц из традиционно мало представленных групп. Эти программы призваны увеличить число женщин и

^{*} В другом переводе — "программы позитивных действий"; политические программы, направленные на ликвидацию дискриминации в обществе меньшинств: расовой, половой, и др.

представителей других недостаточно представленных групп, например афроамериканцев, на должностях, обычно занимаемых мужчинами евроамериканцами. Как замечает Гейс (Geis, 1993), поддерживающие действия — это способ обеспечения множественных, социально поддерживаемых моделей повышения авторитета женщин, с тем чтобы люди увидели, что для женщин приемлем и возможен высокий статус. Хотя программы поддерживающих действий и могут включать в себя какую-то целевую кадровую политику, предпочтительный подбор сотрудников на основе расовой или половой принадлежности, специальные программы обучения или учет расы и пола в качестве дополнительного фактора при приеме на работу и продвижении по службе, они вместе с тем запрещают (решениями Верховного суда, такими, как «Джонсон против округа Санта-Клара», 1987) использовать строгие «квоты» или игнорировать квалификацию претендентов. Как было упомянуто в главе 4, такие программы являются одним из путей уменьшения гендерной дискриминации на рабочих местах. Они побуждают работодателей расширять круг кандидатов, включая в их число женщин и представителей других недостаточно представленных групп. Поскольку распространенные стереотипы в отношении женщин и меньшинств заставляют работодателей воспринимать последних как несоответствующих должностям, обычно занимаемым белыми мужчинами, квалифицированных кандидатов из числа женщин и меньшинств могут не рассматривать в качестве серьезных претендентов на место, если на производстве не проводится политика поддерживающих действий. Однако существует ряд барьеров, мешающих эффективному осуществлению такой политики, к которым мы сейчас и обратимся.

Одной из главных проблем, препятствующих программе поддерживающих действий, является *предположение, что реципиенты поддерживающих действий не обладают нужной квалификацией*. Хейлман с коллегами (Heilman et al., 1992) обнаружили, что существует своего рода «клеймо (стигмат) некомпетентности», связанное с поддерживающими действиями. Когда считается, что женщину наняли в рамках программы поддерживающих действий, и мужчины и женщины расценивают ее как менее компетентную по сравнению с женщиной, не имеющей отношения к этой программе. Видимо, люди полагают, что квалификация человека, нанятого в рамках программы, не учитывается и что принятые на работу не обладают высокой квалификацией. По-видимому, люди также считают, что, если бы принятая на работу в рамках программы поддерживающих действий была по-настоящему квалифицированной работницей, ей бы не требовалась помощь в виде данной программы (Heilman et al., 1992; Pettigrew & Martin, 1987). Такие рассуждения могут иметь место, поскольку традиционно более низкий статус женщин и представителей меньшинств ведет к появлению стереотипов, оправдывающих их низкий статус. Когда добиваются успеха индивиды из традиционно влиятельных групп, считается, что их достижения обусловлены их достоинствами, тогда как успехи представителей менее влиятельных групп приносятся в жертву (Eberhardt & Fiske, 1994). Программа поддерживающих действий может в такой степени способствовать стереотипному взгляду на женщин и представителей меньшинств, что и тех и других будут рассматривать в качестве нуждающихся в посторонней помощи в силу их недостатков. Как указали Эберхардт и Фиске (Eberhardt & Fiske, 1994), некоторые люди полагают, что чернокожим или женщинам требуется помощь в продвижении вверх по служебной лестнице потому, что, согласно их стереотипным взглядам, все чернокожие ленивы, а женщины зависимы.

Если другие сочтут, что вы неквалифицированы, ваши предложения останутся без внимания, на вашу работу будут смотреть критическим взглядом и вокруг вас может создаться недружественная рабочая атмосфера. Например, при исследовании женщин-пожарных афроамериканского происхождения 82% опрошенных согласились, что «зачастую идея, предложенная женщиной, остается без ответа,

тогда как мужчина, предлагающий ту же идею, удостоивается похвалы», и 82% считали, что их ошибки замечают чаще, чем оплошности других (Yoder & Aniakudo, 1994). Обнадёживает следующее обстоятельство: исследования показывают, что, когда наблюдателей снабжают информацией, в которой отражена квалификация реципиента программы поддерживающих действий, они проявляют меньше сопротивления и враждебности факту найма (Major et al., 1994; Murrell et al., 1994). Эберхардт и Фиске (Eberhardt & Fiske, 1994) рекомендуют, чтобы работодатели предоставляли объективную информацию, касающуюся квалификации только что нанятых или переводимых на вышестоящую должность женщин и представителей меньшинств, другим работникам, дабы уменьшить их опасения и подозрения.

Аналитиков и исследователей политики организаций интересует и то, не отражается ли стигматизация поддерживающих действий на отношении реципиента к собственной компетентности. И действительно, ряд критиков программы поддерживающих действий утверждают, что она заставляет льготников сомневаться в своих навыках и способностях и тем самым причиняет им вред (Nacoste, 1990). Экспериментальные исследования, как правило, показывают, что исследуемые женщины, полагающие, что их взяли на работу только благодаря их полу, преуменьшают значимость результатов своей работы (Heilman et al., 1987; Turner & Pratkanis, 1994; Turner et al., 1991). Однако, как указывалось ранее, поддерживающие действия редко предполагают непринятие во внимание квалификации, и реципиенты это знают. Кроме того, большинство реципиентов, вероятно, не считают себя неквалифицированными. Например, 77% афроамериканских женщин-пожарных, которых опрашивали Йодер и Анякудо (Yoder & Aniakudo, 1994), сообщили, что их наняли в рамках программы поддерживающих действий, но ни одна из них не считала, что этот факт влияет на оценку ими своей компетентности. Хейлман с коллегами (Heilman et al., 1990) установили, что льготный прием на работу на основе половой принадлежности способствует негативному восприятию своей компетентности только в том случае, когда люди уже испытывают недостаток уверенности в своих способностях. Более того, есть данные, что надежная позитивная обратная связь, касающаяся выполнения работы, и доведение до сведения реципиентов позитивных действий того, что их считают квалифицированными, способны избавить их от сомнений и умаления собственных достоинств, которые могут иметь место в случае найма с учетом лишь половой принадлежности (Heilman et al., 1991; Turner & Pratkanis, 1994; Turner et al., 1991).

Еще одна проблема, связанная с ААР, заключается в том, что *число реципиентов в организациях, как правило, остается по-прежнему очень небольшим с точки зрения статистики, в результате чего отношение к ним, основывающееся на гендерной или расовой принадлежности, продолжает сохраняться.*

Примечательно, что, хотя программы поддерживающих действий и призваны уменьшить гендерную или расовую дискриминацию на производстве, они могут способствовать гендерно-стереотипному отношению к реципиентам поддерживающих действий. Это происходит из-за того, что женщины или представители меньшинств обычно остаются на предприятиях в меньшинстве, поскольку программы поддерживающих действий часто приводят к найму лишь нескольких лиц из традиционно мало представленных групп. Количественный недостаток представителей стереотипизируемой группы в организации приводит к тому, что женщина или принадлежность человека к какой-либо группе меньшинств бросается в глаза, тем самым способствуя такому отношению к ним, которое обусловлено гендерными или расовыми стереотипами. Эта приметность также способствует значительному напряжению, связанному с выполнением работы данным индивидом, которому может казаться, что за ним или за ней постоянно «наблюдают»

(Powell, 1987). Вдобавок стереотипы имеют свойство сохраняться вопреки фактам, свидетельствующим об обратном, поэтому должны иметь место многочисленные контакты между людьми, придерживающимися какого-то стереотипа, и лицами, отклоняющимися от этого стереотипа, прежде чем первые пересмотрят свои взгляды (Mackie et al., 1992 a, 1992 b). Найма только нескольких индивидов из традиционно мало представленных групп часто оказывается недостаточно, чтобы преодолеть мышление по принципу «это исключение из правил» (создание субкатегории для лиц, которые делают стереотип недействительным). Число женщин и представителей меньшинств во всех профессиях должно увеличиваться, так чтобы индивидуальные вариации внутри каждой группы были заметны и стало ясно, что индивиды, отклоняющиеся от стереотипа, не являются лишь исключением из общего правила.

Отсутствие поддержки — еще одна помеха эффективному осуществлению программы поддерживающих действий. Кравиц и Платаниа (Kravitz & Platania, 1993) обнаружили, что неприятие многими людьми поддерживающих действий основано на непонимании того, что они за собой влекут. К примеру, их респонденты полагали, что программы поддерживающих действий должны включать в себя использование квот и обязательный найм неквалифицированных кандидатов. Исследователи предположили, что поддержка была бы большей, если бы люди были лучше информированы. Например, людям надо сказать, что поддерживающие действия предполагают принятие во внимание демографической принадлежности кандидатов только после того, как будет проверена их компетентность. Внимание, уделяемое средствами массовой информации (СМИ) белым мужчинам, которые могли бы быть приняты на работу или повышены в должности, если бы не ААР, также может способствовать тому, что белые мужчины считают поддерживающие действия несправедливыми, связанными главным образом с квотами и обратной дискриминацией. Я подозреваю, что случаи, которые кажутся белым особенно несправедливыми, в первую очередь привлекают внимание СМИ и тем самым лучше запоминаются в качестве примеров поддерживающих действий. Согласно *эвристике доступности (availability heuristic)* (Kahneman et al., 1982), чем доступнее для памяти что-то, тем чаще, на наш взгляд, это имеет место. Примеры поддерживающих действий, которые доступны большинству людей, не являются репрезентативными для ААР и могут привести к тому, что люди станут переоценивать частоту случаев сомнительной практики ААР.

Эвристика доступности (Availability heuristic). Психологический эффект, состоящий в том, что чем доступнее для нашей памяти какое-то явление, то тем чаще, на наш взгляд, оно имеет место.

Отсутствие поддержки поддерживающих действий вызвано также мышлением по принципу «все или ничего» (zero-sum), которое имеет место из-за недостатка рабочих мест и должностей. Конфликт типа «все или ничего» происходит тогда, когда считается, что для того, чтобы кто-то победил, другой человек должен проиграть. Социальные психологи полагают, что мышление по принципу «все или ничего» способствует межгрупповому конфликту (Rubin et al., 1994). Белые мужчины имеют наиболее негативные установки в отношении поддерживающих действий (Kravitz & Platania, 1993) и часто считают, что поддерживающие действия являются несправедливой обратной дискриминацией. Им кажется, что их лишили чего-то, что они заслуживают, и они ощущают себя жертвами несправедливой процедуры найма на работу (Heilman, 1994; Nacoste, 1990). Верно, что в сегодняшних условиях недостатка рабочих мест работодатели иногда пытаются видоизменить прежнюю дискриминационную политику, предоставляя имеющиеся немногочисленные вакансии лицам из традиционно дискриминируемых групп.

Возможно, с наступлением более благоприятных экономических времен восприятие поддерживающих действий как ситуации «все или ничего» канет в небытие. Однако я опасаясь, что белые мужчины придают слишком большое значение поддерживающим действиям как причине своей незанятости или отсутствия продвижения по службе (как было продемонстрировано в главе 3, у белых мужчин по-прежнему имеются значительные преимущества в области занятости). Они поступают так, поскольку эта позиция срабатывает на многих уровнях: она оберегает имидж белого мужчины (ее можно использовать для убеждения других в том, что причиной неудачи являются внешние обстоятельства, а не сам человек), она защищает его эго (человеку не приходится объяснять неудачу отсутствием у себя способностей) и она получает социальное подкрепление (другие члены социальной группы соглашаются с ней и поддерживают ее).

Установки руководства организации также важны, и верность поддерживающим действиям со стороны администрации является, очевидно, одним из наиболее значимых факторов, влияющих на эффективность ААР (Hitt & Keats, 1984). Конрад и Линнехан (Konrad & Linnehan, 1993) установили, что чем более положительными являются установки руководства по отношению к поддерживающим действиям, тем более масштабный характер имеет политика поддерживающих действий и тем большее число женщин и цветных становятся руководителями. В отдельных случаях от работодателей требуют демонстрации адекватного представительства женщин и меньшинств для получения государственного заказа. Конрад и Линнехан (1993) обнаружили, что ААР чаще осуществляется именно в этой ситуации. Однако даже когда имеют место такие требования, работодатели и менеджеры могут внедрять ААР лишь в минимальном объеме и негативно реагировать на реципиентов поддерживающих действий из-за *психологического реактивного сопротивления* (*psychological reactance*). Психологическое реактивное сопротивление имеет место тогда, когда мы реагируем на попытки контролировать наше поведение потому, что нам не хочется быть лишенными возможности самим его контролировать (Brehm, 1966).

Когда же срабатывает программа поддерживающих действий? Очевидно, что позитивные действия не являются панацеей от всех бед и нельзя ожидать, что они сами по себе изменяют гендерные роли или устранят гендерное неравенство. Однако, если выполняются определенные условия, поддерживающие действия могут стать важной частью движения в сторону гендерного равенства. Без него гендерные и этнические стереотипы могут лишать квалифицированных женщин и представителей традиционно мало представленных групп возможности быть рассмотренными в качестве серьезных кандидатов на должности, обычно занимаемые белыми мужчинами. Конрад и Линнехан (1993) определили, что ААР ведет к повышению числа женщин и цветных на управленческих должностях.

Обсуждая выше поддерживающие действия, мы сделали несколько предположений в отношении повышения вероятности успеха таких программ. По-видимому, работодатели должны предоставлять другим работникам объективную информацию, касающуюся квалификации только что нанятых или повышенных в должности женщин и представителей меньшинств, с тем чтобы умерить их опасения и подозрения. Люди должны также быть лучше информированы в отношении того, что влекут за собой поддерживающие действия. В частности, им следует понять, что, согласно закону, сначала должна быть проверена компетентность кандидатов. Указания Комиссии по соблюдению равноправия при трудоустройстве (ЕЕОС) строго гласят, что подбор работников согласно плану поддерживающих действий должен быть основан на способности кандидата выполнять работу и что такие планы не должны требовать найма неквалифицированных лиц. Как было упомянуто ранее, в нескольких решениях Верховного суда также подчеркивалось, что

недопустимы строгие квоты и игнорирование квалификации кандидата. Тернер и Пратканис (Turner & Pratkanis, 1994) также указали на важность информирования работников о том, что поддерживающие действия могут привести к многообразию навыков и взглядов, полезных для организации. Должно быть нанято достаточное количество женщин и представителей меньшинств, с тем чтобы были очевидны индивидуальные вариации внутри каждой группы и стало ясно, что отличающиеся от стереотипа индивиды не являются всего лишь исключением из правила.

Я вспоминаю, как мой свекор рассказывал о случае, когда ему пришлось трудиться на одном из государственных предприятий с работниками, которые, в том числе и его начальник, были исключительно женщинами афроамериканского происхождения. Он сказал, что сначала не поверил, что они могут быть компетентными работниками, а мысль о начальнике-женщине вызвала у него усмешку. Теперь он считает, что опыт работы с этими женщинами изменил его мышление. Кук (Cook, 1985) при обсуждении расовой десегрегации указывает условия, при которых контакты между людьми должны привести к желательным изменениям установок. Во-первых, должен быть одинаковым статус лиц, контактирующих друг с другом. Во-вторых, контакты должны быть такими, чтобы стало ясно, что негативные стереотипы некорректны. В-третьих, должна быть общая цель, к которой стремятся, сотрудничая между собой, люди из традиционно притесняемой и традиционно доминирующей группы. В-четвертых, контакты должны быть такими, чтобы имелись возможности для близкого знакомства, т. е. чтобы лица из традиционно притесняемой группы могли рассматриваться как индивидуальности, а не просто как члены стереотипной группы. И в-пятых, социальные нормы должны способствовать концепции равенства и межгруппового контакта. Как показывает опыт моего свекра, программы поддерживающих действий, подобные десегрегации в школе, вероятно, срабатывают лучше всего именно в этих условиях. Организации с ААР должны максимально учитывать эти условия с целью увеличения эффективности данных программ.

Перемены в доме.

Почему должно измениться распределение домашних обязанностей.

Маловероятно, что гендерные роли изменятся раньше, чем изменится распределение обязанностей в семье. В настоящее время распределение домашних обязанностей на гендерной основе является симптомом продолжающегося гендерного неравенства и гендерно-ролевой социализации (Blair & Lichter, 1991).

«...Распределение работ по дому и присмотру за детьми отражает в микроскопе ту несправедливость во властных отношениях между мужчинами и женщинами, которая характерна для общества в целом» (Braverman, 1991, p. 26).

Традиционное распределение работ по дому может также способствовать поддержанию низкого статуса женщин. Ребенку очевидно, что человек, работающий весь день и обязанный, вернувшись домой, готовить и делать уборку, имеет более низкий статус, чем тот, кто работает весь день, но кому не приходится выполнять эти обязанности по возвращении домой. Дети могут тогда сделать вывод, что женщины действительно должны находиться в подчиненном положении, иначе они бы не имели этот более низкий статус.

Традиционное распределение домашних обязанностей приводит к тому, что у детей появляются гендерные стереотипы и они овладевают разными навыками, основанными на их гендерной принадлежности. Когда дети видят женщин и мужчин исполняющими разные роли, они начинают думать, что мужчины и женщины

обладают разными качествами, которые позволяют им лучше приспосабливаться к этим разным ролям. Затем эти гендерные стереотипы действуют в качестве социальных норм, или предписаний, поведения. Другими словами, дети начинают считать, что мужчины и женщины должны исполнять различные роли и обладать различными психологическими качествами. В результате они стремятся овладеть различными навыками, зависящими от их гендера, и, как следствие, могут оказаться плохо подготовленными к многообразным ролям, которые им, вероятно, придется исполнять в дальнейшем. Мои студентки, живущие в общежитии, часто рассказывают мне о том, как они учат студентов-юношей гладить или стирать белье. Или же, как замечает Джеклин, гендерные роли и основанное на половой принадлежности разделение труда способствует развитию навыков воспитания детей у женщин, но не у мужчин. «Почему, — спрашивает она, — навыки воспитания детей следует развивать только у одного пола? Ведь такие навыки могут стать противоядием жестокости» (Jacklin, 1989, p. 132).

Возложение бремени ухода за детьми и домашней работы на женщин также мешает им реализовать свои организационные и политические возможности. Вы можете вспомнить из главы 3, что женщины-управленцы реже выходят замуж и заводят детей, чем женщины, не занимающие руководящих постов. Причиной этого может быть то, что работающие женщины оказываются неспособными задерживаться на производстве, работать по выходным или отпраиваться в командировки и чаще отсутствуют на работе в связи с необходимостью ухода за детьми или их болезнью. Кроме того, производственные руководители часто не желают продвигать женщин по службе, предполагая, что их семейные обязанности делают их менее преданными организации (даже когда для такого предположения нет никаких оснований). Короче говоря, хорошо известно, что женщины несут большую часть ответственности за домашнюю сферу, и если изменить это условие, тогда его не станут использовать против них на производстве. Если перефразировать Таврис и Уэйд (Tavris & Wade, 1984), то в отношении политической власти можно сказать следующее: рука, которая качает колыбель и работает вне дома, может оказаться слишком усталой для того, чтобы управлять миром, и слишком занятой другими обязанностями для того, чтобы превратить свою власть в институт.

Еще одна причина необходимости изменения традиционного разделения домашнего труда состоит в том, что конфликты по поводу выполнения домашних обязанностей и ухода за детьми являются основным источником напряжения в отношениях между супругами. В исследовании 600 пар, подавших заявление на развод, Джордж Левинджер (Levinger) (см.: Hochschild, 1989) указывает, что второй наиболее распространенной причиной развода, по словам женщин, является то, что их мужья пренебрегают своими обязанностями по дому и присмотру за детьми. В исследовании, которое провели Бут и коллеги (Booth et al., 1984), выявлено, что с увеличением числа размолвок из-за домашних обязанностей понижается удовлетворенность браком и его стабильность. В своем исследовании семей, где работают оба супруга, Стейл и Турецки (Steil & Turetsky, 1987) обнаружили, что чем больше ответственности берет на себя муж по части ухода за детьми и домашних работ, тем в большей степени жена бывает удовлетворена браком. Плек (Pleck, 1985) изучил результаты исследований участия мужей в уходе за детьми и выполнении домашних обязанностей и заключил, что участие мужей оказывает положительное влияние на оценку мужьями и женами удовлетворенности их семейной жизнью. Он предполагает, что это происходит потому, что: жены испытывают меньше негативных чувств, активное участие в домашней жизни может повысить у мужа чувство контроля за происходящим, а некоторые задачи, например уход за детьми, могут доставлять удовольствие и мужьям и женам. Партнеры-мужчины, участвующие на равной основе в выполнении домашних работ, могут

также получать определенную психологическую пользу, испытывая меньшее чувство вины.

Домашние обязанности как случай несоответствия между установками и поведением.

Хотя мужчины и женщины часто соглашались, что, когда работают оба партнера, должно иметь место более равноправное распределение обязанностей дома, исследования обнаружили относительно немного примеров поведенческих изменений в этом направлении (Demo & Acock, 1993; Hardesty & Bokemeier, 1989; Hilton & Haldeman, 1991; Lawrence et al., 1987). Плек (Pleck, 1985) приходит к следующему выводу: имеющиеся в наличии данные показывают, что мужчины более психологически вовлечены в семейную, чем в производственную жизнь, и предполагает, что эта вовлеченность образует основу для расширения участия мужчин в выполнении домашних обязанностей и присмотре за детьми. Однако он признает, что мужчины принимают относительно небольшое участие в этих видах деятельности.

Как же люди могут быть столь непоследовательными? Обычно мы считаем, что установки и поведение людей согласуются друг с другом. И действительно: одна теория, очень популярная в социальной психологии 60-х — начала 70-х гг. и носящая название *теории когнитивного диссонанса (cognitive dissonance theory)* (Festinger & Carlsmith, 1959), основана на идее, что любое несоответствие столь психологически неприятно, что, как только мы его осознаем, у нас появляется сильная мотивация избавиться от него, изменив свое поведение или рационализовав это несоответствие. Один из способов рационализации большего вклада женщины в семейную жизнь — это привлечение внимания к ее меньшему экономическому вкладу в домашнее хозяйство. Росс с коллегами (Ross et al., 1983) установили, что чем выше заработок мужа, тем менее вероятно, что он принимает участие в домашней работе и уходе за детьми, а чем выше заработок женщины, тем скорее он будет выполнять эти обязанности. Стейл и Турецки (1987) в исследовании 815 семей, в которых работают оба супруга, обнаружили, что чем больше зарабатывает жена по сравнению с мужем, тем больше ее участие в принятии важных решений и тем меньшую ответственность она несет за выполнение домашних обязанностей (кроме ухода за детьми, на который эта переменная не влияет). Разумеется, как мы заметили ранее, женщины обычно заняты на низкооплачиваемых, непрестижных работах, а это означает, что большинство женщин зарабатывают меньше, чем их мужья. Любопытно, что большее участие женщин в домашней жизни иногда используется для оправдания их более низкого статуса и зарплаты на производстве, а их более низкий статус и зарплата на работе используются для оправдания того, что они должны выполнять большую часть работ по дому.

Теория когнитивного диссонанса (Cognitive dissonance theory). *Положение, гласящее что любое несоответствие столь психологически неприятно для человека, что, как только мы его осознаем, у нас появляется сильная мотивация избавиться от него, изменив свое поведение или рационализовав это несоответствие. Один из способов рационализации большего вклада женщины в семейную жизнь — это привлечение внимания к ее меньшему экономическому вкладу в домашнее хозяйство.*

Дифференциация домашней работы, основанная на половой принадлежности, распространена даже в тех случаях, когда ей трудно найти оправдание. Одна женщина рассказала мне о том, что ее муж сначала утверждал, что его меньший вклад в домашние обязанности и уход за детьми оправдан его более высоким доходом. Тогда она указала ему, что, учитывая предоставляемые ей льготы (по

страховке и т. д.), ее финансовый вклад равняется его вкладу. Здесь мы могли бы ожидать, что он согласится оказывать большую помощь в работах по дому, поскольку рационализация, что ее финансовый вклад в домашнее хозяйство меньше, чем его, более не могла служить в качестве оправдания недостаточной помощи по дому с его стороны (имело место то, что социальные психологи называют «недостаточным внешним оправданием» несоответствия). Однако этого не произошло: он по-прежнему не желал помогать. Фишбейн и Айзен (Fishbein & Ajzen, 1975), а также Уикер (Wicker, 1969) выявили ряд ситуаций, в которых люди демонстрируют несоответствие между установкой и поведением, не испытывая, по-видимому, побуждения к изменению данной ситуации. Можно предложить множество объяснений, почему мужчины и женщины на словах выступают за более равноправное разделение труда, однако придерживаются традиционного распределения обязанностей в своей жизни.

Одной из причин несоответствия между установками и поведением является то, что *человек может не знать, как выполнять соответствующие действия*. Некоторые люди утверждают, что дело не столько в том, что мужчины пытаются избавиться от выполнения на равных началах работы во «второй смене», сколько в том, что из-за особенностей социализации они просто не знают, как нужно делать уборку, готовить или обращаться с детьми. Ранний опыт социализации мог не позволить мужчинам овладеть навыками, необходимыми для выполнения домашних работ. Соответственно изменения в поведении могут отставать от изменений установок. Этоу и Лисс (Etaugh & Liss, 1992) установили, что девочек просят делать больше работ по дому, чем мальчиков, и они значительно чаще занимаются приготовлением пищи, стиркой и уборкой. Кроме того, поскольку дети обращают больше внимания на модели, имеющие отношение к их полу, мальчики не придают большого значения тому, что делает их мать, и не моделируют ее поведение. В результате они не усваивают более детализированные схемы домашних работ, которыми овладевают представительницы женского пола. Браверман (Braverman, 1991) говорит, что, если ранний опыт мужчин не позволил им овладеть навыками работы по дому, они должны учиться им у женщин. Юморист Дейв Барри (Barry, 1987) предположил, что женщины проводят многие часы за терпеливым изучением основополагающих понятий, связанных с уборкой в доме (например, откуда появляется чистая посуда), которые остаются непостижимой тайной для «неполноценных в этом отношении» людей (которыми, как он говорит, являются примерно 85% мужчин).

Другая причина, объясняющая несоответствие между установками и поведением, состоит в том, что *общие установки часто не предсказывают конкретное поведение*. Другими словами, общие вопросы в отношении того, должна ли домашняя работа выполняться мужчинами на более равноправной основе, могут не указывать, какой именно объем работ следует выполнять конкретному мужчине. Если вы действительно хотите знать, желает ли мужчина помогать по дому, узнайте его установку в отношении выполнения конкретных домашних работ.

Третья причина несоответствия между установками и поведением заключается в том, что *другие установки могут формировать конкурирующие модели поведения*. Например, в семьях, где трудятся оба супруга, часто бывает необходимо, чтобы мужчины отказывались в какой-то мере от своего досуга, с тем чтобы сделать больше работ по дому. Установки мужчин в пользу досуга и соответствующие модели поведения могут вступать в противоречие с их моделями поведения, согласующимися с установкой на справедливость.

Неприятие мужчинами скучных домашних работ может брать верх над их установками в пользу справедливости. Один мой знакомый мужчина как-то сказал: «Я целиком и полностью за права женщин. Я не жду, что они будут выполнять до-

машинную работу, и не считаю, что это их обязанность. Но я просто не хочу ее выполнять». Установки мужчин, направленные на продвижение по службе, могут также быть более значимыми, чем их установки в пользу справедливости, поскольку больший объем заданий по дому может означать меньшее время, посвященное работе.

Подобно мужчинам, женщины могут иметь установку, которая предполагает, что мужчины должны делать больше работ по дому, но иметь конкурирующие представления, что «добропорядочным» женщинам следует присматривать за домом. Поэтому они могут быть не слишком требовательными в отношении оказания им большей помощи. Бирнат и Вортман (Biernat & Wortman, 1991) обнаружили, что работающие женщины критически относятся к выполнению своих обязанностей жен и матерей и, когда оценивают себя, по-видимому, используют в качестве эталона сравнения неработающих жен и матерей. Многие женщины испытывают сильные внутренние конфликты: с одной стороны, их приучили считать, что «добропорядочные» женщины делают все эти вещи ради семьи, выражая тем самым свою любовь, тогда как, с другой стороны, они по-настоящему загружены и нуждаются в помощи (особенно те, у кого есть дети и у кого отнимает много времени работа). Они сердятся, когда мужчины им не помогают, но им кажется, что они поступают «дурно», когда просят своих партнеров-мужчин об этой помощи. Этот случай может быть менее характерен для афроамериканских женщин. В силу долгой истории участия в трудовой жизни черные женщины не рассматривают занятость на производстве и выполнение семейных обязанностей в качестве взаимоисключающих элементов (Dugger, 1988). Одно исследование показало, что черные женщины смотрят на занятость на производстве как на совместимую с материнством в большей степени, чем белые женщины (Murrell et al., 1991).

Согласованность между установками и поведением также частично зависит от социальных норм, а *социальные нормы могут требовать моделей поведения, которые несовместимы с установкой человека*. Например, может оказаться, что мужчины воспринимают социальные нормы как гласящие, что их мужественность базируется в определенной мере на избегании выполнения женских обязанностей, таких, как домашняя работа и присмотр за детьми, и опасаются, что их родственники или приятели станут укорять их за участие в такой деятельности. Они могут ожидать, что услышат от окружающих презрительные замечания подобного рода: «Мужик, похоже, тебя взнуздали», «Я могу тебе сказать, кто у вас в семье носит брюки: определенно не ты» и «Какие же мы женственные!» Такая реакция со стороны окружающих показывает мужчинам, что выполнение домашних обязанностей для них социально неприемлемо. Гюнтер и Гюнтер (Gunter & Gunter, 1990) установили, что в семьях, где мужья отличались традиционной мужественностью (как она оценивается с помощью Опросника Бем — Bem Sex Role Inventory), жены выполняли наибольший объем домашних работ, а мужья — наименьший. Фаулкс (Fowlkes, 1987) указывает, что в то время как статус женщины часто повышается за счет добавления к ее домашним обязанностям факта занятости на оплачиваемой работе, статус мужчины нередко понижается, если он выполняет «женскую» работу. Социальные нормы, связанные с домашней работой, становятся для нас очевидны в период детства (мы уже упомянули, как родители заставляют мальчиков и девочек выполнять различные задания и как это отражается на традиционном распределении обязанностей по дому).

Женщины могут также полагать, что социальные нормы поддерживают более традиционное разделение домашних обязанностей. Большая часть нас воспитывалась в семьях, где труд определялся половой принадлежностью, и если оглянуться вокруг, то видно, что эти нормы продолжают иметь место. Переступить через социальные нормы очень трудно, и многие женщины испытывают меньшую

вину и дискомфорт в отношении своей оплачиваемой работы, если они выполняют большую часть домашней работы и ухода за детьми. Конечно, как мы указывали ранее, социальные нормы не универсальны даже внутри одного и того же общества. В отдельных социальных группах женщину не воспринимают негативно, когда она не удовлетворяет своей роли хозяйки дома или если ее супруг вносит равный вклад в работы по дому.

Справедливость и дифференциация домашних обязанностей.

Как же женщины относятся к несправедливому распределению домашних обязанностей? Здесь можно воспользоваться *теорией справедливости (equity theory)*, обсуждавшейся в главе 3. Мы помним, что, согласно этой теории, человек, сталкивающийся с ситуацией, когда он получает несправедливо низкую заработную плату, обычно стремится восстановить справедливость. При выполнении домашней работы женщины, как правило, пытаются добиться подобного за счет уменьшения собственного вклада, что подразумевает снижение требований к себе (например, перестают ежедневно заправлять постель, оставляют кухонный пол неподметенным дольше обычного), попытки заставить супруга увеличить свой вклад (например, взять на себя часть домашних обязанностей) или, что бывает чаще, и то и другое. Согласно исследованию Хохшильда (Hochschild, 1989), большинство женщин проигрывают сражение за большее участие их мужей в работе по дому. Теория справедливости предполагает, что, как только человек проигрывает это сражение, перед ним открываются две возможности разрешения несправедливой ситуации: разорвать отношения или изменить свое отношение к происходящему. Хотя некоторые женщины и решаются разорвать свои отношения с партнерами по этим причинам, когнитивное приспособление является, вероятно, более типичным. Оно может подразумевать привлечение внимания к тому факту, что супруг делает больше, чем большинство мужчин, или что он «добр с детьми» (если это действительно имеет место), или же получение удовлетворения от своего статуса «сверхженщины».

Стремление увеличить вклад мужа в работу по дому иногда приводит к новому конфликту, когда мужчина делает то, что женщина расценивает как вялые попытки равного распределения домашних обязанностей. Когда моя подруга однажды оставила на время своих детей с мужем, он забыл их накормить, переодеть и причесать. Его ответ на ее беспокойство по поводу такого ухода за детьми был следующим: «Но они же не умерли из-за этого?» Конфликт также имеет место тогда, когда женщины вынуждены просить о помощи не один раз и в итоге ощущают себя настоящей «пилой» (Crosby, 1991). Зачастую женщины просто перестают обращаться с просьбами и выполняют всю домашнюю работу сами, испытывая при этом чувство негодования.

Мужчины часто утверждают, что их попытки вполне адекватны, просто они не соответствуют необоснованно высоким стандартам женщин. Им кажется, что их партнерши сами отваживают их от участия в работах по дому, требуя, чтобы задания выполнялись определенным образом, в определенное время и согласно тем или иным стандартам (Hawkins & Roberts, 1992). Одна из проблем здесь в том, что работающие женщины нередко перенимают свои стандарты у женщин, которые не трудились вне дома, например у своих матерей или бабушек или даже у героинь телевизионных передач. Бирнат и Вортман (Biernat & Wortman, 1991) установили, что работающие жены обеспокоены грязью в доме, невкусной едой и невыполнением плановых домашних работ значительно в большей степени, чем их мужья. Исследователи предположили, что относительно строгие стандарты жен при оценке домашней обстановки имеют место потому, что женщин учат определять свою значимость исходя из того, как ведется домашнее хозяйство. Аналогичным образом другие специалисты (Hochschild, 1989; Pleck, 1983) допускают,

что женщины не желают отказываться от контролирования домашних обязанностей из-за того, что сфера семейной жизни остается для жен основным источником идентификации. Также представляется вероятным, что женщины могут не желать отказываться от контроля за той единственной областью, в которой их признают более компетентными по сравнению с мужчинами. В экспериментальном исследовании, в котором участвовали смешанные пары, обсуждавшие женские, мужские и гендерно-нейтральные обязанности, Довидио с коллегами (Dovidio et al., 1988) обнаружили, что единственный случай, при котором испытуемые женщины демонстрировали более властные вербальные и невербальные модели поведения, имел место тогда, когда обсуждалась какая-то женская обязанность, с которой мужчины не были знакомы (например, шитье). Мужчины демонстрировали более властные модели поведения, чем женщины, в случае обсуждения как мужских обязанностей (замена масла в автомобиле), так и работ, не связанных с гендерной принадлежностью (садоводство).

Что же можно сделать, чтобы уменьшить несправедливость в разделении домашних обязанностей? У меня есть ряд предложений. Первое состоит в том, что уменьшение разницы в заработной плате мужчин и женщин может способствовать большему участию мужчин в домашней жизни. Это помогло бы избавиться от рационализации, что женщины должны выполнять большую часть домашних работ, с тем чтобы компенсировать свой меньший финансовый вклад в домашнее хозяйство. Другое предложение сводится к тому, что в отдельных случаях женщины должны снизить свои стандарты. Третье предложение заключается в следующем: родителям следует учить своих маленьких сыновей выполнению домашних обязанностей. Аналогичным образом мужчины должны позволять женщинам наставлять их в том, как эти обязанности выполнять.

Наконец, женщины должны вносить ясность в свои требования, касающиеся участия мужчин в домашней жизни. Поскольку женщины часто проявляют амбивалентность в отношении требований о большем вкладе мужчин в работы по дому, они не всегда прямы в своих просьбах о помощи. К примеру, они могут произнести такие слова: «Дорогой, эта куча белья растет прямо на глазах. Я чертовски устала с ней бороться», тогда как на самом деле они хотят сказать следующее: «Пожалуйста, постирай кое-что на этой неделе». Подобная нерешительность усугубляется еще и тем, что им не хочется просить о помощи. Тому существует две причины. Во-первых, они не хотят выглядеть сварливыми. Это неприемлемо. Во-вторых, они трактуют добровольное участие своего партнера как знак его любви к ним. Иными словами, женщинам часто кажется: «Если бы он действительно меня любил, то захотел бы оказать мне помощь и облегчить мою ношу». В результате они продолжают ждать в надежде увидеть этот знак его любви. Когда же этого не происходит, они сердятся, негодуют и чувствуют себя оскорбленными. Их негодование еще больше усиливается, когда они начинают рассматривать нежелание мужчин помогать как признак того, что последние считают свой статус и авторитет более высокими. Другими словами, им кажется, что нежелание мужчин помогать по дому — это еще один способ заявить: «Я заслуживаю больших привилегий, чем ты. Я не должен по возвращении домой выполнять дополнительную работу, ты же, будучи женщиной, не обладаешь подобными привилегиями». Неудивительно, что все это расстраивает женщин, стремящихся быть равноправными партнерами. Мне представляется, что многие мужчины не догадываются об этой часто невыраженной динамике и что они стремились бы принять большее участие в работе по дому, если бы поняли, какой ущерб их отношениям с женщинами наносит их неучастие в выполнении домашних обязанностей.

Изменение поведения родителей и педагогов.

Родителям и педагогам необходимо научиться подходить к детям исходя из индивидуальных особенностей последних, а не из предполагаемых гендерных различий. Из содержания глав 1, 2, 5 и 6 видно, что гендер детей может влиять на то, чего родители и учителя от них ждут, а это может повлечь за собой различное отношение к детям, основанное на их гендерной принадлежности. В результате у детей могут выработаться гендерно дифференцированные навыки и представления о себе, которые станут затем ограничивать их возможности.

Учителей можно направлять на курсы, на которых будет говориться о гендерной тенденциозности в педагогике и о том, как с ней бороться. Бем (Bem, 1981) предполагает, что безобидные на первый взгляд гендерные различия в учебной обстановке тем не менее играют весьма важную роль. Так, Бем заметила, что мальчиков и девочек часто просят построиться по отдельности; они разучивают песни, в которых большие пальцы рук — это «мужчины», а остальные пальцы — «дамы»; они видят, что изображения девочек и мальчиков в расписаниях уроков чередуются. В классе моего сына в 1993 г. в расписании уроков можно было увидеть девочек-медведиц и мальчиков-медвежат, а также слышать песни с такими словами: «Маленькие девочки сделаны из сладостей, пряностей и всяческих любезностей... мальчики сделаны из улиток, ракушек и зеленых лягушек». Мне кажется, что даже такие гендерные различия, как только что названные, которые выглядят совершенно безобидными, не должны иметь место в классе, поскольку они заставляют детей проводить гендерные разграничения в отношении вещей, которые играют определенную роль, например того, должны ли представители их гендера демонстрировать превосходство в какой-то дисциплине. Гендерные различия также способствуют гендерной сегрегации в отношениях между детьми, предполагая, что между мальчиками и девочками существует и должен оставаться определенный барьер. Родители и педагоги часто способствуют гендерной сегрегации в школах и дома, а это ведет к дальнейшему разделению на категории на основе гендера. Маккоби и Джеклин (Maccoby & Jacklin, 1987) рекомендуют, чтобы учителя и родители сознательно создавали для детей среду, свободную от гендерных различий, в которой поощрялась бы совместная игра, равноправные отношения между мальчиками и девочками и участие в играх, обычно предпочитаемых каким-то одним гендером (например, девочки могут играть в футбол, а мальчики — в «классики»). Поскольку пространственные и математические навыки, а также эмпатия являются желательными для обладания качествами, не зависящими от гендера, родители и педагоги должны побуждать всех детей играть в различные игры и с игрушками, которые способствуют развитию этих навыков.

Джеклин (Jacklin, 1989) предлагает, чтобы государственные организации, такие, как Ассоциация родителей и учителей (РТА), объясняли родителям ту роль, которую играют в изучении математики ожидания, основанные на половой принадлежности. В книгах по развитию ребенка, которые читают родители, может обсуждаться дифференцированная социализация и то, как она способна ограничить развитие уникального потенциала их ребенка. К сожалению, как подметила Джеклин (Jacklin, 1989), СМИ часто неправильно информируют общественность в отношении исследований гендерных различий, указывая родителям, что различия между их сыновьями и дочерьми носят естественный характер и вполне ожидаемы.

В главе 1 мы заметили, что один из путей, с помощью которого дети узнают о гендерных ролях,— это наблюдение. В главе 4 мы обратили внимание на то, что когнитивное разграничение гендеров начинается в детстве, когда мы видим мужчин и женщин, исполняющих различные социальные роли, и обнаруживаем, что гендер является важной категорией, направляющей наше поведение. Отсюда

следует, что равноправное распределение обязанностей у нас в доме и отказ от представления, что мужчинам и женщинам следует выполнять определенные задания, могли бы снизить для детей значимость гендерных различий. В обсуждении половой типизации, имеющей место в детстве, Сербин с коллегами (Serbin et al., 1993) предположили, что стереотипы естественны, но не являются неизбежными: «факторы среды оказывают большое влияние на то, как дети узнают о стереотипах, присутствующих в их обществе, и перенимают их» (р. 55). Мартин (Martin, 1993) говорит, что при избытке в нашем обществе связанных с гендером факторов дети будут обязательно впитывать соответствующие стереотипы. Однако она замечает, что использование и принятие таких стереотипов не является неизбежным, особенно если детей знакомят с ролевыми моделями, не обусловленными половой принадлежностью. Когда родители выходят за рамки традиционных гендерно-ролевых схем, это может привести к тому, что установки их детей в отношении гендерных ролей изменятся. Например, в одном долговременном исследовании, продолжавшемся 11 лет, активное участие родителей в жизни их детей-дошкольников предопределяло поддержку подростками нетрадиционных видов занятости, а участие родителей в жизни 7—9-летних предопределяло поддержку нетрадиционных схем воспитания детей (Williams et al., 1992).

Однако родители не являются единственными агентами гендерной социализации. Гендерно-нейтральный язык в детской литературе и изображение в детских передачах женщин и мужчин, исполняющих домашние и деловые роли, должны пройти долгий путь, с тем чтобы дети перестали злоупотреблять гендерным разграничением. Некоторые исследования показывают, что средства массовой информации могут изменить восприятия, связанные с половыми стереотипами (Johnson & Ettema, 1982; Roberts & Bachen, 1981), и мы процитировали в главе 1 ряд свидетельств, говорящих о том, что в гендерных образах в средствах массовой информации наметились определенные улучшения. К сожалению, традиционные гендерные образы будут доминировать до тех пор, пока будет считаться, что они помогают продавать товары и привлекать зрителей или читателей. Потребители могут иногда влиять на образы, фигурирующие в средствах массовой информации, посылая письма и отказываясь покупать товары компаний, которые используют стереотипные гендерные образы. Кроме того, родители должны критически оценивать книги, фильмы и телепередачи, которые смотрят их дети, с тем чтобы у детей было меньше шансов столкнуться с поло-стереотипными образами. К примеру, Джунн с коллегами (Junn et al., 1994) обнаружили, что детские фильмы Диснея, имеющиеся в продаже или видеопрокате, изображают представителей обоих гендеров в манере, которая является откровенно поло-стереотипной. Более того, поскольку эти фильмы зачастую просматривают неоднократно (дети будут с удовольствием смотреть одну и ту же картину по много раз), они могут особенно способствовать привитию подобных взглядов.

Изменение ложных представлений о гендере.

Философ Джеймс Рейчелз (Rachels, 1986) говорит, что, когда мы испытываем в отношении чего-то сильные чувства, заманчиво поверить, что мы знаем истинное положение вещей, не давая себе труда оценить свои представления с точки зрения логики. Проблема заключается в том, замечает Рейчелз, что, если мы хотим докопаться до истины, нам следует руководствоваться логикой. Именно такова ситуация с гендерными различиями. Мы окружены культурной средой, которая провозглашает, что мужчины и женщины не похожи друг на друга и должны исполнять различные социальные роли. Мы привыкли к мысли, что мужчины и женщины — это две противоположности, и довольствуемся ею. Подобные идеи на-

столько распространены в нашем обществе, что они считаются истиной в последней инстанции и препятствуют каким бы то ни было изменениям. Логика и исследования, однако, показывают, что многие расхожие представления, касающиеся гендера, ошибочны.

Ложные представления о гендере.

Ложное представление 1: гендерные различия огромны

Часто употребляемое выражение «противоположный пол» является всего лишь одним из примеров широко распространенного представления, что один гендер значительно отличается от другого. В опросе Гэллапа, проведенном в 1993 г., 65% опрошенных заявили, что, даже не принимая в расчет чисто физические различия, мужчины и женщины коренным образом отличаются друг от друга (Newport, 1993). Однако в настоящей книге показано, что гендерные различия далеко не столь велики, как наше общество заставляет нас думать. Они не обнаруживаются в таких важных областях, как память, интеллект, творчество, аналитические способности, способность руководить и личностные качества. Небольшие различия находят в отдельных вербальных, математических способностях и пространственном мышлении, но даже когда гендерные различия, связанные с когнитивными способностями, все-таки обнаруживаются, они весьма незначительны, составляя в среднем примерно 5—10%.

Исследования гендерных различий в эмоциях, эмпатии, агрессии, альтруизме и способности влиять на других показали, что различия не только малы, но и во многом зависят от гендерных норм, характерных для изучаемой ситуации.

Существует три взаимосвязанных причины, обуславливающих то, почему мы считаем, что гендерные различия более значительны, чем они есть на самом деле. Во-первых, наше общество постоянно обращает наше внимание на гендер и провозглашает тысячу различных способов, что мужчины и женщины не похожи друг на друга. Во-вторых, подчеркивание нашим обществом гендерных особенностей способствует развитию гендерных схем. Подобное когнитивное разделение на категории влияет на информационные процессы, в результате чего мы чаще замечаем, запоминаем и перерабатываем ту информацию, которая согласуется с нашими гендерными ожиданиями. Тем самым мы склонны замечать и объяснять поведение таким образом, который подкрепляет наши представления о гендерных различиях. В-третьих, большинство социальных ролей исполняется главным образом либо одним, либо другим полом. Женские роли, как правило, требуют иных моделей поведения и навыков, нежели мужские роли. В результате создается впечатление, что оба гендера очень сильно разнятся между собой.

Ложное представление 2: гендерные различия вызваны фундаментальными биологическими различиями между полами

В конце главы 2 мы назвали это представление *фундаментальной ошибкой гендерной атрибуции (fundamental gender attribution error)*. Представление, что гендерные различия обусловлены фундаментальными биологическими различиями, не вызывает удивления, если учитывать те сигналы, которые мы получаем из окружающей нас культурной среды. Это фактор, дополняемый озабоченностью сексуальными отношениями, которая привлекает наше внимание к анатомическим/биологическим различиям между гендерами, делает биологическую атрибуцию гендерных различий более когнитивно доступной и вероятной. Социальные данные о гендерных различиях являются для большинства людей менее когнитивно доступными. Одной из важных задач этой книги является демонстрация того, что различия между полами часто обусловлены сексуально сегрегированными социальными ролями и дифференцированной социализацией, а не биологическими причинами. Мы начинаем социализировать наших детей по-разному с ран-

него возраста в зависимости от их пола и прививаем мужчинам и женщинам различные ожидания на протяжении всей их жизни. Тот факт, что гендерные различия в таких областях, как агрессия, альтруизм, эмоции и эмпатия, зависят от гендерных норм социальной ситуации и что гендерные различия уменьшаются по мере того, как изменяются социальные институты, также указывает на ту большую роль, которую социальные факторы играют в формировании гендерных различий.

Ложное представление 3: биологические гендерные различия обуславливают лучшую приспособляемость мужчин и женщин к различным социальным ролям

Хотя и верно, что гендерные роли могут изначально возникать в силу половых различий в физических возможностях и способности женщин кормить младенцев, эти различия не оправдывают то дифференцированное отношение к мужчинам и женщинам, которое имеет место в современном обществе. К примеру, в отличие от мужчин, женщины редко занимают властные должности в нашем обществе, однако нет свидетельств, что мужчины лучше исполняют роль лидеров, чем женщины. Гендерные различия в когнитивных способностях также не столь значительны, чтобы оправдывать подготовку мужчин и женщин к различной профессиональной деятельности. Перефразируя Хаббарда (Hubbard, 1990), можно сказать, что способности людей выполнять социально полезные задачи, воспитывать детей и устанавливать лишённые эксплуатации, взаимно приемлемые отношения ограничиваются не биологическими факторами, а дискриминационной экономической и социальной практикой.

Бем (Bem, 1993) пишет, что, даже если женщины и мужчины и различаются биологически в плане своих способностей и склонностей, эти отличия неспособны оправдать те различные роли, которые они исполняют в обществе. Например, замечает она, если выясняется, что женщины обладают лучшими воспитательными качествами, чем мужчины, тогда им следовало бы быть психиатрами, а не секретаршами. И даже если мужчины наделены большими математическими способностями, чем женщины, это, указывает она, не объясняет, почему огромное количество женщин, имеющих явную склонность к математике, не делают профессиональную карьеру, отражающую данную склонность. Даже те, кто считает, что отдельные гендерные различия вызваны биологическими отличиями между полами, признают, что неверно на основании этого заключать, будто различия неизбежны. Так, Холперн (Halpern, 1992) замечает, что приписывание половых различий биологическим факторам часто наводит людей на мысль, что различия неизбежны, тогда как в действительности это не означает, что данные различия велики, что их нельзя устранить с помощью обучения или что психосоциальные переменные также не играют определенной роли.

Вопрос воспитания детей более сложен, поскольку факт вынашивания женщиной ребенка и кормления его грудью наводит на мысль, что, в отличие от мужчины, ей самой природой уготовано осуществлять уход за ребенком. Однако, хотя наличие молочных желез и делает женщину способной кормить ребенка, это не наделяет ее сокровенным знанием того, как следует заботиться о младенце или воспитывать его (все мы знаем немало людей, которые могут служить тому подтверждением).

Моделям поведения, связанным с уходом за детьми, можно научиться, и мужчины способны овладевать ими наравне с женщинами. Хотя рождение младенца и кормление его грудью способствует возникновению привязанности между ним и матерью, младенцы могут и будут привязываться к отцам, которые принимают участие в уходе за ними, и отцы, ухаживающие за своими маленькими детьми, также испытывают более сильную привязанность к ним.

Философ Рейчелз (1993) отстаивает простой и представляющийся вероятным принцип равенства или равного отношения: к людям следует относиться одинаково, если между ними нет каких-либо различий, которые оправдывали бы разницу в отношении к ним. Идеи Рейчелза очень хорошо согласуются с одним из основных положений этой книги. Это положение состоит в том, что наше дифференцированное отношение к гендерам не имеет оправдания и гендерные стереотипы, которые мы используем для оправдания таких своих действий, не выдерживают критики, если подвергнуть их внимательному изучению. Рейчелз (1986) утверждает, однако, что морально оправданно относиться к людям по-разному, когда имеют место реальные различия между ними, и я признаю, что определенные незначительные различия в отношении могут найти себе оправдание, если они базируются на реальных различиях между полами. Например, я считаю, что может быть оправданным оборудование отдельных комнат отдыха в общественных местах и предоставление женщинам отпуска по беременности. Но мы не можем оправдать множество иных ситуаций, когда к мужчинам и женщинам относятся по-разному.

В конце главы 1 я указала: тот факт, что разделение обязанностей между мужчинами и женщинами некогда способствовало выживанию семьи, не означает ни то, что это разделение каким-то образом генетически обусловлено, ни то, что эти схемы играют в современном мире какую-то роль с точки зрения выживаемости. Я также показала, что даже если существует некий биологический базис человеческого поведения, мы не должны позволять ему определять наши ценности. Это очень важные положения, поскольку они предполагают, что гендерное неравенство, гендерные различия и связанные с полом социальные роли не являются неизбежными биологическими данностями и могут быть изменены за счет преобразования социального контекста.

Ложное положение 4: гендеры разделены, но равны между собой

В главах 3 и 6 было высвечено то, в чем гендеры разделены, но не равны между собой. Раздельность гендеров проистекает из: связанного с полом разделения обязанностей; представлений, что гендерные различия способствуют лучшему приспособлению женщин и мужчин к различной деятельности; различного образа жизни мужчин и женщин, обусловленного гендерными ролями. Гендерное неравенство проявляется в более низкой оплате труда женщин, их более низком статусе, а также непропорциональном распределении обязанностей по дому и уходу за детьми даже в том случае, когда работают оба супруга. Гендерно-справедливое общество требует, чтобы мы отказались от представления, что традиционное разделение обязанностей между полами является естественным и неизменным (Okin, 1989).

Ложное представление 5: традиционные гендерные роли служат цели наиболее полного удовлетворения потребностей общества

Когда в 1993 г. в ходе опроса Гэллапа американцев спрашивали, согласны ли они с тем, что «для общества, как правило, лучше, если мужчина работает вне дома, а женщина заботится о доме и семье», 43% ответили «да», а 56% — «нет» (Newport, 1993). Хотя люди часто полагают, что многие социальные проблемы, такие, как подростковая беременность и молодежные преступные группировки, вызваны изменениями в традиционных гендерных ролях, например тем, что женщины стали работать вне дома, нереально ожидать, что произойдет возврат к традиционным ролям. Хотя некоторые люди будут ратовать за сохранение этих ролей, указывая на их полезность («Так было всегда, а значит, это оправданно»), такие доводы ошибочны. Традиция сама по себе не является хорошим оправданием сохранения чего-то, а внимательное изучение традиционных ролей показывает, что они больше не удовлетворяют нашим запросам. Вдобавок то, что многие люди в США считают традиционным разделением обязанностей (например, мужчина яв-

ляется кормильцем, а женщина — матерью-домохозяйкой и помощницей), на самом деле относительно недавняя тенденция (Lips, 1991).

Как мы уже выяснили, экономические реалии, наряду с желанием многих женщин трудиться вне дома, предполагают, что большинство женщин с детьми заняты на производстве полный рабочий день. В 1987г. только 34% женщин сообщили, что их идеальным образом жизни является ситуация, когда они замужем и им не приходится трудиться полный рабочий день (Gallup Report, 1987). Действительно, несмотря на напряжение, которое может быть связано с исполнением множества социальных ролей (работница, жена, мать), женщины, скорее всего, будут продолжать работать вне дома, поскольку они нуждаются в деньгах, социальных контактах и/или чувстве самореализации, которое дает работа вне дома. В настоящий момент женская занятость — это скорее данность, чем какое-то необычное явление (Crosby, 1987, 1991; Zigler & Lang, 1990). Как указывалось ранее в этой главе, сохранение традиционных ролей в доме порождает проблемы в отношениях между мужчинами и женщинами, уменьшает участие родителей в домашней жизни и общении с детьми и может способствовать появлению «стеклянного потолка». В главе 4 обсуждались проблемы, порождаемые традиционной мужской ролью. Они включают в себя: обеднение отношений между супругами, уменьшение социальной поддержки, физические проблемы, вызванные переутомлением на работе, насилие в семье и рискованное поведение. Рост населения, механизация производства и экономические кризисы приводят к тому, что мужчинам становится все более опасно определять свою ценность с точки зрения своих финансовых возможностей. Настаивать на этом определении мужских качеств — значит обрекать большинство мужчин на неудачу, а общество — на необходимость испытывать на себе компенсаторные реакции со стороны мужчин. Короче говоря, в современном обществе традиционные роли, по-видимому, перестали работать должным образом.

Еще одним проявлением устарелости традиционных ролей являются разводы. Примерно 40% детей в возрасте до 10 лет живут с родителем, находящимся в разводе. Как мы заметили ранее, большинство детей вообще не видят своих отцов в течение первых трех лет после развода. После развода уровень жизни детей и их матерей серьезно понижается (на 73%), в то время как уровень жизни разведенных мужчин, как правило, возрастает (на 42%) (Clarke-Stewart & Bailey, 1990). Это происходит потому, что законодательная система не требует, чтобы помощь ребенку была достаточно весомой и позволяла детям или их матерям иметь уровень жизни, равный уровню жизни родителя, которому не приходится опекать ребенка. Женщины обычно не могут восполнить эту разницу, поскольку получают меньшую заработную плату, и так как они часто отказываются от работы и получения образования ради воспитания ребенка, то не могут получить после развода хорошо оплачиваемую работу.

Еще одной проблемой является отсутствие недорогого качественного присмотра за детьми. Окин (Okin, 1989) указывает на несправедливость ситуации, когда женщины и дети страдают в экономическом отношении намного больше, чем мужчины, из-за сложившейся практики распределения обязанностей, принятой по взаимному согласию обоими родителями (женщина остается все время дома, а мужчина зарабатывает деньги). Она говорит, что одним из преимуществ общества с более равноправными отношениями между гендерами может быть то, что разведенные отцы, которые принимали равное участие в воспитании своих детей, станут чаще видаться с ними и оказывать им большую финансовую поддержку. Кроме того, если женщины не отказались от получения образования и профессиональной карьеры лишь в силу того, что они вышли замуж или завели детей, они окажутся в более благоприятных экономических условиях в случае развода.

Негативные последствия развода могут быть сведены к минимуму, так как мужья и жены будут решать больше общих вопросов и в результате сохранят более прочные и содержательные отношения.

Воспитывая своих дочерей и сыновей по-разному, мы также оказываем им дурную услугу, не готовя их к тем различным ролям, которые им, скорее всего, придется исполнять, и ограничивая их профессиональный выбор. Мне приходит на память один комик, который сказал, что игрушки и игры девочек учат нас хоть чему-то полезному: став взрослым, он никогда особо не жалел о том, что не умеет бить по бейсбольному мячу. Мир также стал бы более гармоничным, если бы мужчины и женщины обладали как традиционно женскими качествами эмпатии и внимания к окружающим, так и традиционно мужскими качествами уверенности и независимости — другими словами, если бы социализация людей была направлена на их большую андрогинность. Об андрогинности мы говорили в главе 1. Вспомним, что Бем (Bem, 1975) предположила, что человек с андрогинными характеристиками мог бы функционировать более эффективно и в более разнообразных условиях, чем человек, обладающий более традиционными мужскими или женскими качествами. В своих более поздних работах Бем (Bem, 1981) предупреждает, что концепция андрогинности по-прежнему предполагает, что некоторые желательные качества являются «мужскими», а некоторые — «женскими» и что именно это разграничение порождает гендерные схемы и проецирует гендерную принадлежность на ситуации, которые не имеют с ней ничего общего. Идеальной же является такая ситуация, когда эмпатия, внимание к окружающим, уверенность и независимость рассматриваются как ценные черты личности, но связываются при этом не с женственностью или мужественностью, а с общечеловеческими качествами.

Как можно изменить эти ложные представления?

Мы начали главу 1 с исследования идеи, что основными источниками гендерных различий являются социальные нормы и стереотипы, прививаемые нам обществом. Эти нормы и стереотипы укоренены в нашей культурной среде, и их можно легко обнаружить в литературных произведениях, фильмах, телепередачах, анекдотах и в различных видах деятельности, осуществляемой женщинами и мужчинами. Из-за желания быть социально корректными и нравиться окружающим люди принимают гендерные нормы почти автоматически. Кроме того, как утверждают Басси и Бандура (Bussey & Bandura, 1992, p. 1249):

"Маловероятно, что детям удастся привить эгалитарные (уравнительские) стандарты и модели поведения за счет одного лишь воздействия со стороны родителей, если эти стандарты и модели не будут одобрять группы сверстников и другие значимые элементы в обществе (Weisner & Wilson-Mitchell, 1990). В силу избыточной половой сегрегации и сильного давления со стороны сверстников, требующего приспособления, стереотипные гендерные стандарты могут быть очень устойчивыми и не поддаваться изменениям, если отсутствуют радикальные социальные перемены."

Радикальные социальные перемены, как же их можно вызвать? Как можем мы внести в социальные нормы изменения, необходимые для движения в сторону гендерно равноправного общества? Какую роль могут сыграть люди в изменении социальных ролей? Тойтс (Thoits, 1987) замечает, что человеческие существа — это вовсе не роботы, запрограммированные обществом; скорее они — несговорчивые актеры, способные стать бунтарями и изменить социальную структуру, если они того пожелают. Социальные психологи установили, что меньшинство может влиять на большинство и добиваться перемен, когда это меньшинство едино и уверено в себе (Forsyth, 1990).

Вспомним: когда мы смотрим на людей, стараясь понять, что является социально приемлемым, люди смотрят на нас. И если считать опросы общественного мнения показательными, тогда выясняется, что большинство людей симпатизируют гендерному равенству. А это наводит на мысль, что конформизм в отношении гендерных норм носит в значительной степени согласительный характер (являясь скорее общественным, чем индивидуальным конформизмом). Это означает, что вы можете влиять на перемены в большей степени, чем вам кажется. Если вы бросите нормам вызов своими словами или поступками, это может повлиять на других людей, которые про себя соглашаются с вами и готовы сделать то же. Как подтвердят вам социальные психологи, несколько бунтарей могут бросить большинству решительный вызов и изменить эти нормы (Latane, 1981; Moscovici, 1985). Следовательно, если вы верите в гендерное равенство, то должны быть готовы говорить о нем окружающим и демонстрировать его собственным поведением. Вы должны также поддерживать организации и политиков, которые ратуют за принятие законов, способствующих гендерному равенству, за участие государства в воспитании детей и за оказание помощи работающим родителям.

Заключительные замечания.

В заключение можно сказать, что социальная психология гендера подчеркивает: гендер — это социальная норма, к которой мы приспосабливаемся в силу нормативного давления (желания социального одобрения) и информационного давления (использования социальной информации, помогающей нам определять реальность).

Хотя исследования и не обнаруживают, что между мужчинами и женщинами существуют значительные расхождения по большинству качеств, мы считаем, что они очень не похожи друг на друга. Частично это происходит по той причине, что женщины и мужчины исполняют различные социальные роли, и, как следствие, мы полагаем, что между ними имеют место различия, которые оправдывают эти роли. Наше общество также указывает нам, что мужчины и женщины отличаются и должны отличаться друг от друга. Кроме того, наша врожденная когнитивная привычка разделять все на категории и действовать на основе такого разделения также способствует сохранению представления, что гендерные различия велики и актуальны. Мы еще больше склоняемся к тому, чтобы проводить грань между гендерами, и начинаем частично определять свою идентичность исходя из нашей гендерной принадлежности. Социальная гендерная психология переключает наше внимание с биологии на ситуативные и социальные силы, лежащие в основе разделения на мужчин и женщин, и тем самым снабжает нас указаниями в отношении того, как можно добиться гендерного равенства. В то же время социальная психология объясняет, почему изменения в гендерных ролях и стереотипах будут протекать медленно и иметь неопределенный характер в отсутствии согласованных усилий. Эти усилия обычно исходят от женщин, но изменения могут происходить более быстрыми темпами, если мы признаем, что традиционные роли несправедливы, не подходят для современного общества и ограничивают не только женщин, но и мужчин.

Резюме.

Опросы общественного мнения показывают, что ситуация меняется в направлении гендерного равенства, но исследования различий в заработной плате, участия женщин в управлении, распределения домашних обязанностей, изображения

мужчин и женщин в СМИ и т. д. свидетельствуют, что изменения должны быть еще большими.

Гибкий график работы, оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком для матерей и отцов, субсидируемый качественный присмотр за детьми на производстве, программы по выравниванию заработной платы и программы поддерживающих действий — все это рекомендуется в качестве способов реструктуризации производства с целью устранения половой дискриминации и увеличения совместимости трудовой и семейной жизни.

Для достижения гендерного равенства необходима организация качественного и недорогого присмотра за детьми. Большинство исследований показывают, что интеллектуальное, социальное и эмоциональное развитие детей, чьи матери работают вне дома, сравнимо с развитием детей, чьи матери не заняты на производстве.

Эффективному осуществлению программ поддерживающих действий мешают предположения, что их реципиенты не обладают квалификацией, необходимой для выполнения своей работы, а также отсутствие социальной поддержки. Вдобавок количество женщин и представителей меньшинств в организациях часто бывает недостаточно большим, чтобы противостоять мышлению по принципу «это исключение из правил». Имеются способы увеличения эффективности ААР, такие, как разъяснение возможных последствий поддерживающих действий; предоставление работникам информации, касающейся квалификации лиц, нанятых по программе поддерживающих действий; создание возможностей для осуществляемого на равной основе личного контакта между такими сотрудниками и другими работниками.

Традиционное разделение обязанностей в доме является одним из симптомов гендерного неравенства, способствуя гендерно-стереотипному мышлению у детей и конфликтным отношениям. Люди приветствуют более справедливое распределение обязанностей, но по ряду причин (например, из-за социальных норм, конкурирующих установок, неумения выполнять домашнюю работу) несоответствие между установками и поведением продолжает сохраняться.

Педагоги и родители должны создавать вокруг детей среду, в которой царит гендерная свобода, моделировать равноправные гендерно-ролевые отношения и следить за тем, чтобы дети не перенимали гендерные стереотипы, изображаемые в СМИ.

Переменам препятствуют пять ложных представлений о гендерах. К ним относятся следующие взгляды: 1) гендерные различия велики; 2) гендерные различия являются фундаментальными биологическими различиями; 3) биологические роли способствуют лучшему приспособлению женщин и мужчин к выполнению различных ролей; 4) гендеры обособлены друг от друга, но равны; 5) традиционные гендерные роли наиболее полно удовлетворяют потребности общества.

Библиография.

Adams, J. S. (1965). Inequity in social exchange. In L. Berkowitz (Ed), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 2, pp. 267-299). New York Academic Press.

Aiello, J. R. (1987). Human spatial behavior. In D. Stokols & I. Altman (Eds.), *The handbook of environmental psychology* (Vol. 1, pp. 389-504). New York: John Wiley.

Allport, G. (1954). *The nature of prejudice*. Cambridge, MA: Addison-Wesley.

American Psychiatric Association. (1994). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (4th ed.). Washington, DC: American Psychiatric Press.

- Aneshensel, C. S.** (1986). Marital and employment role-strain, social support, and depression among adult women. In S. E. Hobfoll (Ed.), *Stress, social support, and women* (pp. 99-114). New York: Hemisphere.
- Anson, O., Levenson, A., & Bonneh, D. Y.** (1990). Gender and health on the kibbutz. *Sex Roles, 22*, 213-236.
- Aries, E. J., & Johnson, E. L.** (1983). Close friendship in adulthood: Conversational content between same-sex friends. *Sex Roles, 9*, 1183-1196.
- Aronson, E.** (1992). *The social animal* (6th ed.). San Francisco, CA: Freeman.
- Asch, S. E.** (1956). Studies of independence and conformity: A minority of one against a unanimous majority. *Psychological Monographs, 70* (9. Whole No. 416).
- Ashmore, R. D.** (1990). Sex, gender, and the individual. In L. A. Pervin (Ed.), *Handbook of personality theory and research*. New York: Guilford Press.
- Ashmore, R. D., & Del Boca, F. K.** (1979). Sex stereotypes and implicit personality theory: Toward a cognitive-social psychological conceptualization. *Sex Roles, 5*, 219-248.
- Ashton, E.** (1983). Measures of play behavior. The influence of sex-role stereotyped children's books. *Sex Roles, 9*, 43-47.
- Atkin, O. J., Moorman, J., & Linn, C. A.** (1991). Ready for prime-time: Network series devoted to working women in the 1980's. *Sex Roles, 25*, 677-685.
- Auckett, R., Ritchie, J., & Mill, K.** (1988). Gender differences in friendship patterns. *Sex Roles, 19*, 57-66.
- Averill, J. R.** (1982). *Anger and aggression*. New York: Springer-Verlag.
- Bailey, B. L.** (1988). *From front porch to back seat: Courtship in twentieth century America*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- Bakan, D.** (1966). *The duality of human existence*. Chicago: Rand McNally.
- Baker, D. P., & Jones, D. P.** (1993). Creating gender equality: Cross-national gender stratification and mathematical performance. *Sociology of Education, 66*, 91-103.
- Bandura, A.** (1969). Social learning theory of identificatory process. In D. A. Goslin (Ed.), *Handbook of socialization theory and research*. Chicago: Rand McNally.
- Bandura, A.** (1977). *Social learning theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Baron, J. N., & Bielby, W. T.** (1984). The organization of work in a segmented economy. *American Sociological Review, 49*, 454-473.
- Baron, J. N., Davis-Blake, A., & Bielby, W. T.** (1986). The structure of opportunity: How promotion ladders vary within and among organizations. *Administrative Science Quarterly, 31*, 248-273.
- Barry, D.** (1987). *Dave Barry's guide to love and/or sex*. Emmaus, PA: Rodale Press.
- Barry, D.** (1991). *Dave Barry talks back*. New York: Crown.
- Barry, H., Bacon, M. K., & Child, I. L.** (1967). Definitions, ratings, and bibliographic sources for child training practices of 110 cultures. In C. Ford (Ed.), *Cross-cultural approaches* (pp. 293-331). New Haven, CT: Human Relations Areas Files Press.
- Barry, H., Josephson, L, Lauer, E., & Marshall, C.** (1976). Traits inculcated in childhood: Five cross-cultural codes. *Ethnology, 15*, 83-114.
- Barth, R. J., & Kinder, B. N.** (1988). A theoretical analysis of sex differences in same-sex friendships. *Sex Roles, 19*, 349-363.
- Baruch, G. K., & Bamett, R. C.** (1987). Role quality and psychological well-being. In F. J. Crosby (Ed.), *Spouse, parent, and worker: On gender and multiple gender roles* (pp. 63-73). New Haven, CT: Yale University Press.

- Basow, S. A.** (1986a). Correlates of sex-typing in Fiji. *Psychology Women Quarterly*, 10,429-442.
- Basow, S. A.** (1986b). *Gender stereotypes* (2nd ed.). Monterey, CA: Basic Books.
- Bass, B. M.** (1981). *Stogdill's handbook of leadership*. New York: Free Press.
- Baumrind, D.** (1982). Are androgynous individuals more effective persons and parents? *Child Development*, 53, 44-75.
- Beauvais, C., & Spence, J.** (1987). Gender, prejudice, and categorization. *Sex Roles*, 16, 89-100.
- Beckman, L. J., & Houser, B. B.** (1979). The more you have, the more you do: The relationship between wife's employment, sex-role attitudes, and household behavior. *Psychology of Women Quarterly*, 4,160-174.
- Bell, E. L., Denton, T. C., & Nkomo, S.** (1993). Women of color in management: Toward an inclusive analysis. In E. A. Fagenson (Ed.), *Women in management: Trends, issues, and challenges in managerial diversity* (pp. 105-130). Newbury Park, CA: Sage.
- Bell, N. J., & Carver, W. A.** (1980). A reevaluation of gender label effects: Expectant mothers' responses to infants. *Child Development*, 51,925-927.
- Belle, D.** (1987). Gender differences in the social moderators of stress. In R. C. Barnett, L. Biener, & G. K. Baruch (Eds.), *Gender and stress* (pp. 257-277). New York: Free Press.
- Bem, S. L.** (1981). Gender schema theory: A cognitive account of sex typing. *Psychological Review*, 88, 354-364.
- Bem, S. L.** (1989). Genital knowledge and gender constancy in preschool children. *Child Development*, 60,649-662.
- Bem, S. L.** (1993). *The lenses of gender: Transforming the debate on sexual inequality*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Benbow, C. P., & Stanley, J. C.** (1980). Sex differences in mathematical ability: Fact or artifact? *Science*, 210,1262-1264.
- Bergen, D. J., & Williams, J. E.** (1991). Sex stereotypes in the United States revisited: 1972-1988. *Sex Roles*, 24, 413-423.
- Bernard, J.** (1987). *The female world from a global perspective*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Berry, J. W.** (1980). Introduction to methodology. In H. C. Triandis & J. W. Berry (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology: Methodology* (Vol. 2, pp. 1-14). Boston: Allyn & Bacon.
- Best, B. J., & Specter, P. E.** (1984, March). *The effects of applicant attractiveness, managerial attributes and gender on executive employment decisions*. Paper presented at the 30th annual meeting of the Southeastern Psychological Association, New Orleans.
- Betz, N.** (1993). Women's career development In F. L. Denmark & M. A. Paludi (Eds.), *Psychology of women: A handbook of issues and theories* (pp. 627-684). Westport, CT: Greenwood Press.
- Bhatnagar, D.** (1988). Professional women in organizations: New paradigms for research and action. *Sex Roles*, 18, 343-355.
- Bielby, W. T., & Bielby, D. D.** (1989). Family ties: Balancing commitments to work and family in dual earner households. *American Sociological Review*, 54,776-789.
- Binlon, V. J.** (1990). Psychological androgyny: A black female perspective. *Sex Roles*, 22,487-506.
- Bimbaum, D. W., Nosanchuk, T. A., & Croll, W. L.** (1980). Children's stereotypes about sex differences in emotionality. *Sex Roles*, 6,435-443.

- Bjorkqvist, K.** (1994). Sex differences in physical, verbal, and indirect aggression: A review of recent research. *Sex Roles*, 30,177-188.
- Bjorkqvist, K., Lagerspetz, K. M. J., & Kaukianen, A.** (1992). Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends regarding direct and indirect aggression. *Aggressive Behavior*, 18,117-127.
- Bjorkqvist, K., & Niemela, P.** (1992). New trends in the study of female aggression. In K. Bjorkqvist & P. Niemela (Eds.), *Of mice and women: Aspects of female aggression*. San Diego, CA: Academic Press.
- Bjorkqvist, K., Osterman, K., & Lagerspetz, K. M. J.** (1994). Sex differences in covert aggression among adults. *Aggressive Behavior*, 20,27-33.
- Blau, F. D., & Ferber, M. A.** (1987). Occupations and earnings of women workers. In K. S. Koziara, M. H. Moskow, & L D. Tanner (Eds.), *Working women: Past, present, future* (pp. 37-68). Washington, DC: BNA Books.
- Blea, I.I.** (1992). *La chicana and the intersection of race, class, and gender*. New York: Praeger.
- Blier, M. J., & Blier-Wilson, L A.** (1989). Gender differences in self-rated emotional expressiveness. *Sex Roles*, 21, 287-295.
- Block, J. H.** (1973). Conceptions of sex-role: Some cross-cultural and longitudinal perspectives. *American Psychologist*, 28,512-626.
- Block, J. H.** (1979, September). *Personality development in males and females: The influence of differential socialization*. Paper presented as part of the master Lecture Series at the meeting of the American Psychological Association, New York.
- Bloom-Feshbach, J.** (1981). Historical perspectives on the father's role. In M. E. Lamb (Ed.), *The role of the father in child development* (pp. 71-112). New York: Wiley.
- Blumstein, P., & Schwartz, P.** (1983). *American couples*. New York: William Morrow.
- Bly, R.** (1990). *Iron John: A book about men*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Bouchier, D.** (1984). *The feminist challenge*. New York: Schocken.
- Bradbard, M. R.** (1985). Sex differences in adults' gifts and children's toy requests at Christmas. *Psychological Reports*, 56,969-970.
- Brehm, J. W.** (1966). *A theory of psychological reactance*. New York: Academic Press.
- Brehm, S. S., & Kassin, S. M.** (1992). *Social psychology* (2nd ed.). Boston, MA: Houghton-Mifflin.
- Bretl, D. J., & Cantor, J.** (1988). The portrayal of men and women in U. S. television commercials: A recent content analysis and trends over 15 years. *Sex Roles*, 18,595-609.
- Briere, J., & Lanktree, C.** (1983). Sex-role related effects of bias in language. *Sex Roles*, 9,625-632.
- Brody, L. R.** (1984). Sex and age variations in the quality and intensity of children's emotional attributions to hypothetical situations. *Sex Roles*, 11, 51-59.
- Bronstein, P.** (1984). Differences in mothers' and fathers' behaviors toward children: A cross-cultural comparison. *Developmental Psychology*, 6,995-1003.
- Brophy, J.** (1985). Interactions of male and female students with male and female teachers. In L. C. Wilkenson & C. B. Marrett (Eds.), *Gender influences in classroom interaction*. Hillsdale, NJ:Erlbaum.
- Bulbeck, C.** (1988). *One world women's movement*. London: Pluto Press.

- Burbank, V. K.** (1994). Cross-cultural perspectives on aggression in women and girls: An introduction. *Sex Roles*, 30,169-176.
- Burn, S. M.** (1993). The *social identity paradox and the effects of male-bashing on collective self-esteem*. Paper submitted for publication.
- Burn, S. M., & Laver, G. D.** (1994). *Normative and informational pressure in conformity to the male role: Males', females', and friends'masculinity ideologies*. Paper submitted for publication.
- Burn, S. M., Nederend, S., & O'Neil, A. K.** (1994, August). *Childhood tomboyism and adult androgyny*. Paper presented at the 102nd Annual Convention of the American Psychological Association, Los Angeles.
- Buss, D. M.** (1989). Sex differences in human mate preferences: Evolutionary hypothesis tested in 37 cultures. *Behavioral and Brain Sciences*, 72,1-49.
- Bussey, K., & Bandura, A.** (1992). Self-regulatory mechanisms governing gender development. *Child Development*, 63,1236-1250.
- Bylsma, W. H., & Major, B.** (1992). Two routes to eliminating gender differences in personal entitlement. *Psychology of Women Quarterly*, 16,193-200.
- Caddick, B.** (1982). Perceived illegitimacy and intergroup relations. In H. Tajfel (Ed.), *Social identity and intergroup relations* (pp. 137-154). Cambridge, England: Cambridge University Press.
- Cain, R.** (1991). Stigma management and gay identity development. *Social Work*, 36,67-73.
- Caldera, Y. M., Huston, A. C., & O'Brien, M.** (1989). Social interactions and play patterns of parents and toddlers with feminine, masculine, and neutral toys. *Child Development*, 60,70-76.
- Caldwell, M. A., & Peplau, L. A.** (1982). Sex differences in same-sex friendship. *Sex Roles*, 8,721-731.
- Campbell, A., Muncer, S., & Coyle, E.** (1992). Social representation of aggression as an explanation for gender differences: A preliminary study. *Aggressive Behavior*, 18, 95-108.
- Canino, G.** (1982). Transactional family patterns: A preliminary exploration of Puerto Rican female adolescents. In R. E. Zambrana (Ed.), *Work, family, and health: Latina women in transition* (pp. 27-36). New York: Hispanic Research Center.
- Cann, A., & Gamett, A. K.** (1984). Sex stereotype impact on competence ratings by children. *Sex Roles*, 11,333-343.
- Cann, A., & Siegfried, W. D.** (1990). Gender stereotypes and dimensions of effective leader behavior. *Sex Roles*, 23, 413-419.
- Caplan, P. J.** (1991). Delusional dominating personality disorder (DDPD). *Feminism and Psychology*, 1,171-174.
- Carter, D. B., & McCloskey, L. A.** (1984). Peers and the maintenance of sex-typed behavior: The development of children's conceptions of cross-gender behavior in their peers. *Social Cognition*, 2,294-314.
- Catalyst.** (1990). *Catalyst's study of women in corporate management*. New York: Catalyst.
- Chessler, P., & Goodman, E. J.** (1976). *Women, money, and power*. New York: Morrow.
- Cialdini, R. B.** (1993). *Influence: Science and practice* (3rd ed.). New York: Harper-Collins.
- Clarke-Stewart, K. A.** (1989). Infant day care: Maligned or malignant? *American Psychologist*, 44,266-273.

- Cobb, N. J., Stevens-Long, J., & Goldstein, S.** (1982). The influence of televised models on toy preference in children. *Sex Roles*, 8,1075-1080.
- Cohen, J.** (1969). *Statistical power analysis for the behavioral sciences*. New York: Academic Press.
- Condry, J., & Condry, S.** (1976). Sex differences: A study of the eye of the beholder. *Child Development*, 47,812-819.
- Condry, J. C., & Ross, D. F.** (1985). Sex and aggression: The influence of gender label on the perception of aggression in children. *Child Development*, 56,225-233.
- Connor, J. M., Schackman, M., & Serbin, L. A.** (1978). Sex-related differences in response to practice on a visual-spatial test and generalization to a related test. *Child Development*, 49,24-29.
- Connor, J. M., & Serbin, L.A.** (1985). Visual-spatial skill: Is it important for mathematics? Can it be taught? In S. F. Chipman, L. R. Brush, & D. M. Wilson (Eds.), *Women and mathematics: Balancing the equation* (pp. 151-174). Hillsdale, NJ:Erlbaum.
- Cook, S. W.** (1985). Experimenting on social issues: The case of school desegregation. *American Psychologist*, 40,452-460.
- Crabb, P.B., & Bielawski, D.** (1994). The social representation of material culture and gender in children's books. *Sex Roles*, 30,69-79.
- Cramer, R. E., Dragna, M., Cupp, R. G., & Stewart, P.** (1991). Contrast effects in the evaluation of the male sex role. *Sex Roles*, 24,181-193.
- Crocker, J., & Major, B.** (1989). Social stigma-and self-esteem: The self-protective properties of stigma. *Psychological Review*, 96,608-630.
- Crosby, F. J.** (1982). *Relative deprivation and working women*. New York: Oxford University Press.
- Crosby, F. J.** (1987). Job satisfaction and domestic life. In M. D. Lee and R. N. Kunango (Eds.), *Management of work and personal life*. New York: Praeger.
- Crosby, F. J.** (1991). *Juggling: The unexpected advantages of balancing career and home for women and their families*. New York: Free Press.
- Cross, S. E., & Markus, H. R.** (1993). Gender in thought, belief, and action: A cognitive approach. In A. E. Beall & R. J. Sternberg (Eds.), *The psychology of gender* (pp. 55-88). New York: Guilford Press.
- Crow Dog, M.** (1993). *Ohitika woman*. New York: Grove Press.
- Culp, R. E., Cook, A. S., & Housely, P. C.** (1983). A comparison of observed and reported adult-infant interactions: Effects of perceived sex. *Sex Roles*, 9,475-479.
- Davidson, A. R., & Thomson, E.** (1980). Cross-cultural studies of attitudes and beliefs. In H. C. Triandis & W. W. Lambert (Eds.), *Handbook of cross-cultural psychology* (Vol. 5, pp. 25-72). Boston: Allyn & Bacon.
- Davis, D. M.** (1991). Portrayals of women in prime-time network television: Some demographic characteristics. *Sex Roles*, 23,325-332.
- Davis, S.** (1990). Men as success objects and women as sex objects: A study of personal advertisements. *Sex Roles*, 23, 43-51.
- Deaux, K.** (1985). Sex and gender. *Annual Review of Psychology*, 36,49-81.
- Deaux, K.** (1993). Sorry, wrong number — A reply to Gentile's call. *Psychological Science*, 4,125-126.
- Deaux, K., Winton, W., Crowley, M., & Lewis, L.L.** (1985). Level of categorization and content of sex stereotypes. *Social Cognition*, 3,145-167.

- Degler, C. N.** (1990). Darwinians confront gender; or, There is more to it than history. In D. L. Rhode (Ed.), *Theoretical perspectives on sexual difference* (pp. 33-46). New Haven, CT: Yale University Press.
- Demo, D. H., & Acock, A. C.** (1993). Family diversity and the division of domestic labor. *Family Relations, 42*,323-331.
- Denmark, F. L., & Fernandez, L. C.** (1993). Historical development of the psychology of women. In F. L. Denmark & M. A. Paludi (Eds.), *Psychology of women: A handbook of issues and theories* (pp. 3-22). Westport, CT: Greenwood Press.
- Derlega, V. J., & Berg, J. H.** (1987). *Self-disclosure: Theory, research, and therapy*. New York: Plenum Press.
- Dew, M. A.** (1985). The effect of attitudes on inferences of homosexuality and perceived physical attractiveness in women. *Sex Roles, 12*,143-155.
- Dion, K. L.** (1986). Responses to perceived discrimination and relative deprivation. In J. M. Olson, C. P. Herman, & M. P. Zanna (Eds.), *Relative deprivation and social comparison: The Ontario Symposium* (Vol. 4, pp. 159-179). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Dion, K. L., & Schuller, R. A.** (1990). Ms. and the manager: A tale of two stereotypes. *Sex Roles, 22*,569-577.
- Dolgin, K. G., Meyer, L., & Schwartz, J.** (1991). Effects of gender, target's gender, topic, and self-esteem on disclosure to best and middling friends. *Sex Roles, 25*,311-329.
- Donnell, S. M., & Hall, J.** (1980). Men and women as managers: A significant case of no significant difference. *Organizational Dynamics, 8*,60-76.
- Dossey, J. A., Mullis, I. V. S., Lindquist, M. M., & Chambers, D. L.** (1988). *The mathematics report card: Are we measuring up? Trends and achievement based on the 1986 National Assessment*. Princeton, NJ: Educational Testing Service.
- Doyle, J. A.** (1983). *The male experience*. Dubuque, IA: Wm. C. Brown.
- Duane, M. J.** (1989). Sex differences in styles of conflict management. *Psychological Reports, 65*,1033-1034.
- Dubisch, J.** (1993). Foreign chickens' and other outsiders: Gender and community in Greece. *American Ethnologist, 20*,272-287.
- Dugger, K.** (1988). Social location and gender role attitudes: A comparison of black and white women. *Gender and Society, 2*,425-448.
- Dweck, C. S., & Bush, E. S.** (1978). Sex differences in learned helplessness: I. Differential debilitation with peer and adult evaluators. *Developmental Psychology, 11*,147-156.
- Dweck, C. S., Davidspn, W., Nelson, S., & Enna, B.** (1978). Sex differences in learned helplessness: II. The contingencies of evaluative feedback in the classroom and III. An experimental analysis. *Developmental Psychology, 14*, 268-276.
- Eagly, A. H.** (1983). Gender and social influence: A social psychological analysis. *American Psychologist, 38*,971-995.
- Eagly, A. H.** (1987). Sex differences in social behavior: *A social-role interpretation*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Eagly, A. H., & Wood, W.** (1985). Gender and influenceability: Stereotype versus behavior. In V. E. O'Leary, R. K. Unger, & B. S. Wallston (Eds.), *Women, gender, and social psychology* (pp. 225-256). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Eberhardt, J. L., & Fiske, S. T.** (1994). Affirmative action in theory and implementation: Issues of power, ambiguity, and gender versus race. *Basic and Applied Social Psychology, 15*,201-220.

- Eccles, J. S.** (1984a). Sex differences in achievement patterns. In T. Sonderegger (Ed.), *Nebraska Symposium on Motivation*, 32. Lincoln, NE: University of Nebraska Press.
- Eccles (Parsons) J. S.** (1984b). Sex differences in mathematics participation, in M. L. Maehr & M. W. Steinkamp (Eds.), *Women in science: Advances in motivation and achievement* (Vol. 2). Greenwich, CT: JAI Press.
- Eccles, J. S.** (1989). Bringing young women to math and science. In M. Crawford & M. Gentry (Eds.), *Gender and thought Psychological perspectives* (pp. 36-68). New York: Springer-Verlag.
- Eccles (Parsons), J. S.** (1990). Gender-role socialization. In R. M. Baron & W. G. Graziano (Eds.), *Social psychology* (pp. 160-191). Fort Worth, TX: Holt Rinehart and Winston.
- Eccles, J. S., & Blumenfeld, P.** (1985). Classroom experiences and student gender: Are there differences and do they matter? In L. C. Wilkenson & C. Marrett (Eds.), *Gender influences in classroom interaction*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Eccles, J. S., & Jacobs, J.** (1986). Social forces shape math attitudes and performance. *Signs*, 11,367-380.
- Eccles-Parsons, J., Adler, T., & Kaczala, C.** (1982). Socialization of achievement attitudes and beliefs: Parental influences. *Child Development*, 53,310-321.
- Edwards, G. H.** (1992). The structure and content of the male gender role stereotype: An exploration of subtypes. *Sex Roles*, 27, 533-551.
- Eisenberg, N., Fabes, R. A., Schaller, M., & Miller, P. A.** (1989). Sympathy and personal distress: Development, gender differences, and interrelations of indexes. In N. Eisenberg (Ed.), *Empathy and Related Emotional Responses: New Directions for Child Development*, 44, 107-127.
- Emmerich, W., Goldman, K. S., Kirsh, B., & Sharbany, R.** (1977). Evidence for a transitional phase in the development of gender constancy. *Child Development*, 48, 930-936.
- Engle, P. L.** (1993). Influences of mothers' and fathers' income on children's nutritional status in Guatemala. *Social Science & Medicine*, 37,1303-1312.
- Engle, P. L., & Breaux, C.** (1994). *Is there a father instinct? Fathers' responsibility for children*. Report for The Population Council (New York) and the International Center for Research on Women (Washington, DC).
- Erickson, R. J., & Gecas, V.** (1991). Social class and fatherhood. In F. W. Bozett & S. M. H. Hanson (Eds.), *Fatherhood and families in cultural context* (pp. 114-137). New York: Springer-Verlage.
- Erlich, H. J.** (1973). *The social psychology of prejudice: A systematic theoretical review and propositional inventory of the American social psychological study of prejudice*. New York: Wiley.
- Estes, C. P.** (1992). *Women who run with the wolves*. New York: Ballantine.
- Etaugh, C., & Liss, M. B.** (1992). Home, school, and playroom: Training grounds for adult gender roles. *Sex Roles*, 26,129-147.
- Etaugh, C., & Poertner, P.** (1992). Perceptions of women: Influence of performance, marital and parental variables. *Sex Roles*, 26,311-321.
- Fagot, B. I.** (1973). The influence of sex of child on parental reactions to toddler children. *Child Development*, 49,459-465.
- Fagot, B. I., & Leinbach, M. D.** (1989). The young child's gender schema: Environmental input, internal organization. *Child Development*. 60,663-672.

- Fairchild, B., & Hayward, N.** (1989). Now that you know: What every parent should know about homosexuality. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Farr, K.** (1988). Dominance bonding through the good old boys sociability group. *Sex Roles, 18*, 259-277.
- Fausto-Sterling, A.** (1985). *Myths of gender*. New York: Basic Books.
- Feingold, A.** (1988). Cognitive gender differences are disappearing. *American Psychologist, 43*, 95-103.
- Feinman, S.** (1981). Why is cross-sex-role behavior more approved for girls than for boys? A status characteristic approach. *Sex Roles, 7*, 289-299.
- Ferree, M. M.** (1980). Satisfaction with housework. In S. F. Berk (Ed.), *Women and household labor* (pp. 89-112). Beverly Hills: Sage.
- Ferree, M. M.** (1987). Family and job for working-class women: Gender and class systems seen from below. In N. Gerstel & H. E. Gross (Eds.), *Families and work* (pp. 289-301). Philadelphia: Temple University Press.
- Fierman, J.** (1990, July 30). Why women still don't hit the top. *Fortune*, p. 42.
- Filer, R.** (1985). Male-female wage differences: The importance of compensating differentials. *Industrial and Labor Relations Review, 38*, 426-437.
- Filer, R.** (1989). Occupational segregation, compensating differentials, and comparable worth. In R. Michael, H. Hartmann, & B. O'Farrell (Eds.), *Pay equity: Empirical inquiries* (pp. 153-170). Washington, DC: National Academy.
- Fishbein, M., & Ajzen, I.** (1975). *Belief, attitude, intention, and behavior: An introduction to theory and research*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Fiske, S. T., Bersoff, D. N., Borgida, E., Deaux, K., & Heilman, M. E.** (1991). Social science research on trial: Use of sex stereotyping research in *Price Waterhouse v. Hopkins*. *American Psychologist, 46*, 1049-1060.
- Fiske, S. T., & Stevens, L. E.** (1993). What's so special about sex? Gender stereotyping and discrimination. In S. Oskamp & M. Costanzo (Eds.), *Gender issues in contemporary society* (pp. 173-196). Newbury Park, CA: Sage.
- Fiske, S. T., & Taylor, S. E.** (1984). *Social cognition*. New York: Random House.
- Folger, R.** (1987). Reformulating the preconditions of resentment. A referent conditions model. In J. C. Masters & W. P. Smith (Eds.), *Social comparison, social justice, and relative deprivation* (pp. 183-215). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Forsyth, D. R.** (1990). *Group dynamics* (2nd ed.). Monterey, CA: Brooks-Cole.
- Fowlkes, M. R.** (1987). Role combinations and role conflict: Introductory perspective. In F. J. Crosby (Ed.), *Spouse, parent, worker: On gender and multiple social roles* (pp. 3-10). New Haven, CT: Yale University Press.
- Frank, E.** (1988). Business students' perceptions of women in management. *Sex Roles, 19*, 107-118.
- French, M.** (1992). *The war against women*. New York: Summit Books.
- Friedan, B.** (1963). *The feminine mystique*. New York: Norton.
- Friedman, L.** (1989). Mathematics and the gender gap: A meta-analysis of recent studies on sex differences in mathematical tasks. *Review of Educational Research, 59*, 185-213.
- Fumham, A., & Singh, A.** (1986). Memory for information about sex differences. *Sex Roles, 15*, 479-486.
- Furstenberg, F. F., Jr.** (1988). Child care after divorce and remarriage. In E. M. Hetherington & J. D. Arasteh (Eds.), *Impact of divorce, singleparenting, and stepparenting on children* (pp. 245-561). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Gallup Report (1987, December). *U. S. women endorse jobs, marriage, and children*. (Rep. No. 267, pp. 24-25).

Garlen, H. (1982). Attributions for the success and failure of female managers: A replication and extension. *Psychology of Women Quarterly*, 7,155-162.

Gastil, J. (1990). Generic pronouns and sexist language: The oxymoronic character of masculine generics. *Sex Roles*, 23,629-643.

Geary, D. C. (1989). A model for representing gender differences in the pattern of cognitive abilities. *American Psychologist*, 102,1155-1157.

Geis, F. L. (1993). Self-fulfilling prophecies: A social psychological view of gender. In A. E. Beall & R. J. Sternberg (Eds.), *The psychology of gender* (pp. 9-54). New York: Guilford Press.

Geis, F. L., Brown, V., Jennings, J., & Porter, N. (1984). TV commercials as achievement scripts for women. *Sex Roles*, 10,513-525.

Gentile, D. A. (1993). Just what are sex and gender, anyway? A call for a new terminological standard. *Psychological Science*, 4,120-122.

Gibbons, J. L., Stiles, D. A., & Shkodriani, G. M. (1991). Adolescents' attitudes toward family and gender roles: An international comparison. *Sex Roles*, 25,625-643.

Gilligan, C. (1982). *In a different voice: Psychological theory and women's development*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Glass, G. V., McGaw, B., & Smith, M. L. (1981). *Metaanalysis in social research*. Newbury Park, CA: Sage.

Click, P. (1991). Trait-based and sex-based discrimination in occupational prestige, occupational salary, and hiring. *Sex Roles*, 25,351-378.

Goffman, I. (1977). The arrangement between the sexes. *Theory and Society*, 4,301-332.

Gondolf, E. W. (1988). Who are those guys? Toward a behavioral typology of batterers. *Violence and Victims*, 3, 187-203.

Gottlieb, B. H., & Wagner, F. (1991). Stress and support processes in close relationships. In J. Eckenrode (Ed.), *The social context of coping* (pp. 165-188). New York: Plenum Press.

Gove, W. (1972). The relationship between sex roles, marital status, and mental illness. *Social Forces*, 51,34-44.

Gove, W., & Tudor, J. (1973). Adult sex roles and mental illness. In J. Huber (Ed.), *Changing women in a changing society*. Chicago: University of Chicago Press.

Grady, K. (1979). Androgyny reconsidered. In J. H. Williams (Ed.), *Psychology of women: Selected Readings* (pp. 172-177). New York: Norton.

Greenhaus, J. H., & Parasuraman, S. (1993). Job performance attributions and career advancement prospects: An examination of gender and race effects. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 55, 273-297.

Gunter, N. C., & Gunter, B. G. (1990). Domestic division of labor among working couples: Does androgyny make a difference? *Psychology of Women Quarterly*, 14,355-370.

Gutek, B. A., & Cohen, A. G. (1987). Sex ratios, sex role spillover, and sex at work: A comparison of men's and women's experience. *Human Relations*, 40, 97-115.

Hall, D. T. (1990, Winter). Promoting the work/family balance: An organizational change approach. *Organizational Dynamics*, pp. 5-18.

Hall, J. A. (1984). *Nonverbal sex differences: Communication accuracy and expressive style*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

- Halpern, D. F.** (1992). *Sex differences in cognitive abilities* (2nd ed). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Hamilton, D. L.** (1981). Illusory correlation as a basis for stereotyping. In D. L. Hamilton (Ed.), *Cognitive processes in stereotyping and intergroup behavior*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Hampson, E., & Kimura, D.** (1988). Reciprocal effects of hormonal fluctuations on human motor and perceptual-spatial skills. *Behavioral Neuroscience*, *102*,456-495.
- Harding, S.** (1986). *The science question in feminism*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Hargreaves, D.** (1987). *The psychology of sex roles*. New York: Cambridge University Press.
- Hastie, R.** (1981). Schematic principles in human memory. In E.T. Higgins, C. P. Herman, & M. P. Zanna (Eds.), *Social cognition: The Ontario Symposium* (Vol. 1, pp. 39-70). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Hawkins, A. J., & Roberts, T. A.** (1992). Designing a primary intervention to help dual-earner couples share housework and childcare. *Family Relations*, *41*,169-177.
- Hays, R. B.** (1988). Friendship. In S. Duck (Ed.), *Handbook of personal relationships: Theory, research, and interventions* (pp. 391-408). New York: Wiley.
- Heilman, M. E.** (1983). Sex bias in work settings: The lack of fit model. In L. L. Cummings & B. M. Staw (Eds.), *Research in organizational behavior* (Vol. 5, pp. 269-298). Greenwich, CT: JAI Press.
- Heilman, M. E.** (1994). Affirmative action: Some unintended consequences for working women. *Research in Organizational Behavior*, *16*, 125-169.
- Heilman, M. E., Block, C. J., & Lucas, J. A.** (1992). Presumed incompetent? Stigmatization and affirmative action efforts. *Journal of Applied Psychology*, *77*, 536-644.
- Heilman, M. E., Lucas, J., & Kaplow, S.** (1990). Self-derogating consequences of sex-based preferential selection: The moderating role of initial self-confidence. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, *46*,202-216.
- Heilman, M. E., & Martell, R. F.** (1986). Exposure to successful women: Antidote to sex discrimination in applicant screening decisions? *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, *37*,376-390.
- Heister, G., Landis, T., Regard, M., & Schroeder-Heister, P.** (1989). Shift of functional cerebral asymmetry during the menstrual cycle. *Neuropsychologia*, *27*,871-880.
- Helgeson, V. S.** (1990). The role of masculinity in a prognostic predictor of heart attack severity. *Sex Roles*, *22*,755-774.
- Hellwege, D. R., Perry, K., & Dobson, J.** (1988). Perceptual differences in gender ideas among heterosexual and homosexual males and females. *Sex Roles*, *19*,735-746.
- Henley, N. M.** (1989). Molehill or mountain? What we know and don't know about sex bias in language. In M. Crawford & M. Gentry (Eds.), *Gender and thought: Psychological perspectives* (pp. 59-78). New York: Springer-Verlag.
- Hepburn, C.** (1985). Memory for the frequency of sex-typed versus neutral behaviors: Implications for the maintenance of sex stereotypes. *Sex Roles*, *12*,771-776.
- Hewlett, B. S.** (1992). Husband-wife reciprocity and the father-infant relationship among Aka pygmies. In B. S. Hewlett (Ed.), *Father-child relations: Cultural and biosocial contexts* (pp. 153-176). New York: Aldine de Gruyter.
- Hochschild, A.** (1989). *The second shift*. New York: Viking Press.
- Hofstede, G.** (1984). *Culture's consequences: International differences in work-related values*. Newbury Park, CA: Sage.

- Hollander, E. P.** (1983). Women and leadership. In H. H. Blumenfield, A. P. Hare, V. Kent, & M. Davies (Eds.), *Small groups and social interaction* (Vol. 1, pp. 423-429). New York: Wiley.
- Horner, M. S.** (1969, June). Fail: Bright women. *Psychology Today*, p. 36.
- Hort, B. E., Leinbach, M. D., & Fagot, B. I.** (1991). Is there coherence among the cognitive components of gender acquisition? *Sex Roles*, 24,195-207.
- Hubbard, R.** (1990). The political nature of 'human nature.' In D. L. Rhode (Ed.), *Theoretical perspectives on sexual difference* (pp. 63-73). New Haven, CT: Yale University Press.
- Hudak, M. A.** (1993). Gender schema theory revisited: Men's stereotypes of American women. *Sex Roles*, 28,279-293.
- Huston, A. C.** (1983). Sex-typing. In P. H. Mussen & E. M. Hetherington (Eds.), *Handbook of child psychology* (Vol. 4, pp. 387-467). New York: Wiley.
- Hyde, J. S.** (1984a). Children's understanding of sexist language. *Developmental Psychology*, 20,697-706.
- Hyde, J. S.** (1984b). How large are gender differences in aggression: A developmental meta-analysis. *Developmental Psychology*, 20,722-736.
- Hyde, J. S.** (1986). Gender differences in aggression. In J. A. Hyde & M. C. Linn (Eds.), *The psychology of gender: Advances through meta-analysis*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Hyde, J. S.** (1991). *Half the human experience: The psychology of women* (4th ed.). Lexington, MA: D. C. Heath and Company.
- Hyde, J. S.** (1992). Gender and sex: So what has meta-analysis done for me? *The Psychology Teacher Network Newsletter*, 2,2-6.
- Hyde, J. S., Fennema, E., & Lamon, S. J.** (1990b). Gender comparisons of mathematics attitudes and affect: A meta-analysis. *Psychology of Women Quarterly*, 14,299-324.
- Hyde, J. S., & Frost, L. A.** (1993). Meta-analysis in the psychology of women. In F. L. Denmark & M. A. Paludi (Eds.), *Psychology of women: A handbook of issues and theories* (pp. 67-104). Westport, CT: Greenwood Press.
- Hyde, J. S., & Linn, M. C.** (1986). *The psychology of gender: Advances through meta-analysis*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Hyde, J. S., Rosenberg, B. G., & Behrman, J.** (1977). Tomboyism. *Psychology of Women Quarterly*, 2,73-75.
- Ickovics, J. R.** (1989). Is any job better than no job at all? The social psychological consequences of underemployment for women. *Dissertation Abstracts International*, 50,5926B. (University Microfilms No. 90-09,214).
- Ilgen, D. R., & Youtz, M. A.** (1986). Factors affecting the evaluation and development of minorities in organizations. *Personnel and Human Resources Management*, 4,307-337.
- Ilyas, Q. S. M.** (1990). Determinants of perceived role conflict among women in Bangladesh. *Sex Roles*, 22,237-248.
- Ishii-Kuntz, M.** (1993). Japanese fathers: Work demands and family roles. In J. C. Hood (Ed.), *Men, work, and family* (pp. 45-67). Newbury Park, CA: Sage.
- Jacklin, C. N.** (1989). Female and mate: Issues of gender. *American Psychologist*, 44,127-133.
- Jacobs, J. A.** (1992). Women's entry into management: Trends in earnings, authority, and values among salaried managers. *Administrative Science Quarterly*, 37,282-301.

- Jacobs, J. A., & Steinberg, R.** (1990). Compensating differentials and the male-female wage gap: Evidence from the New York State Comparable Worth Study. *Social Forces*, 69,439-468.
- Jankowiak, W.** (1992). Father-child relations in urban China. In B. S. Hewlett (Ed.), *Father-child relations: Cultural and biosocial contexts* (pp. 345-363). New York: Aldine de Gruyter.
- Johnson, J., & Ettema, J. S.** (1962). *Positive images: Breaking stereotypes with children's television*. Beverly Hills: Sage.
- Johnson, J. T., & Shulman, G. A.** (1983). More alike than meets the eye: Perceived gender differences in subjective experience and its display. *Sex Roles*, 19,67-79.
- Jones, B. H., & McNamara, K.** (1991). Attitudes toward women and their work roles: Effects of intrinsic and extrinsic religious orientations. *Sex Roles*, 24,21-29.
- Jones, G. P., & Dembo, M. H.** (1989). Age and sex role differences in intimate friendships during childhood and adolescence. *Merrill-Palmer Quarterly*, 35,445-462.
- Junn, E. N., Beason, K., Endo, E., Von Rotz, D., & Lacayo, A.** (1994, August). *Portrayals of love, marriage, and sexuality in Walt Disney's animated films*. Paper presented at the American Psychological Association meeting, Los Angeles.
- Kagan, J.** (1964). Acquisition and significance of sex-typing and sex-role concepts and attitudes. In M. L. Hoffman & L. W. Hoffman (Eds.), *Review of child development research*. New York: Sage.
- Kahneman, D., Slovic, P., & Tversky, A.** (1982). *Judgment under uncertainty: Heuristics and biases*. New York: Cambridge University Press.
- Kalin, R., & Tilby, R.** (1978). Development and validation of a sex-role ideology scale. *Psychological Report*, 42, 731-738.
- Kanter, R. M.** (1976). The impact of hierarchical structures on the work behavior of women and men. *Social Problems*, 23, 415-430.
- Kanter, R. M.** (1977). *Men and women of the corporation*. New York: Basic Books.
- Kapian, A., Brooks, B., McComb, A. L., Shapiro, E. R., & Sodano, A.** (1983). Women and anger in psychotherapy. *Women and Therapy*, 2,29-40.
- Katzenstein, M. F.** (1989). Organizing against violence: Strategies of the Indian women's movement. *Pacific Affairs*, 62,53-71.
- Kenrick, O. T.** (1987). Gender, genes, and the social environment: A biosocial interactionist perspective. In P. Shaver & C. Hendrick (Eds.), *Sex and gender: Review of personality and social psychology* (Vol. 7, pp. 14-43). Beverly Hills, Sage.
- Kenrick, D. T.** (1988). Biology: Si! Hard-wired ability: Maybe no. *Behavioral and Brain Sciences*, 11, 199-200.
- Kerig, P. K., Alyoshina, Y. Y., & Volovich, A. S.** (1993). Gender-role socialization in contemporary Russia. *Psychology of Women Quarterly*, 17, 389-408.
- Kibria, N., Barnett, R. C., Baruch, G. K., & Marshall, N. L.** (1990). Homemaking-role quality and the psychological well-being and distress of employed women. *Sex Roles*, 22, 327-347.
- Kilmartin, C. T.** (1994). *The masculine self*. New York: Macmillan.
- Kimball, M. M.** (1986). Television and sex role attitudes. In T. Williams (Ed), *The impact of television: A natural experiment in three communities*. Orlando, FL: Academic Press.
- Kimmel, M. S.** (1987). The contemporary 'crisis' of masculinity in historical perspective. In H. Brod (Ed.), *The making of masculinities* (pp. 121-154). Boston, MA: Alien & Unwin.

- Kimmel, M. S.** (1992). Issues for men in the 1990's. *University of Miami Law Review*, 48,671-683.
- Kimmel, M. S.** (1994). Masculinity as homophobia: Fear, shame, and silence in the construction of gender identity. In H. Brod and M. Kaufman (Eds.), *Theorizing masculinities* (pp. 119-141). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Kimmel, M. S., & Kaufman, M.** (1994). Weekend warriors: The new men's movement. In H. Brod and M. Kaufman (Eds.), *Theorizing masculinities* (pp. 274-288). Thousand Oaks, CA: Sage.
- King, W. C., Jr., Miles, E. W., & Kniska, J.** (1991). Boys will be boys (and girls will be girls): The attribution of gender role stereotypes in a gaming situation. *Sex Roles*, 25,607-623.
- Kite, M. E., & Deaux, K.** (1987). Gender belief systems: Homosexuality and the implicit inversion theory. *Psychology of Women Quarterly*, 11,83-96.
- Kohlberg, L. A.** (1966). A cognitive-development analysis of children's sex-role concepts and attitudes. In E. E. Maccoby (Ed.), *The development of sex differences* (pp. 82-172). Stanford, CA: Stanford University Press.
- Konrad, A. M., & Cannings, K.** (1993, May). Climbing the management hierarchy: Does *family really have more impact on women* ? Paper presented at the annual meeting of the Eastern Academy of Management, Providence, RI.
- Konrad, A. M., & Cannings, K.** (1994). Of mommy tracks and glass ceilings: A case study of men's and women's careers in management. *Relations industrielles*, 49,303-334.
- Konrad, A. M., & Pfeffer, J.** (1991). Understanding the hiring of women and minorities in educational institutions. *Sociology of Education*, 64,141-157.
- Kopper, B. A., & Epperson, D. L.** (1991). Women and anger: Sex and sex-role comparisons in the expression of anger. *Psychology of Women Quarterly*, 15, 7-14.
- Kottke, J. L.** (1988). Can androgyny be assessed with a single scale? *Psychological Reports*, 63,987-991.
- Krause, N.** (1983). Conflicting sex-role expectations, housework dissatisfaction, and depressive symptoms among full-time housewives. *Sex Roles*, 9,1115-1125.
- Kuhn, D., Nash, S., & Brucken, L.** (1978). Sex role concepts of two- and three-year-olds. *Child Development*, 49,445-451.
- Kupers, T. A.** (1993). *Revisioning men's lives: Gender, intimacy, and power*. New York: Guilford Press.
- Kushell, E., & Newton, R.** (1986). Gender, leadership style, and subordinate satisfaction: An experiment. *Sex Roles*, 14,203-209.
- LaCroix, A. Z., & Haynes, S. G.** (1987). Gender differences in the health effects of workplace roles. In R. C. Bamett, L. Biener, & G. K. Baruch (Eds.), *Gender and stress* (pp. 96-121).
- LaFromboise, T. D., Heyle, A. M., & Ozer, E. J.** (1990). Changing and diverse roles of women in American Indian cultures. *Sex Roles*, 22,455-486.
- Lagerspetz, K. M. J., Bjorkqvist, K., & Peltonen, T.** (1988). Is indirect aggression typical of females? Gender differences in aggressiveness in 11- to 12-year-old children. *Aggressive Behavior*, 14, 403-414.
- Lamb, M. E.** (1981). Father and child development: An integrative overview. In M. E. Lamb (Ed.), *The role of the father in child development* (pp. 1-70). New York: Wiley.
- Lamb, M. E., Frodi, A. M., Hwang, C. P., Frodi, M., & Steinberg, J.** (1982). Mother- and father-infant interaction involving play and holding in traditional and nontraditional Swedish families. *Developmental Psychology*, 18, 215-221.

- Langlois, J. H., & Downs, A. C.** (1980). Mothers, fathers, and peers and socialization agents of sex-typed play behaviors in young children. *Child Development, 51*,1237-1247.
- Lapiere, R. T.** (1934). Attitudes vs. action. *Social Forces, 13*, 230-237.
- Larwood, L, Sz wajkowski, E., & Rose, S.** (1988). Sex and race discrimination resulting from manager-client relationships: Applying the rational bias theory of managerial discrimination. *Sex Roles, 18*,9-29.
- Latane, B.** (1981). The psychology of social impact. *American Psychologist, 36*,343-356.
- Lavine, L. O., & Lombardo, J. P.** (1984). Self-disclosure: Intimate and nonintimate disclosures to parents and best friends as a function of Bem sex-role category. *Sex Roles, 11*,760-768.
- Lawrence, F., Draughn, P., Tasker, G., & Wozniak, P.** (1987). Sex differences in household labor time: A comparison of rural and urban couples. *Sex Roles, 17*, 489-601.
- Lebra, T. S.** (1984). *Japanese women: Constraint and fulfillment*. Honolulu: University of Hawaii.
- Leinbach, M. D., & Fagot, B. I.** (1986). Acquisition of gender labels: A test for toddlers. *Sex Roles, 15*, 655-666.
- Lemkau, J. P., & Landau, C.** (1986). The 'selfless syndrome': Assessment and treatment considerations. *Psychotherapy, 23*,227-233.
- Lerner, M. J.** (1980). *The belief in a just world: A fundamental delusion*. New York: Plenum Press.
- Liben, L. S., & Signorella, M. L.** (1980). Gender-related schemata and constructive memory in children. *Child Development, 51*,563-574.
- Linn, M. C.** (1985). Gender equity in computer learning environments. *Computers and the Social Sciences, 1*,19-27.
- Linn, M. C.** (1986). Meta-analysis of studies of gender differences: Implications and future directions. In J. S. Hyde & M. C. Linn (Eds.), *The psychology of gender: Advances through meta-analysis* (pp. 210-232). Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Linn, M. C., & Peterson, A. C.** (1986). A meta-analysis of gender differences in spatial ability: Implications for math and science achievement. In J. S. Hyde & M. C. Linn (Eds.), *The psychology of gender: Advances through meta-analysis* (pp. 67-101). Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Lips, H. M.** (1991). *Women, men, and power*. Mountain View, CA:Mayfield.
- Lipse y, M. W., & Wilson, D. B.** (1993). The efficacy of psychological, educational, and behavioral treatment. *American Psychologist, 48*,1181-1209.
- Lott, B.** (1991). Social psychology: Humanist roots and feminist future. *Psychology of Women Quarterly, 15*,505-519.
- Lott, B., & Maluso, D.** (1993). The social learning of gender. In A. E. Beall & R. J. Sternberg (Eds.), *The psychology of gender* (pp. 99-126). New York: Guilford Press.
- Lovdal, L. T.** (1989). Sex role messages in television commercials: An update. *Sex Roles, 21*, 715-724.
- Maccoby, E. E.** (1990). Gender and relationships: A developmental account. *American Psychologist, 45*, 513-520.
- Maccoby, E. E., & Jacklin, C. N.** (1974). *The psychology of sex differences*. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Maccoby, E. E., & Jacklin, C. N.** (1987). Gender segregation in childhood. *Advances in Child Development and Behavior*, 20, 239-287.
- MacKay, D.** (1980). Prescriptive grammar and the pronoun problem. *American Psychologist*, 35, 444-449.
- Major, B., Feinstein, J., & Crocker, J.** (1994). Attributional ambiguity of affirmative action. *Basic and Applied Social Psychology*, 15, 113-142.
- Majors, R.** (1990). Cool pose: Black masculinity and sports. In M. A. Messner & D. F. Sabo (Eds.), *Sport, men, and the gender order: Critical feminist perspective* (p. 109-113). Champaign, IL: Human Kinetics Books.
- Majors, R., & Billson, J. M.** (1992). *Cool pose*. New York: Lexington.
- Mansfield, P. K., Koch, P. B., Henderson, J., Vicary, J. R., Cohn, M., & Young, E. W.** (1991). The job climate for women in traditionally male blue-collar occupations. *Sex Roles*, 25, 63-79.
- Margolis, D. R.** (1993). Women's movements around the world: Cross-cultural comparisons. *Gender and Society*, 7, 379-399.
- Markus, H., & Zajonc, R. B.** (1985). The cognitive perspective in social psychology. In G. Lindzey & E. Aronson (Eds.), *Handbook of social psychology* (3rd ed., Vol. 1). New York: Random House.
- Martin, B. A.** (1989). Gender differences in salary expectations when current salary information is provided. *Psychology of Women Quarterly*, 13, 87-96.
- Martin, C. L.** (1989). Children's use of gender-related information in making social judgments. *Developmental Psychology*, 35, 80-88.
- Martin, C. L.** (1990). Attitudes and expectations about children with nontraditional and traditional gender roles. *Sex Roles*, 22, 151-165.
- Martin, C. L.** (1993). Theories of sex typing: Moving toward multiple perspectives. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 58, 75-85.
- Martin, C. L., & Halverson, C. F., Jr.** (1981). A schematic processing model of sex typing and stereotyping in children. *Child Development*, 52, 1119-1134.
- Martin, C. L., & Halverson, C. F., Jr.** (1983 a). The effects of sex-typing schemas on young children's memory. *Child Development*, 54, 563-574.
- Martin, C. L., & Halverson, C. F., Jr.** (1983 b). Gender constancy: A methodological and theoretical analysis. *Sex Roles*, 9, 775-790.
- Martinko, M. J., & Gardner, J.** (1983). A methodological review of sex-related access discrimination problems. *Sex Roles*, 9, 825-839.
- Massengill, D., & DiMarco, N.** (1979). Sex-role stereotypes and requisite management characteristics: A current replication. *Sex Roles*, 5, 561-569.
- Matsumoto, D.** (1994). *People: Psychology from a cross-cultural perspective*. Belmont, CA: Brooks-Cole.
- Matyas, M. L.** (1987). Keeping undergraduate women in science and engineering: Contributing factors and recommendations for action. In J. Z. Daniels & J. B. Kahle (Eds.), *Contributions to the fourth GASAT conference* (Vol. 3, pp. 112-122). Washington, DC: National Science Foundation.
- Maupin, R. J.** (1993). How can women's lack of upward mobility in accounting firms be explained? *Group and Organization Management*, 18, 132-152.
- McAdoo, H. P.** (1983). Societal stress: The black family. In H. C. McCubbin & C. R. Figley (Eds.), *Stress and the family* (pp. 178-187). New York: Brunner/Mazel.
- McAninch, C. B., Manolis, M. B., Milich, R., & Harris, M. J.** (1993). Impression formation in children: Influence of gender and expectancy. *Child Development*, 64, 1492-1506.

- McGhee, P. E., & Frueh, T.** (1980). Television viewing and the learning of sex role stereotypes. *Sex Roles, 6*, 179-188.
- McHugh, M. C., Koeske, R. D., & Frieze, I. H.** (1986). Issues to consider in conducting nonsexist psychological research: A guide for researchers. *American Psychologist, 41*, 879-890.
- Meehan, A. M., & Janik, L. M.** (1990). Illusory correlation and the maintenance of sex role stereotypes in children. *Sex Roles, 22*, 83-95.
- Messner, M.** (1987). The meaning of success: The athletic experience and the development of male identity. In H. Brod (Ed.), *The making of masculinities: The new men's studies* (pp. 193-210). Boston: Alien & Unwin.
- Miller, C. L.** (1987). Qualitative differences among gender-stereotyped toys: Implications for cognitive and social development in girls and boys. *Sex Roles, 16*, 473-487.
- Mischel, W.** (1970). Sex typing and socialization. In P. H. Mussen (Ed.), *Carmichael's manual of child psychology* (Vol.2). New York: Wiley.
- Model, S.** (1982). Housework by husbands: Determinants and implications. In J. Aldous (Ed.), *Two paychecks: Life in dual-earning families* (pp. 193-206). Beverly Hills: Sage.
- Moghaddam, F. M., Taylor, D. M., & Wright, S. C.** (1993). Social psychology in cross-cultural perspective. New York: Freeman.
- Moore, M. L.** (1992). The family as portrayed on prime-time television, 1947-1990: Structure and characteristics. *Sex Roles, 26*, 41-61.
- Morrison, A. M., White, R. P., & Van Velsor, E.** (1987). *Breaking the glass ceiling: Can women reach the top of America's largest corporations?* New York: Addison-Wesley.
- Moscovici, S.** (1985). Social influence and conformity. In G. Lindzey & E. Aronson (Eds.), *The handbook of social psychology* (3rd ed., Vol. 2), pp. 347-412. New York: Random House.
- Munroe, R. H., Shimmin, H. S., & Munroe, R. L.** (1984). Gender understanding and sex role preference in four cultures. *Developmental Psychology, 20*, 673-682.
- Munroe, R. L., & Munroe, R. H.** (1975). Cross-cultural human development. Monterey, CA: Brooks/Cole.
- Munroe, R. L., & Munroe, R. H.** (1992). Fathers in children's environments: A four culture study. In B. S. Hewlett (Ed.), *Father-child relations: Cultural and biosocial contexts* (pp. 213-230). New York: Aldine de Gruyter.
- Murrell, A. J., Dietz-Uhler, B. L., & Aovidio, J. F.** (1994). Aversive racism and resistance to affirmative action. *Basic and Applied Social Psychology, 15*, 71-86.
- Myers, D. G.** (1990). Social psychology (3rd ed.). New York: McGraw-Hill.
- Nacoste, R. B.** (1990). Sources of stigma: Analyzing the psychology of affirmative action. *Law and Policy, 12*, 175-195.
- National Research Council.** (1990). *Who cares for America's children: Child care policy for the 1990's*. Washington, DC: National Academy Press.
- Nelson, D. L., Quick, J. C., Hitt, M. A., & Moesel, D.** (1990). Politics, lack of career progress, and work/home conflict: Stress and strain for working women. *Sex Roles, 23*, 169-184.
- Newport, F.** (1993, October). Americans now more likely to say: Women have it harder than men. *The Gallup Poll Monthly*.
- Nieva, V. G., & Gutek, B. A.** (1981). *Women and work: A psychological perspective*. New York: Praeger.

- Nisbett, R. E., & Ross, L.** (1980). *Human inference: Strategies and shortcomings*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Nkomo, S. M., & Cox, T., Jr.** (1989). Gender differences in the upward mobility of black managers: Double whammy or double advantage? *Sex Roles, 21*, 825-839.
- Nsamenang, B. A.** (1992). Perceptions of parenting among the Nso of Cameroon. In B. S. Hewlett (Ed.), *Father-child relations: Cultural and biosocial contexts* (pp 321-344). New York: Aldine de Gruyter.
- Nussbaum, M.** (1992). Human functioning and social justice: In defense of Aristotelian essentialism. *Political Theory, 20*, 202-246.
- Okin, S. M.** (1989). *Justice, gender, and the family*. New York: Basic Books.
- O'Leary, V. E., Unger, R. K., & Wallston, B. S.** (Eds.). (1985). *Women, gender and social psychology*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Olson, J. E., & Frieze, I. H.** (1987). Income determinants for women in business. In A. H. Stromberg, L. Larwood, & B. A. Gutek (Eds.), *Women and work: An annual review* (Vol. 2, pp. 173-206). Newbury Park, CA: Sage.
- O'Neil, J. M.** (1990). Assessing men's gender role conflict. In D. Moore & F. Leafgren (Eds.), *Problem solving strategies and interventions for men in conflict* (pp. 23-38). Alexandria, VA: American Association for Counseling and Development.
- O'Neil, J. M., & Egan, J.** (1992). Men's and women's gender role journeys: A metaphor for healing, transition, and transformation. In B. R. Wainrib (Ed), *Gender issues across the life cycle* (pp. 107-123). New York: Springer-Verlag.
- O'Neil, J. M., Good, G. E., & Holmes, S.** (1995). Fifteen years of theory and research on men's gender role conflict: New paradigms for empirical research. In R. Levant and W. Pollack (Eds.), *Foundations for anew psychology of men*. New York: Basic Books.
- O'Neil, J. M., Helms, B. J., Gable, R. K., David, L., & Wrightsman, L. S.** (1986). Gender-role conflict scale: College men's fear of femininity. *Sex Roles, 14*, 335-350.
- O'Neil, J. M., & Roberts Carroll, M.** (1987). *A six day workshop on gender conflict and strain: Helping men and women take the gender role journey*. Storrs, CT: University of Connecticut, Department of Educational Psychology, Counseling Psychology Program. (ERIC Document Reproduction Service No. ED 275 963).
- O'Neil, J. M., & Roberts Carroll, M.** (1988a). *Evaluation of gender role workshop: Three years of follow up data*. Storrs, CT: University of Connecticut, Department of Educational Psychology, Counseling Psychology Program. (ERIC Document Reproduction Service No. ED 287121).
- Orlofsky, J. L.** (1977). Sex-role orientation, identity formation, and self-esteem in college men and women. *Sex Roles, 3*, 561-575.
- Oskamp, S.** (1991). *Attitudes and opinions*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Padavic, I., & Reskin, B. F.** (1990). Men's behavior and women's interest in blue-collar jobs. *Social Problems, 37*, 613-627.
- Parke, R. D., & Neville, B.** (1987). Teenage fatherhood. In S. L. Hofferth & C. D. Hayes (Eds.), *Risking the future: Adolescent sexuality, pregnancy, and childbearing* (pp. 145-173). Washington, DC: National Academy Press.
- Parke, R. D., & Tinsley, B. R.** (1981). The father's role in infancy: Determinants of involvement in caregiving and play. In M. E. Lamb (Ed.), *The role of the father in child development* (pp. 429-457). New York: Wiley.
- Parsons, J. E, Kaczala, C. M., & Meece, J. L.** (1982). Socialization of achievement attitudes and beliefs: Classroom influences. *Child Development, 53*,322-339.

- Pedersen, F. A., Andersen, B. J., & Cain, R. L.** (1980). Parent-infant and husband-wife interactions observed at age 5 months. In F. A. Pedersen (Ed.), *The father-infant relationship: Observational studies in the family setting* (pp. 71-86). New York: Praeger.
- Pena, M.** (1991). Class, gender, and machismo: The 'treacherous women' folklore of Mexican male workers. *Gender and Society*, 5,30-46.
- Peplau, L. A., & Gordon, S. L.** (1983). The intimate relationships of lesbians and gay men. In E. R. Allgeier & N. B. McCormick (Eds.), *Changing boundaries: Gender roles and sexual behavior* (pp. 226-244). Palo Alto, CA: Mayfield.
- Peretti, P. O., & Sydney, T. M.** (1985). Parental toy choice stereotyping and its effects on child toy preference and sex-role typing. *Social Behavior and Personality*, 12,213-216.
- Perry, D. G., Perry, L. C., & Weiss, R. J.** (1989). Sex differences in the consequences that children anticipate for aggression. *Developmental Psychology*, 25,312-319.
- Pfost, K. S., & Fiore, M.** (1990). Pursuit of nontraditional occupations: Fear of success or fear of not being chosen. *Sex Roles*, 23,15-24.
- Phares, V.** (1992). Where's poppa? The relative lack of attention to the role of fathers in child and adolescent psychopathology. *American Psychologist*, 47,656-664.
- Phelan, S.** (1993). (Be) Coming out: Lesbian identity and politics. *Signs*, 18, 765-790.
- Piercy, M.** (1976). *Woman on the edge of time*. New York: Fawcett Crest.
- Pike, R.** (1954). *Language in relation to a united theory of human behavior*. Glendale, CA: Summer Institute of Linguistics.
- Piliavin, J. A., Dovidio, J. F., Gaertner, S. L., & Clark, R. D., III** (1981). *Emergency intervention*. New York: Academic Press.
- Piliavin, J. A., & Unger, R. K.** (1985). The helpful but helpless female: A myth or reality? In V. E. O'Leary, R. K. Unger, & B. S. Wallston (Eds.), *Women, gender and social psychology* (pp. 149-189). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Pitcher, E., & Schultz, L.** (1983). *Boys and girls at play: The development of sex roles*. New York: Bergin & Garvey.
- Pleck, J. H.** (1977). The work-family role system. *Social Problems*, 24,417-428.
- Pleck, J. H.** (1978). Males' traditional attitudes toward women: Contemporary issues in research. In J. Sherman and F. Denmark (Eds.), *The psychology of women: New directions in research* (pp. 617-644). New York: Psychological Dimensions.
- Pleck, J. H.** (1981, September). Prisoners of manliness. *Psychology Today*, pp. 69-80.
- Pleck, J. H.** (1983). Husbands' paid work and family roles: Current research issues. In H. Z. Lopata & J. H. Pleck (Eds.), *Research in the interweave of social roles: Families and jobs* (Vol. 3, pp. 251-333). Greenwich, CT: JAI Press.
- Pleck, J. H.** (1985). *Working wives/Working husbands*. Beverly Hills: Sage.
- Pleck, J. H.** (1987). The theory of male sex-role identity: Its rise and fall, 1936 to the present. In H. Brod (Ed.), *The making of masculinities* (pp. 21-38). Boston: Alien & Unwin.
- Pleck, J. H.** (1993). Are 'family-supportive' employer policies relevant to men? In J. C. Hood (Ed.), *Men, work, and family* (pp. 217-237). Newbury Park, CA: Sage.
- Pleck, J. H., Sonenstein, F. L., & Ku, L. C.** (1993a). Masculinity ideology and its correlates. In S. Oskamp & M. Costanzo (Eds.), *Gender issues in contemporary society* (pp. 85-110). Newbury Park, CA: Sage.

- Plumb, P., & Cowan, G.** (1984). A developmental study of de-stereotyping and androgynous activity preferences of tomboys, nontomboys, and males. *Sex Roles, 10*, 703-712.
- Pomerleau, A., Bolduc, G. M., & Cossette, L.** (1990). Pink or blue: Environmental gender stereotypes in the first two years of life. *Sex Roles, 22*, 359-367.
- Powell, G. N.** (1987). *Women and men in organizations*. Newbury Park, CA: Sage.
- Powell, G. N.** (1990). One more time: Do female and male managers differ? *Academy of Management Executive, 4*, 68-75.
- Powell, G. N., & Butterfield, D. A.** (1984). If 'good managers' are masculine, what are 'bad managers?' *Sex Roles, 10*, 477-484.
- Powlishta, K. K.** (1990, April). *Children's biased views of male and female traits*. Paper presented at the second annual convention of the American Psychological Society, Dallas.
- Purcell, P., & Stewart, L.** (1990). Dick and Jane in 1989. *Sex Roles, 22*, 177-185.
- Putnam, L. L., & McCallister, L.** (1980). Situational effects of task and gender on nonverbal display. In D. Nimmo (Ed.), *Communication yearbook, 4*. New Brunswick, NJ: Transaction.
- Quattrone, G. A.** (1986). On the perception of a group's variability. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (2nd ed., pp. 25-48). Chicago: Nelson-Hall.
- Rachels, J.** (1993). *The elements of moral philosophy* (2nd ed.). New York: McGraw-Hill.
- Raymond, C. L., & Benbow, C.** (1986). Gender differences in mathematics: A function of parental support and student sex typing? *Developmental Psychology, 22*, 808-819.
- Reid, H. M., & Fine, G. A.** (1992). Self-disclosure in men's friendships: Variations associated with intimate relations. In P. M. Nardi (Ed.), *Men's friendships* (pp. 132-152). Newbury Park, CA: Sage.
- Repetti, R. L., Matthews, K. A., & Waldron, I.** (1989). Employment and women's health: Effects of paid employment on women's mental and physical health. *American Psychologist, 44*, 1394-1401.
- Riggio, R. E., & Zimmerman, J.** (1991). Social skills and interpersonal relationships: Influences on social support seeking. In W. H. Jones & D. Perlman (Eds.), *Advances in personal relationships* (Vol. 2, pp. 133-155). London: Jessica Kingsley.
- Roberts, D., & Bachen, C.** (1981). Mass communication effects. *Annual Review of Psychology, 32*, 307-356.
- Rogers, S. C.** (1985). Gender in Southwestern France: The myth of male dominance revisited. *Anthropology, 9*, 65-86.
- Rogoff, B.** (1981). The relation of age and sex to experiences during childhood in a highland community. *Anthropology UCLA, 11*, 25-41.
- Rosario, L.** (1982). The self-perception of Puerto Rican women toward their societal roles. In R. E. Zambrana (Ed.), *Work, family, and health: Latina women in transition* (pp. 95-107). New York: Hispanic Research Center.
- Rosenthal, R.** (1991). *Meta-analytic procedures for social research* (rev. ed.). Newbury Park, CA: Sage.
- Rose, L. D.** (1977). The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 10, pp. 174-214). New York: Academic Press.

- Rubin, J. Z., Pruitt, D. G., & Kim, S. H.** (1994). *Social conflict: Escalation, stalemate, and settlement* (2nd ed.). New York: McGraw-Hill.
- Ruble, D. N., Balaban, T., & Cooper, J.** (1981). Gender constancy and the effects of sex-typed televised toy commercials. *Child Development, 52*, 667-673.
- Ruble, D. N., & Ruble, T. L.** (1982). Sex stereotypes. In A. G. Miller (Ed.), *In the eye of the beholder: Contemporary issues in stereotyping* (pp. 188-252). New York: Praeger.
- Ruble, D. N., & Stangor, C.** (1986). Stalking the elusive schema: Insights from developmental and social-psychological analyses of gender schemas. *Social Cognition, 4*, 227-261.
- Ruble, T. L., Cohen, R., & Ruble, D. N.** (1984). Sex stereotypes: Occupational barriers for women. *American Behavioral Scientist, 27*, 339-356.
- Russell, G.** (1978). The father role and its relation to masculinity, femininity, and androgyny. *Child Development, 49*, 1174-1181.
- Russell, G.** (1986). Primary caretaking and role-sharing fathers. In M. E. Lamb (Ed.), *The father's role: Applied perspectives*, (pp. 29-57). New York: Wiley.
- Russell, G., & Radin, N.** (1983). Increased paternal participation: The father's perspective. In M. E. Lamb & A. Sagi (Eds.), *Fatherhood and family policy* (pp. 139-166). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Rytina, N.** (1983). Tenure as a factor in the male-female earnings gap. *Monthly Labor Review, 107*, 32-34.
- Sabo, D., & Jansen, S. C.** (1992). Images of men in sport media: The social reproduction of gender order. In S. Craig (Ed.), *Men, masculinity, and the media* (pp. 169-186). Beverly Hills, CA: Sage.
- Sadker, M., & Sadker, D.** (1982). *Sex equity handbook for schools*. New York: Longman.
- Saurer, M. K., & Eisler, R. M.** (1990). The role of masculine gender role stress in expressivity and social support network factors. *Sex Roles, 23*, 261-271.
- Scarr, S.** (1984). *Mother care, other care*. New York: Basic Books.
- Scarr, S., & McCartney, K.** (1983). How people make their own environments: A theory of genotype-environment effects. *Child Development, 54*, 424-435.
- Schein, V. E., Mueller, R., & Jacobson, C.** (1989). The relationship between sex role stereotypes and requisite management characteristics among college students. *Sex Roles, 20*, 103-111.
- Seavey, C., Katz, P., & Zalk, S.** (1975). Baby X: The effect of gender labels on adult responses to infants. *Sex Roles, 1*, 103-109.
- Sedney, M. A.** (1989). Conceptual and methodological sources of controversies about androgyny. In R. K. Linger (Ed), *Social constructions of gender*. Amityville, NY: Baywood Press.
- Seginer, R., Karayanni, M., & Mar'i, M.** (1990). Adolescents' attitudes toward women's role: A comparison between Israeli Jews and Arabs. *Psychology Women Quarterly, 14*, 119-133.
- Serbin, L. A., Powlishta, K. K., & Gulko, J.** (1993). The development of sex typing in middle childhood. *Monographs of the Society for Research in Child Development, 58*, 1-74.
- Shaffer, D. R., Pegalis, L., & Cornell, D. P.** (1991). Interactive effects of social context and sex role identity on female self-disclosure during the acquaintance process. *Sex Roles, 24*, 1-19.

- Shakin, M., Shakin, D., & Stemglanz, S. H.** (1985). Infant clothing: Sex labeling for strangers. *Sex Roles, 12*, 955-964.
- Shaver, P., & Freedman, J.** (1976, October). Your pursuit of happiness. *Psychology Today*, pp. 26-29, 31-32, 75.
- Shehan, C. L.** (1984). Wives' work and psychological well-being: An extension of Gove's social role theory of depression. *Sex Roles, 17*, 881-888.
- Shelton, B. A., & John, D.** (1993). Ethnicity, race, and difference: A comparison of white, black, and hispanic men's household labor time. In J. C. Hood (Ed.), *Men, work, and family* (pp. 131-150). Newbury Park, CA: Sage.
- Sherif, M.** (1937). An experimental approach to the study of attitudes. *Sociometry, 1*, 90-98.
- Sherrod, D.** (1989). The influence of gender on same-sex friendships. In C. Hendrick (Ed.), *Review of personality and social psychology: Vol. 10. Close relationships* (pp. 164-186). Newbury Park, CA: Sage.
- Shirakawa, Y., Shiralshi, T., & Sukemune, S.** (1992). Current research on gender roles in Japan. *Psychology, 35*, 193-200.
- Shumaker, S. A., & Hill, D. R.** (1991). Gender differences in social support and physical health. *Health Psychology, 10*, 102-111.
- Siavelis, R. L., & Lamke, L. K.** (1992). Instrumentalness and expressiveness: Predictors of heterosexual relationship satisfaction. *Sex Roles, 26*, 149-159.
- Sidorowicz, L S., & Lunney, G. S.** (1980). Baby X revisited. *Sex Roles, 6*, 67-73.
- Siemienska, R.** (1986). Women and social movements in Poland. *Women & Politics, 6*, 5-35.
- Signorielli N.** (1989). Television and conceptions about sex roles: Maintaining conventionality and the status quo. *Sex Roles, 21*, 341-360.
- Singleton, C. H.** (1987). Biological and social explanations of sex-role stereotyping. In D. J. Hargreaves & A. M. Cooley (Eds.), *The psychology of sex roles* (pp. 3-26). New York: Harper & Row.
- Smetana, J. G., & Letoumeau, K. J.** (1984). Development of gender constancy and children's sex-typed free play behavior. *Developmental Psychology, 20*, 691-696.
- Smith, M. J.** (1982). *Persuasion and human action*. Belmont, CA:Wadsworth.
- Snell, W. E., Jr.** (1989). Development and validation of the Masculine Behavior Scale: A measure of behaviors stereotypically attributed to males vs. females: *Sex Roles, 21*, 749-767.
- Snow, M. E., Jacklin, C. N., & Maccoby, E. E.** (1983). Sex-of-child differences in father-child interaction at one year of age. *Child Development, 54*, 227-232.
- Snyder, M.** (1981). On the self-perpetuating nature of social stereotypes. In D. L. Hamilton (Ed.), *Cognitive processes in stereotyping and intergroup behavior*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Snyder, R, Verderber, K. S., Langmeyer, L, & Myers, M.** (1992). A reconsideration of self and organization-referent attitudes as 'causes' of the glass ceiling effect. *Group & Organization Management, 17*, 260-278.
- Soh, C. S.** (1993). Sexual equality, male superiority, and Korean women in politics: Changing gender relations in a 'patriarchal democracy.' *Sex Roles, 28*, 73-90.
- Spence, J., & Helmrich, R.** (1981). Androgyny vs. gender schema: A comment on Bem's gender schema theory. *Psychological Review, 88*, 365-368.
- Spence, J., Helmrich, R., & Stapp, J.** (1974). The personal attributes questionnaire: A measure of sex role stereotypes and masculinity-femininity. *JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology, 4*, 43.

- Spence, J. T., & Helmrich, R.** (1978). *Masculinity and femininity: Their psychological dimensions, correlates, and antecedents*. Austin: University of Texas Press.
- Sprafkin, C., Serbia, L. A., Denier, C., & Connor, J. M.** (1983). Sex-differentiated play: Cognitive consequences and early interventions. In M. B. Liss (Ed.), *Social and cognitive skills: Sex roles and children's play*. New York: Academic Press.
- Stangor, C., & Ruble, D. N.** (1987). Development of gender role knowledge and gender constancy. In L. Liben & M. Signorella (Eds.), *Children's gender schemata* (pp. 5-22). San Francisco: Jossey-Bass.
- Stangor, C., & Ruble, D. N.** (1989). Differential influences of gender schemata and gender constancy on children's information processing and behavior. *Social Cognition*, 7, 353-372.
- Stapley, J. C., & Haviland, J. M.** (1989). Beyond depression: Gender differences in normal adolescents' emotional experiences. *Sex Roles*, 20, 295-308.
- Steeves, H. L.** (1987). Feminist theories and media studies. *Critical studies in mass Communication*, 4, 95-135.
- Steil, J. M., & Turetsky, B. A.** (1987). Marital influence levels and symptomatology among wives. In F. J. Crosby (Ed.), *Spouse, parent, worker: On gender and multiple roles* (pp. 74-90). New Haven, CT: Yale University Press.
- Steriker, A. B., & Kurdek, L. A.** (1982). Dimensions and correlates of third through eighth graders' sex-role self-concepts. *Sex Roles*, 8, 915-929.
- Storms, M. D., Stivers, M. L., Lambers, S. M., & Hill, C. A.** (1981). Sexual scripts for women. *Sex Roles*, 7, 699-707.
- Strate, L.** (1992). Beer commercials: A manual on masculinity. In S. Craig (Ed.), *Men, masculinity, and the media* (pp. 78-92). Beverly Hills: Sage.
- Sugisaki, K.** (1986). From the moon to the sun: Women's liberation in Japan. In L. B. Iglitzin & R. Ross (Eds.), *Women in the world: 1975-1985, the women's decade*. Santa Barbara, CA: ABC-Clío.
- Switzer, J. Y.** (1990). The impact of generic word choices: An empirical investigation of age-and-sex-related differences. *Sex Roles*, 22, 69-82.
- Symons, D.** (1985). Darwinism and contemporary marriage. In K. Davis (Ed.), *Contemporary marriage: Comparative perspectives on a changing institution*. New York: Russell Sage.
- Tajfel, H.** (1981). *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge, England: Cambridge University Press.
- Tajfel, H., & Turner, J. C.** (1979). An integrate theory of social conflict. In W. Austin & S. Worschel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (pp. 33-47). Monterey, CA: Brooks-Cole.
- Tavris, C.** (1992). *The mismeasure of woman*. New York: Simon & Schuster.
- Tavris, C., & Offir, C.** (1977). *The longest war: Sex differences in perspective*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Tavris, C., & Wade, C.** (1984). *The longest war: Sex differences in perspective*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Taylor, S. E.** (1981). A categorization approach to stereotyping. In D. L. Hamilton (Ed.), *Cognitive processes in stereotyping and intergroup behavior*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Thoits, P. A.** (1987). Negotiating roles. In F. J. Crosby (Ed.), *Spouse, parent, worker: On gender and multiple roles* (pp. 11-52). New Haven, CT: Yale University Press.
- Thompson, C. A.** (1992). Lesbian grief and loss issues in the coming out process. *Women and Therapy*, 12, 175-185.

- Thompson, D. F., Molison, L., & Elliot, M.** (1988). *Adult selection of children's toys*. Paper presented at the annual meeting of the Eastern Psychology Association, Buffalo, NY.
- Thompson, E. H., Jr., & Pleck, J. H.** (1986). The structure of male role norms. *American Behavioral Scientist*, 29,531-543.
- Tnorne, B., & Luria, Z.** (1986). Sexuality and gender in children's daily worlds. *Social Problems*, 33,176-190.
- Tiger, L., & Shepher, J.** (1975). *Women in the kibbutz*. New York: Harcourt Brace.
- Tilby, P. J., & Kalin, R.** (1980). Effects of sex-role deviant lifestyles in otherwise normal persons on the perception of maladjustment. *Sex Roles*, 6,581-592.
- Toch, H.** (1992). *Violent men: An inquiry into the psychology of violence*. Washington, DC: American Psychological Association.
- Torres-Matrullo, C.** (1980). Acculturation, sex-role values and mental health among mainland Puerto Ricans. In A. M. Padilla (Ed.), *Acculturation theory, modes and some new findings* (pp. 111-137). Boulder, CO: Westview Press.
- Triandis, H.C.** (1994). *Culture and social behavior*. New York: McGraw-Hill.
- Tulananda, O., Young, D. M., & Roopnarine, J. L.** (1994). Thai and American fathers' involvement with preschool-aged children. *Early Child Development and Care*, 97,123-133.
- Turner, J. C.** (1987). *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Oxford, England: Basil Blackwell.
- Turner, J. C., & Brown, R.** (1978). *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Oxford, England: Basil Blackwell.
- Turner, M. E., & Pratkanis, A. R.** (1994). Affirmative action as help: A review of recipient reactions to preferential selection and affirmative action. *Basic and Applied Social Psychology*, 15,43-70.
- Tversky, A., & Kahneman, D.** (1974). Judgment under uncertainty. *Science*, 185, 1124-1131.
- Unger, R. K.** (1988). Imperfect reflections of reality: Psychology constructs gender. In R. T. Hare-Mustin & J. Maracek (Eds.), *Making a difference: Psychology and the construction of gender* (pp. 102-149). New Haven, CT: Yale University Press.
- Unger, R. K., & Crawford, M.** (1982). *Women & Gender: A feminist psychology*. New York: McGraw-Hill.
- Unger, R. K., & Crawford, M.** (1993). Sex and gender. The troubled relationship between sex and gender. *Psychological Science*, 4,122-124.
- United Nations.** (1985). *The state of the world's women*. Oxford, England: New Internationalist Publications.
- United Nations.** (1991). *The world's women: Trends and statistics, 1970-1990*. New York: United Nations.
- U.S. Department of Commerce.** (1991). *Statistical abstracts of the United States*. Washington, DC: U.S. Department of Commerce.
- U. S. Department of Commerce.** (1993). *Statistical abstracts of the United States*. Washington, DC: U. S. Department of Commerce.
- U. S. Department of Labor.** (1990, October). *Facts on working women: Earnings differences between men and women*. Washington, DC: U. S. Department of Labor.
- U. S. Department of Labor.** (1991 a, January). *Facts on working women: Women in skilled trades and in other manual labor occupations*. Washington, DC: U. S. Department of Labor.

- U. S. Department of Labor.** (1991 b). *A report on the Glass Ceiling Initiative*. Washington, DC: U. S. Department of Labor.
- U. S. Department of Labor.** (1993). *Facts on working women: 20 facts on women workers*. Washington, DC: U. S. Department of Labor.
- Valdez, R. L., & Gutek, B. A.** (1987). Family roles: A help or hindrance for working women? In B. A. Gutek and L. Larwood (Eds.), *Women's career development* (pp. 157-169). Beverly Hills: Sage.
- Vredenburg, K., Krames, L., & Flett, G. L.** (1986). Sex differences in the clinical expression of depression. *Sex Roles, 14*,37-49.
- Wainrib, B. R.** (1992). Successful women and househusbands: The old messages die hard. *Psychotherapy in Private Practice, 11*, 11-19.
- Weisner, T. S., & Wilson-Mitchell, J. E.** (1990). Non-conventional family life-styles and sex typing in sex-year-olds. *Child Development, 61*,1915-1933.
- Welch, M. R., & Page, B. M.** (1981). Sex differences in childhood socialization patterns in African societies. *Sex Roles, 7*,1163-1173.
- Wentzel, K. R.** (1988). Gender differences in math and english achievement: A longitudinal study. *Sex Roles, 18*,691-699.
- Whiting, B. B., & Edwards, C. P.** (1988). *Children of different worlds: The formation of social behavior*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Wilder, D. A.** (1981). Perceiving persons as a group: Categorization and intergroup relations. In D. L. Hamilton (Ed.), *Cognitive processes in stereotyping and intergroup behavior*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Wiley, M. G., & Eskilson, A.** (1988). Gender and family/career conflict: Reactions of bosses. *Sex Roles, 19*, 445-465.
- Williams, E., Radin, N., & Allegro, T.** (1992). Sex role attitudes of adolescents reared primarily by their fathers: An 11-year follow-up. *Merrill-Palmer Quarterly, 38*,457-476.
- Williams, J. E., & Best, D. L.** (1986). Sex stereotypes and intergroup relations. In S. Worshel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (pp. 244-259). Chicago: Nelson-Hall.
- Williams, J. E., & Best, D. L.** (1990a). *Measuring sex stereotypes: A thirty-nation study* (rev. ed.). Beverly Hills: Sage.
- Williams, J. E., & Best, D. L.** (1990b). *Sex and psyche: Gender and self viewed cross-culturally*. Beverly Hills: Sage.
- Wilson, E. O.** (1978). *On human nature*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Wise, E., & Rafferty, J.** (1982). Sex bias and language. *Sex Roles, 8*,1189-1196.
- Wright, P. H.** (1982). Men's friendships, women's friendships and the alleged inferiority of the latter. *Sex Roles, 8*,1-20.
- Yee D., & Ecdes, J. S.** (1988). Parent perceptions and attributions for children's math achievement. *Sex Roles, 19*, 317-333.
- Zanna, M., Crosby, F., & Loewenstein, G.** (1987). Male reference groups and discontent among female professionals. In B. A. Gutek and L. Larwood (Eds.), *Woman's career development* (pp. 28-41). Beverly Hills: Sage.
- Zick, C. D., & McCullough, J. L.** (1991). Trends in married couples' time use: Evidence from 1977-78 and 1987-88. *Sex Roles, 24*, 459-487.
- Zigter, E. F., & Lang, M. E.** (1990). *Child care choices: Balancing the needs of children, families, and society*. New York: Free Press.